

Кыргызско-Российский Славянский университет
Институт стратегического анализа и прогноза
(ИСАП КРСУ)

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
БЕЗОПАСНОСТИ КЫРГЫЗСТАНА
В СВЕТЕ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА МУСУЛЬМАНСКУЮ ОБЩИНУ
СТРАНЫ**

Бишкек • 2020

УДК 351/354:297

ББК 66.3(2Ки)

Г 36

Рецензенты:

Подкуйко Ю. В., кандидат исторических наук
Акматалиева А. М., кандидат политических наук

Ответственный редактор

Салиев А. Л., доктор исторических наук

Авторский коллектив:

Омаров М. Н., кандидат исторических наук,
Асанбеков М. К., кандидат социологических наук,
Мураталиева З. Т., кандидат политических наук,
Сумарокова О. Л., доктор исторических наук,
Эсенбекова А. Т., кандидат юридических наук,
Воробьев П. С., Омаров Е. М., Таткало Н. С.,
Усенов А. М., Эржанова Э. Д.

Г 36 Геополитические аспекты безопасности Кыргызстана в свете внешнего воздействия на мусульманскую общину страны: Коллектив. монография / Отв. ред. А. Л. Салиев; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2020. – 468 с.

ISBN 978-9967-19-735-0

Монография посвящена малоизученной проблеме, связанной с освещением исламского геополитического проекта, направленного против мусульманской общины Кыргызстана и представляющего серьёзную угрозу национальной безопасности страны. В ней исследованы вопросы геополитической зависимости КР, усугубляющие внешнее воздействие со стороны стран Ближнего и Среднего Востока, Турции, Пакистана, Ирана на мусульманское сообщество КР. Проанализирована мусульманская община КР как объект внешнего воздействия, преследующего цель смены характера развития Кыргызстана, превращения его в исламское государство. Дана характеристика форм и методов внешнего воздействия геополитических субъектов на мусульман Кыргызстана. Исследованы механизмы преодоления внешнего влияния на мусульманскую общину страны в контексте обеспечения её национальной безопасности.

Материалы исследования представляют интерес для сотрудников ведомств, обеспечивающих национальную безопасность Кыргызстана, общественных организаций, а также всех интересующихся вопросами политологии и религиоведения, а могут быть использованы в учебном процессе преподавателями и студентами вузов в лекционных и специальных курсах, при выполнении дипломных и курсовых проектов.

УДК 351/354:297

ББК 66.3(2Ки)

ISBN 978-9967-19-735-0

© ИСАП КРСУ, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Принятые сокращения</i>	4
Введение	5
Глава 1. Геополитические аспекты безопасности Кыргызстана в свете воздействия внешних сил	
1.1. Геополитическая специфика Кыргызстана как объекта постоянного внешнего воздействия	25
1.2. Региональные и религиозные конфликты в современном мире как угроза национальной безопасности Кыргызстана	67
1.3. Процессы реисламизации в Кыргызстане в свете внешнего воздействия: причины, состояние и перспективы	113
Глава 2. Мусульмане Кыргызстана как объект внешнего воздействия	
2.1. Теоретические основы анализа внешних факторов, влияющих на поведение религиозных организаций	168
2.2. Вопросы идеологического воздействия на мусульман Кыргызстана	213
2.3. Информационные аспекты внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана	271
Глава 3. Формы и методы внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана и пути противодействия ему	
3.1. Религиозная составляющая турецкой политики в Кыргызстане	306
3.2. Мусульмане Кыргызстана как объект внешнего воздействия стран Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока	342
3.3. Механизмы преодоления внешнего воздействия на мусульман Кыргызстана в контексте обеспечения национальной безопасности страны	382
Заключение	425
Список использованных источников и литературы	433

Принятые сокращения

АБР	Азиатский банк развития
ББВ	«Большой Ближний Восток»
БСВ	«Ближний и Средний Восток»
ВИГ	вооруженная исламская группа
ВАММ	Всемирная ассамблея мусульманской молодежи
ДУМК	Духовное управление мусульман Кыргызстана/Казахстана
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество
ЕИДПЧ	Европейский институт содействия демократии и правам человека
ИГ/ИГИЛ	«Исламское государство»
ИДУ	Исламское движение Узбекистана
ИБР	Исламский банк развития
МАР	Международная ассоциация развития
МФО	микрофинансовая организация
НБВ	«Новый Ближний Восток»
ПНД	Партия националистического движения
ПИВТ	Партия исламского возрождения Таджикистана
САДУМ	Среднеазиатское духовное управление мусульман
ССА	Свободная сирийская армия
СИД	Союз исламского джихада
ТД	«Таблиги Джамаат»
ТИКА	Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию
ТЮРКСОЙ	Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства
ФАП	фельдшерско-акушерский пункт
ФЕТО	террористическая организация фетхуллахистов (Fethullahçı Terör Örgütü, FETO)
ХАМАС	Исламское движение сопротивления
ЦАЭС	Центрально-Азиатское экономическое сотрудничество
ЭксИмБанк	Экспортно-импортный банк (Китай)
CASA	проект «Central Asia – South Asia»
ЈІСА	Японское Агентство международного сотрудничества
НІРС/ХІПК	Инициатива по бедным странам с крупной задолженностью
RAND	Research and Development («Исследования и разработка»)
TAPI	газопровод из Туркмении в Афганистан, Пакистан и Индию

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено анализу актуальных для Кыргызстана проблем геополитических аспектов его безопасности в свете внешнего воздействия на мусульманскую общину страны. Его особенностью является исследование обозначенных проблем на фоне широкого спектра внешнего воздействия на геополитические аспекты безопасности Кыргызстана в целом. Авторы исследования исходят из того, что проблема внешнего влияния на мусульманскую общину Кыргызстана является лишь частью, хотя и весомой, внешней зависимости страны от современных мировых геополитических центров силы. Наличие этой зависимости представляет существенную угрозу национальной безопасности страны, существенно тормозящей ее развитие, преодоление которой является важнейшей стратегической задачей государства и общества Кыргызстана.

Актуальность темы исследования, таким образом, связана с возрастанием угрозы воздействия извне на мусульман Кыргызстана, позволяющая сделать вывод о попытках реализации исламского геополитического проекта, преследующего цели изменения светского характера кыргызской государственности и вывода Кыргызстана из сферы влияния Российской Федерации. Сказанное выше свидетельствует об актуальности глубокого исследования данного феномена и выработке мер по недопущению его реализации.

Целью исследования является анализ проявлений геополитических аспектов внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана, угрожающих его национальной безопасности, и выработка мер, направленных на их нейтрализацию.

Достижение поставленной цели реализуется в данном исследовании совокупностью **задач**, направленных на углубленное освещение различных ее аспектов. Прежде всего, ставится задача анализа геополитических аспектов безопасности Кыргызстана, в том числе и религиозной, в свете воздействия внешних сил как фактора, несущего угрозу его независимому существованию и требующего решения задачи стратегической важности по их преодолению. Задача заключается в том, чтобы обосновать положение, проходящее через всё содержание данного исследования, о реальном, главным образом негативном, воздействии геополитических центров силы на государство и общество Кыргызстана, в том числе на мусульманскую общину страны.

Следующей важной задачей, вытекающей из указанной выше цели, является углубленный анализ воздействия извне на мусульманскую общину Кыргызстана. Практика независимого существования страны показала, что процесс преодоления мусульманами Кыргызстана изоляции от мировой исламской уммы и вхождения в нее сопровождался, наряду с позитивными чертами, и различными явлениями негативного порядка. В совокупности они приобрели характер геополитического исламского проекта, преследующего далеко идущие геополитические цели, представляющие собой реальную угрозу национальной безопасности страны. Здесь имеются в виду пакистано-арабский (ваххабитский) и туранский (турецкий) проекты, определенные цели в реализации которых преследуют страны Запада и, прежде всего, США.

В исследовании ставится задача реальной оценки и анализа основных тенденций развития мусульманской общины постсоветского Кыргызстана в условиях внешнего давления на нее с целью оценки потенциала сопротивления этому давлению. Ставится также задача исследования на конкретном материале форм и методов внешнего воздействия на мусульман Кыргызстана, который в своей совокупности позволяет обосновать вывод о наличии реальных угроз национальной безопасности страны. Наконец, к числу задач, обосновывающих цель исследования, следует отнести задачу определения и выработки мер противодействия реализации геополитического исламского проекта, направленного против мусульман Кыргызстана.

Объектом исследования является мусульманская община Кыргызстана в свете попыток определенных зарубежных сил использовать ее для достижения собственных далеко идущих целей, угрожающих самому существованию светской, демократической государственности в нашей стране.

Субъектом исследования являются внешние силы, негативно воздействующие на геополитические аспекты безопасности Кыргызстана, использующие в этих целях ислам в рамках исламского геополитического проекта.

Предметом исследования является мусульманская община Кыргызстана, а также структуры, представляющие внешние силы, базирующиеся в странах Ближнего и Среднего Востока, Пакистане, Турции, в ряде стран Запада и преследующие цель реализации исламского геополитического проекта, направленного на установление в Кыргызстане строя исламского государства и отрыва республики от России.

Степень научной разработанности темы. Работа по обозначенной теме показала слабую исследованность

проблемы государственно-конфессиональной и негосударственной экспансии в геополитическое пространство Кыргызской Республики. Процессы внешнего воздействия на Кыргызстан в форме конфессиональной экспансии отдельных государств и негосударственных акторов, главным образом стран Ближнего и Среднего Востока, пока что не нашли должного отражения в историографии данной проблемы Кыргызстана. В настоящее время отсутствуют крупные монографические исследования по данной теме. Между тем охват этой экспансией основных сфер экономики, политики, идеологии и религии страны приобрел значительные масштабы, угрожающие национальной безопасности страны и требующие обеспечения геополитической безопасности как составной части последней. Как известно, геополитическая безопасность рассматривается «как состояние защищенности от экспансии, как система противодействия попыткам одной стороны геополитических отношений утвердить собственное доминирование за счет другой»¹.

В этой связи в исследовании как средство методологического обоснования его содержания была использована дефиниция «геополитическая экспансия», рассмотренная в ряде работ, прежде всего российских исследователей².

¹ Нефёдов С. А. Геополитическая безопасность: эволюция идейных основ (16.05.2012) // URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3611

² См.: Андрианова Т. В. Геополитическая история XX в. (социально-философские исследования). – М., 1996; Гаджиев К. С. Геополитика. – М., 1997; Даниленко И. С. Геополитика и безопасность. // Кентавр. – 1994. – № 2; Дергачев В. А. Геополитика. – Киев, 2000; Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1997; Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. – М., 2001; Колосов В. А. Российская геополитика. – М., 2000; Нартов Ю. В. Геополитика. – М., 2000; Поздняков Э. А. Геополитика. – М., 1995; Тихонравов Ю. В. Геополитика: Уч. пос. – М., 1998; Ясюков

В то же время в качестве логического обоснования данной дефиниции было исследовано и понятие «внешнее воздействие». При его характеристике за основу были взяты труды известных российских религиоведов, таких как А. В. Малашенко, К. И. Поляков, А. И. Игнатенко, И. П. Добаев, Х. Т. Курбанов, Д. В. Макаров, Ш. Аляудинов, Э. Кисриев. Опираясь на конкретные проявления геополитической экспансии стран Запада, прежде всего США, Турции, Саудовской Аравии, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов и ряда других стран, против народов Северного Кавказа, они с достаточной полнотой исследовали природу и сущность этого понятия¹.

Мусульманская община как объект внешнего воздействия исследована в работах российских ученых М. Филь и Р. Мухаметшина².

Отдельные аспекты внешнего воздействия на мусульманскую общину как системное явление описывается

М. И. Геополитика: история концепций и доктрин. – М., 1993.

¹ См.: Алиев А. К., Юсупова Г. И. Миротворчество и народная дипломатия на Северном Кавказе. – Махачкала, 2002; Аляудинов Ш. Ответы на ваши вопросы об Исламе. – Ч. 1, 2. – М., 2003. – С. 11; Добаев И. П. Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 2 (14). – С. 23; Игнатенко А. А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8). – С. 45; Курбанов Х. Т. Религиозно-политический экстремизм на северо-восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан) / Отв. ред. И. П. Добаев. – Ростов-на/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006 // URL: <https://refdb.ru/look/2437653.html>; Поляков К. И. Исламский фундаментализм в Судане. – М., 2000. – С. 124; .

² См.: Мухаметшин Р. На путях к конфессиональной политике: ислам в Татарстане (09.03.2004) // URL: <https://www.sova-center.ru/religion/publications/state-confessional/2004/03/d1889/>; Филь М. С. Мусульманские общины в политической жизни современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2006;

в работах кыргызстанских ученых, таких как К. К. Маликов, Э. Е. Усубалиев, Н. С. Таткало¹. Тем не менее с полной определенностью можно сказать об отсутствии специального исследования, целиком посвященного проблемам внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана.

В работе также были использованы законодательные акты, регулирующие религиозную сферу в Кыргызстане, и государственные программы, рассчитанные на долгосрочный период их реализации². Они характеризуют состояние законодательной базы республики, степень защищенности ею интересов мусульманской общины

¹ Маликов К. К., Усубалиев Э. С. Мусульманская община Кыргызстана и политический процесс в стране. – Бишкек, 2008; Таткало Н. С. Роль экзогенных факторов в политизации и радикализации ислама в Кыргызстане // Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана и пути ее нейтрализации. – Бишкек, 2019. – С. 184–217.

² Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г. № 282 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498>; Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. – Бишкек: Академия, 2018; Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы. Утв. Указом Президента КР от 14 ноября 2014 г. № 203 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/68294>; Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на 2013–2017 гг. // URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/1466_tekst_natsionalnoy_strategii_ustoychivogo_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_period_2013-2017_godyi/Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы; Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике: Сб. нормативно-правовых актов и мат-лов. – Бишкек, 2019; Указ Президента КР «О реализации решения Совета обороны Кыргызской Республики о государственной политике в религиозной сфере» // URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/3468_podpisan_ukaz_o_realizatsii_resheniya_soveta_oboronyi_kyrgyzskoy_respubliki_o_gosudarstvennoy_politike_v_religioznoy_sfere/

Кыргызстана от государственно-конфессиональной экспансии извне. В целом, следует отметить, что имеющаяся законодательная база в неполной мере соответствует достижению этой цели и ее доработка в этом направлении представляет собой важную задачу, рассчитанную на срочную и среднесрочную перспективу.

Специальный раздел исследования посвящен общей оценке постсоветского Кыргызстана, анализу специфических черт его развития на современном этапе его истории. Важное место уделено вопросам национальной безопасности Кыргызстана как главной цели геополитической экспансии на современном этапе его развития. Особенностью развития страны является то, что на протяжении всего периода независимости она представляла собой объект геополитической экспансии со стороны внешних сил, оказывающих существенное воздействие почти на все ключевые сферы развития Кыргызстана. Однако эта проблема в историографии Кыргызстана не нашла должного отражения и относится к числу малоизученных¹. Это

¹ Асанбеков М. Роль иностранных религиозных центров в формировании религиозной ситуации в Кыргызстане (14 июля 2016) // URL: http://mnenie.akipress.org/unews/un_post:7865; Богатырев В. М. Особенности современного транзита и проблемы идентичности // История и идентичность: Кыргызская Республика = Geschichte und Identität: Kirgisische Republik / Пер. И. Мамытова, И. Писаренко; Под ред. Ч. Исаковой, С. Шик (текст на рус. и нем. яз.). – Бишкек, 2007; Иванов С. Г. Влияние глобализационных процессов на развитие Кыргызской Республики. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2006; Иванов С. Г. Роль внешнеполитических факторов в процессах трансформации экономики Кыргызской Республики / Под ред. А. Н. Кангельдиева. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2009; Иванов С. Г. Роль России и США в процессе формирования и трансформации промышленного сектора экономики Кыргызской Республики // Вестник НГУ. Сер.: Социально-экономические науки. – 2009. – № 4. – С. 191–204 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rossii-i-ssha-v-protssesse-formirovaniya-i-transformatsii>

обстоятельство оказывает существенное негативное влияние и на мусульманскую общину страны.

В исследовании также изучена проблема реисламизации в рамках анализа процессов, происходящих в мусульманской общине Кыргызстана в постсоветский период его развития. Динамика процессов реисламизации в стране позволяет соотнести их с явлениями религиозной экспансии и, таким образом, показать их воздействие на мусульманскую общину по мере их развития. Следует отметить то, что вопросы реисламизации в Кыргызстане относятся к числу мало изученных, а сама тема реисламизации в качестве самостоятельной в историографии республики не ставилась¹.

promyshlennogo-sektora-ekonomiki-kyrgyzskoy-respubliki; Миграция А. А. Внешнеэкономические аспекты преодоления кризиса в странах Центральной Азии // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений: Сб. докл., ст. и тез. участников междунар. конф. – Бишкек, 2009; Мураталиева З. Т. Проект США по демократизации Центральной Азии: теория на практике // Вестник КРСУ. – 2015. – № 5; Муса кызы А. «Малая страна» Кыргызстан в глобальной стратегии США // Вестник КРСУ. – 2016. – № 10; Салимов Р. Ш. Исторические предпосылки демократического развития Кыргызстана и его особенности // Инновационные технологии в науке и образовании. – 2015. – № 4; Таткало Н. С. Западный проект либерализации Кыргызстана: декларируемые цели и конечный результат // Вестник КРСУ. – 2017. – № 4 (17); Таткало Н. С. О некоторых актуальных проблемах демократического транзита Кыргызстана / Под ред. А. Л. Салиева, М. Н. Омарова; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018; Тофан А. В. Формирование политической системы Кыргызской Республики в контексте внешнего влияния // Вестник КРСУ. – 2017. – Т. 17. – № 6.

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане как важного фактора стабильного и безопасного развития страны / ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018; Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана и пути ее нейтрализации /

В данном исследовании рассмотрены вопросы внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана, выступающей в постсоветский период в роли объекта, прежде всего, религиозной экспансии. В историографии страны не нашли достаточного освещения проблемы ресурсов геополитического воздействия на мусульман Кыргызстана, их виды и формы. В работе, опираясь на источники и литературу, исследованы некоторые наиболее важные формы внешнего воздействия. В частности, идеологическое воздействие на мусульманскую общину страны приняло характер государственно-конфессиональной экспансии со стороны ряда стран Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии, Турции. Идеологическое ядро экспансии составила экспансия идей исламского фундаментализма в форме ваххабизма, панисламизма и пантюркизма. Итогом геополитической экспансии явилось формирование и деятельность в Кыргызстане исламистских

ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2019; Садыхова А. А. Основные концепции и подходы к пониманию исламизации и реисламизации в зарубежной науке (Обзор интернет-ресурсов) // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11. – Вып. 3. – № 50; Сейталиева Г. «Ренессанс» ислама в независимом Кыргызстане // Вестник Евразии. – 2005. – № 3; Сумарокова О. Л. Религиозная грамотность в Кыргызстане: историческая ретроспектива и современные тенденции // Политика и религия в современном Кыргызстане: Сб. ст. / ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018; Таткало Н. С. Процесс исламского возрождения в Кыргызстане через призму возможных угроз национальной безопасности // Способы противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. ст. – Бишкек, 2019; Усенов А. М. Социализация ислама как механизм противодействия религиозному экстремизму и терроризму // Политика и религия в современном Кыргызстане: Сб. ст. / Отв. ред. А. Л. Салиев; ЦГИ ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018; Эсенаманова Н. Исламские ориентиры Кыргызстана: роль зарубежных религиозных течений // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – Т. 18. – Вып. 3–4.

террористических организаций, стремящихся на практике реализовать эти идеологические установки¹.

В последние годы существенно возросла и превратилась в важный элемент религиозной экспансии против

¹ Абдырахманов Т. Религиозная ситуация в Кыргызстане и мощьность исламской верхушки // URL: https://www.gezitter.org/society/27436_tolobek_abdyrahmanov_doktor_istoricheskikh_nauk_professor_religioznaya_situatsiya_v_kyrgyzystane_i_nemoschnost_islamskoy_verhushki/; Аскар Сабдин: К вопросу об определении современного салафизма // URL: <http://ctc-rk.kz/аскар-сабдин-к-вопросу-об-определении-с.html>; Добаев И. П. Радикальный ваххабизм как идеология религиозно-политического экстремизма // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2003. – № 2; Егоров Е. Н. Движение «Таблиги Джамаат»: идеология и специфика деятельности // Исламоведение. – 2016. – Т. 7. – № 3; Излученко Т. В. Богословие Саида Нурси как идеологическая основа российского исламизма // Философия права. – 2015. – № 4 (71); Кутманов К. «Таблиги Джамаат» и ее деятельность в Кыргызстане: муфтий будет содержать экстремистов, искажая принципы ислама? // URL: <https://paruskg.info/glavnaya/56801-56801.html>; Мамасадыков Р. А. Радикальная религиозная идеология в исламе и ее влияние на деятельность террористических и экстремистских организаций // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 2 (65); Салафиты в Кыргызстане // URL: <https://rus.azattyk.org/a/28269721.html>; Свобода религиозных и иных убеждений в Кыргызской Республике: практика правового регулирования в соотношении с конституционными и международными стандартами: Пособие для судей, прокуроров, адвокатов, следователей и других работников правоохранительных органов. – Бишкек, 2018; Сикоев Р. Р. Панисламизм: Истоки и современность. Джамалуддин Афгани и его религиозно-политические последователи XX – начала XXI века. – М., 2010; «Хизб ут-Тахрир» подрывает безопасность в Кыргызстане // URL: <http://counter-terror.kz/ru/article/view?id=208>; Элебаева А. Б., Эсенаманова Н. С., Чотаев З. Д. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике / Государственная комиссия по делам религий Кыргызской Республики. – Бишкек, 2016; Эсенаманова Н. Исламские ориентиры Кыргызстана: роль зарубежных религиозных течений... – С. 226.

мусульман Кыргызстана ее информационная составляющая, ставящая своей целью достижение контроля над его информационным пространством. Следует отметить сравнительно слабую изученность данной проблемы, несмотря на ее актуальность в плане обеспечения национальной безопасности Кыргызстана, о чем свидетельствует анализ использованной литературы и источников¹.

¹ Информационная война и власть. – М., 2001; Как экстремисты вербуют кыргызстанцев в Сети // URL: <https://rus.azattyk.org/a/28134594.html>; Концепция информационной безопасности Кыргызской Республики на 2019–2023 годы. Прилож. к постановлению Правительства КР от 3 мая 2019 г. № 209 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/13652>; Мураталиева З. Т. Информационная политика как слабое звено безопасности Кыргызстана // URL: <http://www.cabar.asia>; Насритдинов Э., Урманбетова З., Мурзахалилов К., Мырзабаев М. Уязвимость и устойчивость молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму // Central Asia Program. – 2019. – № 212; Образование граждан КР в зарубежных исламских заведениях: ситуационный анализ // Государственная комиссия по делам религий КР; Булан Институт. – Бишкек, 2017; Приймак А. Баяны киргизских исламистов всё громче звучат в России: Идеи «Таблиг-и джамаат» распространяются в нашей стране при попустительстве Бишкека (17.01.2018) // URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2018-01-17/14_435_bayan.html; Пропаганда через WhatsApp: кыргызстанка зовет подруг в Сирию, обещая счастливую семейную жизнь // URL: <https://knews.kg/2016/02/29/propaganda-cherez-whatsapp-kyrgyzstanka-zovet-podrug-v-siriyu-obeshhaya-schastlivuyu-semejnuyu-zhizn/>; Седых Н. С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством интернета // Социальная психология и общество. – 2013. – № 2. – С. 137–147 // URL: http://psyjournals.ru/files/60973/spio_2013_2_sedih.pdf; Токсоналиева Р. М. Пути противодействия информационно-психологическим воздействиям // Вестник КРСУ. – 2017. – № 2; Токсоналиева Р. М. Субъекты и объекты внешнего информационно-психологического воздействия в отношении Кыргызстана // Актуальные проблемы стабильного и безопасного развития Кыргызстана: Сб. ст. – Бишкек, 2015; Элебаева А. Б., Эсенаманова Н. С., Чотаев З. Д. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике...

Религиозная составляющая турецкой политики в Кыргызской Республике, нацеленная на использование исламского фактора среди мусульман путем широкого распространения идей пантюркизма и панисламизма, еще не изучена с достаточной глубиной. Об этом свидетельствует сравнительно небольшое количество публикаций по этой проблеме¹.

Проблема религиозной экспансии стран Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии не стала предметом специального исследования в историографии постсоветского Кыргызстана. Публиковались отдельные статьи и материалы по данной проблематике, однако они не носили характера комплексного исследования². В данной работе,

¹ Акылбаев И. Внутренние вызовы внешней политики Турции: влияние на Центральную Азию (2016) // URL: <https://cabar.asia/ru/iskander-akylbaev-vnutrennie-vyzovy-vneshnej-politiki-turtsii-vliyanie-na-tsentralnuyu-aziyu/>; Асанов Б. Турецкий деятель Гюлен усиливает влияние на Кыргызстан (2014) // URL: <https://rus.azattyk.org/a/25232754.html>; Вейцель Р. Влияние Турции на ислам в государствах Центральной Азии (2013) // URL: http://www.islamsng.com/sng/analytics/7367#_ftn1; Жаркынбаев К. Разыграть карту Кыргызстана не прочь и Турция // URL: <http://www.paruskg.info/2012/05/25/63409>; Ибраев Б. Турецкий гамбит в Кыргызстане (2012) // URL: <https://paruskg.info/glavnaya/66596-66596.html>; Князев А. А. Карт-бланш. Пантюркизм и идеология «Братев-мусульман» для Центральной Азии (2016) // URL: http://www.ng.ru/world/2016-07-22/3_kartblansh.html; Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО. – 2016. – № 2; Моисеев С. В. Особенности пропагандистской деятельности международной экстремистской религиозной организации «Нурджулар» в России и Центральной Азии // Востокведные исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2015. – № 9. – С. 36–40; Посол Турции Ж. Фырат рассказал об активности ФЕТО в Кыргызстане // URL: <https://www.for.kg/news-588750-ru.html>

² Вильковски Д. Арабо-исламские организации в современном Казахстане: внешнее влияние на исламское возрождение. – Астана–Алматы, 2014; Восточный вектор внешней политики Кыргызстана:

по сути дела, впервые предпринята попытка комплексного рассмотрения проблемы религиозной экспансии против мусульманской общины Кыргызстана в качестве актуальной задачи, затрагивающей безопасность страны.

В исследовании была также использована иностранная научная литература, что позволило существенно укрепить, в первую очередь, методологическую базу данной работы¹.

Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток / Под общ. ред. А. Л. Салиева. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011; Косач Г. Политика Саудовской Аравии на постсоветском «мусульманском» юге: цели и итоги курса // Вестник Евразии. – 2005. – № 2. – С. 151–179; Мусульмане Кыргызстана – заложники чужой игры (03.07.2017) // URL: <http://www.ca-portal.ru/article:36014>; Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2014 // URL: <https://carnegieendowment.org/files/ReligiousSecurityinKyrgyzstan.pdf>; Парвиз Муллоджанов: Постсоветская Средняя Азия и мусульманский мир: салафизация как инструмент геополитики (21.04.2017) // URL: <https://cabar.asia/ru/parviz-mullodzhanov-postsovetskaya-srednyaya-aziya-i-musulmanskij-mir-salafizatsiya-kak-instrument-geopolitiki/>; Салиев А. А. Реализация арабскими странами в Центральной Азии концепции построения «всемирного халифата» // Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии / М. К. Асанбеков и др.; Отв. ред. А. Л. Салиев; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018; Салиев А. А. Религия и геополитика: международные отношения в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). – Бишкек, 2017; Саудовская Аравия – новый спонсор Кыргызстана (27.01.2014) // URL: <http://www.ca-portal.ru/article:10198>; Тимонова А. Ю., Бутенко Н. А. О роли религии в современной геополитике // Общество и цивилизация в XXI веке: тенденции и перспективы развития. – 2014. – № 8; Усенбаев Ж. Кыргызстан – как основной импортер чуждой культуры (17.11.2014) // URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1416209580>.

¹ Abramson D. Foreign Religious Education and the Central Asian Islamic Revival: Impact and Prospects for Stability // Silk Road Paper. The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. – 2010. – March; Akiner S. The Contestation of Islam in Post-Soviet Central Asia: A Nascent Security Threat // The Middle East's Relations with Asia and

Структура исследования состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Во **введении** обоснованы актуальность исследования, обозначены его цели и задачи, выполнен анализ использованных источников и литературы, дана характеристика содержания его разделов.

В **первой главе «Геополитические аспекты безопасности Кыргызстана в свете воздействия внешних сил»** исследованы внешние угрозы национальной безопасности страны, ее значительная зависимость от мировых центров силы, существенно тормозящие развитие и ущемляющие национальный суверенитет. Выделены важнейшие

Russia / Ed. Hannah Carter and Anoushiravan Ehteshami. – New York: Routledge Curzon, 2004; Ayoob M. The Many Faces of Political Islam // Religion and Politics in the Muslim World. – The Univ. of Michigan Press, 2008; Bahdat G. Saudi Arabia and the War on terrorism // Arab Studies Quartely. – 2004. – Vol. 26. – № 1, Winter; Biard A. Power, «Original» Islam, and the Reactivation of a Religious Utopia in Kara-Suu, Kyrgyzstan // Being Muslim in Central Asia. Practices, Politics, and Identities / Ed. Marlene Laruelle. – Leiden, Boston: Brill, 2018; Galdini F. Islam in Kyrgyzstan: growing in diversity (22.10.2015) // URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/islam-in-kyrgyzstan-growing-in-diversity/>; Haynes J. Religion and Foreign Policy // Routledge Handbook of Religion and Politics / Ed. J. Haynes. – New York: Routledge, 2008; Huntington S. Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Schuster, 1996; Khalid A. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. – Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 2007; McBrien J. From Belonging to Belief: Modern Secularism and the Construction of Religion in Kyrgyzstan. – Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 2017; McGlinchey E. Chaos, Violence, Dynasty: Politics and Islam in Central Asia. – Pittsburgh, 2011; Peyrouse S. Islamic Finance in Central Asia: A Religious or Political Influence? // Strategic Nodes and Regional Interactions in Southern Eurasia / Ed. M. Laruelle. – Washington, D.C.: The George Washington Univ., Central Asia Program, 2017; Roy O. Globalized Islam. The Search for a New Ummah. – New York: Columbia University Press, 2004.

факторы зависимости экзогенного характера, имеющие своим следствием экономическую, политическую и военную слабость Кыргызстана, ведущую к ослаблению его позиций в мире. Как часть общей зависимости рассматривается и проблема определенной зависимости исламской общины от негативного воздействия извне. Также обосновывается необходимость решения государством и обществом Кыргызстана стратегических задач, рассчитанных на целый исторический период, связанных с преодолением внешней геополитической зависимости, препятствующей развитию страны.

В первом параграфе первой главы *«Геополитическая специфика Кыргызстана как объекта постоянного внешнего воздействия»* исследована совокупность проблем внешнего влияния в важнейших сферах страны. В частности, речь идет о сферах геополитики, экономики, политической системы, идеологии Кыргызстана. В нем также выполнен анализ причин, обусловивших внешнее вмешательство в эти сферы, связанных с конкретной ситуацией, сложившейся в нем после получения независимости, обоснованы меры, предусматривающие преодоление сложившегося положения.

Параграф второй *«Региональные и религиозные конфликты в современном мире как угроза национальной безопасности Кыргызстана»* посвящен анализу воздействия на него различного типа конфликтов в современном мире. В частности, исследованы региональные конфликты, представляющие непосредственную угрозу безопасности Кыргызстана, в том числе в Афганистане, в странах Ближнего и Среднего Востока. Внимание также уделено геополитическим целям участия в этих конфликтах таких стран, как США, Россия, Турция, Израиль. Важное место в параграфе отведено характеристике религиозных конфликтов

в современном мире, затрагивающих, прежде всего, сферу ислама. Анализ этих конфликтов позволяет сделать вывод об их непосредственном влиянии на религиозную ситуацию в Кыргызстане, а также на формирование в их рамках экзогенных факторов воздействия на мусульман страны.

В параграфе третьем **«Процессы реисламизации в Кыргызстане в свете внешнего воздействия: причины, состояние и перспективы»** на разнообразном фактическом материале исследованы проблемы развития ислама в постсоветском Кыргызстане в условиях ликвидации изоляции и расширения контактов мусульман страны с исламскими организациями многих стран мира. Изучена проблема возрождения ислама в условиях открытости исламской общины Кыргызстана влиянию извне, проанализированы факторы реисламизации, способствующие росту внешнего воздействия на верующих страны.

Вторая глава «Мусульмане Кыргызстана как объект внешнего воздействия» посвящена анализу важнейших аспектов внешнего влияния и непосредственного участия внешних акторов в процессах реализации геополитического исламского проекта в отношении исламской общины Кыргызстана.

В первом параграфе второй главы **«Вопросы анализа мусульманской общины Кыргызстана как объекта внешнего воздействия»** выполнен обстоятельный анализ разнообразных средств и методов внешнего воздействия на мусульман страны. Значительное место в нем отведено характеристике внешних акторов, стремящихся достичь своих геополитических целей путем использования для этого мусульманской общины Кыргызстана. В параграфе делается вывод о реальной угрозе, создаваемой ими для существования кыргызской государственности, анализ

вероятности, пока что гипотетической, создания здесь исламского государства.

Во втором параграфе **«Вопросы идеологического воздействия на мусульман Кыргызстана»** в краткой ретроспективе описываются основные вехи становления и развития ислама в Кыргызстане, специфические черты, позволяющие выделить его сущностные характеристики до начала его функционирования в рамках независимого государства. Основное внимание уделено анализу религиозных течений в исламе, насаждаемых извне и преследующих цели отказа Кыргызстана от светского пути развития и установления в стране строя исламского халифата. Обращено внимание на их «иностранное» происхождение, исследованы применяемые мировыми акторами методы и средства реализации ими поставленных целей.

Параграф третий **«Информационные аспекты внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана»** рассматривает вопросы широкого применения современных средств информации в идеологической обработке населения Кыргызстана в целом и мусульман, в частности. В данном параграфе особое внимание уделено использованию Интернета в пропаганде взглядов ваххабитов, «Хизб ут-Тахрир» и других экстремистских организаций. Делается вывод о том, что использование современных средств массовой информации в Кыргызстане в противоправных целях представляет собой реальную угрозу его национальной безопасности.

Материал, содержащийся в главе третьей **«Формы и методы внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана и пути противодействия ей»**, на конкретном материале раскрывает действия определенных внешних сил, предпринимающих усилия для реализации собственных геополитических проектов, используя

для этого учение ислама. При всём их разнообразии все они преследуют цель изменить политический строй в Кыргызстане, повернуть развитие страны на путь отказа от светского характера государственности, на путь свертывания курса на стратегическое партнерство с Российской Федерацией. В материале параграфа значительное внимание уделено вопросам противодействия подобным планам.

В параграфе первом третьей главы *«Религиозная составляющая турецкой политики в Кыргызстане»* основное внимание сосредоточено на политике Турции, направленной на реализацию турецкого геополитического проекта для Кыргызстана. Дана характеристика сравнительно широкого спектра методов и средств, используемых Анкарой для достижения поставленной цели, в рамках мирного пути их реализации, прежде всего панисламизма. В параграфе описана позиция сил по проникновению в органы управления Кыргызской Республики через подготовку протурецки настроенных выпускников многочисленных учебных заведений, финансируемых Турцией.

Содержание второго параграфа *«Мусульмане Кыргызстана как объект внешнего воздействия стран Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока»* построено на анализе конкретного материала, раскрывающего основные аспекты проникновения в республику экстремистской идеологии, деятельности исламистских организаций, религиозных миссионеров. Исследованы методы их деятельности, сочетающие мирные и террористические действия, преследующие, однако, общие цели, направленные на дестабилизацию положения в Кыргызстане, на реализацию геополитических планов, с участием США и других стран Запада.

Параграф третий **«Механизмы преодоления внешнего воздействия на мусульман Кыргызстана в контексте обеспечения национальной безопасности страны»** посвящен вопросам обеспечения защиты национальных интересов страны и ее национальной безопасности. В нем исследованы конкретные механизмы их защиты, реализация которых создаст условия для успешного противодействия всем попыткам внешнего влияния на мусульман Кыргызстана.

В **заключении** исследования даны основные выводы, вытекающие из его содержания.

Научная новизна исследования связана, прежде всего, с тем, что впервые в историографии Кыргызстана предметом изучения является проблема внешнего воздействия на мусульманскую общину страны как части геополитического проекта мировых центров силы. Также в исследовании на повестку дня выдвигается важный для будущего Кыргызстана вопрос его зависимости от геополитических центров силы, которая закономерно выдвигает в качестве первоочередной задачу стратегической важности, связанную с преодолением этой зависимости. В связи с этим проводится идея комплексного подхода, рассматривающая решение зависимости мусульманской общины страны от внешних влияний как часть преодоления геополитической зависимости Кыргызстана в целом.

Научная значимость работы определяется постановкой и попыткой исследования темы отдельных аспектов геополитической безопасности Кыргызстана на примере воздействия геополитических технологий на мусульманскую общину страны. Содержащийся в нем теоретический и фактический материал существенно дополняет проблему борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом, ставших одними из факторов угрозы безопасности Кыргызстана.

Практическая значимость исследования заключается в том, что превращение Кыргызстана в объект геополитической экспансии, целенаправленная экспансия идей и практики религиозного фундаментализма среди мусульман Кыргызстана представляют собой серьезную угрозу безопасности страны и требуют принятия практических мер. Более того, недооценка последствий внешнего воздействия на геополитическую безопасность республики, непринятие практических мер по их преодолению является серьезным препятствием на пути развития светской государственности Кыргызстана в настоящее время и на перспективу. В связи с этим в свете проблем, ставших предметом изучения в данном исследовании, крайне важно органам управления государством поставить на практические рельсы проблему преодоления геополитической экспансии внешних сил, несущей в себе угрозу независимому существованию Кыргызской Республики.

Коллектив авторов:

введение, заключение – М. Н. Омаров

глава 1: 1.1 – А. М. Усенов

1.2 – П. С. Воробьёв

1.3 – Е. М. Омаров, Э. Д. Эржанова

глава 2: 2.1 – М. К. Асанбеков

2.2 – О. Л. Сумарокова

2.3 – А. Т. Эсенбекова

глава 3: 3.1 – З. Т. Мураталиева

3.2 – Н. С. Таткало

3.3 – М. Н. Омаров

Глава 1

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ КЫРГЫЗСТАНА В СВЕТЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВНЕШНИХ СИЛ

1.1. Геополитическая специфика Кыргызстана как объекта постоянного внешнего воздействия

В данном параграфе сделан краткий обзор развития республики в рамках самостоятельного государства, а также рассмотрена зависимость Кыргызстана от мировых геополитических акторов, сложившаяся после получения им независимости. Это позволило полнее и объективнее разобраться с предпосылками и условиями формирования геополитических аспектов внешнего воздействия на национальную безопасность страны. Кроме того, в условиях Кыргызстана, превратившегося в объект геополитической агрессии, более рельефно и наглядно прослеживаются процессы внешнего воздействия на мусульманскую общину страны.

С момента обретения независимости и по настоящее время функционирование внутренней и внешней политики Кыргызстана во многом определяется воздействием на него внешних акторов. Большой частью этому способствовала геополитическая специфика Кыргызстана: его расположение в стратегически важном регионе Центральной Азии; общие исторические и культурные связи с Россией; принадлежность к тюркской группе народов;

традиционное исповедование большинством населения исламской конфессии.

Распад СССР в 1991 г. привел к формированию нового мирового порядка. Страны, бывшие некогда частью мировой державы, оказались отделенными от своего центра, коммунистическая идеология, административная и экономическая система державы претерпели полный крах. Новым независимым государствам предстояло сформировать новую политическую, экономическую и социальную структуры, что предполагало, в первую очередь, поиск альтернативных путей развития на примере существующих моделей государств. В свою очередь выход геополитически значимого региона Центральной Азии и Кыргызстана в том числе из состава СССР запустил процесс борьбы геополитических акторов за установление влияния в регионе путем навязывания своих политических, идеологических, экономических, культурных и религиозных ценностей. Кыргызстан в этом отношении оказался наиболее восприимчивым к внешнему воздействию, поскольку в отличие от других стран региона был более открытым к новшествам.

Дальнейшее развитие событий показало, что Кыргызстан оказался в геополитической зависимости от внешних акторов. Так, уже в первые годы независимости сильное влияние на него оказали модели политического, идеологического и экономического развития западных государств. Внешнему воздействию оказались подвержены практически все сферы государства, в числе которых мы можем особо отметить политическую, идеологическую, экономическую и религиозную сферы. На территории страны широкое распространение получили американский, европейский, китайский, российский, турецкий, исламский и другие геополитические проекты. Каждый из них занимает

собственную нишу в определении и проведении своей политики по отношению к Кыргызстану и преследует различные цели – от культурно-гуманитарного сотрудничества до политического и экономического господства.

Особое внимание в данном исследовании уделено возможной реализации исламских геополитических проектов в Кыргызстане, представляющих угрозу национальной безопасности страны. Целью этих проектов является разрушение светского режима в странах региона, вовлечение мусульман в военно-политические конфликты под видом участия в «священных войнах», строительство исламского халифата. Таким образом, влияние внешних акторов уже приводит к угрозе суверенитета и целостности республики, что, на наш взгляд, является одним из насущных вопросов национальной безопасности страны.

Геополитическую значимость Кыргызстана невозможно рассматривать вне Центральной Азии, поскольку в геополитике все процессы, происходящие в соседних странах, взаимозависимы и взаимопроникаемы. Стратегическую важность этого региона отмечали большинство западных геополитиков. З. Бжезинский назвал Центральную Азию «Евразийскими Балканами» – как потенциально нестабильный регион, подверженный влиянию извне из-за наличия значительных природных ресурсов и внутренней этнической, культурной и религиозной нестабильности. Именно нестабильность региона, а также сопротивление в нем российскому влиянию, по мнению американского политолога, является фактором дальнейшей потери Россией контроля над этой зоной¹.

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и ее геостратегические императивы / Пер. О. Ю. Уральской. – М., 2009 = Brzezinski Z. The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives — New York: Basic books, 1997.

Специфика Кыргызстана также определяется его географией. Кыргызстан – малое континентальное государство в Центральной Азии со сложным горным рельефом, не имеющее выхода к мировому океану. Нахождение Кыргызстана преимущественно на территории западного Тянь-Шаня с высокогорными условиями приводит к тому, что имеется диспропорция плотности населения. Так, большая часть населения Кыргызстана проживает в долинных зонах Чуйской и Ошской областей. С другой стороны, наличие горных хребтов и перевалов, отделяющих регионы страны, создает значительные сложности в транспортных коммуникациях¹. Соответственно, строительство транспортных коридоров и маршрутов по Кыргызстану обходится значительно дороже. Географические условия Кыргызстана оказывают значительное воздействие на формирование внутренней и внешней политики государства, поскольку они формируют ключевые аспекты жизнедеятельности страны, такие как распределение населения и связи между ними, транспортные коммуникации, тип и характер экономики, географическую и социально-политическую мобильность.

Ситуация в Кыргызстане после получения независимости уже несла в себе основания для внешнего влияния. Для этого имелось несколько веских причин, большинство из которых были заложены еще в советский период. Во-первых, с распадом СССР в Кыргызстане была развалена строившаяся десятилетиями система коллективных хозяйств, командно-административное, плановое управление экономикой. Переход к рыночным отношениям, по сути, предполагал неконтролируемое развитие

¹ Суюнбаев М. Н., Узбеков Д. С. Геополитические особенности Центральной Евразии / Отв. ред. З. К. Курманов. – Бишкек, 2018. – С. 165.

экономики, которая в условиях Кыргызстана стала переходить из производственной к реэкспортирующую.

Состояние Кыргызстана после распада СССР характеризовалось ухудшением всех экономических показателей, включая ежегодное сокращение производства (на 16% – в 1993 г. и на 20% в 1994 г.) и гиперинфляцией. ВВП Кыргызстана в 1996 г. по сравнению с 1989 г. снизилось на 47%. Такое уменьшение крайне негативно отразилось на уровне жизни населения: денежные доходы населения с 1991 г. снизились в 1,5 раза. Уровень жизни населения упал до такой черты, когда дальнейшее его падение стало недопустимым¹. К тому же Кыргызстан после развала СССР лишился трансферов из союзного бюджета, составлявших 10–15% к ВВП. Дополнительной проблемой стало отсутствие спроса на продукцию промышленности страны, которая была ориентирована на союзные республики. В условиях дефицита бюджета и торговли, а также отсутствия поддержки со стороны России, которая в то время также испытывала экономический кризис, новая независимая республика избрала многовекторную внешнюю политику, выразив готовность сотрудничать со всеми, кто предложит помощь. С вступлением республики в 1992 г. в группу Всемирного банка (ВБ) трансформация ее экономики началась в директивном порядке через Международное агентство развития (МАР) и Международный валютный фонд (МВФ), что, по мнению С. Г. Иванова, привело не к «развитию», а к устойчивому регрессу².

¹ Рудов Г. Россия – Кыргызстан: российско-кыргызские отношения: история и современность / Отв. ред. В. М. Плоских. – М.; Бишкек: Илим, 2001. – С. 230–232.

² Иванов С. Г. Роль России и США в процессе формирования и трансформации промышленного сектора экономики Кыргызской Республики...

В Кыргызстане были очень высокие показатели бедности. По подсчетам Т. Койчуева, на 1 января 1997 г. число граждан с доходами менее прожиточного минимума составляло 72,1%¹. Одновременно с этим процессы хаотичной, неконтролируемой государством приватизации предприятий способствовали продлению экономического кризиса и стагнации. В период с 1991 по 1995 гг. в стране были приватизированы 54,65% госпредприятий, из которых 62,46% – предприятия промышленности².

Во-вторых, в наследство от СССР Кыргызстану достались территориальные проблемы, истоки которых уходят корнями в периоды национального размежевания. Советская власть тогда пыталась создать из Средней Азии зону нестабильности, чтобы гарантировать потребность в постоянном военном и политическом присутствии³. Несовпадение границ государств с зонами компактного проживания этносов, а также их неопределенность и проницаемость создавали почву для конфликтов между соседними государствами, что опять же вынуждало потребность в медиаторстве со стороны внешних сил.

В-третьих, Кыргызстан, несмотря на расположение в верховьях стратегически важной реки Сырдарьи, не был способен самостоятельно решать вопросы по распределению и использованию водных ресурсов в целях получения энергии или полива, этому сопротивлялись соседние страны, прежде всего Узбекистан⁴. Электроэнергия,

¹ Койчуев Т. Избранное собрание сочинений: Т. II. Постсоветская перестройка: теория, идеология, реалии. – Бишкек: Изд-во ЦЭС при ПКР, ОО «Экономисты за реформу», 2007. – С. 315.

² Там же. – С. 134.

³ Омаров Н. М. Внешняя политика Кыргызстана в условиях «стратегической неопределенности». – Бишкек: Илим, 2005. – С. 24.

⁴ Суюнбаев М. Н., Узбеков Д. С. Геополитические особенности Центральной Евразии... – С. 48.

вырабатываемая на крупнейшей в Кыргызстане Токтогульской ГЭС, осталась в управлении Ташкента. Начиная с запуска ГЭС и вплоть до строительства подстанции «Датка-Кемин» в 2015 г. электроэнергия достигала севера Кыргызстана через единое энергетическое кольцо, проходившее по территории Узбекистана и Казахстана¹. В то же время Кыргызстан оставался уязвимым от поставок газа из Узбекистана, а также нефтепродуктов из Казахстана и России. В свою очередь, узбекская сторона умело манипулировала своими рычагами в целях воздействия на власти республики.

В-четвертых, внешней зависимости республики способствовало нахождение страны в транспортном тупике – невозможность выйти на мировые рынки, равно как и дороговизна логистики и строительства высокогорных магистралей. Так, стоимость автомобильных перевозок превышала стоимость морских перевозок в 60–80 раз². В итоге, Кыргызстан имел возможность торговать преимущественно только с Китаем, Казахстаном и Россией.

В-пятых, Кыргызстан оказался неспособным удовлетворить потребности в продуктах продовольствия первой необходимости. К примеру, пшеница, выращиваемая в КР, не обладала достаточным качеством, что привело к зависимости от поставок зерна из соседнего Казахстана.

В-шестых, вследствие гиперинфляции Кыргызстан столкнулся с небывалым обесцениванием денежной массы, а порождаемый ею экономический кризис и бедность вынуждали население искать подработку за рубежом.

¹ Алмакунова Р. ЛЭП «Датка-Кемин»: долгий путь к энергетической независимости (31.08.2015) // URL: https://vzglyad.kg/ugol_zrenija/7495_lep_datka-kemin_dolgiy_put_k_energeticheskoy_nezavisimosti/

² Иванов С. Г. Роль России и США в процессе формирования и трансформации промышленного сектора экономики...

Таким образом, уже в начале независимости были очерчены контуры последующей зависимости страны от внешних финансовых институтов и доходов за счет внешней трудовой миграции населения.

Географическая замкнутость Кыргызстана и его интересы в экономическом развитии и доступе к внешним ресурсам, а также геополитическая значимость Кыргызстана делают республику местом столкновения интересов внешних акторов, которые реализуют в Кыргызстане свои геополитические проекты, направленные на вовлечение республики под свое влияние.

Целью проекта «глобального доминирования» США в Кыргызстане является укрепление своих геостратегических позиций в регионе, проекты «гармоничного мира» Китая, «построения всемирного халифата» Саудовской Аравии и «османская и пантюркистская стратегия» Турции направлены на вовлечение народов и стран региона в свои цивилизации, а «евразийская стратегия» России направлена, прежде всего, на сохранение своего влияния. При этом проекты «глобального доминирования» Америки и «евразийская стратегия» России относятся к среднесрочным проектам, осуществляемым путем создания международных институтов и интеграционных объединений, тогда как остальные проекты отнесены к долгосрочным и реализуются путем скрытого навязывания странам односторонне направленного сотрудничества¹.

Кыргызстан, занимая выгодное геополитическое положение в регионе, с момента обретения независимости представляет собой сравнительно слабое государство, столкнувшееся с тяжелыми последствиями распада СССР

¹ Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии: Монография / М. К. Асанбеков и др.; Отв. ред. А. Л. Салиев; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018. – С. 6.

и многими негативными реалиями становления и развития суверенной государственности. Таким образом, уже в момент обретения независимости сложились объективные и субъективные предпосылки для внешней зависимости, которые и по сей день являются факторами внешнего воздействия на Кыргызстан.

После распада СССР Кыргызстан, как и все постсоветские государства, встал перед выбором дальнейшего пути развития. С отказом от коммунистической идеологии в странах постсоветского пространства наступил так называемый «идеологический вакуум», так как основные ценности государства не были закреплены в конституциях или идеологических доктринах государств. В Кыргызстане в момент распада СССР сложилось состояние, при котором отсутствовала национальная идея, в государстве наступил идеологический кризис, – республика встала перед выбором направления развития.

Развал СССР для Кыргызстана был неожиданным, и в этот сложный для страны период у Кыргызстана, как и у других стран бывшего Союза, не было альтернативных путей развития кроме демократии, предложенной западными странами, что уже тогда определило зависимость Кыргызстана от внешних акторов. Политическая система Кыргызстана сформировалась при непосредственном воздействии внешних акторов путем заимствования демократических принципов, заложенных в системе государственности западных стран.

Демократизация в Кыргызстане принесла ряд положительных изменений. Переход к демократии способствовал формированию в республике соответствующих политических институтов, направленных на разделение полномочий государства, в стране были введены избирательные права; впервые появилась возможность избирать главу

государства. Процессы демократизации в Кыргызстане в 1990-е гг. шли быстрыми темпами и в отличие от происходивших в других новых независимых государствах отличались большей приближенностью к западным стандартам, что в то время обозначило страну в лице западного сообщества в качестве «островка демократии» в регионе¹. Вплоть до настоящего времени Кыргызстан лидирует в показателях уровня политической свободы и демократии в регионе. Так, согласно рейтингам Freedom House, по уровню политических и гражданских свобод в 2018 г. Кыргызстан занимал первое место в Центральной Азии². В 1992–1993 гг. в новых независимых государствах были приняты первые конституции, в которых были заложены такие важные демократические принципы, как разделение властей, права граждан, судебный и конституционный надзор³.

Первая Конституция Кыргызстана, принятая 5 мая 1993 г., обозначила страну как республику с президентско-парламентской формой правления, в которой был определен баланс полномочий президента и парламента. В Кыргызстане было введено разделение властей на исполнительную, законодательную и судебные системы; он был объявлен демократическим, правовым, светским государством. Очевидно, что первая конституция страны, как и все последующие, была основана на конституциях западного образца, а это, в свою очередь, означает, что и форма государства и все остальные политические

¹ Муса кызы А. «Малая страна» Кыргызстан в глобальной стратегии США // Вестник КРСУ. – 2016. – № 10. – С. 112.

² Рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод // Аналитический портал «Гуманитарные технологии». – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/freedom-the-world/info>

³ Маслов В. И. Региональная безопасность: история и проблемы новых независимых государств. – М.; Бишкек: Илим, 2000. – С. 17.

институты, в том числе демократия, как и правовая система, также имеют западное происхождение¹. Тем не менее демократические преобразования в республике оказали положительное воздействие на процессы формирования институтов власти, а курс на повышение роли парламента и ограничение полномочий президента выразились в первых прецедентах легитимной и демократической смены власти в регионе в 2011 и 2017 гг.

Введение принципа разделения властей и соответствующих политических институтов (правительства, президента, парламента, верховного и конституционного суда) означало начало функционирования Кыргызстана как нового независимого демократического государства.

Однако в деле практической реализации в Кыргызстане система разделения властей оказалась недееспособной, чему способствовало возрождение традиционализма в политических отношениях. Как отмечает Н. Таткало, «в стремлении обозначить все выгоды независимости в Кыргызстане были предприняты шаги к строительству национального государства, что в условиях неразвитого гражданского общества приводило к эффекту ретроадаптации – возрождению институтов традиционного общества, имеющих неформальный характер в контексте установленного политического режима»².

Таким образом, в политической системе Кыргызстана стали доминировать неформальные институты. Такое положение было в интересах внешних сил, прежде всего западных стран. «Страны Запада были заинтересованы

¹ Салимов Р. Ш. Исторические предпосылки демократического развития Кыргызстана и его особенности... – С. 474.

² Таткало Н. С. О некоторых актуальных проблемах демократического транзита Кыргызстана / Под ред. А. Л. Салиева, М. Н. Омарова; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018. – С. 49.

в негативных последствиях трансформации стран постсоветского пространства в аспекте недопущения реставрации советских антизападных режимов; лучше нестабильные, архаичные, но лояльные системы, чем стабильные демократические, но антизападные», – отмечает Н. Таткало¹.

С точки зрения А. Князева, «традиционные связи означают существенное снижение роли личности, доминирование коллективных ценностей и коллективного здравого смысла, безусловное подчинение авторитету старших с их большим, но порой безнадежно устаревшим житейским опытом»². По его мнению, основой сценария последующего развития Кыргызстана для США являлась и продолжает являться концепция «управляемого хаоса», разработанная сотрудниками RAND Corporation. Сущность «управляемого хаоса» состоит в том, чтобы удерживать некое государство в таком состоянии, когда оно будет неспособно адекватно реагировать на внутренние и внешние вызовы и, соответственно, правительство такой страны будет нуждаться в постоянной внешней поддержке либо прямом военном присутствии³.

Зарубежные акторы, руководствовавшиеся парадигмой транзита, поддерживали демократизацию в Кыргызской Республике. Так, с момента обретения независимости вплоть до 2010 г. Кыргызстан получил от США 1,22 млрд долларов и занимает третье место среди постсоветских государств в списке получателей донорского финансирования от США⁴.

¹ Таткало Н. С. О некоторых актуальных проблемах демократического транзита Кыргызстана... – С. 49.

² Князев А. Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). – Бишкек, 2012. – С. 85.

³ Там же. – С. 158.

⁴ Акматалиева А. М. Цветные революции и парламентская демо-

Как отмечает А. Акматалиева, «во многом под влиянием внешних акторов среди политического истеблишмента сложилось устойчивое убеждение в том, что независимость, демонстрируемая нацеленность на демократизацию политической системы автоматически ведут к решению всевозможных политических и социально-экономических проблем. Уже признано, что первые властные структуры Кыргызстана использовали иностранные инвестиции для удержания своих позиций, эксплицитно демонстрируя приверженность либерально-демократическим ценностям»¹.

Создание нормативно-правовой базы в рамках либерально-демократических основ не способствовало установлению баланса в системе государственных институтов. По мнению В. Богатырева, «государственные институты были лишены простроенного нормативно-процедурного пространства»². Из-за отсутствия опыта принятия решений на демократической основе, вследствие сохранения элементов советского прошлого, где решения принимались преимущественно доминирующей партией и персонализированной властью, процессы демократизации в Кыргызстане дали сбой еще в самом начале.

Одним из проявлений демократизации стало формирование гражданского общества из многочисленных неправительственных организаций, которые финансировались из-за рубежа. Кыргызстан стал рекордсменом

кратия в Грузии и Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2013. – № 2. – С. 72.

¹ О цветных революциях и парламентской демократии в Грузии и Кыргызстане // Хрест. по сравнительной политологии / Авт.-сост.: А. М. Акматалиева, З. Т. Мураталиева. – Бишкек, 2015. – С. 138.

² Богатырев В. Кыргызская Республика: Внешняя политика после приобретения независимости и формирование нового внутривнутриполитического пространства // Центральная Азия: собственный взгляд. – Бишкек, 2006. – С. 166.

в регионе по их количеству (их в Кыргызстане свыше 16 тысяч). Наибольшие опасения вызывало то, что среди них было немало НПО и НКО, преследующих политические цели. Специфика этих неправительственных организаций заключалась в том, что они создавались не рядовым населением, представленными группами интересов, как должно быть в идеале, а формировались и содержались за счет иностранных «заказчиков». И это означало, что НПО формируются в целях продвижения политических интересов внешних сил¹.

Доминирующим трендом общественно-политического развития в мире на рубеже XX–XXI вв., в терминологии С. Хантингтона, стала «третья волна демократизации» – рост числа государств, находящихся в состоянии демократического транзита². Однако подробный анализ политических режимов в этих странах показал, что на самом деле консолидации демократического режима не происходит. Попытки Запада демократизировать институты власти как в Кыргызстане, так и в Центральной Азии в целом, оказались безуспешными. Парадигма транзитологии, согласно которой все страны, бывшие авторитарными, в конечном итоге способны прийти к демократии, оказалась несостоятельной³. Результатом трансформации власти в Кыргызстане стало то, что страна попала в число стран с фасадной демократией, полудемократией или псевдodemократией с систематическими политическими

¹ О цветных революциях и парламентской демократии в Грузии и Кыргызстане... – С. 138.

² Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman, 1991.

³ Линецкий А. В. Транзитология – место и роль в современной политической науке // Вестник СПбГУ. – 2010. – Сер. 6. – Вып. 2. – С. 43 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tranzitologiya-mesto-i-rol-v-sovremennoy-politicheskoy-nauke>

пертурбациями. При этом сотрудничество с США по демократизации не привело к росту мирового авторитета Кыргызстана или становлению республики в качестве равноправного члена международного сообщества¹.

А. Тофан отмечает, что смысл американской политики в отношении Кыргызстана состоял в том, чтобы не дать ей (власти) централизоваться или монополизироваться, поскольку наличие разных социальных и политических структур с большим влиянием на принятие политических решений делает страну менее уязвимым для внешнего воздействия².

Тем не менее необходимо отметить, что борьба с внешним воздействием в Кыргызстане присутствует, хотя и в слабом виде. Так, в 2014–2016 гг. внесением изменений в Закон об НКО в Кыргызстане ограничена деятельность НПО, занимающихся продвижением политических вопросов, финансируемым, как правило, со стороны западных государств³. С внесением поправок в Конституцию страны в 2016 г. Кыргызстан отказался следовать требованиям международных правовых и судебных актов, выразив предпочтение преимуществу национального законодательства.

В настоящее время воздействие западных демократических ценностей продолжает оказывать существенное влияние на процессы формирования политических институтов и принятие политических решений. Этому

¹ Мураталиева З. Т. Проект США по демократизации Центральной Азии: теория на практике // Вестник КРСУ. – 2015. – № 5. – С. 21.

² Тофан А. В. Формирование политической системы Кыргызской Республики в контексте внешнего влияния // Вестник КРСУ. – 2017. – Т. 17. – № 6. – С. 207.

³ Закон КР «О некоммерческих организациях» от 15 октября 1999 г. № 111 (по сост. на 23 апреля 2016 г.) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/...>

способствует и сама форма государства, выстроенная по западному образцу с момента основания независимого Кыргызстана. Однако при всей заявленной демократичности содержание политической системы Кыргызстана остается в русле традиционных отношений, что говорит нам о том, что имеется несоответствие ценностей культуры и либеральной демократии. Процессы демократизации в Кыргызстане идут в неверном направлении: вместо создания адекватных механизмов функционирования государства она используется в целях достижения политической выгоды для внешних сил. Для этого в стране имеется негативный потенциал использования самых крайних форм проявления псевдодемократии в виде протестных настроений и попыток дестабилизации ситуации.

Реализация политических программ в Кыргызстане внешними акторами было бы невозможно без идеологической базы, коим в Кыргызстане выступила либеральная демократия. Идеология является одним из ключевых элементов политической системы государства, который определяет характер и содержание всех других компонентов системы (регулятивного, нормативно-правового, коммуникативного, функционального)¹.

По мнению В. Богатырева, «идеология определяет направление большинства процессов, протекающих в обществе... Идеологическая доктрина государства обязана находиться в основе национально-государственной идентичности, обеспечивая тем самым преемственность национально-исторического образа жизни»². Он считает,

¹ Политология: Уч. пос. / А. А. Акмалова и др.; Под общ. ред. В. К. Мокшина, С. Г. Новгородцевой; Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2007. – С. 158.

² Богатырев К. А. Конституционные основы государственной идеологии и национальной идеи России // Право и безопасность. –

что «существенное влияние на процесс страновой идентификации в Кыргызстане оказали внешние факторы, а также исторические обстоятельства, поставившие центрально-азиатский регион в целом и Кыргызскую Республику, в частности, в эпицентр глобальной геополитики, в место столкновения интересов крупнейших мировых центров силы»¹.

Так, после распада Союза многие суверенные страны с большим воодушевлением смотрели на Запад. Западные ценности либерализма и демократии воспринимались как образец для подражания. Именно с этой целью в Кыргызстане наиболее активно стали продвигаться либерально-демократические идеи. В числе ошибок такого выбора В. Богатырев выделяет то, что, во-первых, национальная либеральная модель общественного устройства, национальная модель экономической жизни так и не были востребованы, а во-вторых, кыргызские лидеры, поняв, что демократические реформы являются источником финансовых поступлений, стали активно торговать этим товаром².

Исследователь Н. Таткало отмечает, что «приоритетными задачами, стоявшими в начале 1990-х гг. перед государством, стали: форсированное освобождение от атавизмов советской системы в форме командно-административной экономики и монополии КПСС; переориентация внутренней и внешней политики на ценности либеральной демократии, которая виделась руководству страны в качестве единственно возможной альтернативы»³. Наряду

2010. – № 2 (35). Июль // URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_31_5.htm

¹ Богатырев В. М. Особенности современного транзита и проблемы идентичности... – С. 73–74.

² Там же. – С. 73–74.

³ Таткало Н. С. Западный проект либерализации Кыргызстана: декларируемые цели и конечный результат // Вестник КРСУ. – 2017. – № 4 (17). – С. 83.

с модернизационными процессами в Кыргызстан с Запада проникала либеральная идеология, которая в последующем легла в основу Конституции страны. Под влиянием западных государств идеология Кыргызстана главным образом была построена на принципах либерализма. Именно либерализм в его западном понимании стал одним из первых вариантов новой политической идеологии, взамен изжившей себя коммунистической. Таким образом, начиная с 1990-х гг. либерализм, в качестве идеологии, начал определять основу общественно-государственного устройства Кыргызстана.

Несмотря на внешнюю привлекательность, идеология либерализма в его классическом западном понимании вошла в противоречие с национальными традициями и советской политической культурой нового руководства. В итоге, в Кыргызстане сложилась псевдodemократическая система с элементами традиционного авторитаризма. Тем не менее Кыргызстан оставался открытым для внешнего проникновения либеральных ценностей¹.

Вместе с введением демократических институтов и ценностей западный либерализм в Кыргызстане преследовал цели вмешательства во внутренние дела государства. Под предлогом поддержки демократических ценностей западные страны финансируют сектор некоммерческих организаций, реализующих в Кыргызстане программы, направленные на оказание влияния на политические процессы. По данным экспертных исследований, только с 2005 по 2010 гг. Европейский институт содействия демократии и правам человека (ЕИДПЧ) перевел в Кыргызстан 2,9 млн евро на реализацию 16-ти проектов. Кроме того, в рамках семилетнего плана в рамках программы «Инструмент

¹ Маслов В. И. Региональная безопасность: история и проблемы новых независимых государств... – С. 19.

сотрудничества для развития» в 2014–2020 гг. ЕС финансирует проекты в Кыргызстане на сумму 184 млн евро¹.

Большое финансирование идет в том числе из США. Так, первый заместитель помощника госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Эли Уэллс отмечает, что с 1991 г. США выделили Кыргызстану 2 млрд долларов на процессы демократизации и развития экономики². Таким образом, НПО приобрели огромное влияние в сфере политического строительства республики. Их особенностью было то, что они не являлись непосредственными агентами гражданского общества Кыргызстана, поскольку финансировались из внешних источников. При финансовой поддержке НПО в Кыргызстане реализуются такие проекты, как:

программа по политическим процессам в Кыргызской Республике;

инициатива по прозрачному местному управлению и сотрудничеству;

укрепление прав человека в Кыргызской Республике;

программа поддержки эффективного государственного управления и др.³.

Таким образом, видно, что внедрение либерализма в Кыргызстане вместо демократизации институтов преследует цели по параллельному управлению государством. Так, по мнению Н. Таткало, «навязываемые Западом проекты либерализации и демократизации политической

¹ Парамонов В., Строков А., Абдуганиева З. Влияние Европейского союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз / Под. общ. ред. В. В. Парамонова. – Алматы: Фонд им. Ф. Эберга; 2017. – С. 44–45.

² НПО Кыргызстана: гранты льются рекой... (28.02.2018) // URL: <http://parusk.gov.kg/glavnaya/151905-npo-kyrgyzstana-granty-lyutsya-rekoy.html>

³ Торогельдиева Ш. Деятельность НПО в Кыргызстане (25.07.2017) // URL: <http://www.ca-portal.ru/article:36485>

и экономической систем КР, декларируемые как необходимые шаги в деле ревитализации социально-политической и экономической жизни республики, в сущности, являются бутафорией, а действительные намерения западных доноров лежат в плоскости вовлечения республики в зону своих интересов и ее десуверенизации»¹.

Между тем объективные оценки внешнеполитической стратегии западных государств, продвигающих либерализм, показывают, что скрытые, иногда явно агрессивные методы продвижения либерализма сказываются на национальной безопасности, целостности и стабильности государств. Яркими примерами этого могут служить события в Ливии и Сирии, попытки государственных переворотов в которых привели к буквальному разрушению политического и экономического устройства².

О некоторых негативных моментах либерализма остановился в своем интервью изданию *The Financial Times* президент России В. Путин, который, говоря о миграционном кризисе в Европе и социально-политических потрясениях в мире, заявил, что «либеральная идея себя изжила»³, что вызвало неоднозначную реакцию Запада. Заявление Путина прокомментировал пресс-секретарь президента РФ Д. Песков: «...проблема заключается не в либеральных идеях, а в том, что их стали “буквально принудительно вменять в идеологию другим”. Именно на проблему навязывания либерализма, которая сами эти идеи дискредитирует,

¹ Таткало Н. С. Западный проект либерализации Кыргызстана: декларируемые цели и конечный результат... – С. 85.

² Friedman B. Intervention in Libya and Syria Isn't Humanitarian or Liberal (05.04.2012) // URL: [https://nationalinterest.org/blog/...](https://nationalinterest.org/blog/)

³ Как Владимир Путин объяснил, что идеологии либерализма нежить (28.06.2019) // URL: https://www.gazeta.ru/comments/2019/06/28_e_12459667.shtml?updated

и обращал внимание Путин в своем интервью. Также он критиковал идею навязывания всего нетрадиционного тем, кто в силу культурных, религиозных или других особенностей не принимает это»¹, – отметил он.

С точки зрения Т. Койчуева, «западная “демократическая” модель, являющаяся предметом долгого эволюционного развития западной цивилизации, во многом не соответствует конкретному социально-экономическому уровню развития Кыргызстана»².

Копирование западных либерально-демократических стандартов не привело к установлению истинной демократии в Кыргызстане, а, наоборот, создало почву для внешнего управления страной. В свою очередь, беспрекословное следование рекомендациям западных консультантов негативно сказывается на системе национальной безопасности республики – ее способности адекватно и оперативно реагировать на внутренние и внешние угрозы³. При этом следует отметить, что фактическое вмешательство западных сил во внутренние дела КР, прежде всего через сеть НПО, напрямую противоречит догмам классического либерализма, согласно которым «только сами граждане наделены правом определять правила взаимодействия с государством, а также степень его допустимого вмешательства в общественную жизнь»⁴.

Одним из главных проявлений внешнего воздействия на республику стало вмешательство Запада в определении

¹ Песков: Путин против агрессивного навязывания идей либерализма в мире (28.06.2019) // URL: <http://www.aif.ru/politics/russia/peskov...>

² Теория и идеология общественного развития / Под науч. рук. акад. Т. Койчуева. – Бишкек: Илим, 2009. – С. 65.

³ Таткало Н. С. Западный проект либерализации Кыргызстана... – С. 86.

⁴ Milton Friedman Speaks: Lecture 4. The Role of Government in a Free Society // URL: http://www.freetochoose.tv/program.php?id=mfs_4&...

экономического развития Кыргызстана, а также последовавшая за этим зависимость страны от импорта и финансовых поступлений из-за рубежа.

После распада Советского Союза Кыргызстан пережил масштабную экономическую и социальную катастрофу. Центробежные политические тенденции 90-х гг. привели к «разрыву сложившихся экономических связей; дефициту материально-технического снабжения при отсутствии рынка сырья и товаров; отсутствию кредитных ресурсов; непосильным процентным ставкам за предоставленные кредиты в условиях отсутствия альтернативных негосударственных банков, кредитных институтов и инвестиционных фондов (фактической финансовой монополии государственных финансовых институтов); несовершенству нормативно-правовых, законодательных актов»¹.

Распад СССР актуализировал острую необходимость в выборе нового пути социально-экономического развития. В этих обстоятельствах, отмечает С. Иванов, политическая власть Кыргызстана не стала консолидировать усилия национального научного сообщества для выработки стратегии «развития» (выводу из кризиса) промышленности, альтернативной по отношению к предложенной МФО неолиберальной концепции. Кыргызское общество, не имеющее практического опыта плюрализма, было поставлено в известность о неизбежности дальнейшего неолиберального пути для промышленного сектора республики, обусловленного необходимостью его «денационализации»². Вместо этого Кыргызстан выбрал западные рекомендации реформирования экономики, подписав «Вашингтонский консенсус».

¹ Койчуев Т. Избранное собрание сочинений. Т. II. Постсоветская перестройка: теория, идеология, реалии... – С. 126.

² Иванов С. Г. Роль внешнеполитических факторов... – С. 142.

Термин «Вашингтонский консенсус» был введен в оборот американским экономистом Д. Уильямсоном во второй половине 1989 г. для «обозначения рекомендаций, предназначенных для использования государствами, желавшими реформировать свою экономику». Набор рекомендаций представлял собой точку зрения большинства профессоров американских университетов, работников ВБ, МВФ, Министерства финансов США. Изначально фраза Уильямсона «Вашингтонский консенсус» относилась к наименьшему общему знаменателю политических рекомендаций Вашингтона для стран Латинской Америки в 1989 г.¹.

Впоследствии трансформация экономической системы Кыргызской Республики в новейший исторический период осуществлялась в полном соответствии с западными политическими рекомендациями экономического развития для стран, «испытывающих экономические трудности» («Вашингтонский консенсус»). Предполагалось, что выполнение рекомендованных США и подконтрольными им международными финансовыми организациями стабилизационных программ позволит республике не только справиться с экономическим кризисом, но и обеспечит ее дальнейшее развитие. Стабилизация была достигнута, но означала она хронический, стабильный уровень дефицита бюджета, крайней бедности, безработицы и т. д. Объяснение кризисных явлений сосредоточивалось преимущественно вокруг запрограммированных сложностей «переходного периода». Однако все декларируемые политическими лидерами и авторитетными отечественными и западными учеными сроки, отводимые на этот период, истекли².

¹ Иванов С. Г. Роль внешнеполитических факторов... – С. 89.

² Там же. – С. 6–7.

Последующие показатели макроэкономических изменений в стране говорили скорее о стагнации экономики Кыргызстана, что неоднократно подтверждалось отечественными и даже западными экспертами. Идея МВФ о том, что, поборов инфляцию и справившись с бюджетным дефицитом, страна достигает все оптимистические цели, не подтвердилась практикой ни в одной стране мира, проводившей реформирование под руководством директивных рекомендаций МВФ.

Проведение в КР жесткой денежно-кредитной политики сделало неплатёжеспособным население и сократило спрос (при сохранении его реальной потребности). Данное целенаправленно проводимое снижение платёжеспособного спроса автоматически снизило абсолютные показатели реального сектора экономики – ВВП, национального дохода и уровня занятости¹. Так, объем ВВП Кыргызстана к началу 1997 г. упал по отношению к 1991 г. на 35%; объем продукции промышленности – на 48%; объем продукции сельского хозяйства – на 14%; объем капиталовложений – на 55%². Национальный доход республики в 1992 г. составлял, по ориентировочным расчетам (в сопоставимых ценах), 34,8 млн долларов, в 1995 г. – 21,4 млн долларов, в 1996 г. – 22,3 млн долларов. Таким образом, в 1996 г. национальный доход составил лишь 64,0% уровня 1992 г.³. В целом же, если принять ВВП Кыргызской Республики в 1990 г. за сто, то в 2000 г. он составлял 70–73% от его уровня⁴.

¹ Иванов С. Г. Роль внешнеполитических факторов... – С. 132–133.

² Койчуев Т. Избранное собрание сочинений. Т. II. Постсоветская перестройка: теория, идеология, реалии... – С. 237.

³ Там же. – С. 232.

⁴ Фридман Л. А. Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР. – М., 2001. – С. 16.

В 1992 г. в постсоветских странах возникло новое явление – безработица, которая по мере увеличения количества безработных в КР становится одной из основных причин роста общественно опасных процессов – криминализации общества, роста коррупции, уровня бедности, социальной напряженности и т. д. В Кыргызстане в качестве национальной проблемы безработица стала восприниматься после 1995 г. Ее официально зарегистрированный уровень, рассчитанный по отношению к экономически активному населению, в 1995 г. составлял 2,9%; в 1999 г. – 5,5%¹. По данным Национального статистического комитета, в 2017 г. уровень безработицы в Кыргызстане составил 6,9%².

Тяжким бременем для Кыргызстана является проблема социального неравенства, незащищенности населения. Несмотря на заявляемое улучшение уровня доходов населения, в настоящее время в стране всё еще существует огромный массив населения, чьи доходы находятся ниже черты бедности. Специалисты Нацстаткома отмечают, что «кыргызстанцы становятся всё беднее и зависимее от миграции». Так, на конец 2017 г. к категории бедных отнесены 25,6% населения страны³.

Безработица и бедность привели к массовой внутренней и внешней миграции. На сегодня несколько сот тысяч жителей страны вынуждены работать за рубежом, а вокруг Бишкека возникло свыше 40 поселений, созданных

¹ Фридман Л. А. Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР... – С. 208.

² Уровень безработицы: Данные сайта Нацстаткома КР // URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/113/>

³ Нацстат: Кыргызстанцы становятся беднее и всё больше зависят от мигрантов (22.06.2018) // URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-poverty-stat/29313225.html>

внутренними мигрантами¹. Так, по данным Государственной службы по миграции при Правительстве КР, за рубежом находятся свыше 740 тыс. граждан республики, из них 640 тыс. – на территории Российской Федерации². Основной целью выезда граждан является трудовая миграция.

Мигранты являются основным источником стабилизации внутризэкономической ситуации в стране, поскольку служат источником доходов кыргызстанцев. Роль денежных переводов из стран ближнего зарубежья в экономике страны колоссальна. Так, по данным на 2018 г., мигранты перевели в Кыргызстан свыше 2,6 млрд долларов США, что на 200 млн долларов больше показателей 2017 г.³ Для большей наглядности зависимости республики от внешней миграции стоит лишь отметить, что ВВП Кыргызстана составляет всего 8 млрд долларов США⁴. Эксперты Нацстаткома утверждают, что миграция, по сути, спасает статистику по бедности. «Без денег от родственников в нужде пребывало бы не 25,6%, а уже 34% населения Кыргызстана», – отмечается в отчете Нацстаткома⁵.

Слабость экономики явилась следствием того, что Кыргызстан оказался не в состоянии противостоять

¹ Мигранян А. А. Внешнеэкономические аспекты преодоления кризиса в странах Центральной Азии... – С. 254.

² Статистика Государственной службы по миграции при Правительстве Кыргызской Республики // URL: http://ssm.gov.kg/полезная_информация/статистика/

³ В 2018 году мигранты перевели в Кыргызстан \$2,6 миллиарда (16.02.2019) // URL: https://24.kg/ekonomika/109379_v2018_godu_migranty_pereveli_vkyrgyzstan_26_milliarda/

⁴ Валовой внутренний продукт (млн долларов США) // URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/2315/>

⁵ Нацстат: Кыргызстанцы становятся беднее и всё больше зависят от мигрантов...

наплыву товаров с внешних рынков, что привело его к перманентной зависимости от импорта и в целом подтверждает внешнюю зависимость республики.

Данные по этому показателю за 2018 г. лишь подтверждают эту устоявшуюся тенденцию зависимости экономики страны от импорта. В прошедшем году внешне-торговый оборот КР, на основе данных таможенной статистики, составил 7128,8 млн долларов. Экспортные поставки – 1836,8 млн долларов, импортные поступления – 5291,9 млн долларов, а сальдо торгового баланса возросло до -3455,1 млн долларов¹. Таким образом, в 2018 г. отрицательное сальдо торгового баланса выросло на 26%.

Кыргызстан остается сильно зависимым от импорта товаров и внешнего финансирования. Наблюдается снижение финансирования со стороны МВФ, что было связано с пониманием возможных политических рисков, исходящих от данной организации. Взамен МВФ в последние 6 лет в Кыргызстане активизировалось китайское влияние. Почти 45% внешнего долга Кыргызская Республика должна Экспортно-импортному банку Китая; 42,2% Кыргызстан должен международным финансовым организациям (из которых МАР и МВФ – 21,7%)².

Самый крупный (в перерасчете на душу населения) в СНГ, постоянно увеличивающийся внешний государственный долг стал политическим инструментом управления экономической, внешнеполитической, социокультурной и прочими сферами жизнедеятельности кыргызского общества со стороны США через подконтрольные МФО,

¹ Внешняя торговля Кыргызской Республики: Данные Нацстаткома КР // URL: <http://stat.kg/ru/opendata/category/2/>

² Какова структура госдолга Кыргызстана в \$4,45 млрд? (24.05. 2019) // URL: <https://eabr.org/press/news/kakova-struktura-gosdolga-kyrgyzstana-v-4-45-mlrd/>

агентства и прочие структуры. Неспособность выполнять внешние кредитные обязательства является основным политическим препятствием, не позволяющим республике проводить собственную дефицитную бюджетную политику, подразумевающую введение антикризисных фискальных мер (снижение налогового бремени и/или стимулирование совокупного спроса путем увеличения государственных расходов)¹.

Предельно высокий уровень государственного долга едва не привел к потере суверенитета республики в начале 2000-х гг. Так, в 2004 г. МВФ рекомендовал Кыргызстану вступить в ХИПК (HIPC – Highly-Indebted Poor Countries Initiative) – программу для стран, обремененных высокими внешними задолженностями. Предлагая в ближайшие годы освободить страну от внешнего долга, по сути, МВФ пытался получить еще больший контроль над экономикой страны, поскольку вступление республики в данную программу означало фактическую передачу управления экономикой (налогами, государственными долями в предприятиях, разработкой месторождений и т. д.) международным финансовым организациям².

Как показывает история взаимоотношений Кыргызстана и МВФ, финансовые вливания внешних акторов всегда мотивированы политическими интересами. В связи с этим Кыргызстан – как страна, зависящая от внешних финансов, – на сегодняшний день не способен осуществлять суверенную внутреннюю и внешнюю политику в полном объеме, поскольку экономика республики сильно зависима от Китая, России, Казахстана, а также от кредитов МФО.

¹ Иванов С. Г. Роль внешнеполитических факторов в процессах трансформации экономики Кыргызской Республики... – С. 132.

² Там же. – С. 94–98.

По мнению С. Г. Иванова, «основной постулат неолиберального рыночного фундаментализма, на основе которого строилась политика реформ, заключался в том, что государству необходимо самоустраниться от экономического регулирования, а рыночные механизмы сами обеспечат распределение ресурсов оптимальным образом»¹. Итоги такой политики очевидны. Ретроспективный анализ положения экономики Кыргызстана показывает, что во многом созданию зависимого государства способствовала недобросовестная политика МВФ, преследующая глубоко политические цели, а также неспособность самой политической власти заблаговременно противостоять внешнему воздействию.

В 1995 г. в Мадриде состоялось заседание «Трибунала народов» (объединившего 12 известных на Западе юристов и экономистов), который вынес следующий приговор: программа стабилизации МВФ, использованная во многих странах, представляет собой «доло гомицид»² – разновидность геноцида. Трибунал подчеркнул, что деятельность МВФ, которая привела к экономическим, социальным и гуманитарным катастрофам в не западных странах, должна рассматриваться как преступление, а не как ошибка, так как Фонд продолжает навязывать свою программу реформ в других странах и дальше, не обращая внимания на ее разрушительные последствия³.

Таким образом, реформирование экономики Кыргызстана под руководством программ МФО привело к деиндустриализации, хроническому сохранению отрицательного сальдо торгового баланса, росту внутренних и внешних

¹ Иванов С. Г. Роль внешнеполитических факторов... – С. 216.

² *Гомицид* – убийство людей, *доло* – способ осуществления преступления посредством сознательного обмана в контракте или договоре.

³ Иванов С. Г. Указ. соч. – С. 227.

государственных долгов, усилению социального напряжения, росту уровня коррупции, сужению совокупного спроса, что способствовало сокращению деловой активности в реальном секторе экономики, росту процентных ставок, а также привело к дестабилизации валютных и финансовых рынков.

Тем временем вдобавок к экономическим проблемам в стране усиливались тенденции, которые были выражены возрастанием политических форм религии, проникающих извне. Так, одним из последствий распада СССР для Кыргызстана стало освобождение духовно-религиозной сферы от государственного контроля, выраженное в высвобождении сознания населения от атеистических убеждений, которых формально придерживалось государство. Мусульманская община подвергалась антирелигиозному давлению с самого момента зарождения СССР, поскольку в догматах советских правителей на основе марксистско-ленинской идеологии стояла задача уничтожить духовную и культурную основу мусульман и превратить их в «советских людей» наподобие остальных¹. Несмотря на такое давление, мусульманская община центральноазиатских стран сохраняла свои традиции и, хоть и не в столь выраженной форме, всё же практиковала религиозные культы и обряды. Соответственно, всплеск религиозного возрождения в Центральной Азии после распада СССР является вполне объективным и закономерным явлением.

Тем не менее процессы реисламизации в Кыргызстане набирали особую интенсивность и протекали при активном участии иностранных миссионеров. Проникновение в Кыргызстан исламских идей из-за рубежа, которое М. Асанбеков так и называет – «интервенцией», не столько

¹ Беннигсен А. Мусульмане в СССР / Сост. А. Ш. Файзрахманов – Казань: ДУМ РТ, 2009. – С. 28.

преследовало своей целью развитие ислама и религиозности в Кыргызстане, сколько служило своего рода инструментом реализации геополитических задач более крупных политических субъектов и международных экстремистских и террористических организаций. Подтверждением такого утверждения, по мнению М. Асанбекова, служит то, что головные центры практически всех 42-х действующих в Кыргызстане течений и направлений христианских и буддистских религий созданы и находятся в США, а мусульманских – в монархических странах Ближнего Востока и в Турции, и ни одно из них не имеет местного происхождения. Соответственно, их появление в республике не обусловлено внутренними религиозными процессами. Их действия направлены, прежде всего, на разрушение связанных с традиционными религиями идентичностей, в том числе и государственной идентичности¹.

По мнению Н. Таткало, реисламизация в условиях недостаточного контроля государства ведет к радикализации мусульман, «находящихся в состоянии социальной фрустрации под влиянием внешних деструктивных исламистских группировок, выступающих в качестве идеологических центров объединения граждан КР, которые черпают в них чувство коллективности и солидарности»². К тому же большое количество религиозных организаций исламской конфессии оставляет вопросы относительно того, рупором какого толка ислама они являются. Наибольшую опасность из числа иностранных организаций

¹ Асанбеков М. К. Роль иностранных религиозных центров в формировании религиозной ситуации в Кыргызстане...

² Таткало Н. С. Процесс исламского возрождения в Кыргызстане через призму возможных угроз национальной безопасности // Способы противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. ст. / ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2019. – С. 16.

в настоящее время представляет партия «Хизб ут-Тахрир». Из 1700 членов международных экстремистских организаций, состоящих на учете в МВД на 2016 г., 81,7% составляли члены данной организации¹. Кроме этого, к числу экстремистских организаций, оказывающих негативное воздействие на религиозную ситуацию в Кыргызстане, относят фундаменталистские, джихадистско-такфиристские и салафитские течения. Не менее амбициозными являются геополитические планы таких стран, как Саудовская Аравия и Турция, нацеленных на вовлечение республики в ареал собственного влияния, в том числе путем активного использования религиозных инструментов. Предварительный анализ влияния внешнего исламского фактора в Кыргызской Республике позволяет предположить, что в стране активно действуют два типа экзогенного воздействия на ислам, каждый из которых стремится захватить пространство республики путем разрушения ее идентичности и встраивания собственных ценностей.

Таким образом, главной особенностью религиозной ситуации в Кыргызстане является тот факт, что в стране среди верующих обретают своих последователей почти все пришедшие извне религиозные течения. По мнению многих экспертов, геополитические аспекты во многом определяют религиозные процессы, которые здесь происходят.

Основными странами, откуда привносятся исламские идеи, являются Саудовская Аравия и другие страны Аравийского полуострова, а также Индия, Пакистан, Турция, Иран. Последний имеет наименьшую степень влияния в республике, это связано с тем, что в Иране исповедуется

¹ Элебаева А. Б., Эсенаманова Н. С., Чотаев З. Д. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике...

ислам шиитского толка. Проект «построения всемирного халифата» арабских стран, «османской и пантюркистской стратегии Турции» направлены на вовлечение Кыргызстана в свои цивилизации¹.

Возрождение ислама в Кыргызстане и интервенция его зарубежных форм из стран Южной Азии и Аравийского полуострова способствовали массовому распространению ислама и замене им априори атеистической коммунистической идеологии исламской альтернативой. В основу ислама в Кыргызстане был заложен ислам суннитского направления, что способствовало проникновению в страну разных школ данного течения. Наибольшую опасность представляли формы политического ислама, когда зарубежные религиозные группы, организации и даже государства преследовали своей целью использование ислама в целях изменения форм государственного управления и насаждения собственных религиозно-государственных взглядов в Кыргызской Республике.

На сегодняшний день проекты по продвижению собственной модели ислама в Кыргызстане вполне могут рассцениваться в качестве геополитических проектов. Соответственно, в Кыргызстане действуют геополитические проекты Турции, Саудовской Аравии, Сирии, Ирана, активно использующих религиозный инструмент.

Турция. Геополитический проект Турции основан на исторических предпосылках, связанных с существованием одного из крупнейших государственных образований мира – Османской империи. Основопологающей целью османской и пантюркистской стратегии Турции является вовлечение народов стран региона в сферу собственного геополитического влияния.

¹ Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии / М. К. Асанбеков и др. ... – С. 6.

Основными источниками турецкого влияния в Кыргызской Республике можно считать «Хизмет» – последователей Фетхуллаха Гюлена, «Нурджулар» – последователей Саида Нурси и «Сулейманджилар» – последователей Сулеймана Хильме. У этих течений есть отличия: первое пропагандирует версию более светского и прогрессивного ислама, а второе и третье больше фокусируются на изучении и понимании Корана¹. Последователи течения «Нурджулар» проводят свои собрания по изучению Корана в интерпретации Саида Нурси в частных домах, которых в Кыргызстане на данный момент существует около 120-ти. Последователи «Сулейманджилар» на своих собраниях тоже изучают Коран и хадисы, но, в отличие от других, их обучают читать и понимать Коран на арабском языке. По мнению экспертов, ни те ни другие не представляют риска для государства или общественной безопасности.

На сегодняшний день большой популярностью в Кыргызстане пользуется сеть учебных заведений «Себат», которые открыты последователями учения Фетхуллаха Гюлена. В школах «Себат» не преподаются религиозные предметы, хотя не является секретом факт, что определенное религиозное воспитание ученики этих школ все-таки получают. Бывший сотрудник школы «Себат», в данное время преподающий в Кыргызском государственном педагогическом университете им. И. Арабаева, Узер Лел отметил, что преподаватели учебных заведений «Себат» стараются воспитывать в детях такие исламские ценности, как чистоту, уважение к родителям, любовь к родине, неприязнь к алкоголю. Воспитатели, большинство которых являются гражданами Кыргызстана, показывают ислам через свое поведение.

¹ Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике... – С. 38.

Одним из благотворительных фондов, имеющих отношение к партии Гюлена, является организация «Адеп башаты» («Источник нравственности»). Фонд был основан в 2003 г. выпускниками каирского университета «Аль-Азхар», которые несмотря на классическое исламское образование позже стали почитать Ф. Гюлена своим шейхом. «Адеп башаты» функционирует за счет пожертвований мусульман и местных предпринимателей.

Религиозное воздействие Турции укрепляется также и за счет финансирования строительства религиозных объектов. Так, в сентябре 2018 г. при участии Р. Эрдогана и С. Жээнбекова была открыта центральная мечеть Бишкека, построенная на средства Анкары. Общая стоимость строительства составила порядка 25 млн долларов, а архитектура мечети была выдержана в стиле мечетей османской эпохи¹. Несомненно, строительство мечети в статусе самой крупной в Кыргызстане и в Центральной Азии позволяет Анкаре в дальнейшем иметь влияние не только на исламскую, но и на политическую элиту страны.

Мусульмане Турции и Кыргызстана принадлежат к одному течению и мазхабу ислама, что делает исламское влияние менее радикальным. Тем не менее в процессе исламского влияния Турция старается охватывать политическую сферу, используя панисламизм в качестве средства геополитического инструмента. В настоящее время, учитывая курс Турции на усиление института президента и открытой исламской позиции Р. Эрдогана, можно сделать вывод, что она нацелена на реализацию панисламистской стратегии, в результате чего Турция станет центром мусульман, а лидер республики – их главным духовным управляющим².

¹ В Бишкеке открылась новая центральная мечеть (02.09.2018) // URL: <https://rus.azattyk.org/a/29466519.html>

² Эрдоган лично прочитал в мечети Анкары утренний призыв

Многие эксперты видят в турецкой модели идеальный вариант, подходящий для Кыргызстана, представляющий эффективную модель религиозно-государственных отношений. Эта модель, по их мнению, отвечает требованиям современности и уменьшает риски в сфере религиозной безопасности, так как в ней главный упор делается, в первую очередь, на высококачественное светское образование.

Тем не менее некоторые эксперты всё же высказывают подозрения в отношении турецкой модели и турецкого влияния в Кыргызстане. Они предполагают, что турки «работают на будущее» и результаты их влияния проявятся не сейчас, а по мере того, как будет взрослеть поколение выпускников турецких школ и университетов. Возможно, что эти выпускники начнут со временем занимать ответственные посты в структурах власти Кыргызстана и будут проводить протурецкую и панисламскую политику.

В последние годы позиция официальной Анкары по отношению к организации «Хизмет» Ф. Гюлена крайне негативна. Организация подозревается в попытке государственного переворота в Турции в 2016 г., за что ее признали террористической организацией. Пользуясь дипломатическими каналами и встречами на уровне глав государств, Турция неоднократно требовала закрыть сеть лицеев «Себат» в Кыргызстане. Так, министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу предупредил правительство КР о возможной угрозе, исходящей от выпускников гюленовских учебных заведений: «Мы предупреждаем о надвигающихся угрозах в рядах стран. К примеру, мы уведомили Кыргызстан о возможном повторении сценария, который был разыгран в Турции ночью 16 июля. Мы оповестили власти КР, что сторонники и сподвижники

к молитве (21.07.2016) // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3473446>

организации Гюлена работают в вышестоящих органах государства, и отметили, что необходимо принять соответствующие действия»¹.

Таким образом, мы становимся свидетелями того, что Анкара уже пытается оказать давление на высшую политическую элиту Кыргызстана, подвергая, тем самым, сомнению государственный суверенитет республики.

Саудовская Аравия и Сирия. Большинство экспертов едины в том, что наиболее потенциально опасными и требующими особого внимания религиозными течениями в Кыргызстане и в целом в Центральной Азии являются салафизм и религиозно-политическая партия «Хизб ут-Тахрир», имеющие центры внешнего управления в Саудовской Аравии и Сирии. Последователи этих течений не признают местных ученых и масхабы, а получают фатвы от популярных интернет-шейхов из других стран. Представители местного духовенства не представляют для них никакого авторитета, и они постоянно вступают в полемику с представителями других джамаатов.

С точки зрения экс-муфтия ДУМК КР Рахматулло Эгембердиева, салафиты идут против традиционного быта, разрушают традиционную религию. Их идеология и практика противоречат идеологии и практике традиционного ислама в Центральной Азии. По его мнению, опираясь на салафитов определенные силы в арабских странах пытаются дестабилизировать ситуацию в Кыргызстане. С недавнего времени муфтият уже не оказывает поддержку студентам, желающим пройти обучение в Саудовской Аравии².

¹ Глава МИД Турции предупредил Кыргызстан о возможном перевороте // URL: <https://ru.sputnik.kg/politics/20160725/1028129866.html>

² Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике... – С. 40.

По мнению А. Салиева, Саудовская Аравия содействует американским геополитическим проектам в регионе через популяризацию антииранских, антитурецких, антикитайских, антироссийских трендов в религии, а также подвергает теологической критике местные религиозные школы и течения, зачастую обвиняя последние в ереси и отступлении от ислама. По сути, очевиден «такфиристский» акцент пропаганды «саудовского ислама», что чревато невозможностью диалога верующих не только с немусульманами, но и другими себе подобными верующими¹.

Хаджи баши Мухаммед Шариф считает, что на сегодняшний момент салафиты в Кыргызстане пока не стремятся к власти, но они выбрали тактику повсеместного внедрения своих людей. Кроме того, салафиты и религиозно-политическая партия «Хизб ут-Тахрир» в Кыргызской Республике активно работают в среде заключенных. По мнению К. Маликова, организация «Хизб ут-Тахрир» также начала пересматривать инструменты своей деятельности, изменяя стратегию работы в Кыргызстане с учетом специфики региона, переключаясь на так называемые социальные проекты, одновременно внедряя своих членов в государственные структуры, в том числе и силовые².

Иран. На сегодняшний день Иран лидирует по активности политического ислама в мусульманском мире и видит себя в качестве *умр кара* – матери городов, своего рода модели для всего мусульманского мира. Однако, как показал опрос экспертов, иранское влияние в Кыргызской Республике на сегодняшний день очень незначительное

¹ Салиев А. А. Реализация арабскими странами в Центральной Азии концепции построения «всемирного халифата» // Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии... – С. 143.

² Маликов К. К. Краткое пособие по Исламу. – Бишкек, 2013. – С. 107.

и не представляет угрозы. Иран в Кыргызстане не преследует цели распространения шиизма. Как считает эксперт Азиз Скаков, главной целью Ирана в Кыргызстане и в целом в регионе является улучшение имиджа шиизма среди простых мусульман, завоевание их доверия и введение в местные религиозные практики поклонения мертвым по иранской аналогии.

В Кыргызстане действуют две иранские культурно-образовательные организации – фонд «Каусар» и культурное представительство Ирана. Фонд «Каусар» с 2002 г. поддерживает центр исламоведения в Кыргызском национальном университете. На сегодняшний день центр выпустил уже больше 100 студентов, обучение которых было оплачено фондом. За деятельностью фонда стоит влиятельный университет «Жаматуль-Мустафа», который создан по аналогии с египетским университетом «Аль-Азхар»¹. Иранцы в Кыргызстане не представляют большой угрозы безопасности, поскольку большая часть мусульман республики представлена суннитами.

Индия и Пакистан. Появившаяся в Кыргызстане в 90-х гг. прошлого века организация «Таблиги джамаат» (ТД) представлена религиозной доктриной, центр которой находится в Пакистане. На нынешнем этапе приверженцы этого движения аполитичны и не имеют целью смену действующей власти или конституционного строя. В религиозно-правовой доктрине «Таблиги джамаат» прописано воздерживаться от вмешательства или участия в политике².

Тем не менее в рядах организации «Таблиги джамаат» были заметны случаи проповеди крайнего аскетизма

¹ Месамед В. И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. – М., 2010. – С. 25.

² Салиев А. А. Реализация арабскими странами в Центральной Азии концепции построения «всемирного халифата»... – С. 145.

и самоизоляции от общественной жизни. Из организации выделилось течение «Якын Инкар», призывающее отказать от всех благ цивилизации и жить в полном соответствии с тем временем и условиями, в которых жил пророк Мухаммад. Члены течения отказывались пускать детей в школу и получать медицинские прививки. В 2017 г. течение «Якын Инкар» было официально запрещено в Кыргызстане.

В Кыргызстане существуют внешние угрозы экстремизма и терроризма. По мнению экспертов, этому способствует репрессивная политика в Таджикистане и Узбекистане, вследствие которой члены экстремистских ячеек стремятся найти убежище в Кыргызстане. Кроме того, существует угроза возвращения из зоны боевых действий в Сирии членов запрещенной в Кыргызстане международной террористической организации ИГИЛ.

Форма салафизма – вахабизм – является государственной идеологией и религией в Королевстве Саудовская Аравия (КСА), которое уже реализует геополитический проект всемирного халифата и в Кыргызстане, путем насаждения фундаменталистских идей салафизма. Для этого Саудовская Аравия имеет доступ к населению через мечети, религиозные фонды и объединения, созданные при поддержке КСА.

Весьма опасными для национальной безопасности страны являются схожие по идее к салафизму формы радикального исламизма. В числе главных угроз для Кыргызстана являются фундаменталистские взгляды и проекты построения исламского халифата с включением Кыргызстана, продвигаемые членами запрещенной в Кыргызской Республике организации «Хизб ут-Тахрир».

Массовая исламизация Кыргызстана, связанная в том числе с интервенцией зарубежных форм ислама, привела

к тому, что сегодня, в некогда формально атеистическом государстве, количество мечетей превышает количество школ. Так, в Кыргызстане числится около 2,5 тыс. религиозных объектов. Большой частью мечети строятся не без участия внешней помощи. Так, один только арабский фонд «Всемирная ассамблея молодежи» построила в Кыргызстане около 200 мечетей¹. Зависимость от внешних спонсоров в возведении объектов религиозного назначения зачастую превращает последние в центры пропаганды экстремизма, поскольку иностранное финансирование априори ставит в зависимое положение представителей местного духовенства. Детерминантом успешности призывов исламистов, в частности партии «Хизб ут-Тахрир», на территории КР к созданию халифата – государства всеобщего благоденствия и справедливости – является неэффективность как традиционных, так и демократических институтов в решении насущных проблем общества².

Между тем религиозное пространство Кыргызстана наполняется растущим числом религиозных общественных фондов, среди которых немало иностранных представительств, нередко преследующих под благими намерениями политические цели, таких как Международный благотворительный фонд «Ас-Салам» (Кувейт), Всемирная ассамблея молодежи (WAMY) и «Аль Вахв аль-Ислами» (Саудовская Аравия) и др.

Таким образом, основными исламскими геополитическими проектами, действующими в Кыргызской Республике,

¹ На деньги арабского шейха в Кыргызстане построили 20 школ (04.08.2017) // URL: <http://bilim.akipress.org/ru/news:1397890/?f=cp>

² Таткало Н. С. Процесс исламского возрождения в Кыргызстане через призму возможных угроз национальной безопасности // Способы противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. ст. / ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2019. – С. 17.

являются проекты Саудовской Аравии, Катара, Пакистана, Турции, Ирана и других исламских государств. Наибольшее влияние на республику оказывает именно арабская модель ислама – салафизм, которая, являясь формой государственной религии КСА в виде ваххабизма, выступает наиболее политизированной. В свою очередь, привнесение политизированной религии угрожает национальной безопасности страны, поскольку основной идеей исламского геополитического проекта Саудовской Аравии является установление всемирного халифата, то есть фактическое стирание границ между государством и исламом – превращение светских государств в исламские. На втором месте по степени значимости находятся исламские проекты Турции, направленные прежде всего на вовлечение Кыргызстана и региона Центральной Азии в целом в сферу своего влияния.

В отдельную категорию исламских геополитических проектов можно отнести воздействие псевдоисламских экстремистских и террористических организаций («Хизб ут-Тахрир», «Исламское государство», «Джайшуль Махди» и др.). Несмотря на принципиальную разницу в методах реализации проектов официальных государств и МТО, их объединяет общая конечная цель, выражающаяся в разрушении суверенитета и светскости, захвата государства, что является непосредственной угрозой для национальной безопасности Кыргызстана.

Таким образом, проведенный в данном параграфе анализ общей ситуации в Кыргызстане в свете его геополитической специфики свидетельствует о значительных масштабах внешней зависимости нашей страны от различных геополитических центров силы. Каждый из этих центров преследует цель включения Кыргызстана в сферу собственного влияния путем навязывания присущих

им моделей развития, расширяя, тем самым, собственное геополитическое пространство. В сложившейся ситуации Кыргызстан играет роль не субъекта, а объекта геополитической экспансии, что представляет несомненную угрозу его национальной безопасности. Из этого вытекает насущная необходимость выработки стратегической программы выхода республики из состояния геополитической зависимости, что крайне важно для перспектив ее развития.

Сложившаяся ситуация в сфере безопасности Кыргызстана, зависимость республики от мировых геополитических центров силы оказывает значительное влияние в сфере внешнего воздействия на мусульманское сообщество страны. Оно существенно усугубляет масштабы и формы этого воздействия, оказывает влияние на его цели и представляет собой особо опасную угрозу для безопасности страны, поскольку стремится оторвать Кыргызстан от сообщества светских стран и превратить его в исламское государство.

1.2. Региональные и религиозные конфликты в современном мире как угроза национальной безопасности Кыргызстана

Данный параграф посвящен вопросам влияния на национальную безопасность Кыргызской Республики региональных и религиозных конфликтов, имеющих место в современном мире и оказывающих существенное влияние на процессы, происходящие в мусульманской общине Кыргызстана. Исследуемые явления сыграли и продолжают играть важную роль в процессах внешнего воздействия на мусульман нашей страны, и их изучение позволит существенно углубить наши представления о роли

и целях религиозной экспансии, объектом которой стал Кыргызстан.

Региональный конфликт – это разновидность международных конфликтов, конфликт между большими социальными группами или между двумя (возможно, несколькими) государствами, возникший и развивающийся в локальной территориальной зоне и не затрагивающий непосредственно интересы других групп или государств¹.

Религиозный конфликт – это, прежде всего, конфликт человеческий, обусловленный противоречиями интересов различных социальных групп, объединенных в два или более враждебных лагеря, при условии, что каждый лагерь руководствуется единой для всех его членов системой ценностей, взглядов на мир, нравственных и моральных убеждений². Специфика религиозных конфликтов заключается в том, что они затрагивают духовную жизнь людей, внутренний мир верующих, связанный с миром иным, божественным.

Оба вида названных конфликтов, к сожалению, имеют место на сегодняшний день в мире.

Центральная Азия, и Кыргызская Республика в том числе, находятся в стратегически важном регионе, через который еще с древних времен проходили важнейшие торговые пути из стран Востока в Европу и обратно. Это регион, в котором сегодня сосредоточены интересы ведущих мировых держав, таких как Россия, Китай, США.

В последнее время большое влияние на Центральную Азию стали оказывать региональные и религиозные конфликты, в том числе кризис в ближневосточных странах,

¹ Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006.

² Нуруллаев А. А. Проблемы диалога религий в эпоху глобализации // Вестник РУДН. – 2001. – № 3.

противостояние сирийской армии совместно с мировым сообществом «Исламскому государству», действовавшему на территории Ирака и Сирии, ситуация в Афганистане. Многие конфликты, происходящие в мире, имеют место в странах, где мусульмане являются ведущей религиозной группой населения. При этом показательно, что исламский фундаментализм за последние тридцать лет подтвердил свою способность активно бороться с государственными режимами, порой даже уничтожая их¹.

После крушения коммунистической идеологии мусульманам стран центральноазиатского региона активно стали навязываться извне исламистские идеи ваххабитского толка. Под прикрытием различных официальных мусульманских организаций спецслужбы Пакистана, Саудовской Аравии, Ирана, Иордании, ОАЭ продолжают укреплять свои позиции среди мусульманского духовенства и верующих в странах ЦА-региона². По мнению экспертов, процессы в сфере безопасности в этом регионе представляются еще более «многофакторными» и «угрозоемкими», чем во многих других регионах мира. Наиболее опасными при этом являются угрозы международного терроризма, религиозного экстремизма, наркоторговли и незаконной миграции³. Вызовы и угрозы для национальной безопасности Кыргызстана и в общем региональной

¹ Омаров Н. М. Исламский радикализм как глобальный вызов безопасности современной Центральной Азии // Афганистан и безопасность Центральной Азии: Сб. ст. / Под ред. А. А. Князева. – Вып. 1. – Бишкек: Илим, 2004. – С. 113–123.

² Маслов В. И. Региональная безопасность: история и проблемы Новых Независимых Государств Центральной Азии: Дис. ... канд. пол. лит. наук. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2001. – С. 138.

³ Современная международная безопасность: Уч. пос. / Под ред. В. М. Кулагина. – М.: КНОРУС, 2012. – С. 424–425.

безопасности республик Центральной Азии усугубляются отчасти внутренней нестабильностью в ряде государств региона, лишь недавно вставших на путь независимого развития и всё еще отягощенных грузом проблем, оставшихся после развала СССР, и появившихся новых проблем уже в постсоветский период.

После развала Советского Союза и обретения независимости распалась единая система союзной безопасности, что подтолкнуло Кыргызстан к выстраиванию собственной структуры и стратегии национальной безопасности. Геостратегическое положение Кыргызстана определяется его тупиковым расположением в регионе Евразии, отсюда и неблагоприятное для устранения внешней угрозы местоположение среди сопредельных государств.

Выстраивание доктрины национальной безопасности Кыргызской Республики осуществлялось на основе учета региональных, конфессиональных и международных факторов. В современных реалиях имеются серьезные угрозы национальной безопасности республики, ее суверенитету, территориальной целостности и нерушимости границ, о чем речь пойдет ниже.

Согласно Концепции национальной безопасности Кыргызстана, утвержденной Указом Президента КР от 9 июня 2012 г., под *национальной безопасностью* понимается гарантированное состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз¹. Из указанного определения можно сделать вывод, что основными объектами национальной безопасности Кыргызстана являются безопасность личности, общественная и государственная безопасность, основополагающей из которых является безопасность личности.

¹ См. выше.

Угроза национальной безопасности Кыргызской Республики – это «прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам и свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию, обороноспособности Кыргызской Республики. Угрозы национальной безопасности Кыргызстана в различных сферах жизнедеятельности обуславливаются экономическими и политическими противоречиями в регионе и в мире, нерешенностью внутренних проблем, военными, информационными, экологическими и другими факторами. Все эти факторы создают в совокупности широкий спектр внешних и внутренних угроз национальной безопасности страны»¹.

Проблема обеспечения национальной безопасности Кыргызской Республики имеет комплексный, многогранный характер и непосредственно связана с необходимостью защиты личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности (религиозной, социально-экономической, экологической, информационной, политической и т. п.).

Учитывая уровень политического и экономического развития республики и ее место в современном мире, а также мировую и региональную политическую обстановку, угрозы национальной безопасности Кыргызстана носят характер как внутренних, так и внешних угроз. К внутренним угрозам можно отнести слабость экономики, коррупцию, слабость государственных институтов, маргинализацию и исламизацию общества и др. Но многие внутренние угрозы национальной безопасности республики

¹ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. Утв. Указом Президента КР от 9 июня 2012 г. № 120 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61367>

подпитываются внешними угрозами, которые также были прописаны в Концепции национальной безопасности КР. В ней говорится о том, что Кыргызстан продолжает «испытывать влияние глобальных политических процессов, в том числе так называемой “арабской весны” 2011 года, в результате которой сменились власти в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене. Хотя Кыргызстан в результате апрельской революции 2010 г. и принятия новой Конституции встал на путь демократического развития, политическая нестабильность и военные конфликты в отдельных странах Ближнего Востока и Северной Африки составляют потенциальную угрозу государствам центральноазиатского региона через возрастание роли исламского фактора... Ситуация в Афганистане продолжает входить в число ключевых угроз для стабильности Центральной Азии, поскольку до настоящего времени власти этой страны сталкиваются с большими трудностями в решении фундаментальных проблем в социально-экономической, политической и военной сферах»¹.

Регион Ближнего Востока всегда был довольно «пестрым», начиная с периода колониального владычества западных стран, когда он фактически был поделен между ведущими колониальными странами того времени – Англией и Францией, влияние которых на арабский мир сохраняется и сегодня. Большинство государств Ближнего Востока относительно молодые, получившие независимость после второй мировой войны, когда ведущие метрополии мира отказались от притязаний на заморские территории. Нынешние границы ближневосточных государств были проведены по границам прежних протекторатов и являются в значительной степени искусственными. Это стало одной из причин того, что сегодня в регионе существует много

¹ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики от 9 июня 2012 г. № 120...

слабых и неустойчивых государств, а также территорий, управляемых негосударственными структурами. Ближний Восток богат природными ископаемыми, и ископаемые эти являются, с одной стороны, благом для стран региона, а с другой – злом, так как из-за своих природных богатств, в первую очередь огромных запасов нефти и газа, ближневосточный регион всегда находится в фокусе интересов ведущих мировых держав. И нынешняя ситуация, складывающаяся на Ближнем Востоке, является результатом передела сфер влияния между крупными игроками мировой политики – США, Европой, Турцией, Саудовской Аравией, Ираном и Кувейтом.

Ближний Восток традиционно является зоной военно-политической турбулентности. Народы стран региона, как и в прежние десятилетия, испытывают на себе последствия острых социально-экономических, политических, демографических, экологических и иных проблем. Произошедшие в регионе в начале XXI в. события, получившие название «арабской весны», в той или иной степени заделали все государства Ближнего Востока, а также Северной Африки. Серия протестов и демонстраций против действующих правительств по всему Ближнему Востоку и Северной Африке началась в Тунисе 18 декабря 2010 г. С успехом протестов в Тунисе волна беспорядков обрушилась на Алжир, Иорданию, Египет и Йемен, а затем распространилась и на другие страны. Ближневосточный кризис и последовавшие в его рамках события «арабской весны» способствовали дальнейшему углублению кризисной ситуации в странах Ближнего и Среднего Востока и привели к далеко идущим последствиям в мировой политике¹.

¹ Международным терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана и пути ее преодоления / Отв. ред. А. Л. Салиев, ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2017. – С. 87.

В регионе Ближнего и Среднего Востока (БСВ), где довольно силен традиционный уклад жизни, западные страны, в особенности США, на основе концепции «Большого Ближнего Востока» (ББВ) стремились решить свои стратегические задачи¹. Проект ББВ помимо ближневосточных арабских стран охватывает Иран, Турцию, Афганистан, Пакистан, Туркменистан, Кавказ и еще ряд мусульманских стран, а также традиционно страны Северной Африки, исповедующие ислам. Но на смену термину «Большой Ближний Восток» государственным секретарем США Кондолойзой Райс в Тель-Авиве в июне 2006 г. был представлен новый термин – «Новый Ближний Восток» (НБВ). Он был призван заменить устаревшее и несколько навязшее понятие «Большой Ближний Восток», а также показать наличие в регионе долгоиграющих интересов Соединенных Штатов. К уже вышеперечисленным странам в список Нового Ближнего Востока американскими стратегами были добавлены страны и регионы так называемых «евразийских Балкан», включающих в себя Кавказ и Центральную Азию, Афганистан, а также в некоторой степени Иран и Турцию².

Как видно из представленной информации, события, происходящее на территории Ближнего Востока, оказывают прямое влияние на Кыргызскую Республику.

За внешней благой миссией со стороны США – «демократизировать» Ближний Восток по западному стилю – стояли далеко идущие планы по усилению их влияния в регионе. Перетасовка, смешение и передел национальных

¹ Евсеев В. В. Концепция «Большой Ближний Восток» под углом национальной безопасности // Национальная безопасность. – 2013. – № 4 (27) // URL: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=5426

² Махди Дариус Наземройя. Global Research: Планы передела Ближнего Востока: проект для «Нового Ближнего Востока» // URL: <https://24.kg/archive/ru/news-stall/10355-2006/11/27/10734.html/>

государств Ближнего Востока преподносится Соединенными Штатами как решение проблемы насилия в этом регионе, которая при этом, на наш взгляд, является отчасти надуманной. Ведь зачастую в странах Ближнего Востока, где происходили события «арабской весны», так называемая оппозиция поддерживалась, а то и прямо финансировалась США. Для США регион «евразийских Балкан», куда включены как страны Ближнего Востока, так и Кыргызстан, интересен с точки зрения имеющихся природных богатств и ресурсов. Также немаловажный интерес представляет то, что «евразийские Балканы» расположены по обе стороны возникающей транспортной сети, которая должна соединить самые богатые районы Евразии и самые промышленно развитые районы Запада с крайними точками на Востоке, которые также имеют важное значение с геополитической точки зрения. «Евразийские Балканы» гораздо более важны как потенциальный экономический выигрыш: в регионе помимо важных полезных ископаемых, включая золото, сосредоточены огромные запасы природного газа, нефти и огромный потенциал энергетики.

Желание получить доступ к потенциальным богатствам этого региона и участвовать в их распределении провоцирует у США далеко идущие цели по дестабилизации данного региона и одновременному закреплению в нем своего присутствия. Ситуация характеризуется еще большим непостоянством вследствие того, что регион отличается внутренней нестабильностью. Почти каждая из стран имеет свои нерешенные внутренние проблемы. Плюс к этому свои геополитические интересы в регионе имеют, в том числе, и такие страны, как Россия, Китай, Турция и Иран. Соответственно, противостояние ведущих мировых держав, а также цели, заложенные доктриной «Нового Ближнего Востока» США, в ближайшем будущем не прогнозируют

спокойствия в регионе. Однако «все попытки Вашингтона “демократизировать” регион БСВ веди только к усилению там процессов нестабильности, религиозного фундаментализма и терроризма»¹. Проводимая необдуманная политика США в регионе в итоге и подтолкнула к появлению так называемого «Исламского государства Ирака и Леванта» (в дальнейшем ИГИЛ) на территории Сирии и Ирака².

Гражданская война в Сирии, которая в течение четырех предшествующих десятилетий переживала период относительной стабильности, также началась под воздействием протестных сил «арабской весны». Начало зарождению конфликта на территории Сирии было положено выступлением оппозиции против действующего правительства в 2011 г. Развитию конфликта способствовала и обстановка внутри страны, вызванная отчасти долго назревающим религиозным фактором. На протяжении длительного времени у власти в Сирии было религиозное меньшинство – шииты, которые занимали ведущие государственные должности в стране еще со времен правления отца Башара Асада – Хафеза. В итоге, сложилась ситуация, при которой «меньшинство, которое находилось у власти 45 лет, полностью пренебрегает большинством»³, то есть суннитами. Правительство действующего президента Сирии Башара Асада пользовалось поддержкой шиитского Ирана. Поддержку правящим кругам в Сирии оказывала и военизированная ливанская шиитская организация «Хезболла»⁴.

¹ Шарипов У. З. Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии / Ин-т востоковедения РАН. – М., 2013. – С. 326–327.

² Обама признал роль ошибок США в зарождении ИГИЛ // URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/12/2016/5847439d9a7947a674f9cf08>

³ Ширин Эбади: Бросайте на ИГ не бомбы, а книги [Интервью] // URL: <https://ria.ru/20151208/1337677059.html>

⁴ «Хезболла»: загнанный зверь на защите Сирии // URL: <https://ea.daily.com/ru/news/2016/06/24/hezbollah-zagnannyy-zver-na-zashchite-sirii>

Ведущие суннитские страны – Саудовская Аравия, Катар, Объединенные Арабские Эмираты – усматривают для себя угрозу в союзе Дамаска и Тегерана, поскольку у них вызывают опасения претензии шиитского Ирана на региональное лидерство. Проводя такую региональную политику, Башар Асад настроил против себя монархии Персидского залива.

Это обусловило развитие вначале конфликта между оппозицией и правительством, приведшего в итоге к гражданской войне, и затем вмешательство влиятельных мировых держав и крупных региональных игроков – России и Соединенных Штатов, Европейского союза и Турции, Ирана и Саудовской Аравии, Израиля и Катара, ИГИЛ и «Хезболлы».

Роль мировых держав, таких как Россия и США, в данном конфликте вкратце можно свести к следующему:

- Россия, по официальному обращению действующего руководства Сирии, путем применения своих Воздушно-космических сил помогает в стабилизации ситуации и преследует свои геополитические интересы, в том числе возвращение утраченных после развала СССР позиций в регионе и закреплении на территории Ближнего Востока. Также участие России в конфликте вызвано превентивной борьбой с исламским фундаментализмом, распространение которого грозит наличием проблем на российском Кавказе, а также в Центральной Азии, и в Кыргызстане в частности;

- США и их союзники, отчасти виновные в нынешнем кризисе в регионе – путем поддержки некоторых групп так называемой «невооруженной оппозиции», отстаивают свои интересы по влиянию в регионе путем осуществления своих геостратегических программ, а также поддерживают своих ближневосточных партнеров – Саудовскую

Аравию, Кувейт, Катар, ОАЭ и др. Так называемая «оппозиция» в виде разнообразных вооруженных формирований была поддержана западными странами, в том числе финансированием, людскими ресурсами и оружием. США и их союзники по НАТО вербовали главарей террористических организаций и обычных уголовников в разных странах мира в качестве наемников, а затем готовили их в специальных лагерях на турецкой и ливанской территориях. Так, в СМИ сообщалось о том, что «границу с Сирией перешло до 10 тысяч профессиональных наемников, боевиков и террористов, имеющих на вооружении 50 танков и БМП, десятки ПЗРК»¹.

Основными региональными игроками, имеющими влияние на конфликт в Сирии, являются Турция, Иран, Израиль, Саудовская Аравия, Катар, ливанская военизированная организация «Хезболла», «Исламское государство», а также страны Лиги арабских государств. В частности:

- Турция стремится предотвратить создание курдской автономии в Сирии, добиться установления умеренного исламистского режима в Дамаске и сдержать геополитическое влияние Ирана в регионе;
- Иран поддерживает сохранение режима Асада, являющегося его союзником в Ближневосточном регионе;
- Израиль официально держится в стороне от войны в Сирии, но Тель-Авив беспокоит активность «Хезболлы» и Ирана в регионе;
- Саудовская Аравия рассматривает войну в Сирии как возможность перестроить архитектуру Ближнего Востока и изменить расстановку сил в регионе;
- Катар заинтересован в свержении режима Асада из-за желания осуществить проект по прокладке своего

¹ Шарипов У. З. «Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии... – С. 273–274.

газопровода через территорию Сирии с транспортировкой газа в Европу;

- решение «Хезболлы» о непосредственном участии в сирийском конфликте на стороне правительственных сил Б. Асада принято под влиянием Ирана;
- основной целью «Исламского государства» (созданного на основе иракской «Аль-Каиды») является создание суннитского исламского государства на территории Ирака, Сирии, Ливана, Израиля, Палестины.

Разрастанию кризиса способствовала его беспрецедентная интернационализация с поддержкой антиасадовской оппозиции региональными (Турция, аравийские монархии) и внешними (в первую очередь, США и Франция) игроками. Стремление последних любой ценой сменить в Сирии режим привело к милитаризации конфликта, накачиванию непримиримой оппозиции деньгами и оружием. Требование ухода Башара Асада с поста президента Сирии сопровождалось быстрым появлением оппозиционных сил, поддерживаемых странами Запада, а также их ближневосточными союзниками, выстраивающими альтернативную структуру власти. Диверсионно-террористическая активность со временем эволюционировала в крупномасштабную партизанскую войну на широком театре боевых действий. В результате, значительные территории страны в приграничье с Турцией и Ираком перешли под контроль вооруженной оппозиции, а линия фронта вплотную приблизилась к столице.

Между тем развитие конфликта привело к разобщению сирийского общества, ужесточению противостояния, в том числе и на межконфессиональной основе. На таком фоне в стане вооруженной оппозиции усилились позиции суннитских исламских радикалов (террористической интернациональной группировки «Джебхат ан-Нусра»,

являющейся отделением международной исламистской террористической организации «Аль-Каида» на территории Сирии и Ливана) с их призывами к джихадизации повстанческого движения, и в Сирию потянулись тысячи «борцов за веру» со всего арабо-мусульманского мира¹. После гражданских выступлений, начавшихся в Сирии в 2011 г., в последующем в разное время и в разных регионах Сирии и Ирака действовали разнообразные вооруженные группировки с разной идеологией и разными конечными целями.

Основными участниками сирийского конфликта являются правительственные силы и группировки разного толка. Можно выделить следующие организации и объединения, участвовавшие в конфликте на территории Сирии и Ирака:

– «Свободная сирийская армия» (ССА) – первое крупное объединение, которое было сформировано из дезертировавших из правительственной армии солдат и офицеров уже через четыре месяца после начала протестных выступлений в стране – в июле 2011 г. В этническом плане представляет собой преимущественно этнических сирийцев, без значительного числа иностранного контингента. Эту часть оппозиции принято называть умеренной и светской, именно ее спонсируют и обучают некоторые страны Запада и Персидского залива, а также Турция. Несмотря на международную поддержку и заявляемую высокую численность (около 50 тыс. человек), деятельность ССА остается малоэффективной из-за отсутствия единого руководства и, как следствие, слабой координации между различными отрядами. Некоторые исследователи считают, что ССА существует только на бумаге, на самом деле представляя из себя

¹ Гражданская война в Сирии и история политического урегулирования // URL: <https://ria.ru/20180129/1513416087.html>

различные группировки со своим руководством и идеологией, объединенные исключительно желанием получить финансовую и военную помощь Запада;

- асадовские проправительственные силы, части регулярной государственной армии, а также ополченцы в некоторых районах Сирии;

- особняком в данном конфликте на территории Сирии и Ирака стоят курды. Имея достаточный опыт партизанской войны на территории соседних Турции и Ирака, жестко спаянные по племенному и клановому принципу, фанатичные и дисциплинированные, отряды курдского ополчения нацелены исключительно на защиту курдских земель. В боестолкновения с правительственными войсками они не вступают, общей линии фронта не имеют и открыто даже не претендуют на независимость, говоря исключительно об автономии. При этом курды оказывают жесткое сопротивление ИГ и «Фронту ан-Нусра», но не переходят границ своих районов, то есть ведут только оборонительные бои.

Отдельно среди участников конфликта на территории Сирии и Ирака необходимо выделить объединения и группировки, преследующие религиозные цели в данном конфликте. В разные периоды конфликта в Сирии численность разнообразных группировок достигла нескольких сотен. Характерная черта этих группировок – постоянные объединения и расколы, разногласия по всему происходящему в Сирии и Ираке. Основными «участниками», преследующими религиозные цели данного противостояния, являются следующие группировки:

- «Джабхат ан-Нусра» («Фронт ан-Нусра») – второе по численности (после ССА), но не по военной мощи – вооруженное объединение, противостоящее правительственным силам. Полное название переводится с арабского как

«Фронт помощи народу Шама» (то есть Великой Сирии). О создании фронта, представляющего «Аль-Каиду» в Сирии, было заявлено в начале 2012 г. Эта исламистская группировка противостоит не только правительственным войскам, но и ССА, а также ИГИЛ, с которым отказалась объединяться из-за споров в руководстве. Состоящие преимущественно из религиозных фанатиков с включением иностранных добровольцев отряды «Джабхат ан-Нусра» отличаются от ССА большей боеспособностью и лучшей координацией; в своей борьбе они часто используют террористов-смертников;

– кроме «Фронта ан-Нусра» на севере Сирии действует ряд исламистских повстанческих группировок, которые в разное время объединялись в коалиции с похожими названиями («Исламский фронт», «Сирийский исламский фронт», «Исламский фронт освобождения Сирии») или действовали самостоятельно. Данные объединения действуют при поддержке Саудовской Аравии, Катара и по своей идеологии близки международной организации «Братья-мусульмане»;

– есть в Сирии и почти полностью иностранные группировки – например, «Джейш аль-мухаджирин валь-ансар» (дословно: «армия переселенцев и сподвижников»), большую часть членов которой составляют выходцы из стран СНГ, большей частью с российского Кавказа;

– наиболее радикальная часть воюющих на территории Сирии и Ирака повстанцев известна под названием «Исламское государство». Объединение с первоначальным названием «Исламское государство Ирака» появилось около сирийских границ после слияния различных исламистских группировок в Ираке в 2006 г. С апреля 2013 г. объединение стало действовать и на территории Сирии, приняв название «Исламское государство Ирака»

и Леванта». Впоследствии географическая привязка в названии была отброшена, и в середине 2014 г. группировка стала именовать себя просто «Исламским государством» (ИГ), объявив о создании всемирного халифата. Главной боевой силой ИГ являются иностранные добровольцы, преимущественно выходцы из исламских стран, которые занимают в движении командные посты. Деятельность ИГ сочетает военные и террористические методы борьбы. По разным оценкам, в некоторые периоды активной фазы конфликта в Сирии ИГ контролировало до 50% территории страны, однако большая часть данных земель малонаселена и контроль над территорией часто выражался только в контроле над дорожным сообщением.

Вступление в конфликт западной коалиции во главе с США и российских вооруженных сил также повлияло на роль и цели некоторых участников конфликта.

Ситуация с участниками боевых действий на территории Сирии и Ирака

Более детально влияние конфликта в Сирии и Ираке на национальную безопасность Кыргызской Республики необходимо рассмотреть, изучая самого крупного «игрока» конфликта – ИГИЛ, стремящегося создать государство, полностью основанное на религиозных основах и принципах. До этого мировое сообщество не сталкивалось с таким сильным, особенно в идеологическом плане, противником. Фактически, захватив часть территории суверенных государств, на протяжении нескольких лет группа террористических организаций успешно «управляла» данной территорией, в конечном итоге создав квазигосударство, так называемый халифат – ИГИЛ, образованное на территориях Сирии и Ирака. В рядах боевиков, ставящих своей целью организацию государства по принципам

«истинного ислама времен пророка Мухаммеда», воевали представители многих стран мира.

Дата основания ИГ (ИГИЛ) – 15 октября 2006 г., когда был принят документ под названием «Уведомление человечества о рождении Исламского государства»¹. Целью организации обозначена ликвидация границ, установленных в результате раздела Османского халифата и создание ортодоксального суннитского исламского государства не только во всём исламском мире, но и во всём мире.

Террористическая группировка ИГИЛ с его основной целью – создание «исламского халифата», представляет собой уникальное социально-политическое явление. Слово «халифат» вызывает моральную поддержку в суннитском мире, поскольку в суннитском сознании глубоко заложено представление, что во времена исламского халифата, существовавшего в средние века, мусульмане правили всем миром. Получается, что, вооружившись парадигмой ИГИЛ, то есть парадигмой халифата, можно оправдать любые действия, в том числе самые жестокие убийства. Так как «святая цель»: «создание халифата» – оправдывает все средства².

В период наибольшего влияния, по данным источников, ИГИЛ насчитывало около 80 тыс. человек (50 тыс. террористов в Сирии и 30 тыс. в Ираке). Согласно оценкам американских спецслужб, более 1 тыс. террористов пополняло ряды ИГ ежемесячно, а общее число иностранцев, воюющих на стороне организации, выходцев из почти 100 стран мира, составляло 25–30 тыс. человек. Еще 15 тыс. исламистов из различных экстремистских группировок

¹ Данный документ является подобием «конституции» самопровозглашенного халифата.

² Этно-религиозные аспекты сирийского конфликта // URL: <http://conjuncture.ru/mo/Item-29-05-2017/>

присягнули на верность «халифату» в Ливии, Египте, Тунисе, Алжире, Марокко, Иордании, Турции, Йемене, Афганистане, Пакистане, Узбекистане, Нигерии, Мали, Нигере и Чаде¹. В 2013 г. организация объявила о своей самостоятельности от «Аль-Каиды» и начала подминать под себя мелкие боевые группировки. Тогда же она и стала называться ИГИЛ – «Исламское государство Ирака и Леванта» (Левант – историческое название средиземноморских земель, включающих в себя Сирию, Палестину, Иорданию и Ливан)². Летом 2014 г. боевики группировки «Исламское государство» объявили о создании халифата на подконтрольных им территориях Ирака и Сирии.

Конфликт на территории Сирии и Ирака, где запрещенная террористическая организация ИГИЛ пыталась построить шариатское государство, уникален еще и обширным применением современных средств коммуникации для осуществления мощной пропаганды, в том числе посредством сети Интернет, что само по себе было ново в области идеологии террористических организаций, но очень успешно использовалось ИГИЛ. Для продвижения своих материалов специалисты ИГ работают во всех видах СМИ, делая особый акцент на различные социальные сети. Специфика этих средств связи дает возможность раскинуть чрезвычайно разветвленную сеть без единого центра и довести в сжатые сроки необходимую информацию до целевой аудитории. К середине 2015 г. в Twitter отдельные специалисты насчитали уже около 90 тыс. аккаунтов,

¹ Кризис традиционной государственности на Ближнем Востоке и его последствия: Аналит. доклады / Ин-т междунар. исследований, МГИМО. – Вып. 1(45). – М., 2016. – С. 6.

² «Чудовище по имени ИГИЛ угрожает Кыргызстану...» [Интервью с кыргызстанским экспертом К. Маликовым] (03.11.2014) // URL: <https://delo.kg/?p=3376>

владельцы которых разделяли постулаты ИГ либо интересовались деятельностью этого квазигосударства. При этом лишь около 2 тыс. из них имели тесную связь между собой и являлись членами группировки или ее деятельными сторонниками. Каждый из таких аккаунтов имел от 2 до 50 тыс. подписчиков, создавая тем самым целевую аудиторию и распространяя информацию и взгляды радикальных исламистов. Помимо традиционно «текстовых» социальных сетей Twitter и Facebook экстремисты освоили и Instagram, а сервис Ask выполняет у них функцию онлайн-вербовщика, так что любой желающий поучаствовать в джихаде полностью анонимно может поинтересоваться, куда ему следует прибыть и с кем связаться¹.

Это обнажает еще одну угрозу для подрыва устоев национальной безопасности Кыргызской Республики – киберугрозу от интернет-проповедников террористических организаций. Посредством данной пропаганды в деятельность ИГИЛ вовлечены многие молодые люди с разных концов мира, которые под влиянием «сетевых проповедников» выезжали на территорию Сирии и Ирака для участия в боевых действиях на стороне ИГИЛ. Идеи о построении государства, основанного на «чистом» исламе, распространяемые различными способами, в том числе посредством сети Интернет, привлекли в ряды ИГИЛ множество сторонников², некоторые из которых, находясь на территории конфликта, принимали непосредственное участие в боевых действиях против сирийских правительственных

¹ «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы (Окончание) / А. Вавилов, Ю. Зинин, А. Казанцев и др. / ИМИ МГИМО (У) МИД // Россия и мусульманский мир. – 2016. – №5 (287). – С. 121.

² Как кыргызстанцев вербуют в террористы // URL: <https://www.kp.kg/daily/26609.5/3626431/>

вооруженных сил, которым оказывалась поддержка ВКС России и коалиционных сил под командованием НАТО.

Согласно информации международных организаций и ряда западных аналитических центров, в последние годы (по данным 2016 г.) «число иностранных боевиков-террористов, примкнувших к ИГИЛ, росло беспрецедентно высокими темпами» и в 2016 г. достигало 27–31 тыс. человек¹. В рядах ИГИЛ воевали, в основном, члены бывшей сирийской партии «Баас», арабы, турки, европейцы, американцы, афганцы, граждане стран Центральной Азии, а также представители многих других государств, всего из 89 стран мира².

Кыргызстанский теолог К. Маликов считает, что начало активизации вербовки рекрутов в зону конфликта идет с 2012 г. В 2011 г., когда вспыхнул сирийский конфликт, официально выезжающих в тот регион граждан Кыргызстана зафиксировано не было, движение началось в 2012 г. Вместе с тем в странах Центральной Азии и, в частности, в Кыргызстане возникают различные внутренние группы, которые поддерживают идеи ИГИЛ и полностью склоняются к радикальному течению ислама. Как считает К. Маликов, идеологию и взгляды ИГИЛ разделяют те, «кто поддерживает такфиристскую идеологию»³.

Известно, что в большинстве случаев в ряды террористических организаций вступают именно молодые люди, и это обусловлено рядом следующих социально-экономических факторов:

¹ См.: Гладченко Л. В. Тайны «чёрного интернационала» ИГИЛ (20.01.2017) // URL: <https://riss.ru/analytics/38349/>

² Foreign Fighters. Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq // The Soufan Group. – 2015. – December.

³ «Чудовище по имени ИГИЛ угрожает Кыргызстану...»: Интервью с кыргызстанским экспертом К. Маликовым...

– во-первых, сильная социальная стратификация, вызывающая резкую возрастающую форму социального неравенства;

– во-вторых, обладание элитой большинством благ и основных ресурсов порождает среди простого населения протестные настроения;

– в-третьих, существует четко выраженный социальный лифт, который не позволяет выйти из собственной социальной ниши, при этом теряются всякие надежды на более достойные условия жизни (данные показатели являются отличной почвой для вербовщиков ИГИЛ, которые гарантируют те блага, отсутствием которых страдает большая часть населения стран региона и КР, в частности¹.

Всё это говорит о возможности наличия так называемых «сочувствующих» и «спящих» ячеек сторонников ИГИЛ и других террористических организаций на территории республики, из чего следует, что в вопросах обеспечения безопасности Кыргызстан весьма уязвим. В связи с этим для Кыргызстана обозначился новый вызов для национальной безопасности страны, а именно выезд и участие граждан республики в конфликте на Ближнем Востоке². И что особенно таит в себе потенциальную угрозу для подрыва государственного устройства и стабильности Кыргызстана, так это возвращение граждан Кыргызстана, воевавших на стороне террористической организации, обратно на территорию республики, и часть из которых,

¹ ИГИЛ как фактор угрозы национальной безопасности КР / Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики // URL: <http://www.nisi.kg/91-analitika-po-regionam/328-igil-kak-faktor-ugrozy-natsionalnoj-bezopasnosti-kr.html>

² ГКНБ: Из 850 выехавших в Сирию кыргызстанцев погибли 150 // URL: https://kaktus.media/doc/376493_gknb:_iz_850_vyehavshih_v_siriu_kyrgyzstancsev_pogibli_150.html

несмотря на поражение ИГИЛ в Сирии, не отказывается от идеи построения халифата, основанного на исламских принципах, подрывающих светское устройство государства¹.

К. Маликов отмечает, что в период 2010–2015 гг. в Кыргызстане и в регионе в целом наблюдалось усиление роли и позиций ислама практически во всех сферах жизнедеятельности. Рост популярности исламистских идей связан, в первую очередь, с падением уровня светского образования. Существуют также два самых мощных дестабилизирующих фактора – это национализм и религиозный экстремизм. На фоне бедности, коррупции и других социальных проблем у молодежи вызывает симпатию ИГИЛ, пропагандистские уловки которого играют на чувстве справедливости. По словам эксперта, «воевать на стороне “Исламского государства” большинство едут не ради денег, а за справедливостью, за отстаивание определенных идей. Религиозный фактор – самый перспективный фактор для раскачки ситуации в центральноазиатском регионе»².

Аналогичные данные приводятся в отчете Международной кризисной группы: «...несмотря на то, что важную роль в вербовке граждан центральноазиатских республик в ИГ играют социально-экономические факторы, именно

¹ Кыргызстанец, вернувшись из Сирии, формировал террористическую группу // URL: https://kaktus.media/doc/358847_kyrgyzstanec_vernivshis_iz_sirii_formiroval_terroristi_cheskyu_gryppu.html; Боевики задержаны при попытке попасть в Кыргызстан – ГКНБ (27.05.2019) // URL: <https://ru.sputnik.kg/incidents/20190527/1044473266/kyrgyzstan-gknb-boevik-zaderzha-nie-granica.html>

² Кадыр Маликов: «Мусульманские общины Центральноазиатского региона раздроблены» [Выступление на круглом столе «Информационная безопасность как гарантия стабильности на Евразийском пространстве»] (11 июня 2015 г.) // URL: <http://www.news-asia.ru/plugins/news/view/category/religion/id/8377>

идею священной войны за ислам следует выделить в качестве главной причины»¹. На это обстоятельство обращает внимание и К. Маликов: «Идет рост протестных настроений среди молодежи. “Арабская весна” захлебнулась, вместо справедливости принесла хаос. И вот на этом фоне появляется идея возвращения к халифату. Идея создания реального государства – со своей территорией, армией, социальной инфраструктурой. Наднационального государства, которое сможет конкурировать со всем миром – национальными государствами, светскими режимами. ИГИЛ, халифат – это вызов всей прогнившей мировой системе. Для мусульман этот проект привлекателен и чисто психологически. Просто представьте – последний халифат, Османский, прекратил свое существование в начале XX в. И вот в начале XXI в. идет первое возрождение халифата. Очень глубоко продуманный проект... ИГИЛ – это не только государство, это идея. Его преимущество – сильная идеология»². «ИГ берет на вооружение не какую-либо реальную модель государства в мусульманском мире, а ту, не исходящую из политической реальности, концепцию, которая развивалась в трудах исламских правоведов. Она рисует идеальное “справедливое государство” по Корану и предлагает объединить в национальное государство не нацию, а умму, то есть сообщество верующих»³.

Учитывая, что на юге Кыргызстана есть нерешенные приграничные проблемы с Узбекистаном и Таджикистаном,

¹ Syria Calling: Radicalisation in Central Asia / Международная кризисная группа // URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/syria-calling-radicalisation-central-asia>

² «Чудовище по имени ИГИЛ угрожает Кыргызстану...»: Интервью с кыргызстанским экспертом К. Маликовым...

³ Кризис традиционной государственности на Ближнем Востоке и его последствия... – С. 6.

отдаленность от центра делают уязвимой именно эту часть страны. Также, зачастую отчасти несправедливая национальная политика внутри республики по отношению к национальным меньшинствам, тоже дает толчок для выезда граждан республики в места вооруженных конфликтов. Так, по данным о национальном составе граждан КР, подавшихся в боевики, 70% составляют узбеки, 22% – кыргызы и по 4% – таджики и уйгуры¹.

Вместе с тем условия для усиления роли ИГИЛ зачастую создают и сами представители местных властей, погрязшие в коррупции и межклановых распрях, не отличающиеся наличием авторитета у граждан. В итоге, местные жители в поисках альтернативы достойной жизни примыкают к рядам ИГИЛ.

Учитывая экономические проблемы Кыргызстана, многие граждане республики вынуждены выезжать на заработки за рубеж, и этим пользуются сторонники международных террористических организаций, вербуящие трудовых мигрантов на территории третьих стран, откуда в дальнейшем новые рекруты выезжают для участия в вооруженном конфликте на территории Сирии и Ирака.

В настоящее время идет процесс миграции потерпевших поражение в Сирии и Ираке радикальных исламистов в постсоветские страны, а также в Афганистан. Расползание по всему постсоветскому пространству терроризма, радикального экстремизма и контрабанды оружия и наркотиков стали серьезной угрозой национальной и коллективной безопасности центральноазиатских государств. С разгромом основных сил ИГИЛ в Ираке и Сирии лидеры ИГИЛ и иных террористических группировок, тем

¹ В боевых действиях на Ближнем Востоке принимают участие 430 кыргызстанцев // URL: https://24.kg/obschestvo/25421_v_boevyih_deystviyah_na_blijnem_vostoke_prinimayut_uchastie_430_kyrgyzstantsev/

не менее, не чураются стратегии заброски своих агентов в центральноазиатский регион для дестабилизации обстановки и создания так называемых «спящих ячеек» внутри республик. За последний год на территории Кыргызстана было зафиксировано несколько случаев возвращения из сирийско-иракской зоны вооруженного конфликта боевиков с заданием легализоваться или создать в республике ячейку для совершения терактов¹. Известны примеры заброски боевиков, раскрытые на более поздних стадиях. Так, в 2014 г. в Ошской области были арестованы минимум две группы боевиков, ранее воевавших в Сирии и Афганистане, вернувшихся в родные края и создавших подпольные ячейки «Жаннат Ошиклари» и «Союза Исламский джихад»².

В целом же рост угрозы национальной безопасности центральноазиатских республик, связанный с возвратом в регион боевиков с Ближнего Востока, и активизация угроз со стороны Афганистана совпали с усилением активности экстремистских структур в самой Центральной Азии. Так, в сообщениях экспертов фигурируют 70 млн долларов, выделенных «Исламским государством» на подрывную работу в центральноазиатском регионе³. По мнению большинства исследователей, угрозу распространения влияния ИГ в Центральной Азии и Афганистане следует

¹ Задержан террорист-кыргызстанец, прошедший подготовку в Сирии (07 мая 2019) // URL: https://24.kg/proisshestviya/116946_zaderja_n_terrorist-kyrgyzstanets_proshedshiy_podgotovku_vsirii/

² Террористический «интернационал» и Кыргызстан // URL: <http://antiterror.today.com/geografiya-terrorizma/proyavleniya-terrorizma-i-ekstremizma-po-stranam/s-n-g/tsentralnaya-aziya/kyrgyzstan/8405-terroristicheskij-internatsional-i-kyrgyzstan>

³ В Таджикистане заявили, что ИГ выделило \$70 млн на создание своих ячеек в Афганистане // URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2015/10/06/1448092.html>

рассматривать как вполне реальную, особенно с учетом растущих внутренних проблем в этой части мира.

Как отметил исполнительный директор Управления ООН по наркотикам и преступности Ю. Федотов, «ИГИЛ пытается расширить сферу своей деятельности в Центральной Азии и призывает своих сторонников совершать террористические нападения в общественных местах, в основном в Ферганской долине»¹. Он подчеркнул, что международный терроризм – серьезная угроза международному миру и безопасности. Ни одна страна не застрахована от этой опасности. «Мы видим, что борьба с терроризмом привела к военному поражению ИГИЛ в Сирии и Ираке. Но по своей природе угроза постоянно меняется, и многие проблемы сохраняются. Иностранцы боевики возвращаются домой. Некоторые террористы ИГИЛ присоединяются к другим группам или создают новые. Многие боевики перебрались в Афганистан. Афганское крыло ИГИЛ остается серьезным дестабилизирующим фактором. Эксперт подчеркнул, что ситуация в сфере безопасности усугубляется взаимосвязью между терроризмом и транснациональной организованной преступностью. Террористы зачастую пополняют свою казну за счет наркотрафика и торговли людьми. «Сегодня всем очевидно, что такие транснациональные угрозы требуют слаженных многосторонних ответных мер», – добавил глава Управления.

Конференция в Санкт-Петербурге прошла при поддержке ООН, для участия в ней приехали парламентарии из разных стран мира. Юрий Федотов подчеркнул, что

¹ ИГИЛ расширяет свои сети в Центральной Азии [Выступление исполнительного директора Управления ООН по наркотикам и преступности Ю. Федотова на Международной конференции по противодействию терроризму. Санкт-Петербург] (18 апреля 2019) // URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/04/1353531>

парламенты играют важную роль в борьбе с терроризмом. Они могут ратифицировать международные договоры в этой сфере, принять внутренние нормативные акты, соответствующие резолюциям Совета Безопасности ООН, а также оказывать финансовую поддержку антитеррористической деятельности¹.

Перед компетентными органами Кыргызской Республики встает вопрос и по поводу возвращения женщин и детей – граждан Кыргызстана из зоны сирийско-иракского конфликта. По последним данным, около 400 из них находятся в лагерях беженцев на территории Сирии и Ирака². Но, возвращая граждан республики из зоны вооруженного конфликта на родину, органы власти страны должны решить задачу по интеграции «возвращенцев» в светское общество, а также не допустить появления новых «спящих» ячеек среди вернувшихся.

Одной из важных причин распространения идеологии ИГИЛ в Кыргызстане является, так сказать, ее «родство» с салафитской средой, формирующейся в последние годы в республике. Как известно, идеологи этой экстремистской организации в теории и на практике используют идеи ультрареакционного крыла международного салафизма, пропагандирующие такфир и джихад. Таким образом, они находят в Кыргызстане питательную среду среди представителей салафитских общин и сочувствующих им. В этом плане можно согласиться с позицией специалистов НИИ исламоведения Кыргызстана, которые утверждают, что «создание исламского государства на достаточно

¹ ИГИЛ расширяет свои сети в Центральной Азии...

² «Своих не бросаем»: Кыргызстан намерен вернуть более 150 женщин и детей из Сирии и Ирака // URL: <http://www.stanradar.com/news/full/35606-svoih-ne-brosaem-kyrgyzstan-nameren-vernut-bolee-150-zhenschin-i-detej-iz-sirii-i-iraka.html>

обширной территории дает значительный импульс для распространения и развития такфиристской и джихадистской идеологии в Кыргызстане. Даже не соприкасаясь с вербовщиками и членами ИГИЛ/ИГ, радикально настроенные молодые люди получают идейное вдохновение от самого факта создания исламского государства как образа “халифата”»¹.

Также необходимо отметить активизацию разнообразных благотворительных арабских фондов на территории республики, зачастую распространяющих идеологию салафитского ислама. Выделяя деньги на различные социальные проекты, они, по сути, используют «мягкую силу» по навязыванию своей идеологии и преследованию своих интересов в Кыргызстане.

Руководство Кыргызской Республики понимает угрозу, исходящую от деятельности ИГИЛ не только в Кыргызстане, но и в регионе, о чем не единожды говорил президент КР С. Ш. Жээнбеков: «...усиливается распространение идеологии ИГ и других подобных радикальных группировок в Центральной Азии, ведется активная пропаганда и вербовка граждан наших государств. Считаю, что без активного взаимодействия стран СНГ и ОДКБ в сфере пограничной безопасности невозможно полноценно обеспечить коллективную безопасность, надежную охрану государственных границ и противостоять значительной части современных вызовов и угроз»².

Таким образом, приведенный выше материал позволяет выделить причины влияния конфликта на территории

¹ Международным терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана и пути ее преодоления... – С. 112.

² Жээнбеков рассказал о сильном влиянии идеологии ИГ в Центральной Азии // URL: <https://ria.ru/20171226/1511779784.html>

Сирии и Ирака на национальную безопасность Кыргызской Республики:

- идеологическое влияние идей радикального ислама на мусульманскую умму страны;
- личное участие граждан республики в вооруженном конфликте;
- раскол внутри мусульманской общины республики;
- активизация подпольных радикальных террористических организаций на территории республики;
- перемещение боевиков ИГИЛ на территорию Афганистана, в непосредственной близости от границ Кыргызстана;
- в случае прихода исламистов к власти на Ближнем Востоке возникнет долгосрочный очаг напряженности в регионе, что отрицательно скажется на обстановке и дальнейшем развитии Кыргызстана;
- отсутствие четких планов государства по идеологическому противостоянию идеям радикальных террористов;
- возможные конфликты из-за того, что Россия, введя войска в Сирию, фактически поддержала шиитов, что может вызывать недовольство части мусульманской общины республики и в связи с этим, возможно, выступления уже против Российской Федерации внутри Кыргызстана¹.

Другим примером длительного конфликта, оказывающего непосредственное влияние на весь центральноазиатский регион и, в частности, на национальную безопасность Кыргызстана, представляет собой конфликт в Исламской Республике Афганистан. В течение последних сорока лет политическая и военная нестабильность в этой стране напрямую влияет на безопасность и стабильность всего

¹ Стрельба в центре столицы // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2015/07/24/terakty.html>

региона Центральной Азии. Так, например, протяженность таджикско-афганской границы составляет 1344,15 км и данное соседство с ИРА очень сильно повлияло на внутреннюю обстановку внутри Республики Таджикистан после развала СССР¹. Противостояние между различными политическими силами в РТ перетекло в кровопролитную гражданскую войну, длившуюся с 1992 по 1997 гг., где одна из сторон имела поддержку исламистских сил, в том числе и со стороны различных вооруженных группировок Афганистана. Данный конфликт имел религиозный оттенок и стал первым в своем роде религиозным конфликтом на территории бывшего СССР.

Выгодное географическое положение, оказывающее существенное влияние на геополитическое соперничество в Евразии и мире в целом, предопределяет стратегический интерес многих ведущих стран к Афганистану.

Окончание операции «Несокрушимая свобода» и дальнейший постепенный вывод контингента международных сил из Афганистана может внести изменения и в складывающуюся ситуацию в Пакистане, так как движение «Талибан» проявляет высокую активность в Белуджистане и Вазиристане – приграничных с Афганистаном провинциях Пакистана². По данным компетентных органов Кыргызской Республики, на территории этих провинций под покровительством «Талибана» действуют базы

¹ Афганистан и Таджикистан: новости на границе // ИА Sputnik. Таджикистан. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/trend/afganistan-tajikistan-novosti-granica/>

² Военный конфликт между Международными силами содействия безопасности (ISAF), поддерживаемыми сначала Северным альянсом, а затем новым правительством Афганистана и исламистской организацией «Талибан», контролировавшей до этого большую часть Афганистана. Один из этапов гражданской войны в Афганистане, продолжающейся фактически с 1978 г. Время операции 2001–2014 гг.

по подготовке боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и других религиозно-экстремистских организаций, оперирующих в Центральной Азии¹, и возможный прорыв таджикско-афганской границы создаст ситуацию, способную взорвать всю Центральную Азию.

«Афганизация» Центральной Азии представляет собой потенциальную опасность не только для центрально-азиатских государств, но и для Российской Федерации, для которой данный регион всегда представлял собой так называемое «подбрюшье». Хотя военной опасности для центральноазиатского региона в виде вторжения со стороны одного из ведущих игроков в политической жизни Афганистана – движения «Талибан» не имеется.

Нестабильная ситуация в Афганистане, вызванная противостоянием между официальным правительством, группировкой «Талибан», а также иными террористическими организациями («Аль-Каида», ИДУ, ИГ и др.), дополняется наличием еще одной из серьезных угроз национальной безопасности стран Центральной Азии – наркотрафика. История производства наркотиков в Афганистане и превращения этой страны в 1990-х гг. в крупнейшего импортера опиума и героина тесно связана с затяжным внутренним вооруженным конфликтом, провоцируемым внешними силами, и ставшим главной причиной перманентной слабости государственных структур². В нынешней ситуации «наркотрафик выступает источником финансирования террористической деятельности, а его бесперебойность обеспечивается условиями перманентного конфликта, который ограничивает возможности

¹ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики от 9 июня 2012 г. ...

² Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.) / Под ред. А. А. Князева – Душанбе: Дониш, 2004. – С. 236.

контроля незаконной экономической деятельности»¹. Доходы от наркотиков направляются, в том числе, на ведение террористической деятельности и поддержку террористических организаций не только на территории Афганистана, но и на территории всей Центральной Азии². Сегодня Афганистан остается главным производителем опиума в мире (90% всего сырья, причем на месте употребляется только 1%). От четверти до трети опиума и героина перевозится по так называемому «северному маршруту» – через Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан в Казахстан, Россию и Европу³. Несмотря на усилия, которые прикладывала западная коалиция войск во главе с США по искоренению наркопроизводства на территории Афганистана, эта проблема до сегодняшнего дня не решена. Более того, стратегии, применяемые западной коалицией⁴, вызвали противоположный результат – увеличение объема наркотрафика с территории Афганистана⁵.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии еще одной потенциальной угрозы для национальной безопасности

¹ Международным терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана и пути ее преодоления... – С. 52.

² МИД Узбекистана: Терроризм в ЦА финансируется за счет доходов от наркотиков // ИА Sputnik. Таджикистан. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/asia/20190503/1028821256/uzbekistan-terrorizm-v-centralna-ya-asia-finansiruetsya-dohody-narkotiki.html>

³ Героин взрывает мир // ИА Фергана. – URL: <https://fergana.agency/articles/106174/?country=kg>

⁴ С 2001 по 2016 гг. были применены следующие стратегии по уничтожению наркопроизводства на территории Афганистана: 1) стратегия невмешательства; 2) стратегия запрета; 3) стратегия альтернативной деятельности.

⁵ Международным терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана и пути ее преодоления... – С. 57.

Кыргызской Республики, а именно незаконного оборота наркотиков. Международные наркосиндикаты используют территорию Кыргызстана для транспортировки наркотиков в Российскую Федерацию и дальше в Западную Европу, при этом происходит сращивание террористических группировок с местной организованной преступностью¹. На данный факт было обращено внимание в декабре 2018 г. на заседании Антитеррористического центра ШОС. Его участники пришли к выводу о том, что террористические группировки «укрепляют связи с наркобизнесом и организованной преступностью», используют для транзита наркотиков и оружия контрабандные каналы местных ОПГ². Преступниками активно используется подкуп сотрудников милиции и таможи, работников государственных учреждений республики³. В составленном гражданскими активистами в 2011 г. аналитическом отчете «Свод некоторых коррупционных схем в Кыргызстане» отмечается, что в сфере незаконного транзита наркотиков через территорию Кыргызстана «задействованы сами сотрудники силовых и административных структур, которые представляют собой сложную структуру управления, где в одной цепочке наркобизнеса задействованы представители разных властных и муниципальных органов»⁴.

¹ Чем грозит ситуация в Афганистане Кыргызстану и ЦА: пояснения экспертов // ИА Sputnik. Кыргызстан. – URL: <https://ru.sputnik.kg/analytics/20190117/1042913163/ugrozy-so-storony-afganistana.html>

² ШОС: террористы укрепляют связи с наркобизнесом и оргпреступностью // ИА Sputnik. Таджикистан. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/world/20181213/1027700443/shos-terroristy-narkobiznesom-orgprestupnostyu.html>

³ В Бишкеке с 13,5 кг героина задержаны двое, один – сотрудник МВД // ИА Sputnik. Кыргызстан. – URL: <https://ru.sputnik.kg/incidents/20180418/1038735861/bishkek-geroin-zaderzhanie-muzhchiny-sbyt.html>

⁴ В КР самыми коррупционными сферами являются наркобизнес,

Большая часть преступлений в Кыргызской Республике в сфере оборота наркотиков связана именно с их контрабандой. Очень важно иметь в виду, что наркотрафик в Афганистане контролируют вооруженные группировки, в том числе отряды ИГИЛ, «Талибана» и другие террористические организации. До ввода войск прозападной коалиции на территорию Афганистана 96% посевных площадей, на которых культивировался опиный мак, были расположены на территориях, подконтрольных «Талибану»¹. То есть система выращивания, переработки и вывоза наркотических средств успешно функционирует уже не один десяток лет, и, как уже отмечалось выше, даже введение войск западной коалиции не решило данную проблему. Благодаря наработанным каналам наркотрафика международные террористические организации на постоянной основе получают прибыль на осуществление своей деятельности. Ведь себестоимость наркотиков увеличивается с каждым километром – уже в Душанбе или Оше оптовая цена грамма героина в 15–20 раз больше, чем на границе². Соответственно, чем дальше по транзиту перевозятся наркотики, чем выше их стоимость, тем больше уязвимостей в транзитных странах по пути следования наркотиков.

Дополнительным негативным фактором наркотрафика через территорию республики является то, что потребление наркотиков населением страны-транзита повышается

таможня и банковский сектор, – аналитический отчет гражданских активистов // Информ.-аналит. портал «PR.kg». – URL: <http://www.pr.kg/news/kg/2011/03/02/19350/>

¹ Международный терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана... – С. 53.

² Мендкович Н. Существует ли «афганская угроза» для Центральной Азии? // Информ.-аналит. центр при МГУ им. М. В. Ломоносова (ИАЦ МГУ). – URL: <https://ia-centr.ru/experts/nikita-mendkovich/sushchestvuet-li-afganskaya-ugroza-dlya-tsentralnoy-azii/?fbclid...>

во много раз, а также увеличивается угроза распространения ВИЧ-инфекций, СПИДа, гепатита и других болезней¹. Наконец, трата сил и ресурсов государства на противодействие наркотрафику лишает силовые структуры возможности эффективно бороться с радикальными и террористическими группировками.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что, выступая в качестве транзитной территории для наркотрафика, Кыргызстан фактически обеспечивает доходами терроризм, экстремизм и транснациональную организованную преступность, которые получают возможность осуществлять свою деятельность на территории республики. В итоге, обеспечиваются условия для одновременного протекания двух взаимоисключающих процессов: фактическое финансирование террористических группировок и борьба с ними, что обуславливает сложную ситуацию в обеспечении национальной безопасности КР в отношении угроз, исходящих из Афганистана².

Внутренняя нестабильность Афганистана, а также продолжающийся вооруженный конфликт в этой стране поднимает еще один актуальный вопрос для Кыргызстана – как страны, находящейся в непосредственной близости от границ Афганистана, – проблему беженцев. На сегодняшний день, по примерным данным, в Кыргызстане проживает около 500 беженцев, в том числе выходцев из Афганистана³. С момента обретения независимости

¹ Всемирный доклад о наркотиках / Управление ООН по наркотикам и преступности. – 2012 г.

² Международный терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана... – С. 64.

³ Беженцы в Кыргызстане: откуда они и как живут // ИА Kaktus.media. – URL: https://kaktus.media/doc/358754_bejency_v_kyrgyzstane:_otkyda_oni_i_kak_jivyt.html

Кыргызстан принял более 20 тыс. беженцев. Из них более 10 тыс. добровольно вернулись на свою родину или были перемещены в третьи страны, более 9 тыс. приобрели кыргызское гражданство¹. Согласно международным документам, ратифицированным Кыргызстаном в области защиты беженцев, страна обязуется предоставлять убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства, преследуемым по политическим мотивам, а также по мотивам нарушения прав и свобод человека². В таких условиях, при наличии вооруженных конфликтов в странах, географически недалеко расположенных от территории Кыргызстана, предполагается возможность прибытия значительно числа иностранных беженцев, получающих гуманитарную и иную помощь от международных организаций и государственных структур согласно принятым на себя международным обязательствам республикой. «В местах расселения беженцы нередко сталкиваются с ксенофобией, неприязненным к себе отношением... и, принимая беженцев, Кыргызстан испытывает серьезное давление на свою социальную инфраструктуру и государственный бюджет»³. Кроме того, слабая экономика республики дает основания для возникновения еще одной угрозы национальной безопасности страны в виде отсутствия возможности достойного социального обустройства для лиц, ищущих убежище. Учитывая условия необустроенности и зачастую ущемления со стороны коренного населения,

¹ За 16 лет более 9 тысяч иностранных беженцев получили гражданство КР // ИД «Вечерний Бишкек». – URL: https://www.vb.kg/doc/371612_za_16_let_bolee_9_tysiach_inostrannyh_bejencev_polychili_grajdanstvo_kr.html

² Женевская Конвенция о статусе беженцев ООН 1951 г. и ее специальный Протокол 1967 г. Ратифицированы Кыргызстаном в 1996 г.

³ Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.) / Под ред. А. А. Князева... – С. 263.

беженцы, прибывшие на территорию республики, могут стать легкой добычей для идеологов и вербовщиков экстремистских и террористических организаций.

Конфликт на территории Афганистана давно уже вышел за границы страны и прямо оказывает влияние на весь регион. Экспертами ООН установлено, что международная террористическая сеть «Аль-Каида» имеет собственные базы подготовки рекрутов в афганском Бадахшане, в районах, граничащих с Таджикистаном. Этот вопрос подробно рассмотрен в отчете Совбеза ООН в январе 2019 г.¹, в котором проведен анализ террористической деятельности международных террористов на территории Афганистана и сопредельных стран. Штаб лидеров группировки находится в районе провинции Шинданд, не подконтрольном правительственным войскам. В этой провинции им подчиняются около 500 боевиков из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и России, среди которых есть члены террористических группировок, запрещенных в СНГ, включая «Джамаат Ансаруллах». Зачастую эти люди тесно сотрудничают с «Талибаном» и даже сражаются в его рядах².

В качестве выводов можно выделить *несколько дестабилизирующих причин*, из-за чего нынешняя обстановка в Афганистане прямо влияет на национальную безопасность Кыргызской Республики:

- не прекращающееся вооруженное противостояние на территории Афганистана;
- беспокойная ситуация в регионе из-за напряженности на таджикско-афганской и туркмено-афганской границах;

¹ По данным официального сайта ООН // URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/S/2019/50>

² Мендкович Н. Существует ли «афганская угроза» для Центральной Азии? ...

- нескончаемый поток наркотиков с территории Афганистана и использование территории Кыргызстана как страны-транзита наркотрафика;
- наличие постоянного потока беженцев, использующих Кыргызстан как транзитную страну, а иногда выбирающих республику как место постоянного проживания;
- фактически беспрепятственное нахождение религиозных экстремистов и террористов на территории Афганистана;
- возможное сокращение контингента иностранных войск в Афганистане;
- слабость центральной власти в Афганистане и усиление движения «Талибан».

Соседствуя с нестабильным Афганистаном, в стране, где, то активно разгораясь, то затухая, идут внутренние конфликты на протяжении многих десятилетий, страны центральноазиатского региона, более-менее научились противостоять угрозам, исходящим из Афганистана. Но в последнее время ситуация в самом Афганистане развивается по новому сценарию, и причиной тому служат события на Ближнем Востоке. По мере утихания конфликта с религиозным оттенком в сирийско-иракской зоне актуальным становится вопрос «перетекания» религиозного противостояния на территорию Афганистана. К примеру, в последнее время «Исламское государство» объявило о своем присутствии на территории этой страны и стремлении распространить свое влияние на создаваемую им провинцию Хорасан, которая должна охватить не только Афганистан, но и Пакистан, Иран, а также страны Центральной Азии¹. Эксперты и дипломаты считают, что в Афганистане, который исторически близок народам центральноазиатского региона в религиозном, языковом

¹ Международным терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана... – С. 64.

и культурном плане, созревает ИГИЛ-2. Министр иностранных дел России С. Лавров на заседании Совета Безопасности ООН в январе 2018 г. предупредил: «...север Афганистана превращается в опорную базу международного терроризма во главе с афганским крылом ИГИЛ, которое формирует плацдарм для реализации в регионе деструктивных замыслов в духе пресловутой идеологии “халифата”. При явном попустительстве, а иногда и прямой поддержке внешних и местных спонсоров под “знамена” ИГИЛовцев стекаются тысячи боевиков различных национальностей, включая недобитых в Сирии джихадистов. Они открыто провозглашают своей целью свержение легитимных властей центральноазиатских государств, распространение своего влияния на все евразийское пространство»¹.

В настоящее время боевиков ИГ больше всего на севере и востоке Афганистана. При этом «Исламское государство» активно использует свои значительные финансовые ресурсы, поскольку боевикам ИГ платят существенно больше, чем боевикам «Талибана» (по информации «Аль-Джазиры», разница в оплате достигает в 10 раз – 700 и 70 долларов, соответственно). ИГ также воспользовалось благоприятной для него ситуацией, сложившейся в связи с расколом «Талибана» после смерти муллы Омара. Всего сейчас в Афганистане, по оценке начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ В. Герасимова, находится от 2 до 3 тыс. боевиков, непосредственно связанных с ИГ, и их численность постоянно растет². По мнению начальника

¹ Сергей Лавров: Север Афганистана превращается в опорную базу международного терроризма // Офиц. сайт ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/01/1321891>

² Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы // ИД Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2827486>

Главного разведывательного управления Генерального штаба И. Сергуна, боевики «Исламского государства» рассматривают территорию Афганистана как базу для распространения влияния на страны Центральной Азии. С этой целью, как неоднократно заявляли представители МИД и Министерства обороны России, в северном Афганистане создана сеть террористических лагерей, связанных с ИГ и «Аль-Каидой», в которых находятся, в том числе, много боевиков из постсоветских стран.

При этом весьма опасной является тенденция к взаимодействию структур ИГ и «Аль-Каиды» с «Талибаном». По ряду экспертных оценок, такая тенденция проявилась на севере Афганистана при взятии Кундуза (хотя в других районах Афганистана между ИГ и «Талибаном» идет борьба)¹. В качестве примера можно привести освещение ситуации с переходом нескольких талибских полевых командиров на сторону ИГ, что было представлено как установление контроля этой группировкой над частью территории Афганистана, которая была превращена в провинцию Хорасан строящегося всемирного халифата. В этих условиях ряд экспертов полагают, что ИГ ведет в Афганистане исключительно «пропагандистскую войну», поскольку их действительное присутствие ограничивается лишь несколькими районами в юго-восточной части провинции Нангархар. Утверждают, что смена рядом талибских функционеров и полевых командиров белого флага «Талибана» на черный «Исламского государства» носит исключительно тактический, эксплицитный характер, поскольку в идеологическом отношении между «Талибаном» и ИГ существуют принципиальные различия. В частности:

¹ Кризис традиционной государственности на Ближнем Востоке и его последствия... – С. 36.

- талибы избегают столкновения с шиитами; игиловцы не признают и уничтожают шиитов как неверных;
- талибы преследуют цель установления своей власти только на территории Афганистана; ИГ ставит своей целью установление «халифата» на территории всех мусульманских стран;
- члены движения «Талибан» в большинстве своем исповедует суннитский ислам ханафитского мазхаба; ИГ исповедует первозданный ислам времен праведных халифов, идеология ваххабизма/салафизма¹.

Также в последнее время многие страны стали рассматривать движение «Талибан» в качестве значительного политического игрока внутри Афганистана, что совершенно невозможно в ситуации с ИГ².

Но даже информация о том, что ИГ пока не имеет существенной поддержки на территории Афганистана, не остается без внимания глав силовых ведомств стран-участниц ОДКБ. Министр обороны России С. Шойгу в ходе состоявшихся в Бишкеке 30 апреля 2019 г. переговоров с начальником генштаба Вооруженных сил КР Р. Дуйшенбиевым указал на усиление позиций «Исламского государства» в Афганистане. По его словам, боевики ИГ используют республику как плацдарм для дальнейшей экспансии в центральноазиатском регионе³. Возможность «перебазирования» после разгрома в Сирии и Ираке боевиков ИГ

¹ Международный терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана и пути ее преодоления... – С. 67–68.

² Сергей Лавров объяснил контакты Москвы с «Талибаном» // ИД «Коммерсантъ». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3719754>

³ Террористы ИГИЛ направляются в Афганистан из Сирии и Ирака с целью готовить атаки // ZONAKz. – URL: <https://zonakz.net/2019/05/03/terroristy-igil-napravlyayutsya-v-afganistan-iz-sirii-i-iraka-s-celyu-gotovit-ataki/>

на территорию Афганистана усиливает угрозу для национальной безопасности Кыргызской Республики. В решении данной проблемы опять встает вопрос организации и успешного взаимодействия в единой структуре региональной коллективной безопасности стран центрально-азиатского региона.

Российский исследователь Н. Стариков отмечает, что тенденция роста популярности ИГ в регионе связана, главным образом, с разобщенностью стран региона, в том числе внутренними противоречиями, приграничными проблемами. Появление ИГ в регионе, считает он, напрямую связано с деятельностью в Афганистане американских спецслужб. Они же пытаются создать в Республике Таджикистан новый очаг гражданской войны, которая должна привести к расколу страны. Одним из показателей этого является мятеж в Таджикистане осенью 2015 г. высокопоставленных военных под руководством бывшего министра обороны Абдухалима Назарзоода, после подавления которого Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) была признана террористической¹. И сегодня основные угрозы видятся со стороны Афганистана, где в последние месяцы ведутся ожесточенные бои между боевиками и правительственными силами Афганистана и таджикским пограничникам не раз приходилось отражать атаки террористов, воюющих вблизи границы с Таджикистаном².

Возможные проблемы с безопасностью испытывает и Туркменистан, который начал проводить мероприятия по повышению обороноспособности своих вооруженных сил, что также вызвано угрозой со стороны

¹ В Таджикистане суд запретил Партию исламского возрождения // Лента.ру. – URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/29/pivt/>

² ИГИЛ как фактор угрозы национальной безопасности КР...

террористических групп, действующих на территории Афганистана¹. Сейчас на таджикской границе расположились до пяти тысяч, а на туркменской – порядка двух тысяч боевиков ИГ. Афганские провинции Кундуз, Баглан, Сари-Пуль, Фарьяб, Джузджан стали местом скопления террористов родом из Таджикистана, Узбекистана, Северного Кавказа, Саудовской Аравии и Пакистана².

Эксперты считают, что проникновение в Афганистан боевиков ИГ, действовавших в Ираке и Сирии, создает единую дугу нестабильности на Ближнем Востоке и в Центральной Азии³. С ними согласны и политики. Президент Таджикистана Э. Рахмон в декабре 2014 г. называл ИГ «чумой века и серьезной опасностью для Таджикистана». Президент России В. В. Путин на встрече лидеров стран ОДКБ заявил, что размах деятельности этой террористической группировки «вышел далеко за пределы Ирака, Сирии»⁴. По словам российского лидера, «террористы устраивают массовые казни, ввергают в хаос и нищету целые народы, уничтожают памятники культуры, религиозные святыни... Террористы публично говорят о том, что замахиваются на Мекку, на Медину, на Иерусалим, в их планах распространение активности на Европу,

¹ В Туркменистане ведут учет резервистов до 50 лет. Насколько власти обеспокоены ситуацией на границе с Афганистаном? – The Diplomat // ИА СА-NEWS: Центральноазиатская новостная служба. – URL: <https://ca-news.org/news:1490809>

² Центральная Азия как очаг активности экстремистов // URL: https://inosmi.ru/middle_asia/20150325/227105819.html#ixzz3Xp4qnQ5K

³ Сафранчук И. А. Исламистская угроза для Центральной Азии: Афганистан и глобальный контекст // Индекс безопасности. – № 4 (111). – URL: <https://pircenter.org/media/content/files/13/14219249230.pdf>

⁴ Путин заявил об угрозе России со стороны ИГИЛ // Московский Комсомолец. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2015/09/15/putin-zayavil-ob-ugroze-rossii-so-storony-igil.html>

Россию, Центральную и Юго-Восточную Азию – нас беспокоит это»¹.

Распространение религиозного экстремизма с афганского направления является угрозой для национальной безопасности Кыргызской Республики. Этому способствуют следующие факторы:

- внутренние накопившиеся социально-экономические, межэтнические и политические проблемы;
- идеологическое влияние идей радикального ислама на мусульманскую общину страны;
- непосредственная географическая близость Кыргызской Республики к границам беспокойного Афганистана;
- при ухудшении ситуации на территории Афганистана возможно увеличение количества беженцев на территории республики;
- наркотрафик как одна из основных угроз национальной безопасности страны;
- перемещение боевиков ИГ с территории Сирии и Ирака в северные районы Афганистана²;
- приграничные нерешенные вопросы с соседними странами, наличие неописанных участков границ, служащих поводом для раздоров между соседними государствами;
- исламизация населения республики;
- наличие «спящих» ячеек террористов на территории республики, поддерживаемых с Афганистана.

Учитывая все вышеперечисленные аспекты, можно прийти к выводу, что национальная безопасность Кыргызской Республики находится под постоянным

¹ Путин заявил об угрозе России со стороны ИГИЛ...

² Демократический транзит: зачем США перебрасывают войска из Ирака в Афганистан // ИА Russia Today. – URL: <http://russian.rt.com/world/article/477787-ssha-irak-afganistan-voyska-perebroška>

давлением разнообразных рисков, одними из которых являются региональные и религиозные конфликты. Конфликты в странах Азии, Ближнего Востока и Северной Африки составляют потенциальную угрозу Кыргызской Республике в виде:

- возрастания роли ислама экстремистского толка и негативного влияния на мусульманскую общину страны;
- финансирования извне радикально настроенных движений и организаций внутри Кыргызстана;
- наличия так называемых «спящих» ячеек на территории республики;
- наличия сильной идеологической пропаганды, влияющей на мусульманскую общину Кыргызстана;
- нахождения рядом с нестабильным и взрывоопасным регионом;
- внесения разлада в мусульманскую общину республики.

Имеющиеся внешние угрозы подпитываются и наличием нерешенных внутренних социальных и экономических проблем государства.

Обозначенные угрозы национальной безопасности Кыргызстана требуют ее постоянного совершенствования и усиления, расширения масштабов взаимодействия с международными и региональными организациями, а также объединения усилий со странами-партнерами для защиты и поддержания национальной и региональной безопасности на высоком уровне.

Содержание параграфа свидетельствует также о том, что региональные и религиозные конфликты, развертывающиеся в XXI в., существенно дополняют картину геополитической экспансии Кыргызстана, осуществляемой против республики в целом и мусульманской общины страны, в частности. Они представляют собой существенный

фактор геополитического давления на республику, объектом которого она стала с первых лет своей независимости. Особое место среди них занимают конфликты среди мусульман на религиозной почве, получившие название «арабской весны», оказавшие непосредственное влияние на членов мусульманской общины Кыргызстана.

1.3. Процессы реисламизации в Кыргызстане в свете внешнего воздействия: причины, состояние и перспективы

Термин «реисламизация», сравнительно недавно введенный в научный оборот, но, тем не менее, сразу же получивший широкое распространение в научной среде как феномен и как процесс, является весьма неоднозначным явлением. До конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого столетия реисламизация в мире рассматривалась как более жесткая форма исламизации, носящая протестный характер и заключающаяся в усилении исламских норм и «ужесточении религиозных практик в мусульманских государствах, избравших ранее светский путь развития государственности»¹. Она также оценивалась как повторная исламизация. Наглядным примером реисламизации такого типа выступили события в Иране².

Совершенно иная ситуация сложилась на постсоветском пространстве и в Кыргызстане в том числе. В связи

¹ Садыхова А. А. Основные концепции и подходы к пониманию исламизации и реисламизации в зарубежной науке (Обзор интернет-ресурсов)... – С. 364.

² Фетисов М. Политическая теология и секуляризация: о настоячивости одного понятия // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 33.

с распадом Советского Союза и обретением независимости бывшими союзными республиками в них начался процесс реисламизации, но другого типа, нежели описанный выше. Реисламизация выступала в этом случае как духовное возрождение ислама на постсоветском пространстве и, соответственно, на территории Кыргызстана. В нашей стране ее процессы подразумевали не экспансию ислама на определенной территории, не попытку вмешательства в государственное и социальное регулирование, а восстановление его институтов с учетом исторических и этнических традиций. Причем с самого начала реисламизация осуществлялась легитимно, под контролем государства и отражала волеизъявление большинства населения страны. Процессы реисламизации в Кыргызстане претворяются в жизнь в рамках построения цивилизованного, демократического государства под эгидой международного демократического сообщества и являются одним из системных процессов по реализации права населения на свободу совести и вероисповедания.

Общеизвестно, что главной ценностью любого государства является народ, поскольку именно он составляет основу современной цивилизации и демократии. Свобода совести и вероисповедания относится к числу столпов всех цивилизаций, начиная с древнейших времен и до наших дней. Любые необоснованные, несправедливые ограничения и запреты, репрессии в этой сфере являются посягательством на самую сущность народа. Как показал опыт истории человечества, каждый народ воспринимает такое посягательство на свою нравственную свободу крайне негативно и предпринимает усилия для его преодоления.

Вместе с тем необходимо учитывать и то, что религия в определенных случаях несет в себе способность к большим потрясениям и разрушениям в обществе и государстве.

Естественно, что подобную силу нельзя оставлять без пристального внимания со стороны государства и общества. Именно этим и объясняется довольно пристальное внимание к данной теме в последнее время.

Для более полного и точного раскрытия темы исследования необходимо, прежде всего, остановиться на определении термина «реисламизация». Вывести более или менее полное, всеобъемлющее определение данного термина в самом деле нелегко, потому что данное понятие представляет собой единство объективного и субъективного, сочетание культурных, этнических, социальных и экономических факторов.

Помимо термина «реисламизация» для описания соответствующих религиозных процессов, происходящих в мире и в Кыргызстане в том числе, используются также такие термины, как «исламское возрождение»¹, «исламский ренессанс»², «повторная реисламизация»³, «исламское оживление»⁴. Все эти понятия синонимичны, как

¹ Акаев В. Х, Мамадиева М. Х. Исламское возрождение на Северном Кавказе: дезинтеграционные и интеграционные процессы // Научная мысль Кавказа.– 2015. – № 1 (81). – С. 101; Буттаева А. М. Исламское возрождение на Северном Кавказе: теоретические и прикладные аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-на-Д., 2011. – С. 43 // URL: <http://www.dslib.net/filosofia-religii/islamskoe-vozrozhdenie-na-severnom-kavkaze-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty.html>

² Мирзаханов Д. Г. Понятия «глобализация» и «исламский ренессанс» в научном дискурсе: соотношение смыслов и причинно-следственных связей // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Социология. Политология. – 2016. – № 1. – С. 78; Гумеров М. М. Исламский Ренессанс на территории Самарской области (1980–2015) // Мусульманский мир. – 2015. – № 4. – С. 100–103.

³ Садыхова А. А. Основные концепции и подходы к пониманию исламизации и реисламизации в зарубежной науке... – С. 367.

⁴ Аднан Амер. Модус арабской ментальности как фактор восстановления исламской этнокультурной традиции: историко-культурологический

правильно указывает ряд исследователей, и где-то дублируют друг друга¹. Причем зачастую одни из этих понятий-синонимов используются для раскрытия других. В целом, термин «реисламизация» является наиболее адекватным и вместе с тем в полном объеме отражает суть возрождения и оживления ислама.

В подтверждение этого тезиса существуют определенные доводы. Во-первых, термины «исламское возрождение», «исламский ренессанс», «повторная реисламизация», «исламское оживление» в отличие от реисламизации носят скорее декларативный, публицистический характер.

Во-вторых, такие термины, как «исламское возрождение», «исламский ренессанс», имеют двойной смысл, так как первоначально они использовались для обозначения конкретного периода в истории ислама².

В-третьих, «реисламизация» происходит от термина «ислаимизация», тем самым прослеживается тесная связь, взаимозависимость и взаимопроникновение данных понятий. Ранее под исламизацией в отечественной и западной науке понималось принятие ислама странами, завоеванными мусульманами, в которых население добровольно или принудительно обращалось в ислам³. Однако

аспект: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Тамбов, 2007. – С. 18 // URL: <http://cheloveknauka.com/modus-arabskoy-mentalnosti-kak-faktor-vostanovleniya-islamskoy-etnokulturnoy-traditsii-istoriko...>

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане как важного фактора стабильного и безопасного развития страны / М. Н. Омаров и др.; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018. – С. 214.

² Холигитова Н. Х. Эпоха мусульманского ренессанса IX–XII веков в Центральной Азии // Молодой ученый. – 2014. – № 9. – С. 397–398 // URL: <https://moluch.ru/archive/68/11714/>.

³ Садыхова А. А. Основные концепции и подходы к пониманию исламизации и реисламизации в зарубежной науке... – С. 363.

в последнее время исламизация раскрывается как «процесс усиления влияния ислама на государственную политику и различные стороны общественной жизни мусульманских стран, избравших ранее светский путь развития государственности»¹. Таким образом, налицо смещение акцентов, перенос их на усиление влияния ислама на политическую и социальную сферы государства.

Ряд европейских ученых определяет реисламизацию как «процесс возрождения или оживления ислама за пределами мусульманских государств, а также ужесточения религиозной практики в мусульманских государствах, избравших ранее светский путь развития государственности, то есть трактуют его как возврат к исламу»². К «импульсам реисламизации» они относят «нефтяные богатства, вынудившие Запад считаться со странами Ближнего Востока на мировой арене, и успех исламской революции в Иране в 1979 году»³. Согласно данному определению объектами реисламизации выступают страны двух типов: немусульманские и мусульманские, избравшие ранее светский путь развития государственности.

В свете обзора работ западных ученых реисламизация представляется весьма негативным явлением, а связанные с ней процессы воспринимаются своего рода мировыми «сумерками» (в качестве примера ими приводятся исламская революция в Иране⁴ и события в Турции⁵).

¹ Садыхова А. А. Основные концепции и подходы к пониманию исламизации и реисламизации в зарубежной науке... – С. 363.

² Там же. – С. 364.

³ Там же. – С. 365.

⁴ Фетисов М. Политическая теология и секуляризация: о настоячивости одного понятия... – С. 33.

⁵ Овсепян Л. Турецкая модель и обусловленность внешней политики Анкары в странах Центральной Азии стратегическими интересами Запада // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 2 (62). – С. 135.

В исследовании ИСАП КРСУ на основе анализа развития ислама в Кыргызстане делается вывод о том, что «суть процесса реисламизации состоит в том, что происходят изменения в культурно-религиозной сфере жизни мусульманского общества в аспекте усиления влияния исламских норм как регуляторов социальных процессов в светском государстве»¹. В подтверждение этого приводятся примеры того, что всё большее количество верующих в быту руководствуются исламскими нормами, например, при проведении свадебных церемоний, широкое распространение получают ношение хиджаба, празднование исламских праздников, соблюдение религиозного поста»².

Кыргызстан обрел независимость в 1991 г. после распада Советского Союза. Ислам в Кыргызстане в период существования СССР не был запрещен, но создавались все условия для максимального ограничения его влияния на общественную жизнь. Как правильно заметил известный российский политолог А. Малашенко, советской идеологии не нужны были соперники. «Большевизм как идеология, как социокультурная система претендовал на столь же абсолютную роль (как и религия) и уже в силу этого не мог терпеть присутствия могущественного конкурента, обладающего вековыми навыками влияния на чело- века и общество»³. По мнению жившего в Германии Бай-мирзы Хайита, «ислам в СССР лишился всех своих основ. Так, запрет религиозной собственности лишил его экономического базиса. Уничтожение религиозной литературы выбило из-под него духовную основу. Запрет на выезд

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане как важного фактора стабильного и безопасного развития страны... – С. 218.

² Там же. – С. 220.

³ Ислам в СССР // URL: <http://www.islam.ru/content/history/31050>

из страны и въезд в нее, невозможность совершать паломничество прекратил связи с другими исламскими народами. А закрытие мечетей, борьба с религиозными праздниками и постами оставили ислам в СССР и без его социального основания»¹.

В рамках проводимой в Советском Союзе в отношении ислама политики изоляции, разъединения, разрушения религиозной основы мусульманской общины, геноцида и ассимиляции² значение слова «мусульманин» претерпело значительные трансформации. Как отмечает А. Беннигсен, только в СССР «говорят о “неверующих мусульманах”, и какой-нибудь татарин или узбек, член партии, то есть официальный атеист, говоря о себе, скажет “я мусульманин”»³.

В условиях изоляции от мировой мусульманской уммы, ограничения доступа к религиозным знаниям, разобщения мусульман по национальному признаку мусульмане Кыргызстана, до момента обретения независимости, стремились сохранить ислам как один из важнейших элементов этносоциальной идентичности. Большую роль в его сохранении на территории Кыргызстана сыграл так называемый «”параллельный” или народный ислам»⁴. Именно поэтому реисламизация в Кыргызстане несет иное содержание и значение, чем за рубежом. Ее процессы для Кыргызстана являлись одним из символов освобождения от идеологического и духовного гнета, разрушения «железного занавеса», воссоединения с мировой мусульманской уммой и миром в целом, поддержки создания нового демократического общества. Реисламизация в Кыргызстане

¹ Ислам в СССР..

² Беннигсен А. Мусульмане в СССР. – Paris: Ymca-Press, 1983. – С. 35, 39, 43, 49, 51.

³ Там же. – С. 4–5.

⁴ Там же. – С. 62.

никаким образом не направлена на построение исламского общества и исламского государства. Она преследует цели возрождения ислама в Кыргызстане, реализацию его гражданами в полном объеме права свободы совести и вероисповедания.

Именно поэтому реисламизацию в нашей стране можно определить как восстановление институтов ислама, осуществляемое совместно государством и мусульманской общиной на базе «умеренного» суннитского ислама ханафитского мазхаба. Особенностью ее следует считать то, что она испытывает сильное внешнее воздействие со стороны ряда стран и международных исламских организаций.

Данное определение позволяет выделить в качестве основных движущих сил реисламизации в Кыргызстане государство, мусульманскую общину и внешнее воздействие как самостоятельный системный фактор, влияющий на расстановку и баланс сил в религиозной сфере. Внешнее воздействие можно считать системным фактором, временами усиливающимся или ослабевающим в силу ряда причин, но присутствующим постоянно с момента обретения независимости и начала реисламизации в республике. Оно представляет собой явление, носящее комплексный характер и включающее в себя не только воздействие со стороны ряда исламских государств и международных мусульманских организаций, но и развитых западных государств, прежде всего США и Европы, а также ряда стран, образовавшихся на постсоветском пространстве.

Анализ реисламизации в Кыргызстане позволяет сделать вывод о том, что религиозная сфера Кыргызстана является не менее значимой сферой деятельности, чем другие сферы государственной и общественной жизни. Поэтому важно изменить либерально-идеалистическое восприятие реисламизации, пропагандирующее вседозволенность,

на рационально-прагматичное, соответствующее ожиданиям и требованиям гражданского общества и государства. По этому поводу известно высказывание президента России В. В. Путина, который выразил мнение, что либеральная идея себя изжила и не должна доминировать. Комментируя это высказывание главы государства, его пресс-секретарь Д. Песков отметил: «...проблема в том, что либеральные идеи стали агрессивно-доминирующими, и их стали буквально принудительно внедрять в идеологию другим»¹.

Важным вопросом настоящего исследования является вопрос о характере реисламизации в Кыргызстане – носит ли она стихийный характер либо инициирована государством и находится полностью или частично под его контролем, какую роль в ней играют внешние силы. В зависимости от ответа на поставленный вопрос следует определить и ее природу: носит ли она естественный или искусственный характер, каковы объективные и субъективные факторы, определяющие ее содержание.

Изучение реисламизации в Кыргызстане дает все основания полагать, что на ее начальном этапе в ней доминировали элементы стихийности и что она уже в начале своего развития испытывала на себе сильное внешнее воздействие, а контроль со стороны государства носил ограниченный характер. Мусульмане Кыргызстана строили мечети, открывали медресе, объединялись в джааматы, шел процесс формирования мусульманской общины и ее руководства. Государство в этой ситуации заняло выжидательную позицию, объясняемую отсутствием опыта управления в религиозной сфере, общим либерально-идеалистическим восприятием реисламизации. Позднее,

¹ Песков объяснил заявление Путина о либерализме (28 июня 2019)
// URL: <https://riafan.ru/1191091-peskov-obyasnil-zayavlenie-putina-o...>

начиная с середины 90-х гг. прошлого столетия, накопив определенный опыт, создав соответствующие структуры контроля над религиозной сферой, государство активизирует в ней свою деятельность.

Следует отметить, что реисламизация в Кыргызстане с самого начала подверглась внешнему воздействию со стороны ряда исламских государств и международных мусульманских организаций. Это проявлялось в массовой религиозной пропаганде, экспансии нетрадиционных для республики вероучений и радикальных идеологий, активной миссионерской работе и деятельности зарубежных благотворительных фондов, организации массового выезда граждан Кыргызстана за рубеж с целью получения исламского образования, ввозе большого количества религиозной литературы, в том числе деструктивного и экстремистского содержания, организации и обеспечении хаджа, установлении контактов с исламскими зарубежными центрами и фондами.

Характерно, что реисламизация, будучи самостоятельным явлением, выступает неотъемлемой составной частью многих важнейших процессов современности, что указывает на системность этого явления для Кыргызстана и других государств на постсоветском пространстве. В частности, процессы возрождения ислама в Кыргызстане оказались сопряжены с процессами десекуляризации и секуляризации общества, проходившими практически одновременно.

Одной из современных тенденций мирового развития последних десятилетий является десекуляризация общества. Ее противоположностью стала секуляризация, когда освобождение от гнета церкви и религии послужило мощнейшим импульсом развития человечества. Первыми на этот путь вступили западные христианские страны, позднее – исламские. Но несмотря на бурный рост

технологий, особенно в последнее столетие, выяснилось, что они, привнеся в нашу жизнь невиданные прежде возможности и комфорт, не способны решить личностные, национальные, социальные и многие другие проблемы. Напротив, в результате их развития современное общество трансформируется, переходя от традиционного к постиндустриальному, увеличивается разрыв между богатыми и бедными, усложняются социальные и общественные проблемы, рушатся прежние идеологические системы, усиливаются межэтнические конфликты. Очевидно, что это своеобразная плата за прогресс. Общественные, политические, личностные измерения роста человека и социума отстают от технологических. Собственно, это и вызвало десекуляризацию – попытку примирения человека с реалиями современного мира посредством религии.

Десекуляризация в целом носит скорее протестный характер, за некоторыми исключениями, и на этой волне, помимо традиционных, происходит обращение людей к новым религиозным движениям и развитию эзотеризма¹.

Феномен десекуляризации, оказавшись в центре общественного внимания, вызвал рост научных работ, посвященных этой проблеме. В них изучаются ее сущность и содержание, как объективные, так и субъективные причины, формы и признаки². В конце 80-х – начале 90-х гг.

¹ Ивановская О. В. Факторы десекуляризации и формы религиозности в культуре постмодерна // Идеи и идеалы. – 2012. – № 1(11). – Т. 2. – С. 116.

² Королев С. А. Секуляризация и десекуляризация в контексте концепции псевдоморфного развития России // URL: http://e-notabene.ru/psp/article_15258.html; Фетисов М. Политическая теология и секуляризация: о настойчивости одного понятия... – С. 33; Чистякова О. В. Общество и религия в постсекулярную эпоху: теоретические подходы и эмпирическое взаимодействие // Вестник РУДН. Сер.: Философия. – 2016. – № 2; Ивановская О. В. Факторы десекуляризации и формы религиозности в культуре постмодерна... и др.

в Кыргызстане изменение общественного строя затронуло все сферы жизни, в том числе и духовную. В отличие от мировых процессов десекуляризации, носящих в целом протестный характер, как отмечалось выше, на постсоветском пространстве они носили скорее восстановительный характер. Руководство Советского Союза, видя в религиозном движении серьезного соперника в идеологической борьбе, проводило политику жесткого ограничения и принижения влияния религии и религиозных институтов в политической и общественной жизни. Эта политика в сочетании с «железным занавесом» привела к вакууму в духовной и религиозной сфере страны. Именно поэтому после распада СССР начался этап возрождения религий на постсоветском пространстве или, иными словами, восстановления их институтов с учетом изменившихся обстоятельств. Данный процесс религиозного возрождения начался и в Кыргызстане, выразившийся в строительстве мечетей и церквей, духовных учебных заведений. Это касалось не только ислама, но и других религий, например, русской православной церкви, буддизма, католицизма, лютеранства.

Таким образом, реисламизация в Кыргызстане, будучи частью процесса десекуляризации, проявляется в повышенном интересе населения к исламу, созданию мусульманской общины, появлении тренда «правоверного мусульманина» как носителя положительных человеческих качеств, восстановления мусульманской обрядности.

Реисламизация как элемент государственного и демократического строительства в Кыргызстане

В одном из первых документов молодого кыргызского государства – Декларации о государственном суверенитете Республики Кыргызстан от 15 декабря 1990 г. (ст. 7) –

всем гражданам и лицам без гражданства, проживающим на территории республики, гарантировались права и свободы, предусмотренные Всеобщей Декларацией прав человека, а также то, что они не могут подвергаться дискриминации, в том числе по вопросу отношения к религии¹. Позднее в Конституции КР и других основополагающих конституционных законах было четко обозначено место права на вероисповедание граждан в государственном и общественном устройстве Кыргызстана, закреплены принципы взаимодействия с религиозными организациями. О значимости религиозного компонента в государственном строительстве свидетельствует тот факт, что за годы независимости разработана и принята Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы².

Важной особенностью развития постсоветского Кыргызстана следует считать то, что «возрождение национальных и религиозных традиций народа страны происходит в рамках становления и развития кыргызской государственности»³. Кыргызстан, обретя независимость, поставил своей целью построение светского, демократического государства. Неотъемлемой частью демократии, основанной на власти народа и народном представительстве, являются права и свободы, в число которых входят и права на свободу совести и вероисповедания. Несмотря на то, что демократические государства мира являются

¹ Закон РК «Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан» от 15 декабря 1990 г. № 273-XII // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205081>.

² Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы от 14 ноября 2014 г. ...

³ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 125.

секуляризованными и светскими, ими повсеместно признаются и обеспечиваются вышеуказанные права. Восстановление исламских институтов в Кыргызстане, свобода вероисповедания и отправления религиозных обрядов, изменение общественного сознания в сторону повышения религиозности естественным образом отражается на внутривнутриполитической ситуации. Ислам, будучи религией мира и процветания, является важным условием полноценной жизни нашего народа. Он имеет очень большой позитивный потенциал.

Вместе с тем одними из глобальных рисков и угроз современности являются политизация и радикализация ислама, ставящие своей целью создание исламского халифата, исключающие светскую перспективу его становления и роста и в случае его бесконтрольного развития могущие привести к непредсказуемым, негативным последствиям¹. За годы независимости в нашей стране неоднократно предпринимались попытки задействовать религиозный ресурс в политике, иными словами, политизировать ислам. В условиях идеологического кризиса «представители политической элиты стали обращаться к исламу как к механизму укрепления своего влияния и авторитета, расширения своей популярности и получения доступа к власти»². В качестве примера можно привести кандидатуру на пост президента республики в предвыборной кампании 2005 г. – Турсунбая Бакира уулу, который «ключевым фактором своего политического имиджа сделал свою религиозность, позиционируя себя правоверным мусульманином с исламскими взглядами на экономику, политику,

¹ Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана и пути ее нейтрализации / ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2019. – С. 5.

² Там же. – С. 261.

общественные отношения»¹. В рамках президентской предвыборной кампании 2009 г. уже двое кандидатов обращаются к мусульманскому ресурсу Кыргызстана – это Н. Мотуев, выступивший организатором Союза истинных мусульман, и действовавший на тот момент президент КР К. Бакиев, внесший средства в строительство новой центральной мечети в Бишкеке².

Заметим, что подобное поведение политиков неприемлемо, потому что своими действиями они политизируют ислам. Кыргызстан является светским государством, и введение в политику мусульманского ресурса способно в дальнейшем привести к исламской трансформации государства, росту политической нестабильности и угрозе политической и территориальной целостности страны. Своими действиями политики провоцируют мусульманское духовенство на вмешательство, пусть и в опосредованной форме, в политический процесс, как это было продемонстрировано в 2007 г. Тогда мусульманские лидеры сделали заявление о готовности вмешательства в конфликт между К. Бакиевым и Ф. Куловым «в целях снижения уровня политической напряженности в стране»³.

Одной из сущностных характеристик реисламизации в Кыргызстане как сложного общественного процесса является ее комплексное влияние на все стороны жизни общества. Анализируя этот процесс, можно сделать вывод о двух составляющих этого процесса – социальной и экономической.

Характеризуя социальный компонент реисламизации в Кыргызстане, следует остановиться на следующих

¹ Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана... – С. 232–233.

² Там же. – С. 232.

³ Там же. – С. 233.

моментах. К наиболее значимым ее элементам относятся мусульманская община, государство в виде своих органов и должностных лиц, духовенство, исламские общественные организации, исламские экстремисты различных направлений, иностранные государства и международные организации в лице их агентов и представителей. Все эти группы, преследуя и реализуя свои интересы, принимают участие в реисламизации в Кыргызстане.

Особо следует выделить три группы: верующие – 1) мусульманская община Кыргызстана, 2) государство в лице его органов и 3) экстремистские и радикальные организации. Мусульманская община страны является той группой, которая на практике реализует реисламизацию и в то же время выступает в роли объекта, ради которого она осуществляется. Государство необходимо выделить в качестве субъекта реисламизации, поскольку оно обладает властными полномочиями и не только участвует в ней, но и устанавливает границы и пределы ее развития. Экстремистские и радикальные организации, представляющие высокую степень общественной опасности, также оказывают значительное влияние, в основном негативное, на процессы возрождения ислама в Кыргызстане.

Важнейшей задачей успешного развития реисламизации является социализация ислама, то есть интегрирование его в социальную ткань современного кыргызского общества. «Социализация ислама – это средство деполитизации и деидеологизации ислама с перенаправлением деятельности мусульманской общины в социально направленное русло с включением правоверных мусульман в общественные процессы и предоставлением им широких возможностей для образования, трудоустройства, бизнеса и других социальных нужд»¹. В. В. Путин, выступая с речью перед

¹ Усенов А. М. Социализация ислама как механизм противодей-

представителями мусульманского духовенства в Уфе, впервые предложил концепцию социализации ислама как средства противодействия экстремизму и терроризму¹.

В Кыргызстане, к сожалению, проблемы социализации ислама недооцениваются в полной мере. Тем не менее сделаны первые шаги на пути широкого внедрения ее в жизнь республики. Выделим наиболее важные из них:

- в стране действует общественный фонд «Ыйман», к направлениям деятельности которого относятся: стипендиальная поддержка имамов и повышение уровня их образования, проведение лекций об исламе среди сотрудников органов безопасности и прочих силовых структур, повышение религиозной грамотности среди женщин²;

- муфтият ДУМК КР принимает активное участие в проведении благотворительных акций, оказании материальной и моральной поддержки малоимущим слоям населения³;

- государственные телеканалы в целях предотвращения распространения радикальных идей в обществе транслируют информацию, пропагандирующую ценности традиционного ислама. Помимо этого существует информационный портал «Насаат-медиа», работает страница ДУМК в социальной сети «Фэйсбук», а на отдельных телеканалах («Аян ТВ», «Марва ТВ», «Нью-TV» и др.) ведутся передачи на религиозную тематику⁴;

- мечети в последнее время становятся центром социальной жизни, прежде всего на прилегающих к ним территориях. Для многих детей и подростков они «стали... местом не только молитв, обучения арабскому языку

ствия религиозному экстремизму и терроризму... – С. 75.

¹ Там же. – С. 76.

² Там же. – С. 77–78.

³ Там же. – С. 78.

⁴ Там же. – С. 79.

и чтению Корана, но и повседневного общения и игр»¹. Вокруг мечетей складываются «сообщества верующих, которые помогают своим членам, например, в строительстве домов и времянок» и других повседневных нуждах². Во все времена это был наиболее действенный способ вовлечения граждан любой страны в религиозную общину.

Особенно данный механизм эффективен на постсоветском пространстве и, в частности, в Кыргызстане. Не секрет, что население постсоветского пространства в целом находится в более тяжелых социальных и экономических условиях, чем население западных стран. Государство в настоящее время просто не в состоянии помочь всем нуждающимся. Институт местной общины в Кыргызстане, несмотря на многочисленные проекты и гранты, не развит. Целевая помощь, реальные действия, ощущение единства с братьями по вере гораздо ближе людям и открывает большие возможности для мусульманских лидеров по наращиванию их влияния среди населения Кыргызстана. Социальные выплаты государства воспринимаются населением как нечто положенное, в то же время благотворительная помощь ценится гораздо больше и имеет более существенное, прежде всего моральное, значение для людей. Поэтому необходимо в рамках государственной поддержки развивать взаимопомощь граждан на уровне местных сообществ с включением их в деятельность мусульманской общины. Это сложный, но в то же время перспективный проект, решающий много задач, стоящих перед обществом;

- в современном обществе, помимо политических и экономических проблем, существует множество социальных, большинство из которых так и остаются

¹ Сейталиева Г. «Ренессанс» ислама в независимом Кыргызстане // Вестник Евразии. – 2005. – № 3. – С. 135.

² Там же. – С. 135.

нерешенными, а некоторые только обостряются¹. К таковым относятся коррупция, алкоголизация населения, наркомания, преступность, детская беспризорность, проституция, безработица, бедность населения². Государство и общество не в состоянии с ними справиться по многим причинам – нехватка ресурсов, разрушение традиционных устоев и т. д. Однако ислам и исламская община, в силу своего многовекового опыта, способны внести весомый вклад в решение этих проблем. В связи с этим необходимо в качестве одного из стратегических направлений деятельности ДУМК выделить организацию им активного участия мусульманской общины в социализации ислама.

Экономическое воздействие на реисламизацию в Кыргызстане проявляется, прежде всего, в деятельности используемых нашей страной финансовых институтов, основанных на исламских принципах и традициях. Распад Советского Союза привел не только к воссоединению центральноазиатских стран с мировой мусульманской общиной, но и послужил основанием для развертывания в регионе, в том числе и Кыргызстане, исламских финансовых и банковских институтов³. Для нашей страны работа с этими институтами, имея определенные преференции, дающие нам значительные преимущества в конкурентной борьбе в будущем, это уникальный шанс налаживания длительных, перспективных и взаимовыгодных отношений с мусульманскими странами⁴. Экономический аспект

¹ Попов Н. П. Главные социальные проблемы России последнего десятилетия // URL: <https://ria-stk.ru/mi/adetail.php?ID=39422>

² Там же.

³ Греш Дж. Ф. Содействуя процветанию: исламский банк развития, подъем исламских банков и финансовых институтов в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ – 2008. – № 1(55). – С. 157.

⁴ Там же. – С. 157–158.

реисламизации для нашей страны является сложным и мало изученным феноменом, требующим серьезного исследования. Поэтому в рамках нашего проекта хотелось бы остановиться на следующих моментах.

Экономика Кыргызской Республики получила определенный импульс развития с появлением исламских финансовых и банковских структур и, в частности, Исламского банка развития (ИБР), который действует в нашей стране с девяностых годов прошлого столетия. Следует отметить, что ИБР, являясь межправительственной кредитной организацией, в качестве своей главной цели ставит содействие, в соответствии с исламскими законами, экономическому и социальному развитию стран-членов и мусульманских общин¹.

По состоянию на 2003 г. Исламский банк развития вложил в экономику Кыргызстана 64,8 млн долларов, распределенных в 16 проектах². Данные проекты реализовывались в таких секторах экономики, как транспорт, сельское и коммунальное хозяйство, в области социального развития и технического содействия³. В настоящее время ИБР совместно с нашей страной разрабатывает и развивает проекты в вышеуказанных сферах⁴. Помимо этого

¹ Исламский банк развития // URL: <https://bosfera.ru/bo/islamskiy-bank-razvitiya>

² Греш Дж. Ф. Содействуя процветанию: исламский банк развития, подъем исламских банков и финансовых институтов... – С. 161.

³ Там же.

⁴ Профильный комитет ЖК одобрил кредит в \$12 млн на трассу Север – Юг // URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20161018/1029814728/komitet-zhk-odobril-kredit-v-12-mln-na-trassu-sever-yug.html>; Медоборудование, переданное ИБР в рамках совместного проекта, предназначено для сельских больниц // URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20160206/1022176010.html>; ИБР выделит \$16,2 млн на энергообеспечение Баткенской области // URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20150531/1015791197.html>; ИБР

в Кыргызстане формируется и уже действует такой вид банковской деятельности, как исламский банкинг¹.

В процессе реисламизации в экономике Кыргызстана сложился бизнес, основанный на производстве «халальной» продукции. Под понятие «халал» подпадает любая разрешенная исламскими нормами продукция, относящаяся «практически к любой сфере человеческой жизни: продуктам питания, одежде, украшениям, косметике и парфюмерии, предметам личной гигиены, отдыху, развлечениям, сфере финансов, отношениям между людьми, окружающей среде, распоряжению своим имуществом и т. д.»². Так, мясная халал-продукция, несмотря на то, что появилась в нашей стране сравнительно недавно, уже прочно вошла в привычный обиход кыргызстанцев. Следует отметить, что мировой рынок халал-продукции и услуг составляет более 1,1 трлн долларов³. В настоящее время «Кыргызстан готовится к запуску пилотного проекта добровольной сертификации и маркировки продукции и услуг на соответствие

намерен выделить \$15 млн на строительство канала Сарымсак // URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20150520/1015612412.html>

¹ Исламский банкинг: основные понятия и особенности // URL: http://www.financial-lawyer.ru/newsbox/bankiru/bankovskaya_sistema/123-530567.html; Первый исламский финансовый центр открылся в Кыргызстане // URL: <https://www.akchabar.kg/ru/news/islam-financial-center/>; В Бишкеке открыт Исламский финансовый центр «Бакай Банк» // URL: https://www.vb.kg/doc/371442_v_bishkeke_otkryt_islamskiy_fina_nsovyu_centr_bakay_banka.html; Бердибаева А. Зачем Кыргызстану развивать исламский банкинг? // URL: <https://reporting.cabar.asia/ru/zachem-kyrgyzstanu-razvivat-islamskij-banking>

² Что такое стандарт «халаль»? // Kaktakto?! – URL: <https://kaktakto.com/poznavatelno/chto-takoe-standart-xalyal>

³ Кыргызстан готовится экспортировать халал-продукцию – Новиков // URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20180319/1038233299/halal-kyrgyzstan-novikov.html>

стандартам халял»¹. При этом наша страна попала в топ 25-ти стран в рейтинге халал-туризма².

Другой проблемой, требующей особого внимания и рассмотрения, является проблема анализа причин реисламизации в Кыргызстане. В настоящее время этот вопрос, несмотря на свою актуальность, остается открытым, так как в научной среде по нему не существует единого подхода и понимания. Одни считают реисламизацию «результатом комплексного воздействия на ислам экономических, политических и культурно-исторических факторов»³, другие к причинам реисламизации относят «кризис в общественном сознании, когда верующие хотят в исламе найти альтернативу сегодняшней жизни»⁴. Некоторые эксперты к числу факторов, способствующих реисламизации в Кыргызстане, относят, прежде всего, последствия социально-экономических преобразований при переходе от социалистической экономики к рыночной, в числе которых рост безработицы, значительное снижение уровня жизни⁵. Также реисламизации способствовало, по их мнению, отсутствие общенациональной идеологии, ее место во многих случаях замещалось религией⁶.

¹ Потребители часто жалуются – Минэкономики КР о халал-продукции // URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20180319/1038234003/potrebiteli-zhaloba-minekonomiki-halal-produkciya.html>

² Кыргызстан попал в список передовых стран в рейтинге халал-туризма // URL: <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20160406/1024051640.html>

³ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 221.

⁴ Мамытова Э. Исламский фундаментализм и экстремизм в странах Центральной Азии // URL: https://www.ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac11_2000/06.mamit.shtml

⁵ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 207.

⁶ Там же. – С. 207.

Частично соглашаясь с доводами вышеприведенных авторов и анализируя данные по реисламизации в Кыргызстане, причины ее можно разделить на основные и ситуативные. К числу основных причин реисламизации в Кыргызстане можно отнести наличие многовековой исламской традиции в кыргызском обществе, стремление мусульман страны реализовать свое конституционное право на свободное исполнение религиозных верований. Важной причиной, способствовавшей развитию процессов реисламизации в Кыргызстане, явилось становление и развитие светской демократической государственности, создавшей для верующих условия свободного развития, в том числе и в религиозной сфере.

Ситуативными причинами, оказавшими влияние на развитие реисламизации в Кыргызстане, явились процессы политического и социально-экономического характера. Также к ним можно отнести и внешнее воздействие со стороны ряда иностранных государств и международных исламских организаций. Надо сказать, что утверждение о том, что причины реисламизации являются исключительно внутренними, довольно спорно, потому что внешнее воздействие стало очень сильным катализатором, значительно ускорившим процессы реисламизации в республике (финансирование строительства мечетей, помощь в обучении кыргызстанцев в зарубежных исламских заведениях, миссионерская деятельность, благотворительная помощь мусульманам и т. п.).

Исламская традиция кыргызов формировалась на протяжении длительного времени под влиянием комплекса исторических, политических и социальных факторов и в конечном итоге, став элементом и национальной идентичности народа, явилась важной причиной реисламизации в Кыргызской Республике. Поэтому необходимо

более подробно остановиться на ее зарождении и становлении.

На проникновение ислама в среду кыргызов сильное влияние оказала их кочевая культура¹. На территории современного Кыргызстана ислам появился фактически вместе с арабским завоеванием этого региона². Кочевая культура кыргызов, их образ жизни позволил им достаточно долгое время находиться вне зоны влияния исламской культуры, а также сохранить родовую идеологию и культуру как основу самости народа. Согласно историческим данным, более или менее постоянно кочевать на территории Кыргызстана кыргызы начали примерно в XV–XVI вв., а до этого ареал их миграции занимал огромные территории евразийского континента³. Особенностью распространения ислама на территории Кыргызстана была смена вектора с насаждения ислама насильственными методами на способы убеждения, а также использования различного рода экономических и социальных привилегий. Ислам на территории современного Кыргызстана обрел прочные позиции сначала в городах и среди земледельцев и уже потом получил распространение среди кочевых племен.

Исследователи выделяют в качестве основных несколько факторов, послуживших предпосылками принятия кыргызами ислама⁴:

1) наличие торговых и дипломатических связей с мусульманскими странами Востока;

¹ Сейталиева Г. «Ренессанс» ислама в независимом Кыргызстане... – С. 131.

² Абу Хасан М. Н. Начало распространения ислама на территории Кыргызстана (середина VIII – X вв.) // URL: <https://www.krsu.edu.kg/vestnik/2002/v4/a03.html>

³ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 86.

⁴ Там же. – С. 93–94.

2) удаленность от христианских стран и враждебное к ним отношение;

3) близость и созвучие ислама культурным и историческим традициям кыргызов;

4) нахождение в определенные периоды своей истории под протекторатом мусульманских стран, например, Кокандского ханства.

Успех ислама суннитского направления ханафитского толка был обусловлен его терпимостью к традициям и обычаям кыргызов, их доисламским верованиям. Некоторые ученые также провели определенные параллели между национальными обычаями кыргызов и канонами ислама, позволившие выявить их сходство во многих вопросах социального устройства и быта¹.

К моменту экспансии Российской империей Центральной Азии значительная часть кыргызов, несмотря на поверхностное влияние ислама, уже была мусульманизирована². Царская администрация на местах, учитывая этот момент, установила тесные отношения с местным духовенством и поддерживала позиции ислама среди местного населения.

Значимым для дореволюционного Кыргызстана является движение джадидизма – культурно-просветительного движения мусульман Поволжья, Крыма и Средней Азии³. Деятельность джадидов проводилась при одобрении местной администрации в целях религиозно-светского просвещения кыргызов. Фактически, это движение охватило

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане ... – С. 95–97.

² Сейталиева Г. «Ренессанс» ислама в независимом Кыргызстане... – С. 128.

³ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 101.

большую часть городов и поселений, но ввиду кочевого образа жизни кыргызов не получило среди них широко-го распространения и, соответственно, не оказало на них значимого влияния. Всё это вместе взятое привело к тому, что принадлежность к исламу стало фактором-идентификатором, характеризующим кыргызов как этническую общность.

О состоянии ислама на территории дореволюционного Кыргызстана дают представление следующие статистические данные: «До 1876 г. на севере не было ни одной мечети; к 1885 г. в Караколе появляются три мечети, в Иссык-кульском уезде – одна; уже в 1902 г. в Пишпекском уезде насчитывалось 16 мечетей. В 1883 г. в Ошской волости действует 102 мечети, а в 1900 г. – 154. В 1914 г. в Ошском уезде открыто 88 медресе, в то время как в Пржевальске было только одно»¹. Другим фактором, прямо повлиявшим на уровень и качество исламизации дореволюционного кыргызского населения, стала его массовая неграмотность. «При функционировании в Туркестанском крае к 1897 г. 6430 легальных конфессиональных школ количество грамотных среди носителей тюркских языков составляло лишь 2,6%. <...> одним из инструментов поддержания в мусульманах тюркского происхождения невежества, в том числе религиозного, служила теория о неперевоодимости Корана»².

Исламизация дореволюционного Кыргызстана была неоднородной: южные области были более мусульмани-

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 100.

² Сумарокова О. Л. Религиозная грамотность в Кыргызстане: историческая ретроспектива и современные тенденции // Политика и религия в современном Кыргызстане: Сб. ст. / Отв. ред. А. Л. Салиев; ЦГИ ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018. – С. 23.

зированы, чем северные. Исламизация, усугубляемая массовой неграмотностью населения, в том числе религиозной, особенно в его северной части, носила поверхностный характер. Кыргызы северных областей были слабо охвачены исламом и ввиду кочевого образа жизни. Вместе с тем низкий уровень религиозных знаний кыргызов в какой-то мере искусственно поддерживался пришлым мусульманским духовенством¹. Тем не менее в мусульманской общине дореволюционного Кыргызстана можно констатировать формирование в общих чертах среди кыргызов исламской традиции как одного из элементов складывающейся национальной идентичности.

Установление и закрепление Советской власти явилось новым периодом в истории ислама в Кыргызстане. До 30-х гг. XX в. советская власть, столкнувшись в Кыргызстане с массовой неграмотностью населения, была вынуждена сотрудничать с исламским духовенством и местной элитой, имевшей религиозное образование². Переход к оседлому образу жизни кыргызов серьезно повлиял на дальнейшее распространение ислама. Число мечетей и духовенства продолжало расти. Например, «в период с 1919 по 1928 гг. в Чуйском, Каракольском, Джалал-Абадском, Нарынском кантонах была построена 141 мечеть, в 1926 г. только в Ошском кантоне насчитывалось 200 имамов, причем 72 из них имели высшее духовное образование»³.

¹ Сумарокова О. Л. Религиозная грамотность в Кыргызстане... – С. 23–24.

² О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 104; Мухаметшин Р. Ислам в СССР // URL: <https://islam-today.ru/blogi/rafik-muhametsin/islam-v-sssr/>

³ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 105.

Когда советская власть окрепла, в Кыргызстане началась полномасштабная кампания по всеобщей атеизации населения и дискредитации ислама в общественной жизни. В 1926 г. выдвигается тезис об «антисоветском характере» мусульманства¹, а в 1927 г. исламу уже клеится ярлык «классового врага трудящихся» и разрабатываются меры борьбы с ним².

В 1929 г. было запрещено преподавать ислам в учебных заведениях, начинается антирелигиозная пропаганда в школах и обществе³. В рамках этой политики были упразднены местные административные мусульманские структуры. Данную политику советское государство реализовывало до Великой Отечественной войны, когда понадобился религиозный ресурс для оказания отпора врагу. В 1943 г. было создано Среднеазиатское духовное управление мусульман (САДУМ), задачей которого была, прежде всего, мобилизация мусульманского населения Советского Союза в борьбе с фашистской Германией, а также осуществление контроля за мусульманской общиной среднеазиатского региона⁴.

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 106; Мухаметшин Р. Ислам в СССР...

² О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама... – С. 106; Бобровников В. Ислам в советской пропаганде // URL: <http://propagandahistory.ru/2011/Islam-v-sovetskoj-propagande/>; Беннигсен А. Мусульмане в СССР... – С. 44.

³ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама... – С. 106; Мухаметшин Р. Ислам в СССР...

⁴ Нуриманов И. А. Государственно-исламские отношения в СССР до, во время и после Великой Отечественной войны на примере возобновления хаджа и создания духовных управлений // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13. – № 1. – С. 76; Беннигсен А. Мусульмане в СССР... – С. 57.

В 1954 г. постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах их улучшения»¹ отметило оживление деятельности церкви, увеличение числа граждан, отправляющих религиозные обряды, и призвало все советские и партийные органы усилить антирелигиозную работу с верующими. Это, естественно, вызвало резкое ухудшение положения мусульман Кыргызстана. В то же время, будучи сильно ограниченным, ислам среди кыргызов перерождается в так называемый народный или «параллельный» ислам², который несмотря на свою минимизацию и упрощенность становится весьма популярным среди населения, продолжая и сохраняя, даже на уровне ритуалов, в таком урезанном виде, исламскую традицию. Очередной виток давления на мусульман региона был вызван постановлениями ЦК КПСС в связи с вводом советских войск в Афганистан и оживлением мусульманской общины СССР.

В результате процессов перестройки в СССР происходит резкая смена курса государства по отношению к религии, и уже в 1988 г. КПСС выдвигает тезис о прекращении политической борьбы с исламом³. Прекращением долгого противостояния между государством и религией многие исследователи считают момент принятия закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях»⁴.

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 108–109; Королева Л. А., Королев А. А. Государство и ислам в СССР: из опыта взаимоотношений // URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2009/Pravo/39669.doc.htm; Беннигсен А. Мусульмане в СССР... – С. 45.

² Беннигсен А. Мусульмане в СССР... – С. 62.

³ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза: Стенограф. отчет. – М.: Политиздат, 1988. – С. 52.

⁴ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 110.

Подводя итоги советского периода в истории ислама, можно сделать однозначный вывод, что религиозные институты к концу советской эпохи играли крайне незначительную роль в общественной и государственной жизни и в целом ислам переродился в исламскую традицию, передающуюся путем воспроизводства из поколения в поколение.

Кыргызы считали себя мусульманами автоматически, не вдаваясь в глубины ислама, на уровне ритуалов и традиций. Ни о каком регулярном следовании нормам ислама, а тем более строгом, жестком их соблюдении речь не стояла. Советское государство, используя как репрессивные, так и «мягкие» способы убеждения, добилось снижения уровня религиозности кыргызского народа, однако не смогло до конца искоренить исламскую традицию.

Помимо этого к объективным причинам выхолащивания исламской традиции в Кыргызстане, сведения до формы народного ислама исследователи относят отсутствие в республике в советское время духовных исламских центров, малое количество мечетей, отсутствие квалифицированных кадров священнослужителей, изоляцию местной мусульманской общины от общемировой исламской уммы¹. Также они отмечают архаический характер ислама в Киргизии с вкраплениями доисламских верований. Но в условиях «железного занавеса» ханафитская школа даже в таком примитивном народном выражении не имела конкуренции с другими школами ислама, обладала исключительной монополией на территории Кыргызстана, и это в условиях открытости общества, последовавшей после развала СССР, сыграло свою роль. Ограниченная, сведенная до уровня исламской традиции, она до сих пор

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 202.

испытывает значительные сложности в условиях конкуренции с другими направлениями современного ислама.

Таким образом, анализ советского периода ислама в Кыргызстане в сравнении с дореволюционным периодом позволяет сделать следующий вывод: несмотря на атеистический и антирелигиозный характер политики советской власти, при ней процессы исламизация населения Кыргызстана получили определенное развитие. Поверхностная, на уровне исламской традиции, с крайне ограниченным богословским багажом, исламская традиция сохранила свое место в идентичности кыргызского народа.

С момента обретения независимости и начала реисламизации в Кыргызстане прошло уже почти тридцать лет, что представляет собой достаточный срок, позволяющий сделать определенные выводы и подвести некоторые итоги. Являясь системным процессом, реисламизация неразрывно связана со всеми государственными и общественными процессами, протекающими в республике, что делает возможным разработку определенной ее периодизации и выделении ряда этапов развития.

Периодизация реисламизации имеет значение как для науки, так и для практической деятельности государственных органов, общественных объединений и организаций Кыргызстана. Деление на этапы, их анализ, выведение принципов и оснований периодизации позволяет сделать выводы не только о сущности и целях этого явления, ее влиянии на внутреннюю политическую и социальную обстановку, но и в какой-то мере спрогнозировать дальнейшее развитие, наметить тенденции роста реисламизации в стране.

Представляет также интерес вопрос наложения этапов реисламизации на периодизацию иных процессов в Кыргызстане, например, государственного строительства, социального и экономического развития.

Вопросы периодизации реисламизации в Кыргызстане не новы. Такие попытки предпринимались и ранее. Эльвира Мамытова в статье «Исламский фундаментализм и экстремизм в странах Центральной Азии» выделяет три этапа реисламизации: 1990–1993 гг. – период исламского «бума» и усиления его влияния на политические процессы в регионе; 1993–1995 гг. – подавление политического влияния исламского фундаментализма, установление государственного контроля над деятельностью мусульман; начиная с 1995 г. и по настоящее время – распространение исламского экстремизма, составляющего оппозицию правительствам¹. Заметим, что в той же статье автор, рассматривая реисламизацию как «усиление исламского влияния на современный мир», считает, что в данной ситуации «неуместно использовать термин “возрождение”», мотивируя это тем, что «”возрождение” обычно связано с определенным историческим периодом в странах Западной Европы и характеризуется раскрепощением и освобождением человеческого разума от разного рода догм, в первую очередь религиозных»².

Другой исследователь – Кадыр Маликов выделил следующие три этапа «современной истории государственной политики в религиозной сфере страны со дня обретения ею независимости»: либеральный (1991–2000 гг.), умеренно-репрессивный (2000–2006 гг.) и современный (с 2006 по 2010 гг.)³. На первом этапе «государство предоставило гражданам полную свободу совести и вероисповедания, заняло нейтральную позицию стороннего наблюдателя,

¹ Мамытова Э. Исламский фундаментализм и экстремизм в странах Центральной Азии...

² Там же.

³ Маликов К. Социальная активность мусульманского сообщества Кыргызстана на современном этапе. – Бишкек, 2010. – С. 13.

ограничиваясь регистрацией религиозных групп»; на втором этапе «борьба с экстремистскими течениями стала основным фокусом государственной политики в религиозной сфере»; третий этап характеризует то, что «государство стало заявлять о себе как об активном игроке в регулировании религиозной сферы. Одновременно государство пытается стандартизировать и классифицировать различные исламские организации, учебные заведения и культовые объекты»¹.

Тем не менее можно предложить и самостоятельную модель поэтапного развития реисламизации в Кыргызстане. Данная модель условна и требует дальнейшей проработки, но в целом дает достаточно верную картину ее процессов в Кыргызстане как объективного феномена.

Реисламизацию в Кыргызстане можно разделить на три этапа. Критериями классификации являются степень участия в ней государства, уровень развития исламского сообщества в Кыргызстане, а также внешнее, в целом негативное, воздействие на его процессы ряда иностранных государств и международных исламских организаций.

Первый этап реисламизации в Кыргызстане начался с 1991 г., с обретением независимости, и во многом носил стихийный характер ввиду минимальной степени участия государства в религиозной сфере и активизации деятельности формирующегося мусульманского сообщества. На этом этапе государство декларирует религиозные и демократические свободы, создает нормативно-правовую базу, регулирующую религиозные права и свободы граждан, образует органы управления религиозной сферой. Особую роль сыграло принятие закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» от 16 декабря

¹ Маликов К. Социальная активность мусульманского сообщества Кыргызстана на современном этапе...

1991 г., создавшего необходимые правовые предпосылки и условия для функционирования в стране религии и религиозных институтов. Закон гарантировал гражданам свободу вероисповедания и осуществления религиозной деятельности на территории республики, включая право на распространение своих убеждений, установил принцип невмешательства государства в дела религиозных организаций и возможность ограничения государством свободы вероисповедания только в случаях, предусмотренных данным законом. В 90-е гг. прошлого века этот законодательный акт был наиболее либеральным на всём постсоветском пространстве.

Отстраненность государства от религиозной сферы имела следствием не только стихийное развитие мусульманского сообщества Кыргызстана, но и привело к распространению учений различных исламских религиозных сообществ, имеющих внешнее происхождение.

Объективная сторона данного процесса выразилась в стремительном росте общего уровня религиозности населения, многократном увеличении общего количества религиозных организаций, религиозных учебных объектов в стране, а также появлении и росте различных «нетрадиционных» для республики исламских религиозных течений, групп и сект.

Рамочный характер закона КР «О свободе вероисповедания» 1991 г., не регулировавшего многие вопросы создания и деятельности религиозных организаций, предусматривавшего минимальный контроль за ними, привел к тому, что в республику стали проникать различные иностранные исламские религиозные организации и миссии, в том числе деструктивного характера, ранее не существовавшие на территории страны. Подобная ситуация сложилась и в России с принятием закона РСФСР «О свободе

вероисповеданий» от 25 октября 1990 г., когда «полная открытость России для обмена духовными ценностями оказалась за пределами разумного, открыла путь для духовной агрессии».¹ Неслучайно в законе КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г. было впервые введено понятие «духовная безопасность» как одна из целей государственной политики в области религии.

В рамках первого периода в 1993 г. было создано Духовное управление мусульман Кыргызстана (ДУМК), что стало необходимой мерой для молодого независимого государства. С начала своей деятельности и по настоящее время оно выполняет функции организации, оказывающей помощь государству в сфере религиозных отношений, обеспечивающей единую политику среди верующих. Создание ДУМК сыграло важную роль для поддержания тесной связи с мусульманской общиной Кыргызстана, а также для нейтрализации внешнего влияния со стороны различных исламских движений и течений. В условиях отсутствия собственной сильной богословской школы, низкого уровня знания канонов ислама мусульманами Кыргызстана, активного внешнего влияния со стороны ряда зарубежных государств и международных исламских организаций, выражающегося в привнесении в нашу страну негативных идеологий, питающих экстремизм и радикализм, создание ДУМК явилось обоснованной мерой. В 1996 г. был создан специальный орган – Государственная комиссия по делам религий при Президенте КР, действующий и поныне.

¹ Себенцов А. Е. Комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России: Справочник. – М., 1997. – С. 5 // URL: https://pravoslavie.ru/60935.html#_ftn1

Второй этап начинается во второй половине 90-х гг. прошлого века и заканчивается к середине первого десятилетия XXI в., завершающей вехой которого можно считать выход в свет Решения Совета обороны КР о государственной политике в религиозной сфере от 7 февраля 2013 г. Этот этап можно обозначить либеральным ввиду низкой степени участия государства в религиозной сфере при сохранении значительной степени свободы религиозной общины и верующих.

Третий этап начинается с середины первого десятилетия XXI в. и продолжается по настоящее время, когда на повестку дня встала проблема поиска новой, оптимальной модели взаимодействия государства и религиозных объединений. Он характеризуется тем, что руководство страны приняло меры по усилению роли государства в религиозной сфере при сохранении прав и свобод верующих.

Социально-политические и геополитические процессы, происходящие в мире, угрозы и вызовы национальной безопасности республики, вызванные внешним воздействием, поставили вопрос о переходе на новую модель взаимодействия государства и религии. В упрощенном виде она представляет собой систему взаимоотношений государства и религиозных объединений относительно места и роли религии в жизни общества. В постсоветском Кыргызстане была взята на вооружение сепарационная модель, присущая светскому типу государств, которую характеризуют, согласно Р. Балодису, пять условий:

1) государство и его учреждения не контролируют отношение своих граждан к религии и не учитывают религиозную принадлежность конкретных граждан;

2) государство не вмешивается во внутреннюю деятельность религиозных объединений, если не нарушается законодательство;

3) государство не оказывает материальной поддержки религиозным объединениям, в том числе и финансовой поддержки;

4) религиозные объединения не выполняют по заданию государства ни одной юридической функции (в том числе и функцию регистрации брака);

5) религиозные объединения не вмешиваются в государственные дела, а занимаются только теми вопросами, которые касаются их деятельности; государство охраняет законную деятельность религиозных объединений¹.

Данная модель, как указано выше, предусматривала сильную дистанцированность государства от религии, позицию невмешательства и ослабление регулирующих функций в религиозной сфере. Такая стратегия согласно Решению Совета обороны КР от 3 февраля 2014 г. была признана несовершенной. Государство констатировало необходимость кардинального пересмотра принципов и методов государственно-конфессионального взаимодействия, внесения изменений и дополнений в соответствующее законодательство с целью предотвращения проявлений религиозной нетерпимости и радикализма, создания условий перехода к новой модели взаимодействия государства и религиозных объединений.

На основании анализа законодательства и фактических данных можно сделать однозначный вывод о том, что в Кыргызстане в настоящее время осуществляется постепенный переход от существовавшей модели государственно-религиозных отношений к новой. Сама модель еще находится в процессе формирования, однако уже видно ее значительное отличие от предшествующей, которое

¹ Понкин И. В. Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003 // URL: <http://www.state-religion.ru/files/laicite1.pdf>

заключается в увеличении роли участия государства в религиозной сфере. Данное обстоятельство закреплено в пакете новых законов и изменений, внесенных в действующее законодательство. В частности, они нашли отражение в законе КР от 6 августа 2018 г. «О противодействии финансированию террористической деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов», Программе правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы, изменениях, внесенных в законы КР «О противодействии терроризму» и «О противодействии экстремистской деятельности», а также изменениях, внесенных в Уголовный кодекс КР, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы КР¹.

Основой власти и суверенитета в нашей стране, согласно Конституции, является народ. Но он не может существовать вне государственных, политических, социальных, экономических отношений. Сквозь призму отношения к религии создается религиозная община Кыргызстана, и мусульманская в том числе. Имея в своей основе народ Кыргызстана, государство и мусульманская община неразрывно связаны друг с другом. Любые изменения в государстве отражаются на мусульманской общине, и наоборот. Исследуя мусульманскую общину Кыргызстана, можно сделать вполне качественный анализ состояния и проблем государства.

Мусульманская община Кыргызстана в советское время находилась в тяжелом положении, прежде всего в религиозно-идеологическом аспекте. В республике не было ни одного религиозного учебного заведения. Духовенство отличалась низким уровнем подготовки, не было крупных,

¹ См.: Правовые аспекты противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. док. и мат-лов. – Бишкек, 2019.

авторитетных богословов. Мусульманская община исповедовала ислам на уровне бытового, обрядового, иначе говоря, народного. Большая часть составлявших мусульманскую общину верующих имела поверхностное представление об исламском учении. В Советском Союзе помимо специализированных органов по делам религий, таких как САДУМ, Совет по делам религий при Совете министров СССР и его уполномоченные на местах, контроль за мусульманской общиной осуществлялся также советскими и партийными органами. С другой стороны, изоляция от мировой мусульманской уммы сыграла свою положительную роль в том смысле, что в мусульманском сообществе в советское время практически отсутствовали радикальные исламские течения. Подобное положение вещей накладывало на ислам в Кыргызстане и на его мусульманскую общину специфический отпечаток, отличающий его от мусульманских общин других республик Советского Союза.

В настоящее время мусульманское сообщество Кыргызстана фрагментировано и состоит из различных этнических, социальных и возрастных групп. Анализ современной мусульманской общины позволяет выделить ряд как позитивных тенденций и условий, так и проблем и негативных тенденций процесса реисламизации в Кыргызстане, которые будут оказывать непосредственное влияние на него и в будущем.

К проблемам и противоречиям, существующим в мусульманской общине, можно отнести следующие:

1) *преобладание сельских жителей над городскими*. Кыргызстан на сегодня остается страной с преобладанием сельского населения. Это позволяет говорить об особенном качестве исламского сообщества. Даже несмотря на процессы урбанизации и глобализации численность

сельского населения продолжает превышать рост численности городского населения. На основании статистических данных можно сделать вывод о том, что большая часть мусульманской общины Кыргызстана является сельской или связана с ней и отличается особой сельской психологией, привычками и образом жизни. В частности, жизнь в селе отличается «более тяжелыми, чем обычно в городе, условиями труда; малыми возможностями для трудовой мобильности жителей; большой слитностью труда и быта, непреложностью и трудоемкостью труда в домашнем и подсобном хозяйствах»; сохраняются многие традиционные черты сельского образа жизни, «открытость» общения селян делают его довольно тесным и охватывающим все стороны жизни)¹;

2) *многонациональный характер*. Фактором, вызывающим озабоченность, является многонациональный характер мусульманской общины Кыргызстана. В республике, как правило, многие мечети называют по названию посещающей ее этнической группы: узбекская, уйгурская, дунганская и т. д. Реальностью можно считать тот факт, что мусульманское сообщество представляет собой конгломерат этнических групп, исповедующих ислам, отличающийся наличием культурных, языковых и национальных особенностей. События 2010-го года в Оше подтвердили хрупкость межнационального мира и послужили основанием для очередного витка взаимного недоверия и настороженности. Мусульмане поневоле стали обособляться по национальному признаку.

Ярким примером разделения мусульманской общины Кыргызстана по национальному признаку является многочисленная узбекская община, проживающая в южных

¹ Характеристика городской и сельской социальной среды // URL: http://geolike.ru/page/gl_9604.htm

областях Кыргызстана и составляющая более 14% населения нашей страны. В истории Кыргызстана имели место конфликты между кыргызами и узбеками, главным образом из-за социальных проблем, в то время как религиозная основа конфликта отсутствовала. Но на сегодня ввиду закрытости и в какой-то степени изолированности мусульманской узбекской общины мы, по сути дела, имеем своего рода религиозный анклав в Кыргызстане. Формально он является частью мусульманской общины страны, но фактически существует самостоятельно. Подобная ситуация подталкивает к мысли о необходимости сохранения баланса между наднациональным характером ислама и национально ориентированной мусульманской общиной Кыргызстана. Ислам, имея наднациональный характер, в своем логическом развитии представляет угрозу национальной идентичности кыргызского и других народов¹.

3) *региональное деление Кыргызстана на Юг и Север.* В силу географической и этнической разобщенности юга и севера страны региональный фактор продолжает играть важную роль в проблемах политического, экономического, религиозного и мировоззренческого характера развития Кыргызстана, накладывающих свой отпечаток на процессы реисламизации. С давних пор оседлое население юга отличалось большей приверженностью к исламу, чем преимущественно кочевое население севера страны. Региональное разделение север/юг, будучи не сильно афишируемым явлением, оказывает системное влияние на кыргызскую часть мусульманской общины, и это представляет серьезную проблему как для государства, так и для общества, прежде всего с точки зрения стабильности.

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 190.

По-прежнему сохраняется многолетняя монополия юга страны в сфере религиозных отношений, из-за чего почти во всех областях Кыргызстана главы мусульманских общин были представителями южного региона. Со временем это породило конкуренцию с представителями севера страны, которые вследствие роста религиозного самосознания всё чаще стали занимать места в казыяхтах, мечетях, медресе и администрации ДУМК. Мусульманская община стала площадкой борьбы отдельных региональных групп, лоббировавших своего кандидата на пост муфтия¹.

Еще одной причиной, создающей противоречия между верующими Севера и Юга, является разное понимание традиционного ислама. Были случаи, когда имамы – выходцы из южных областей привносили в мечети северных областей свои стереотипы религиозного мышления²;

4) *родоплеменная идентификация кыргызов*. Также трайбализм в духовной сфере продолжает оставаться одной из причин, противодействующей процессу консолидации мусульманской общины Кыргызстана. Анализ состояния постсоветской мусульманской общины позволяет выделить в качестве отдельного фактора, оказывающего системное воздействие как на общественную и политическую жизнь страны, так и на ее религиозную составляющую, фактор родоплеменной идентификации кыргызов.

Родоплеменной фактор в Кыргызстане в условиях независимости обрел вторую жизнь. Родоплеменные, клановые отношения в условиях нахождения сначала в составе

¹ Мурзахалилов К. Проблемы становления мусульманской общины в Кыргызстане (1991–2013 гг.) // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – № 2. – С. 114, 116–117; О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама... – С. 223–224.

² О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама... – С. 224.

Российской империи, а затем Советского Союза были способом сохранения своей национальной идентичности. И сейчас специфической чертой, характеризующей кыргызов, исповедующих ислам, продолжают оставаться укоренившееся в их сознании региональное и родоплеменное деление. Их наличие свидетельствует о слабом национальном, общегосударственном самосознании. Многие верующие продолжают мыслить региональными и родоплеменными категориями, хотя, как минимум, они должны были перейти на уровень национальной самоидентификации;

5) *низкий уровень религиозных знаний членов мусульманской общины.* Данные социологических опросов указывают на две особенности населения Кыргызстана: возрастающий рост его религиозности и в то же время низкий уровень религиозной грамотности верующих¹. Эти опасные тенденции, открывающие дорогу для проникновения в их среду идеологии мусульманского фундаментализма, имеют своим следствием рост фанатизма в исламской среде. Другим негативным фактором является низкий уровень подготовки имамов в Кыргызстане. Так, по состоянию на 2003 г. из 1580 имамов только 66 окончили высшие исламские духовные заведения. У 81 священнослужителя были в наличии документы о среднем духовном образовании, а численность имамов без специального религиозного образования в наиболее исламизированных южных областях Кыргызстана – Ошской и Джалал-Абадской – составляла 97,2% и 98,1% соответственно²;

6) *деление мусульманской общины на джамааты по национальному признаку.* Мусульманская община Кыргызской Республики разделена на различные джамааты, хотя

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 191–192.

² Там же. – С. 212.

и функционирующие в рамках суннитского ислама. К числу наиболее активных джамаатов относят «Хизмет» и «Таблиги джамаат»¹. В Кыргызстане на сегодняшний день функционируют более 20 различных исламских джамаатов: «Таблиги джамаат», джамаат Адыла Мансура, карасуйский джамаат, узгенский джамаат, джамаат Абдушукура Нарматова и др. Особенностью является труднодоступность информации о членах различных джамаатов, когда о своей принадлежности к тому или иному джамаату сообщается только в неформальных беседах на условиях анонимности².

Следует отметить, что процессы реисламизации в Кыргызстане не смогли преодолеть проблему разобщенности мусульманской общины и деления ее на национальные сообщества, что способствовало проникновению в их среду идеологии и практики радикального исламизма.

Таким образом, независимость народа Кыргызстана и последовавшие реформы в религиозной сфере стали важным элементом преобразования общества, содействовали возрождению ислама в рамках процессов реисламизации и выразились в ускоренном развитии религии и религиозных общин. Оказав влияние на все конфессии страны, этот процесс затронул сферу ислама и проявился в беспрецедентном росте числа мечетей в стране. Если в 1991 г. на момент обретения независимости в Кыргызстане официально действовали 39 мечетей, то к 2003 г. их численность достигла 1685, в 2008 г. в республике был зарегистрирован

¹ Нургуль Эсенаманова: Джамааты стали социальным лифтом в общественных отношениях // URL: <https://belief.cabar.asia/ru/2019/01/30/nurgul-esenamanova-dzhamaaty-stali-sotsialnym-liftom-obshhestvennyh-otnosheniyah/>; Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана и пути ее нейтрализации: Фундаментальное исследование. 2018 / Отв. ред. А. Л. Салиев; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2019. – С. 196, 205.

² Там же. – С. 214.

1791 объект исламского направления, а в 2011 г. их численность возросла до 2050. По данным Государственной комиссии по делам религий КР, в сентябре 2016 г. на учете в ГКДР числилось уже 2595 мечетей. По меткому замечанию одного из политиков, «сегодня у нас не только каждый населенный пункт, но и улица, квартал имеют свою мечеть. Идет конкуренция за сферу влияния среди мусульман»¹. При этом многие религиозные заведения не прошли государственной регистрации и их численность далеко превышает официальные статистические данные. Так, в Концепции государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы отмечено, что из числа действующих мечетей около 20% не прошли учета регистрации².

Таким образом, внешним проявлением реисламизации в Кыргызстане явился неуклонный рост численности мечетей и исламских учебных заведений, обслуживающих нужды верующих. Объективность этого процесса стала реакцией верующих на политику атеизма и давление на религию в годы советской власти. Однако о причинах роста численности мечетей не упоминается или упоминается вскользь.

По нашему мнению, рост их численности объясняется следующими причинами:

- 1) прежде всего, это связано с ростом потребности в отправлении религиозных нужд самих верующих;
- 2) важной причиной является финансовая помощь из-за рубежа. Многие мечети в Кыргызстане построены при финансовом содействии или на средства ряда иностранных

¹ Элебаева А. Б., Эсенаманова Н. С., Чотаев З. Д. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию... – С. 5.

² Правовые аспекты противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. док. и мат-лов. – Бишкек, 2019. – С. 336.

государств¹. Например, «Саудовская Аравия и Катар профинансировали строительство 30% мечетей из более чем 2500 мечетей Кыргызстана»²;

3) многонациональный характер мусульманской общины Кыргызстана. Представители отдельных национальностей строят мечети в местах своего компактного проживания, многие мечети называют в народе по названию посещающей их этнической группы³;

4) борьба джамаатов за влияние среди верующих в Кыргызстане. Известно, что мусульманская община Кыргызстана делится на джамааты. В исламе очень важна связь между мечетью и джамаатом: «...ценна не сама мечеть, а джамаат, который ее посещает, и ценнее ритуальные действия, совершенные коллективно (нет джамаата – нет мечети)⁴». С другой стороны, «в светском обществе без мечети у джамаата нет имамства, амирства, минбара, нет “общего дела”. Без мечети имам – это просто алим, а джамаат – просто мусульмане конкретной территории. Такой джамаат будет дезинтегрирован, не может быть речи о его сохранении и дальнейшем развитии. Мечеть распределяет статусы, структурирует, формализует духовное пространство джамаата»⁵. Н. Эсенаманова в статье «Джамааты стали социальным лифтом в общественных отношениях» освещает вопрос о причинах борьбы джамаатов в Кыргызстане.

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 174.

² Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана... – С. 206.

³ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама... – С. 186.

⁴ Дайджест онлайн-дискуссии на КУ «Мечети раздора. Закрытие мечетей на Кавказе: причины, риски и последствия» // URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/24007>

⁵ Там же.

Она отмечает, что ими являются «борьба за власть в муфтияте, которая дает контроль над солидными денежными потоками, в том числе в организации хаджа», а также «за влияние в мечетях и медресе. Со слов некоторых имамов, уже есть случаи рейдерского захвата со стороны некоторых джамаатов мечетей и медресе»¹.

Обретя независимость и став полноправным членом мирового сообщества, Кыргызстан привлек к себе внимание многих зарубежных стран и международных организаций, занял место в их планах и расчетах. Спектр внешнего воздействия весьма широк – от транзита различных идеологий до оказания финансовой помощи. В любом своем проявлении – как негативном, так и позитивном – оно является катализатором роста, ускорения развития реисламизации в Кыргызстане.

Анализ внешнего воздействия на процессы реисламизации в Кыргызстане с момента обретения независимости позволяет классифицировать его по следующим основаниям:

1) *по идеологической направленности ряда акторов:*

а) развитые страны: США и страны Европы;

б) исламские государства: Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Пакистан, Египет, Иран, Сирия и др.;

в) гибридные: Турция;

д) деструктивные: радикальные и террористические движения.

США и страны Европы привносят в Кыргызстан идеологические конструкты, основанные на западных ценностях. Прежде всего, идеи демократии, либерализма, светского государства, рыночной экономики. Они оказывают сильное влияние на направление процессов реисламизации в Кыргызстане в рамках построения демократического

¹ Нургуль Эсенаманова: Джамааты стали социальным лифтом в общественных отношениях....

правового государства в условиях глобализации современного мира.

Исламские государства различаются по своей идеологической направленности. К странам, наиболее активно реализующим свои геополитические проекты в Кыргызстане, относятся Саудовская Аравия и Сирия, Египет, Пакистан, Иран, Катар. Саудовская Аравия вместе с другими исламскими странами продвигает на постсоветском пространстве, в том числе в Кыргызстане, идеологический проект по распространению идей «чистого ислама» (ваххабизма/салафизма) под названием «Новый халифат»¹. Его целью является демонтаж традиционного ислама и трансфер ислама, присущего, в основном, странам Персидского залива.

Ввиду того, что большинство мусульманского населения в Кыргызстане составляют сунниты, иранское влияние оказалось незначительным и не представляет угрозы². Однако Иран, считая собственную модель ислама моделью всего исламского мира, реализует в Кыргызстане и в центральноазиатском регионе культурные и образовательные программы, главной целью которых «является улучшение имиджа шиизма среди простых мусульман, завоевание их доверия»³.

Гибридность Турции выражается в том, что, будучи светской страной, она активно распространяет в мире собственную религиозную модель. В Кыргызстане она реализует транзит проекта «пантюркизма» и турецкой модели ислама через движения «Хизмет», «Нурджулар» и «Сулейманджилар».

¹ Проблемы политизации и радикализации ислама... – С. 200.

² Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике... – С. 40.

³ Там же. – С. 40–41.

К деструктивным движениям относятся Организация освобождения Туркестана, «Исламское государство», Исламское движение Восточного Туркестана, Исламское движение Узбекистана, «Жайшуль Махди», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и мн. др. Все деструктивные движения, несмотря на идеологические и прочие различия, в отношении Кыргызстана объединяет стремление любыми способами и методами, включая насильственные, преобразовать его в исламское государство в форме халифата.

Отдельной оценки требует деятельность «Таблиги джамаат» ввиду особого положения этой религиозной организации в Кыргызстане. На сегодняшний момент, несмотря на свой статус международной исламской организации, она фактически является международной корпорацией с отделениями более чем в 120 странах. О статусе и деятельности «Таблиги джамаат» есть много информации в открытых источниках Кыргызстана и других стран. Однако хотелось бы коснуться некоторых аспектов ее деятельности, на которые не всегда обращается достаточное внимание.

Так, механизм деятельности «Таблиги джамаат» в организации даавата широко известен: Мусульманин в течение строго определенного срока переходит из мечети в мечеть, таким образом совершая своеобразное паломничество. Чего добивается «Таблиги джамаат» в результате совершения таких действий? Во-первых, человек погружается на четко определенный срок исключительно в исламскую среду. Происходит смена фокуса внимания. Во-вторых, человек становится частью исламской группы, временного джамаата. В-третьих, осуществляется отбор из общей среды мусульман их активной части, то есть людей, которые способны на действия. С ними в последующем и продолжается работа. В-четвертых, в результате создания временных джамаатов происходит на постоянной основе

перемешивание активной части мусульман и таким образом в мусульманской общине искусственно инициируется своеобразное турбулентное движение. В-пятых, в результате создания временных джамаатов происходит постоянное перемешивание представителей разных слоев общества. В одном джамаате могут оказаться представители бизнеса, госслужбы, криминалитета и т. д. В-шестых, основу временных джамаатов используют для создания постоянных и таким образом увеличивают количество членов «Таблиги джамаат». Как видно, представители «Таблиги джамаат» в результате казалось бы простых и абсолютно законных действий, не вызывающих никакого подозрения, решают очень много собственных задач.

Внешнее воздействие на исламскую общину со стороны западных стран, исламских государств и деструктивных движений объединяет общая цель: ухудшить отношения Кыргызстана с Россией, разрушить их союз. Потеря Кыргызстана как стратегического партнера ослабит позиции России в центральноазиатском регионе. Для Кыргызстана это также принесет существенные потери как в экономическом, так и политическом отношении. Помимо этого, разрыв партнерских отношений с Россией грозит стабильности Кыргызстана, прекращение его членства в ШОС, ЕАЭС, ОДКБ и СНГ;

2) *по законности:*

а) легальное;

б) нелегальное.

Внешнее воздействие на реисламизацию в Кыргызстане отличается и по правовому статусу агентов влияния. Все страны, кроме деструктивных движений, действуют в правовом поле, их деятельность разрешена в Кыргызстане и основывается на национальном и международном законодательстве. Значительные масштабы в Кыргызстане

приобрела нелегальная, запрещенная законами страны деятельность экстремистских и террористических организаций, преследующих в Кыргызстане цели установления строя исламского халифата;

3) *по формам внешнего воздействия:*

- а) финансовая помощь и благотворительность;
- б) образовательные программы;
- в) распространение печатной продукции;
- г) использование интернет-ресурсов, СМИ и масс-медиа;
- д) миссионерская деятельность.

Отдельно необходимо рассмотреть внешнее воздействие со стороны России на реисламизацию и другие процессы в Кыргызстане. Российскую Федерацию, являющуюся стратегическим партнером Кыргызской Республики, связывает с ней общая историческая судьба и долгое надежное сотрудничество во всех областях.

Таким образом, анализ мусульманской общины Кыргызстана периода реисламизации показывает, что на настоящий момент существует много противоречий и конфликтов внутри нее, что позволяет сделать вывод о ее определенной фрагментированности на отдельные группы с самостоятельными интересами и целями. В ней существует, как мы говорили выше, много конфликтных точек, узлов напряжения и противоречий, совокупность которых может привести к негативному сценарию развития, при котором все эти противоречия соединятся и эффект их наложения будет носить качественно новый, разрушительный уровень.

Каждое из этих противоречий является угрозой стабильности как мусульманской общины, так и общества в целом, а их слияние может вызвать эффект домино и породить серьезный кризис в нашей стране. Поэтому крайне важно изучать вышеуказанные противоречия в едином

комплексе и предпринимать меры по недопущению их наложения друг на друга. В мусульманской общине самой опасной, фокусирующей точкой совмещения противоречий является джамаат. Именно в нем смыкаются все векторы напряжения, и поэтому нельзя допускать, чтобы у нас в стране создавались джамааты, строящиеся на этих противоречиях и провозглашающие их в качестве своих принципов и лозунгов.

Анализ реисламизации позволяет сделать некоторые выводы относительно перспектив дальнейшего развития ее процессов в Кыргызстане. Во-первых, процесс реисламизации в Кыргызстане является необратимым, прошедшим точку невозврата. Реисламизация за последние годы изменила образ Кыргызстана, ввела его в мусульманский мир, и этот процесс будет продолжаться.

Во-вторых, за прошедшие годы в мусульманской общине Кыргызстана наряду с позитивными сдвигами накопилось немало проблем и противоречий, которые и в дальнейшем будут сказываться на ее развитии. Прежде всего, это проблема ее дальнейшей джааматизации, т. е. продолжение деления верующих на джааматы и их борьба между собой за влияние среди верующих. Джааматы, являясь своеобразным ответом ислама на регионально-клановую систему Кыргызстана, построенную на принципах семейно-родственных отношений, будут бороться не только за влияние внутри мусульманской общины, но и вовне, в общественной жизни, и это является одним из объективных рисков реисламизации.

В-третьих, подобная же ситуация сложилась и в ДУМК Кыргызстана, которое стало площадкой соперничества между региональными силами (север/юг), а также представителями различных джааматов за власть внутри организации, и это положение сохранится в будущем.

В-четвертых, в силу исторических обстоятельств Кыргызстан с момента обретения независимости находится под сильным внешним влиянием исламских стран и международных мусульманских организаций, в условиях процесса формирования мусульманской общины, когда ощущался дефицит квалифицированного духовенства, отсутствия развитой религиозной инфраструктуры. В ближайшем будущем внешнее влияние будет оставаться одним из факторов угрозы национальной безопасности Кыргызстана в целом и целостности мусульманской общины, в частности.

В-пятых, государственный контроль в области регулирования религиозных отношений будет усиливаться, государство будет играть более активную роль в межконфессиональной области. В последние годы государством и обществом продвигается идея создания оптимальной модели взаимодействия государства и религиозных организаций в области межконфессиональных отношений. В ближайшем будущем сохранится сепарационная модель, наиболее отвечающая интересам Кыргызстана.

В-шестых, за прошедшие годы, несмотря на создание мусульманской инфраструктуры, развитие мусульманской общины, уровень исламского самосознания граждан является поверхностным, остающимся в рамках религиозно-обрядовых процедур. За все эти годы так и не сформировалась собственная школа ислама, которая бы стала основой объединения мусульманской общины, ее интеллектуального развития и явилась бы надежной преградой воздействию внешних исламских школ и движений. В будущем создание национального духовного центра является первоочередной стратегической задачей Кыргызстана.

В целом, исследование процессов реисламизации в Кыргызстане отразило, прежде всего, их амбивалентный

характер. Ренессанс ислама сопровождался целым рядом позитивных моментов, в числе которых можно назвать: повышение уровня толерантности в отношении представителей других национальностей и религий; снижение уровня преступности; рост морально-нравственного уровня населения. Реисламизация сыграла важную роль в создании кыргызской государственности и развитии демократических процессов в обществе, органически вписавшись в процессы кардинальных преобразований, переживаемых после распада СССР. Несмотря на ряд недостатков, она обладает огромным позитивным потенциалом, оптимальное использование которого является важной долговременной целью развития постсоветского Кыргызстана. В частности, ее развитие станет органической частью формирования национальной идентичности кыргызского народа, внесет свой вклад в создание его национальной идеологии. По сути дела, можно сделать вывод о том, что процессы реисламизации в Кыргызстане еще далеки от завершения и они внесут значительный вклад в поступательное движение страны на пути укрепления и развития светской демократической государственности.

В то же время развитие реисламизации в Кыргызстане, в силу целого ряда обстоятельств, описанных в данном разделе исследования, сопровождалось негативными явлениями. Одним из главных факторов, оказавшим негативное влияние на ход реисламизации в республике, стала религиозная экспансия, осуществляемая извне в рамках исламского геополитического проекта с целью отрыва Кыргызстана от союза с Россией и превращения его в исламское государство. Следствием такой экспансии явилось проникновение в среду мусульман республики неведомой им ранее фундаменталистской исламской идеологии, стремящейся подорвать позиции традиционного

Глава 1, параграф 1.3

среди населения Кыргызстана суннитского ислама ханафитского мазхаба. Эта идеология послужила основанием для подрывной деятельности исламистских экстремистских и террористических организаций с целью вовлечь мусульман Кыргызстана в борьбу против светского государства, за создание исламского халифата. Все они имеют «иностранный происхождение» и пытаются повернуть процессы реисламизации страны в негативное русло. Очевидно, что эти силы будут тормозить позитивное развитие реисламизации и впредь, что ставит перед руководством Кыргызской Республики стратегическую задачу сведения до минимума их негативного воздействия на процессы возрождения ислама в стране.

Глава 2

МУСУЛЬМАНЕ КЫРГЫЗСТАНА КАК ОБЪЕКТ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

2.1. Теоретические основы анализа внешних факторов, влияющих на поведение религиозных организаций

Вопросы анализа мусульманской общины Кыргызстана как объекта внешнего воздействия

Мусульманская община Кыргызстана, как и все другие религиозные организации, будь то мусульмане, христиане или буддисты, находится под постоянным, определяющим ее разнохарактерное поведение внешним (имеется в виду – направленным) воздействием. И это внешнее воздействие имеет многоаспектный характер, т. е. влияние на поведение религиозной общины оказывается с разных сторон и с различной силой. Однако в науке не выработано комплексного подхода к внешним факторам, предопределяющим поведение религиозной общины, что говорит об актуальности проведения исследования, которое позволит выйти к правильным и проверяемым объяснениям тех или иных действий религиозных общин. Точное выявление внешних факторов, влияющих на поведение религиозной организации, важно и с точки зрения формирования специального знания в целом о деятельности мусульманской организации как определенной социальной группы. Выявление механизмов, посредством которых оказывается влияние на поведение религиозной организации, также нужно для понимания не только поведения социальных

групп, но и в целом развития общества и конкретной страны, государства и даже объединений государств.

Практическая же значимость исследования данной проблемы кроется в недопущении политизации ислама как религии и самой мусульманской религиозной организации Кыргызстана, ограждении их от прямого вовлечения в политические процессы. Ведь, как показывает практика, большая часть внешнего воздействия направлена именно на это, т. е. на использование ислама в политической борьбе в качестве идеологии, а мусульманской религиозной организации – как орудия для достижения политических целей. Знание механизмов внешнего воздействия на поведение религиозной организации позволяет соответствующим органам государственного управления эффективно контролировать религиозную ситуацию в республике, заранее принимать меры по недопущению вовлечения мусульманской религиозной общины в политические процессы, так как ислам по своей природе не должен выступать как идеология, а мусульманская религиозная община – как политическая организация или политическая сила. Эффективное же решение вопросов государственного контроля за религиозной ситуацией невозможно без научного похода и их научного понимания и осмысления.

Между тем научное знание еще не выработало критериев, специально направленных на выявление внешних факторов, влияющих на деятельность мусульманских общин. Вопросы внешнего воздействия косвенно затрагиваются при изучении проблем, связанных с политизацией ислама. При этом большинство исследований, посвященных политизации ислама и выявлению причин, подвигающих мусульманскую общину к политике, основываются на понимании социальной функции религии такими философами и социологами, как Г. Гегель (проявление

абсолютного духа), Э. Кант (восприятие наших обязанностей в виде божественных заповедей), К. Маркс (ранняя форма идеологии), О. Конт (институт, обеспечивающий интеграцию людей и их идентификацию с конкретным социумом), Э. Дюркгейм (символическая проекция общества), Т. Парсонс (институт, обеспечивающий воспроизводство общества) и др.¹ В качестве методологической базы особое внимание в них уделяется появившимся в западных странах в середине XX в. теоретико-методологическим подходам к так называемым новым религиям. Среди них наиболее часто используется теория Жан-Клода Эслена, в которой новые религии рассматриваются как альтернативная традиционным религиям духовность.

В работах других классиков того времени появление новых религий объясняется изменениями, произошедшими в общественной жизни. В концепции Д. Белла новые религии понимаются как реакция общества на чрезмерную технологизацию социальной жизни. У немецкого социолога Т. Лукмана они предстают как новая форма религии, а сама религия – высшей легитимирующей силой. П. Бергер современные религии относит к неорганизованным религиям, ведущим в конечном итоге к формированию рынка религий. Французскому социологу Д. Эрвье-Лежи в новых религиях видятся просто коллективные практики взаимодействия индивидов².

¹ См., напр.: Вебер М. Избранное: Образ общества. – М.: Юрист, 1994.

² См.: Четверикова О. Н. Религия и политика в современной Европе. – М.: Моск. новости и картография, 2005; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М.: Akademia, 1999; Гараджа В. И. Социология религии. – М.: Аспект Пресс, 1996; Яблоков И. Н. Религиоведение: Уч. пос. – М., 2000; Эрвье-Лежи Д. Социология религии во Франции: опыт социологии секуляризации до социологии современности // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 1999. – Т. II. – С. 105–107.

Кроме названных общетеоретических подходов к пониманию религии большое значение для выявления источников внешнего воздействия и определения степени их влияния на деятельность мусульманской общины имеют работы классиков мирового религиоведения, таких как Ю. Велльгаузен, М. Мюллер, Р. Смит, К. Тиле, П. Шантени де ла Соссе, Э. Ренан. В этом плане не меньшее значение имеют труды основателей исламоведения как одного из направлений науки – Л. Бернарда, К. Э. Босворта, Г. Э. Грюнебаума, Э. У. Лейна, У. М. Уотта и других западных ученых¹. Именно в их работах достаточно подробно прослеживается история возникновения и развития ислама. Что самое важное, на базе доступных тогда источников эти ученые детально и наиболее полно описали мусульманские доктрины и основанные на них течения и направления. Ценность их работ в раскрытии нашей научной проблемы заключается в том, что в них подробно показывается, каким внешним воздействиям подвергалась мусульманская община в самом начале своего появления и какими политическими процессами было обусловлено в то время появление тех или иных течений и направлений ислама. Поэтому без них невозможно правильное понимание участия мусульманских религиозных организаций и политических сил, использующих ислам в качестве идеологии, в современных общественно-политических процессах, а также внешних факторов, обуславливающих то или иное поведение мусульманских общин.

Исключительное значение в плане изучения влияния внешнего воздействия на поведение мусульманской общины имеют труды российских ученых – исламоведов,

¹ См.: Курбанов Х. Т. Религиозно-политический экстремизм на северо-восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан)...

востоковедов и философов, таких как В. Бартольд, Н. А. Медников, Г. С. Саблуков, Ч. Е. Торнау и др. К ним можно добавить и таких первых советских ученых-исламоведов, как Е. А. Беляев, О. Г. Большаков, И. Ю. Смирнов, И. П. Петрушевский, М. Б. Пиотровский, Р. И. Султанов и др. Ценность их исследований заключается, прежде всего, в том, что в них на основе оперирования текстами Корана и Сунны, а также огромного количества источниковедческого материала убедительно доказывается единство духовного и светского в исламе, неразрывность его как религии с политикой. Ими впервые были выявлены основные механизмы трансформации ислама как религии в правовые нормы, законодательно регулирующие общественные отношения¹.

С точки зрения целей нашего исследования очень важными считаются и выработанные современными российскими исламоведами и востоковедами подходы к изучению разнохарактерного (умеренного, традиционного, радикального, экстремистского) политического поведения мусульманских религиозных организаций. Среди этих ученых можно отметить А. В. Малашенко, К. И. Полякова, А. И. Игнатенко, И. П. Добаева, Х. Т. Курбанова, Д. В. Макарова, Ш. Аляудинова, Э. Кисриева². Формирование

¹ См.: Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-на/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002 // URL: <http://textarchive.ru/c-2845546-pall.html>

² См.: Алиев А. К., Юсупова Г. И. Миротворчество и народная дипломатия на Северном Кавказе. – Махачкала, 2002; Поляков К. И. Исламский фундаментализм в Судане. – М., 2000. – С. 124; Игнатенко А. А. Эндогенный радикализм в исламе... – С. 45; Добаев И. П. Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 2 (14). – С. 23; Курбанов Х. Т. Религиозно-политический экстремизм на северо-восточном Кавказе: идеология и практика...; Аляудинов Ш. Ответы на ваши вопросы об Исламе. – Ч. 1, 2. – М., 2003. – С. 11.

различных направлений и течений ислама они большей частью связывают с внешним воздействием. И появление, к примеру, одного из таких внешних факторов – ханафизма – объясняют этнокультурными особенностями народов, исповедующих ислам. Ханафизм ими рассматривается как адаптация правовых установок ханафитского мазхаба к определенной этнической культурной среде. Иными словами, внешнее воздействие рассматривается ими как достаточно серьезный фактор, обуславливающий деятельность мусульманской общины.

Несколько по-иному затрагиваются вопросы внешнего воздействия на деятельность мусульманской общины российским ученым-исламоведом А. А. Игнатенко. Он считает неправильным под исламским фундаментализмом понимать возвращение к первоосновам (фундаменту) ислама, как это делают западные ученые. Исламский фундаментализм им рассматривается как результат влияния на ислам внешних факторов, а именно проталкивание в политику идей салафитов¹. Другой российский исследователь – И. П. Добаев, придерживаясь позиции А. И. Игнатенко, исламский фундаментализм относит к современным формам салафизма², а российские исламоведы Д. В. Макаров и Х. Т. Курбанов воспринимают фундаментализм как результат современного протестного движения³. Имам Московской мечети Ш. Аляудинов и исламовед-социолог Э. Кисриев, наоборот, появление исламского фундаментализма считают результатом влияния внешней среды на развитие ислама как религиозной веры, рассматривают

¹ Игнатенко А. А. Эндеогенный радикализм в исламе... – С. 45.

² Добаев И. П. Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения... – С. 23.

³ См.: Курбанов Х. Т. Религиозно-политический экстремизм на северо-восточном Кавказе: идеология и практика...

его как акт использования ислама политическими силами в качестве идеологии¹.

Опираясь на общую теорию радикализма, в которой это явление рассматривается как действие, основанное на твердой волевой настроенности и решимости к качественным изменениям, а ее позитивная или негативная направленность зависит от целей действующего, Г. И. Авцинова тоже считает радикализм следствием использования ислама политическими силами в качестве мобилизующей массы идеологии. По ее мнению, к таковым нужно относить экстремизм и терроризм, поскольку они являются методами политической борьбы решительных мусульманских реформаторов конструктивного толка².

В свою очередь, известный российский исламовед И. Л. Морозов определяет исламский экстремизм как действие активных групп общества, направленное на разрушение существующей государственной системы под прикрытием ислама. В подтверждение данной мысли таджикский ученый Д. Назиров совершенно убедительно доказывает, как современные экстремисты используют одно из течений ислама – верование хариджитов – в качестве идеологии³.

Но впервые мусульманскую общину как объект внешнего воздействия начали рассматривать российские ученые М. С. Филь и Р. Мухаметшин⁴. Однако в их работах

¹ Аляудинов Ш. Ответы на ваши вопросы об Исламе... – С. 11.

² Авцинова Г. И. Политический радикализм как одна из российских традиций // Власть. – 1996. – № 3. – С. 23.

³ См.: Марчук Н. И. Война в Афганистане: Дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1993. – С. 34.

⁴ См.: Филь М. С. Мусульманские общины в политической жизни современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук...; Мухаметшин Р. На путях к конфессиональной политике: ислам в Татарстане (09.03.2004)...

акцент делается на воздействие со стороны государства и общества, в рамках которого существует или действует мусульманская община. К примеру, М. С. Филь большое внимание уделяет анализу исторического опыта государственно-исламского взаимодействия, нормативно-правового регулирования деятельности мусульманских общин в России, а также влияния на мусульманскую общину общественно-политических объединений. Р. Мухаметшин превращение мусульманской общины в объект внешнего воздействия рассматривает в плане формирования конфессиональной политики государства, при этом допуская возможность превращения в перспективе мусульманской общины в субъект политики, что, на наш взгляд, в светском государстве и такой многоконфессиональной стране, как Россия, не только невозможно, но и совершенно недопустимо. Просто сам процесс превращения мусульманской общины в субъект государственной политики, как бы он ни был управляем, в любой многоконфессиональной стране будет носить разрушительный характер.

Само же внешнее воздействие на мусульманскую общину как системное действие описывается в работах таких кыргызстанских ученых, как К. К. Маликов, Э. Е. Усубалиев, Н. С. Таткало¹. Однако К. К. Маликов и Э. Е. Усубалиев, признавая мусульманскую общину религиозной организацией, находящейся под влиянием общественных процессов, делают неправильные выводы, констатируя, что «мусульманская община Кыргызстана в результате

¹ Маликов К. К., Усубалиев Э. С. Мусульманская община Кыргызстана и политический процесс в стране. – Бишкек, 2008; Таткало Н. С. Роль экзогенных факторов в политизации и радикализации ислама в Кыргызстане // Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана и пути ее нейтрализации... – С. 184–217.

пристального внимания к ней со стороны различных политических сил, включая государство, из объекта политики постепенно превращается в полноправного участника политической жизни»¹. При этом они призывают разрешить мусульманской общине создание собственных религиозных политических партий, хотя это полностью противоречит фундаментальным положениям Конституции КР. В отличие от них Н. С. Таткало, с использованием научно разработанного ею способа классификации экзогенных факторов, приходит к прямо противоположному выводу. На основании многочисленных фактов она показывает, что «угрозы, исходящие от экзогенных факторов политизации религии, <...> имеют более обширный деструктивный потенциал, чем внутренние факторы»².

Итак, изучение имеющейся научной литературы о мусульманской общине как объекте внешнего воздействия показывает, что внешние факторы не рассматриваются авторами системно, они представлены лишь как факты, т. е. не классифицированы. Не полностью идентифицированы источники (субъекты) внешнего воздействия, не выделены критерии, по которым можно было бы классифицировать источники, способы и средства внешнего воздействия, не выявлены механизмы, посредством которых происходит внешнее воздействие на мусульманскую общину, а следовательно, полноценный и точный научный анализ деятельности мусульманской общины как объекта внешнего воздействия остается еще не решенной задачей. Всё это с точки зрения нашего исследования мусульманской общины как объекта внешнего воздействия является

¹ Маликов К. К., Усубалиев Э. С. Мусульманская община Кыргызстана и политический процесс в стране... – С. 96.

² Таткало Н. С. Роль экзогенных факторов в политизации и радикализации ислама в Кыргызстане... – С. 216.

как теоретически, так и методологически важными вопросами. Лишь решив эти вопросы, можно приступить к изучению деятельности мусульманской религиозной организации Кыргызстана, подвергающейся ныне сильному внешнему влиянию.

**Проблемы определения источников,
способов и средств внешнего воздействия
на мусульманскую общину**

Внешнее воздействие на мусульманскую общину оказывается со многих сторон, из многих источников, разными способами и средствами, так как она – как субъект общественных отношений – находится в постоянном взаимодействии со всеми другими общностями. Отношения же между собой общности всегда строят, преследуя свои интересы, тем самым оказывая влияние друг на друга¹. Также религиозная община находится под определенным влиянием участников международного общения, не говоря о государственных институтах, объектом регулирования которых она является. Соответственно, понять, как и каким образом происходит внешнее влияние на религиозную общину, в нашем случае мусульманскую, мы не можем без систематизации знаний об этих источниках, способах и средствах воздействия. Систематизацию, в свою очередь, возможно осуществить только при помощи такого научного-методического приема, как классификация. Главное, найти такие критерии классификации, которые позволят определить существенные особенности каждого из источников, способов и средств внешнего воздействия на мусульманскую религиозную общину.

¹ Данилов В. М. Партийные технологии политизации общества // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 16. – № 2. – С. 514–518 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynye-tehnologii-politizatsii...>

В этом отношении самым проблематичным является выделение источников внешнего воздействия на мусульманскую религиозную организацию и их систематизация, так как она, как уже отмечено, как субъект общественных отношений находится в постоянном взаимодействии со всей окружающей средой. Ведь с точностью определить, что из внешнего окружения мусульманской религиозной организации имеет на нее большее влияние, а что меньшее, довольно сложно. Или же какой из внешних источников оказывает на мусульманскую общину постоянное воздействие, а какой – эпизодическое. А также какой из источников внешнего воздействия на мусульманскую общину оказывает влияние на нее прямо, непосредственно, а какой – опосредованно. Точное определение источников внешнего воздействия на мусульманскую общину сложно еще и потому, что в науке еще не проводилась работа в этом направлении, вернее, не было попытки подойти к этому вопросу системно, с выяснением существенных особенностей каждого из них. Видимо, в изучении деятельности мусульманской общины, в определении ее места в обществе не придавалось важного значения источникам внешнего воздействия или же они не рассматривались ключевыми.

Для **классификации источников внешнего воздействия** на мусульманскую религиозную организацию ключевым моментом, на наш взгляд, является **определение их отношения к религии**, т. е. относятся ли они к религиозным организациям или нет. В таком случае представляется возможность подразделить источники внешнего воздействия на отдельные группы, с последующим уточнением их принадлежности к конкретным религиозным конфессиям и их направлениям или течениям, а также территории и стране действия. Отдельную группу составят

источники, не имеющие религиозного статуса. Сюда можно включить все внешние источники, начиная от государства и его институтов¹ и кончая другими странами, в том числе такими, которые реализуют свои геополитические проекты с использованием религиозного фактора. Здесь необходимо заметить, что социально-экономическую, политическую и культурную ситуацию мы не относим к источникам внешнего воздействия на мусульманскую общину, поскольку они благоприятствуют тому или иному поведению мусульманской общины, но не принуждают. К источникам же внешнего воздействия относятся все, определенным образом принуждающие мусульманскую общину к желаемому поведению.

В качестве критерия классификации источников внешнего воздействия на мусульманскую общину можно взять *территорию* или *страну их действия*. Тогда источники внешнего воздействия следовало бы подразделить на *находящиеся внутри страны*, в которой осуществляет свою деятельность данная мусульманская религиозная организация, и на *действующие в других странах*². При таком разделении источников внешнего воздействия легко можно определить степень и направленность их воздействия на мусульманскую общину. Достаточно точно можно, к примеру, обозначить, какая из местных неправительственных организаций оказывает опосредованное или прямое воздействие на поведение мусульманской общины; выявить роль местных сообществ в осуществлении мусульманской религиозной организацией своей

¹ «Социальная доктрина российских мусульман» призывает верующих приносить пользу обществу (27 мая 2015) // URL: <https://tass.ru/obschestvo/1999282>

² Асанбеков М. К. Роль иностранных религиозных центров в формировании религиозной ситуации в Кыргызстане...

деятельности, внутри которых она находятся; выделить государственное регулирование религиозных отношений как особый способ внешнего воздействия на мусульманскую религиозную общину, который изначально включает в себя политику, причем определенного направления. Словом, при использовании данного критерия классификации источников внешнего воздействия становится вполне решаемой задача выявления основных механизмов, посредством которых они оказывают влияние на мусульманскую общину.

Что касается **способов внешнего воздействия** на мусульманскую общину, то в качестве одного из критериев их классификации нами выдвигается **характер внешнего воздействия**, исходя из чего способы внешнего воздействия на мусульманскую общину можно подразделить на *насильственные и ненасильственные, прямые и опосредованные, сильные, средние и слабые, открытые и скрытые, краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные*. Например, при разделении способов внешнего воздействия на прямые и опосредованные легко выходим к конкретным проявлениям их действия. Так, неправительственные организации, специализирующиеся на оказании помощи религиозным организациям, воздействуют на мусульманскую религиозную организацию прямым образом, а другие, не специализирующиеся, опосредованно. Или если прямое воздействие на мусульманскую религиозную общину оказывает местное сообщество, то страна в целом – опосредованно, через свои государственные и иные институты.

Другим критерием классификации способов внешнего воздействия на мусульманскую общину, как принято в большинстве научных исследований, обозначим **сферу деятельности людей**, с тем чтобы способы достижения

геополитических целей подразделить на *экономические*¹, *политические, идеологические и культурные*.

Поскольку многие способы внешнего воздействия на мусульманскую общину используются достаточно легально и давно, а некоторые из них лежат не только в основе законодательных правил общественной жизни, но и правил международного общения, не лишне взять в качестве критерия классификации их **организационную закрепленность**. В таком случае у нас появляется возможность подразделить способы внешнего воздействия на мусульманскую общину на *институциональные* и *не институциональные*, а значит, глубже понять механизмы их действия.

Разумеется, способы внешнего воздействия на мусульманскую общину можно классифицировать и по другим критериям. Но для нашего исследования, в котором главной целью обозначено выявление механизмов, посредством которых на мусульманскую общину оказывается внешнее воздействие, достаточно и этих. В этом мы убеждаемся, не только анализируя имеющуюся по этой проблеме научную литературу и публицистику, но и непосредственно конкретизируя способы внешнего воздействия по использующим их субъектам общественных отношений и международного общения².

Все вышеперечисленные способы при их детальном рассмотрении выводят нас к конкретным **средствам**

¹ Журавлева Е. В. Политика «мягкой силы» КНР в отношении стран Центральной Азии: на примере Казахстана и Монголии: 2007–2015 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2016 // URL: <https://www.dissercat.com/content/politika-myagkoi-sily-knr-v-otnoshenii-stranstentralnoi-azii-na-primere-kazakhstana-i-mongo>

² Токтосунова Э. С. Экстремизм в условиях системной трансформации современного Кыргызстана // Аналитические заметки о Центральной Азии. – Бишкек, 2016. – № 40 // URL: <http://www.osce-academy.net/upload/file/40BRIEF.PDF>

внешнего воздействия на мусульманскую общину, которые используются субъектами общественного и международного общения в определенных целях, легально и нелегально. Средствами внешнего воздействия на мусульманскую общину, в нашем случае, мы называем инструменты, с использованием которых ей задается определенное поведение или она вовлекается в политические процессы во властных интересах. В свою очередь, выбор конкретных средств внешнего воздействия на мусульманскую общину закономерно предопределяется **целями и способами вовлечения** ее в политические процессы, так как достижение любой цели возможно только необходимыми для этого способами и средствами. Но при этом цели достигаются с использованием множества способов и средств, соответственно, и вовлечение мусульманской общины в политические процессы – борьбу за власть – требует использования различных способов и средств внешнего воздействия. Собственно, совокупность способов и средств, используемых в целях вовлечения мусульманской общины в политические процессы, и представляет собой, говоря современным языком, технологию внешнего воздействия на ислам.

Поскольку в целях вовлечения мусульманской религиозной организации в политические процессы используется множество способов и средств внешнего воздействия, то появляется необходимость их систематизации, с тем чтобы точно знать их предметную направленность. Основанием для **систематизации средств внешнего воздействия на мусульманскую общину**, по логике вещей, выступают способы вовлечения ее в политическую борьбу. К примеру, выбор насильственного способа вовлечения в политические процессы предполагает выбор средств принуждения членов мусульманской религиозной организации,

а ненасильственного – выбор средств мирного, финансово-экономического, мотивирования и идеологической обработки¹. На практике, в отношении мусульманских религиозных организаций применяются средства финансово-экономического мотивирования и идеологической обработки как в рамках одной страны, так и в международном масштабе. К *средствам финансово-экономического мотивирования* относятся различные религиозного и нерелигиозного характера фонды и преимущественно банки, различными методами (прямая помощь, благотворительность и пр.) финансирующие политическую деятельность мусульманской религиозной организации. К ним относится и бюджетное финансирование мусульманской общины отдельными странами.

В оказании внешнего воздействия на мусульманскую общину огромную, может быть, главную роль играют *средства идеологической обработки*. Причем средства идеологической обработки как самих религиозных организаций в рамках конкретной страны и в международном масштабе, так и политических сил в виде партий, государств², объединений государств. Целям идеологической обработки мусульман служат рассматриваемые нами как средства внешнего воздействия на мусульманскую общину международные религиозные центры, движения религиозного характера, секты, религиозные экстремистские организации, неправительственные организации, проповедники,

¹ Бояркина А. В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. полит. наук // URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/mjagkaja-sila-kak-politicheskij-instrument-realizacii-vneshnej-politiki...html>

² Айдаралиев А. А. Религиозные объединения, функционирующие в Кыргызской Республике // URL: <https://www.krsu.edu.kg/vestnik/2016/v8/a29.pdf>

религиозные учебные заведения, миссионеры, ангажированные средства массовой информации и т. д. В настоящее время активно используются как средство внешнего воздействия на мусульманскую общину и интернет-ресурсы – социальные сети, интернет-СМИ, сообщество блогеров и т. д. В свою очередь, средства идеологического воздействия на мусульманскую религиозную общину отличаются своими призывами, с одной стороны, к активной политической деятельности, с другой – к отказу от участия в политике. Последнее вселяет надежду на то, что противодействие политизации ислама в виртуальном мире даст возможность сохраниться ему как религии – не превратиться окончательно в идеологию, причем тоталитарную.

К таким же выводам мы приходим, когда смотрим, какие средства используются при прямом способе внешнего воздействия на мусульманскую общину и при опосредованном. Скажем, США в рамках своей политики глобального доминирования добиваются политизации ислама во всех странах, где он действует, – финансовой, политической и идеологической поддержкой радикально-экстремистской части мусульманских религиозных организаций, вызывая в них контролируемый хаос, чтобы навязывать им свою волю. Получается, Америка в этом случае действует не прямо, а опосредованно, через сами мусульманские религиозные организации и мусульманские страны, стремящиеся усилить роль ислама в различных странах и регионах мира¹. Опосредованно она влияет на мусульманскую общину и поддерживая так называемые

¹ Глущенко В. В. Методические аспекты развития геополитической экономики в условиях выхода из глобального кризиса // Экономические науки. – 2015. – Октябрь // URL: <https://research-journal.org/economical/metodicheskie-aspekty-razvitiya-eopoliticheskoy-ekonomiki-usloviyah-vyhoda-iz-globalnogo-krizisa/>

сексуальные меньшинства, действия которых ведут к разрушению семейных ценностей, а также активно распространяя по всему миру современную массовую культуру, противоречащую мусульманскому образу жизни. Стремление противостоять этим иницируемым США процессам ведет к политизации ислама – как самой религии, так и мусульманских религиозных организаций.

Средствами опосредованного способа внешнего воздействия на мусульманскую общину выступают как не религиозные, так и религиозные неправительственные организации, большинство из которых финансируется США, западными и мусульманскими странами, а также местной властью¹. Они являются средствами опосредованного воздействия, так как их деятельность не совсем соответствует декларируемым целям. Так, оказывая помощь мусульманской общине в самоорганизации и улучшении своей жизни, НПО активно распространяют идеи неподчинения власти, борьбы с «устаревшими» традициями, в том числе традиционными семейными ценностями и т. д. По сути, помощь оказывается не для того, чтобы религиозные общины могли сами эффективно организовывать свою жизнь, а для того, чтобы они могли организованно противостоять власти и сами распространяли ценности, противоречащие традиционному образу жизни. Местная же власть, оказывая поддержку мусульманской религиозной организации, вольно или невольно вовлекает ее в политические процессы, так как создает условия для выхода религии из своей сферы и превращения мусульманской общины в субъект

¹ Постников-Стрельцов А. Н. Военно-стратегические аспекты геополитических процессов на Юге России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2006 // URL: <https://www.dissercat.com/content/voenno-strategicheskie-aspekty-geopoliticheskikh-protsessov-na-yuge-rossii>

политики (что категорически запрещено Конституцией Кыргызской Республики).

Подытоживая сказанное, видим, что анализ мусульманской общины как объекта внешнего воздействия является достаточно сложной задачей, поскольку на данную религиозную организацию оказывается внешнее воздействие из многих источников и самыми разными способами и средствами, с различных сторон и с разной силой. Следовательно, само внешнее воздействие представляет собой целую систему действий, осуществляемых взаимодействующими с мусульманской религиозной общиной Кыргызстана субъектами общественных отношений как внутри республики, так и международного масштаба. И эта система состоит из источников (субъектов общественных отношений внутри страны и субъектов международного общения), способов и средств внешнего воздействия на мусульманскую общину. В свою очередь, источники внешнего воздействия подразделяются на другие – не подлежащие непосредственному анализу в рамках нашего исследования – мусульманские религиозные организации, действующие как внутри страны, так и за ее пределами. Другую часть источников внешнего воздействия образуют государство с соответствующими институтами и зарубежные страны, прежде всего такие, которые реализуют свои геополитические проекты с использованием религиозного фактора.

Методы и характер внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана, определенные нами как способы внешнего воздействия, подразделяются на насильственные и ненасильственные, прямые и опосредованные, сильные, средние и слабые, открытые и скрытные, краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные. Подразделяются они и по сферам деятельности людей – экономические,

политические, идеологические, культурные. Что касается средств внешнего воздействия, то их можно рассматривать с точки зрения способов вовлечения мусульманской религиозной организации в политику, политические процессы. И по этому критерию они подразделяются на средства финансово-экономического мотивирования и средства идеологической обработки как в рамках одной страны, так и в международном масштабе.

Вот такую сложную систему (технологию) представляет собой внешнее воздействие на мусульманскую общину с точки зрения целей и задач нашего исследования.

Нетрадиционные мусульманские и немусульманские религиозные организации как субъекты внешнего воздействия на политическое поведение традиционной религиозной общины Кыргызстана

В предыдущем параграфе в качестве субъектов внешнего воздействия на мусульманскую религиозную общину – ханафитов нами были выделены иные – как местные, так и иностранные – мусульманские и немусульманские (христианские, буддийские и др.) религиозные организации и центры. В отдельную группу субъектов внешнего воздействия включены религиозные и нерелигиозные неправительственные организации, государство и его институты и другие страны, особое внимание уделено странам, реализующим на территории Кыргызстана и Центральной Азии свои геополитические проекты с использованием религиозного фактора¹. При этом под внешним воздействием понимаются *действия, направленные на вовлечение мусульманской религиозной организации – ханафитов в политику, а в общем, принуждение мусульман-ханафитов*

¹ Салиев А. А. Реализация арабскими странами в Центральной Азии концепции построения «всемирного халифата»... – С. 137.

к желаемому поведению. Следовательно, научная регистрация и подробное описание этих реально действующих субъектов внешнего воздействия на поведение традиционной в Кыргызстане мусульманской организации – ханафитов, составляющих подавляющее большинство верующих мусульман республики, является важнейшей задачей нашего исследования.

Исходя из такого разделения, субъектами внешнего воздействия на мусульманскую общину, оказывающими прямое и непосредственное на нее воздействие, являются другие мусульманские и немусульманские религиозные организации, действующие в самом Кыргызстане. При этом наиболее эффективными, подталкивающими ханафитов к полному переходу к радикальным направлениям ислама, можно назвать легально действующие в республике экстремистские и деструктивные исламские религиозные организации. По мнению экспертов, в настоящее время из всех легально и нелегально действующих экстремистских исламских религиозных организаций наиболее быстрыми темпами увеличивают своих последователей такие, как «Аль-Каида» (2 тыс. человек), ИДУ (Исламское движение Узбекистана) (3 тыс. человек) и «Хизб ут-Тахрир» (15 тыс. человек), «Таблиги джамаат» (30 тыс. человек). Они имеют свои ячейки с достаточно хорошо налаженной связью во всех регионах республики. Более того, большая часть руководителей республиканского, регионального местного уровня управления ДУМК (духовного управления мусульман-ханафитов Кыргызстана) являются представителями исламской религиозной организации «Таблиги джамаат», признанной во многих странах экстремистской¹.

¹ Асанбеков М. К. Роль религиозных организаций в формировании религиозной ситуации в Кыргызстане (29 июня 2016) // URL: <https://>

Эти экстремистские исламские религиозные организации в своей деятельности, направленной на построение в Кыргызстане исламской теократии, придерживаются, до поры до времени не выступая открыто, тактики невмешательства в политику, отдавая приоритет проповедям и пропаганде, и поэтому уличить их в экстремизме практически невозможно. Однако за последние 25 лет, скрытно занимая руководящие посты в традиционной для Кыргызстана мусульманской религиозной организации – ханафитов, им удалось существенно поменять организационную основу ее деятельности. В этом можно убедиться, наблюдая за тем, как они всё больше начинают пользоваться методами открытого навязывания своей веры во время проведения групповых, длящихся до трех месяцев, давата, особенно как они во время проведения давата упорно внедряют в сознание людей совершенно глупые для современного образованного человека, но доводящие простых граждан до фанатизма идеи. Организационная же основа ханафитов становится настолько зарегламентированной строгими правилами, что из простого сообщества верующие превращаются в организованную и политически ориентированную общность¹. Они в буквальном смысле превращаются в силу, грозящую опасностью не только устойчивому развитию общества, но и существованию самого государства.

На деятельность ханафитов Кыргызстана – традиционной мусульманской религиозной организации – существенное влияние оказывают и деструктивные религиозные организации как западной (псевдохристианские), так

mnenie.akipress.org/unews/ un_post:7816; Риклтон К. Кыргызстан: Суд перепутал свидетелей Иеговы с исламскими радикалистами (8.06.2011) // URL: <http://russian.eurasianet.org/node/58709>

¹ Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана... – С. 357.

и восточной (псевдобуддистские) ориентации. Они выступают как идеологические конкуренты экстремистских исламских религиозных организаций, тоже скрытно вовлекающих мусульман в политику, активно ведя прозелитическую (переманивание мусульман в свою веру) работу.

К деструктивным религиозным организациям западной ориентации относятся запрещенные во многих странах «Свидетели Иеговы» (зарегистрированная) и сайентологическая церковь (незарегистрированная), а к восточной – вера бахаи (зарегистрированная) и секта Муна (незарегистрированная). По оценке экспертов (поскольку нет статистики, ведущей учет числа верующих), «Свидетели Иеговы» в Кыргызстане в своих рядах имеют более 6 тыс. последователей¹. Точное количество последователей деструктивных религиозных организаций восточной ориентации неизвестно. Считается, что их численность колеблется от 200 до 1500 человек.

Но сколько бы граждан не было привлечено деструктивными религиозными организациями в свою религию, в целом их деятельность несет такую же опасность, как и деятельность экстремистских исламских религиозных организаций, поскольку ими управляют зарубежные религиозные центры, являющиеся активными проводниками интересов США и западноевропейских стран. Их деятельность конфликтна с политической точки зрения, тем, что их работа построена на скрытом навязывании своей религии, а также тем, что они, как уже сказано, строят свою работу в противостоянии традиционным религиям.

Положительное влияние на деятельность ханафитов Кыргызстана оказывают такие немусульманские традиционные религиозные организации, как Русская православная

¹ Риклтон К. Кыргызстан: Суд перепутал свидетелей Иеговы с исламскими радикалистами...

церковь (в республике действует с 1871 г.), в ведении которой находится 49 храмов, 2 приходские школы, а также отклонившиеся от православной церкви православные общины с двумя храмами в г. Бишкеке. По расчетам исследователей, примерно 60 тыс. жителей республики являются православными практикующими верующими, а придерживающихся православных традиций насчитывает 180 тыс. человек¹.

К зарегистрированным нетрадиционным немусульманским религиозным организациям причисляются Католическая церковь, лютеране, Союз евангелистских христиан-баптистов, адвентисты седьмого дня, пятидесятники, харизматы и пресвитериане. Незарегистрированные нетрадиционные немусульманские религиозные организации включают в себя нелегально действующие в стране течения иудаизма и буддизма. Среди зарегистрированных нетрадиционных религиозных организаций большое количество последователей – от 5 до 10 тыс. человек – имеют Католическая церковь, лютеране и Союз евангелистских христиан-баптистов (преимущественно немцы). Количество остальных неизвестно. В состав незарегистрированной религиозной организации Церковь Иисуса Христа Святых последних дней входят 12 тыс. человек².

Внешнее воздействие вышеперечисленных действующих внутри страны мусульманских и немусульманских религиозных организаций на деятельность ханафитов, если не осуществлять контроль, может привести к конфликту в обществе. Как показывает мировая практика, чрезмерная активизация тех или иных религиозных организаций приводит как минимум к несбалансированному развитию

¹ Риклтон К. Кыргызстан: Православие сдает позиции евангельскому христианству (20.01.2012) // URL: <http://russian.eurasianet.org/node/59121>

² Там же.

общества, поскольку деятельность активизировавшихся религиозных организаций, нарушая существующий в общественных отношениях баланс, входит в острое противоречие с целями общества. Тогда нормативное воздействие религиозных организаций на своих членов, как это происходит у исламских экстремистов, начинает осуществляться с целью формирования у них противоречащих интересам общества (сохранение сбалансированного развития общественных институтов) ценностных ориентиров тоталитарного характера. Противоречащие интересам общества цели экстремистских и деструктивных религиозных организаций превращают религию в идеологию – в средство, с помощью которого они осуществляют чисто политические задачи.

Очень сильное внешнее воздействие не только на ханафитов, но и на всё религиозное (мусульманское, христианское и буддистское) сообщество оказывают иностранные религиозные организации, управляемые подконтрольными мировым центрам сил зарубежными религиозными организациями. Говорим – подконтрольными мировым центрам сил, так как головные центры всех 42-х действующих в Кыргызстане христианских и буддистских религиозных течений и направлений созданы и находятся в США¹, а мусульманских – в монархических странах Ближнего Востока и Турции, и ни одно из них не имеет местного происхождения. Их влияние на местную мусульманскую религиозную общину, без преувеличения, носит разрушительный характер, поскольку все распространяемые ими религиозные течения направлены на разрушение

¹ Таткало Н. Расширение сети нетрадиционных религиозных организаций как одна из форм оказания влияния внешних акторов на КР (04.05.2016) // URL: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/rasshirenie-seti-netraditsionnykh-religioznykh-organizatsii-kak-odna-iz-form-ok>

традиционных религий, что является одной из важнейших геополитических задач, решаемых США на территории Центральной Азии. Почему мы считаем это геополитической задачей? Потому что действие всех деструктивных и экстремистских религиозных организаций направлено, прежде всего, на разрушение связанных с традиционными религиями идентичностей, в том числе государственной идентичности.

Иностранные религиозные организации и центры оказывают на местную мусульманскую общину огромное влияние, об этом свидетельствует то, что 22 из 30 ныне действующих в Кыргызстане религий и конфессиональных направлений появились в постсоветское время благодаря США и постоянно пользуются их финансовой и организационной поддержкой. За это же время при их непосредственной поддержке количество религиозных организаций выросло с 11 до 2393. Причем увеличение религиозных организаций происходит, в основном, за счет дробления традиционной мусульманской религиозной организации на мелкие направления, заметно отличающиеся друг от друга целями и религиозными установками. Все эти вновь появившиеся экстремистские и неэкстремистские мусульманские религиозные организации ставят своей целью возрождение всемирного халифата и ликвидацию национальных государств. И проводя эту идею, они создают, по сути, идеологические условия для отказа народом от своего собственного национального государства. Такие же действия осуществляются и в отношении Русской православной церкви со стороны деструктивных христианских религиозных организаций.

Ко всему сказанному о влиянии иностранных религиозных организаций на политическое поведение ханафитов Кыргызстана приведем, для убедительности, пример из

такой важной сферы деятельности религиозных организаций, как строительство религиозных объектов и создание религиозной информационной инфраструктуры. За последние 25 лет с их помощью количество мечетей в республике выросло с 39 до 2365, церквей и храмов – с 54 до 386. По данным экспертов, более 90% этих мечетей, церквей и храмов построено при финансовой поддержке иностранных религиозных центров, богатых граждан и государств, реализующих в Кыргызстане свои геополитические проекты¹. Что касается создания религиозной информационной инфраструктуры, то помимо регулярного поступления в огромном количестве экстремистской религиозной литературы в республике при непосредственной поддержке иностранных религиозных организаций ежемесячно легально и нелегально издаются десятки журналов экстремистского толка². Иностранные религиозные центры отпускают огромные средства на поддержку многочисленных религиозных сайтов и выпуск распространяемых в социальных сетях видеороликов, пропагандирующих экстремистские идеи. Через них открыто осуществляется вербовка в ряды ИГИЛ и других исламских экстремистских групп³.

Таким образом, мусульманская религиозная община Кыргызстана, подавляющую часть которой составляют ханафиты, с распадом Советского Союза стала непосредственным объектом внешнего воздействия. С тех пор она

¹ В Киргизии – бум строительства мечетей (14 марта 2016) // URL: <http://islam-today.ru/novosti/2016/03/14/v-kirgizii-bum-stroitelstva-mecetej/>

² Саипов А. Подпольная религиозная литература в Киргизии: издание, распространение, содержание (25.02.2005) // URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1109301480>

³ Эрлан Бакиев: Религиозный экстремизм и терроризм делают акцент на молодежь (2.06.2016) // URL: http://24.kg/obschestvo/32859_erlan_bakiev_religioznyiy_ekstremizm_i_terrorizm_delayut_aktsent_na_molodej/

подвергается очень сильному, существенно меняющему ее политическое поведение влиянию со стороны внедрившихся в ее ряды и отдельно действующих исламских экстремистов, а также иностранных исламских религиозных организаций и центров. Их влияние на мусульманскую религиозную общину республики, по сравнению с другими источниками внешнего воздействия, несравнимо больше, так как они исповедуют ту же религию, что и ханафиты, только максимально политизированную. Влияние оказывается всестороннее, с использованием разнообразных средств. При этом и экстремистские исламские религиозные организации, и иностранные религиозные организации и центры преследуют одну и ту же цель – максимальное вовлечение ханафитов в политику.

Неправительственные организации, общественные объединения, партии, государство и другие страны как субъекты внешнего воздействия на традиционную религиозную общину Кыргызстана

Вторую группу субъектов внешнего направленного воздействия на мусульманскую религиозную общину Кыргызстана, не имеющих религиозного статуса, по представленной нами ранее классификации образуют: неправительственные организации, общественные объединения, партии, государство и другие страны. Первые четыре из них действуют внутри Кыргызстана и поэтому они на мусульманскую религиозную общину оказывают прямое влияние, а другие страны – опосредованное, через своих проводников внешней политики. Когда мы говорим о других странах, прежде всего имеем в виду те, которые реализуют в регионе свои геополитические проекты¹.

¹ Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии... – С. 7.

Другое существенное отличие первых четырех субъектов внешнего воздействия заключается в том, что для них работа с мусульманской религиозной общиной является одним из основных направлений их деятельности. К примеру, для государства и его институтов управление религиозными отношениями является частью его политики, а для неправительственных организаций, особенно специализирующихся на оказании помощи религиозным общинам в организации ими своей жизнедеятельности, основным объектом их работы.

Практика создания в нашей республике неправительственных организаций как основных элементов гражданского общества показывает, что из всех вышеперечисленных субъектов внешнего воздействия именно они своими действиями скрытно, но с большей эффективностью вовлекают мусульманскую общину в политику. И это объясняется тем, что практически все неправительственные организации как религиозной, так и нерелигиозной направленности открыты в республике с помощью зарубежных спонсоров, преследующих чисто геополитические цели; и до сих пор ими щедро финансируются. Судите сами: действующим в Кыргызстане более чем 16 тысячам неправительственных организаций¹ только США ежегодно выделяется 52 млн долларов. Сколько средств поступает от арабских и европейских стран, а также от иностранных религиозных центров – в государстве учет не ведется, а они наверняка исчисляются десятками, если не сотнями миллионов долларов. Мало того, не создан на государственном уровне механизм открытого контроля над тем, какую работу ведут эти неправительственные организации,

¹ Нурланов Э. Роль неправительственных организаций в Кыргызской Республике: состояние, этапы развития // URL: <http://www.ca-portal.ru/article:31370>

помимо заявленного ими в своих уставных документах. Никого не интересует, как и с каким идеологическим акцентом реализовывается заявленная ими работа по оказанию помощи мусульманским общинам в организации ими своей жизнедеятельности.

Идеологический же акцент неправительственными организациями делается не только в убеждении верующих в возможности самим успешно организовывать свою жизнь, но и большое внимание уделяется тому, как организовано противостоять власти и преодолевать требования традиций, ограничивающих свободу человека, нарушающих его права. Тем самым незаметно неправительственные организации становятся инструментом по превращению мусульманской общины в организацию, противостоящую власти, и разрушению традиционных ценностей. К примеру, основными уставными задачами таких успешно работающих мусульманских неправительственных организаций, как «Адеп Башаты», «Дил Муругу», «Мутакалим», «Ислах», «Тейба», «Конгрес мусульман Центральной Азии» и многих других, является оказание помощи попавшим в беду семьям, в организации ими своего дела (производство продукции и услуг), возвращение молодежи из преступности, наркомании и т. д. в нормальную жизнь. На деле, вся эта работа проводится в рамках определенной идеологии, суть которой заключается в формировании мировоззрения о враждебности государства к человеку и абсолютизации свободы личности.

Чем на самом деле занимаются неправительственные организации – на основе многочисленных фактов очень ярко описал в своей статье «Кыргызстан. Что такое НПО и из чьих рук они едят» Женишбек Тиленов. Анализируя их действия во время событий 2010 года на юге Кыргызстана, он показывает, «что НПО, финансируемые Западом

в большинстве своем, занимаются политическими вопросами, а социально-экономические проблемы остаются нерешенными»¹. Всяческими ухищрениями настраивая людей против власти, особенно из бедных слоев населения, большая часть которых являются верующими, НПО стараются вовлечь их в конфликтные политические процессы. И при такой настроенности НПО на достижение своих настоящих целей, а не декларированных, а также при их количестве в религиозной сфере более 280², можно с уверенностью сказать, что влияние неправительственных организаций на мусульманскую общину очень высокое. Если не вести жесткий контроль за деятельностью НПО, непосредственно занятых работой с религиозными организациями, особенно финансируемых западными странами, мусульманская религиозная организация Кыргызстана в скором времени из религиозной превратится в политическую, хорошо организованную и враждебно настроенную против государственной власти. По свидетельству экспертов, посещавших намазы в мечетях, именно этим, толком не зная и хорошо не осознавая, и занимаются большинство служителей мечетей.

К общественным объединениям, влияющим на политическое поведение мусульманской общины, по нашей классификации, относятся: ассоциации, корпорации, фонды, предоставляющие социальные и правозащитные услуги, профсоюзные организации, национальные ассоциации

¹ Тиленов Ж. Кыргызстан. Что такое НПО и из чьих рук они едят (19 сентября 2012) // URL: <https://kabarlar.org/news/people/2612-kyrgyzstan-chto-takoe-npo-i-iz-chyh-ruk-oni-edyat.html>

² Некоммерческие организации в Кыргызской Республике: Специальная публикация / Нацстатком КР; Программа волонтеров ООН в КР; Центр изучения гражд. общ-ва Ун-та Дж. Хопкинса. – Бишкек, 2011. – С. 40 // URL: http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2012/06/Kyrgyz_SatelliteAccount_Russian_2011.pdf

и объединения диаспор, фонды и клубы по интересам и местные сообщества¹. Их влияние на мусульманскую общину в Кыргызстане не такое сильное, как у неправительственных и других организаций, так как религиозные организации не являются объектом их деятельности. Иначе говоря, они оказывают влияние на мусульманскую общину не прямо, а опосредованно. Влияние слабое еще и потому, что перечисленные организации по выполняемым ими функциям в обществе (профсоюзные организации в Кыргызстане, как и в советское время, продолжают оставаться вне политики) не являются активными участниками политического процесса. Влияние этих общественных объединений определяется степенью вовлеченности их самих в политические процессы, происходящие в республике. Чем сильнее они сами вовлечены в политические процессы, тем сильнее их влияние на мусульманскую общину, и наоборот.

Мусульманская община Кыргызстана находится под сильным влиянием политических партий, поскольку они ведут постоянную борьбу за власть путем агитации и пропаганды выбранной ими определенной идеологии непосредственно среди верующих. С другой стороны, мусульманская община как объект их деятельности представляет собой легко вовлекаемое в политику объединение, так как веру можно использовать как идеологию, а религиозные постулаты – как политические лозунги (у человека нет более постоянного и так сильно охватывающего его сердце и сознание чувства, чем религиозная вера). Такие партии уже появились и активно участвуют в политических процессах. В нарушение Конституции, из-за слабого контроля Центральной избирательной комиссией

¹ Справочник предприятий и организаций // URL: http://www.inform.kg/ru/business_pages/12/

и Министерством юстиции над деятельностью политических партий в Кыргызстане создана, по сути, религиозная политическая партия под названием «Улуу Кыргызстан», которая полностью состоит из практикующих верующих мусульман, а ислам использует как идеологию¹. На последних выборах в парламент свою предвыборную агитационную работу данная партия открыто проводила с широким использованием религиозных лозунгов. Члены партии при проведении предвыборной разъяснительной работы призывали людей к полной поддержке идеи установления в республике законов шариата.

Практически все другие политические партии, придерживающиеся не религиозных идеологий², в своей деятельности часто выступают не только за усиление роли ислама в обществе, но и за превращение мусульманской общины из объекта политики в полноправного участника политической жизни. Они всячески поддерживают мусульманскую общину в ее попытке расширить сферу своего действия. к примеру, при таких требованиях, как: открыть намазкану (молельню) в государственных учреждениях; ношение девушками хиджаба в учебных заведениях; разрешить призывать к исламу, посещая квартиры и дома граждан; увеличение обеденного перерыва для работников предприятий всех форм собственности во время пятничного намаза до двух часов и т. д. Лидеры и активные члены этих партий демонстративно, с освещением в СМИ регулярно посещают мечети и участвуют в мероприятиях чисто религиозного характера, выражая на них поддержку

¹ Бейшенбек кызы Э. «Улуу Кыргызстан» – политическая партия с религиозным уклоном (29 сентября 2015) // URL: <https://rus.azattyk.org/a/27276484.html>

² Идеология политических партий // URL: <https://center-yf.ru/data/stat/Ideologiya-politicheskikh-partii.php>

политических требований религиозной общины. Именно представители ведущих партий в парламенте страны отказываются принять внесенный в Жогорку Кенеш закон о запрете признанной во многих странах экстремистской мусульманской религиозной организации «Таблиги джамаат». Результат – руководящие посты в ДУМК и его районных казиятах занимают активные члены этой экстремистской религиозной организации.

Пожалуй, из всех субъектов внешнего воздействия на политическое поведение мусульманской общины Кыргызстана наибольшее влияние оказывает государство и его институты, объектами работы которых прямо или косвенно являются религиозные организации. Ведь политическое поведение любой религиозной организации «во многом определяется политикой государства в сфере религиозных отношений и принимаемыми в данной области законами, поскольку они создают условия для развития конкретной системы взаимоотношений как между государством и религией, так и между самими конфессиями»¹. Дело в том, что в принимаемых государством в рамках определенной стратегии законах закрепляется задаваемое им представление о месте религии и религиозных организаций в жизни общества, в том числе о функциях и сферах деятельности и «компетенциях всех субъектов религиозных отношений». Другими словами, в них четко обозначаются пределы полномочий политического и идеологического характера, которыми могут пользоваться религии и религиозные организации. Соответственно, государство оказывает влияние на мусульманскую общину, в первую очередь расширяя или сужая ее властные полномочия –

¹ Асанбеков М. К. Политико-правовые факторы складывающейся в Кыргызстане религиозной ситуации // URL: https://mnienie.akipress.org/unews/un_post:7346

сужая или расширяя сферы ее деятельности и сферы действия исповедуемой им веры.

Проводимая государством политика в сфере религиозных отношений не ограничивается только принятием законов и контролем за их исполнением религиозными организациями. Она включает в себя целый ряд других задач, которые должны реализовываться в рамках определенной стратегии – сохранения за государством его светской сущности¹. И одной из главных задач принято считать сохранение нейтрального статуса государства ко всем религиям и религиозным организациям. В настоящее время в Кыргызстане в действиях государства и чиновников наблюдается постепенный отход от этого ключевого принципа, что способствует все большему вовлечению мусульманской религиозной общины в политику, так как вопреки требованиям Конституции и принятым законам ей позволено расширять сферу своей деятельности и действия своей религии. Открытие в парламенте, в госучреждениях и на предприятиях намазканы, проведение в дни религиозных праздников массовой молитвы мусульман на центральной площади, позволение верующим путем проведения даваата навязывать гражданам свою веру и т. д. – всё это не только нарушает нейтральный статус государства, но и создает условия для вмешательства мусульманской общины в деятельность государства.

С другой стороны, по признанию самих членов мусульманской религиозной организации, коррупционное осуществление государственными работниками регистрации религиозных общин, обслуживание их сотрудничества с иностранными религиозными организациями, организация хаджа в Мекку, выделение земель под строительство

¹ Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы от 14 ноября 2014 г. ...

мечетей и т. д. – все эти действия государства мешают мусульманской общине полноценно осуществлять свои полномочия. Такое вмешательство государства не может не подталкивать верующих противостоять чиновничьему произволу, а значит, способствует их политизации. Но самым опасным с точки зрения развития Кыргызстана является то, что религия в силу недопустимого ослабления внимания государства к образованию и науке становится основой миропонимания граждан, делая их мировоззрение глубоко религиозно идеологизированным. Просто сам этот факт говорит о том, что ислам постепенно из религиозной веры превращается в простую идеологию, что само собой предполагает политизацию самой мусульманской религиозной общины¹.

Субъектами внешнего воздействия, влияющими на политическое поведение мусульманской общины Кыргызстана не прямо, а опосредованно, являются страны, реализующие в Центральной Азии свои геополитические проекты. К ним относятся: проводящие политику глобального доминирования США, претворяющий в жизнь концепцию построения гармоничного мира Китай, стремящаяся сохранить свое влияние Россия, реализовывающая свою османско-пантюркистскую стратегию Турция, стремящийся возродить Великую Персию Иран и охваченные идеей построения всемирного халифата арабские страны. Все они оказывают влияние на политическое поведение мусульманской общины Кыргызстана не прямо, а опосредовано, через международные организации, диаспоры, СМИ, религиозные и культурные центры, неправительственные организации, общественные объединения и т. д.

¹ Маликов К. К., Усубалиев Э. С. Мусульманская община Кыргызстана и политический процесс в стране. – Бишкек, 2008.

Таким образом, самое сильное влияние на политическое поведение мусульманской общины Кыргызстана оказывают государство, религиозные неправительственные организации, партии и страны, реализующие в республике свои геополитические проекты. Слабое влияние оказывают общественные объединения. Государство оказывает внешнее воздействие на мусульман как верующих, расширяя или сужая полномочия религиозной общины и сферы действия религии. Неправительственные организации – помогая ей самоорганизоваться в политическом плане. Партии же – используя ислам как идеологию. Страны, реализующие свои геополитические проекты, оказывают воздействие на мусульман, финансируя различные проекты, связанные с привлечением верующих к политике.

Субъекты внешнего влияния на политическое поведение традиционной мусульманской общины Кыргызстана: конкретизация способов и средств воздействия

Анализ мусульманской общины Кыргызстана как объекта внешнего воздействия показывает, что внешнее воздействие на нее оказывается направленно и различными способами и средствами. Когда говорим «направленно», имеем в виду, прежде всего, внешнее воздействие, производимое с целью вовлечь ее в политические процессы. Другими словами, те способы и средства внешнего воздействия, с использованием которых традиционная мусульманская община Кыргызстана вовлекается в политику.

Общности, государство и субъекты международных общений, взаимодействующие с традиционной мусульманской общиной с целью вовлечь ее в политику, используют самые разные способы и средства воздействия, классификацию которых мы осуществили в той части нашей работы,

где речь идет о систематизации знания о них. В данной классификации способы внешнего воздействия на традиционную мусульманскую общину разделены на *насильственные и не насильственные, прямые и опосредованные, сильные, средние и слабые, открытые и скрытные, краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные; по сферам деятельности людей – на экономические, политические, идеологические и культурные; по их организационной закреплённости – на институциональные и не институциональные.* Также нами указано, что выбор конкретных средств определяется способом внешнего воздействия, который, в свою очередь, отбирается в зависимости от политических целей.

Как мы уже показывали, сильное и опасное своими последствиями влияние на традиционную мусульманскую общину, с целью полного перетягивания на свою сторону, оказывают другие нетрадиционные и экстремистские мусульманские и немусульманские религиозные организации, действующие в Кыргызстане. Среди них нетрадиционные экстремистские мусульманские религиозные организации действуют, внедрившись в традиционную мусульманскую общину, незаметно заменяя доктринальные постулаты ханафитов, связанные с мировоззренческими вопросами, отношением к государственной власти и с распространением ислама на установки радикального, крайне политизированного ислама. Они также решительным образом меняют организационные принципы традиционной мусульманской религиозной организации, основанные на полной свободе отношений между ее членами и между духовенством и верующими, на жесткую иерархическую связь внутри организации и на навязывание людям ислама под видом проведения даваата¹. По наблюдениям

¹ Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане. – Бишкек, 2015. – С. 59–69.

исследователя А. М. Усенова, посетившего несколько мечетей г. Бишкека во время проведения намаза, духовенство, состоящее из представителей радикального ислама, в основном занято проталкиванием идеи принуждения людей к тому, чтобы они жили по законам шариата и что власть должна быть основана на законах шариата. Следовательно, на мусульманскую общину они оказывают воздействие прямо и непосредственно, а в качестве средств используют проповеди и пропаганду мировоззренческих постулатов радикального ислама (идеологически).

Традиционная мусульманская община находится и под влиянием деструктивных религиозных организаций как западной (псевдохристианские), так и восточной (псевдобуддистские) ориентации. Деструктивные религиозные организации преследуют такую же цель, что и нетрадиционные и экстремистские мусульманские религиозные организации, – переманивают членов традиционной мусульманской общины на свою сторону¹, и так же, как они, строят свою работу на проповеди главных постулатов своей религии и навязывании их людям. Но в отличие от нетрадиционных и экстремистских мусульманских религиозных организаций они действуют скрытно, не вызывая в людях резкого отторжения. Их главной задачей является не только переманивание человека в свою веру, но и активное вовлечение его в деятельность секты путем денежного и всякого иного рода вознаграждения, превращение нового сторонника в активного проповедника. Получается, деструктивные религиозные организации, являясь идеологическими конкурентами нетрадиционных

¹ Таткало Н. С. Деструктивные нетрадиционные религиозные течения как фактор разрушения национального самосознания народа Кыргызстана (на примере организаций христианского толка) // Вестник КРСУ. – 2016. – Т. 16. – № 8. – С. 124–127.

экстремистских мусульманских религиозных организаций, оказывают воздействие на мусульманскую общину Кыргызстана скрытно, используя в качестве средств пропаганды, пропаганду, а также материальное вознаграждение вовлекаемых в свою веру.

На традиционную мусульманскую общину Кыргызстана сильное влияние оказывают и иностранные религиозные организации и религиозные центры¹. Это несмотря на то, что их воздействие осуществляется не прямо, а опосредовано, через своих представителей и проводников вырабатываемых ими религиозных идей. Дело в том, что они оказывают влияние на местную мусульманскую религиозную организацию не столько идеологическими, дипломатическими или культурными методами (способами), сколько экономическими. Как мы уже говорили, все построенные за последние 25 лет мечети и храмы, а их насчитывается более двух тысяч, профинансированы именно иностранными религиозными центрами и религиозными организациями. Но их влияние на традиционную религиозную организацию, как это не звучит парадоксально, носит разрушительный характер, поскольку их задачей является не оказание помощи местным религиозным организациям, будь то мусульманские, христианские или буддистские, а распространение радикальных религиозных течений. Отсюда вывод: основным способом влияния на местную мусульманскую религиозную общину у них выступают распространяемые ими в нашей стране радикальные религиозные течения и направления². При таком

¹ Асанбеков М. К. Роль иностранных религиозных центров в формировании религиозной ситуации в Кыргызстане...

² Шихов Ю. Н. Формирование подходов США к проблеме политического ислама в первой половине 1990-х годов: теория и практика // Вестник Московского университета. Сер.: Международ. отношения

воздействии политизация местной мусульманской общины происходит путем распространения крайне политизированных течений и направлений ислама. На эти цели работают такие средства воздействия, как СМИ, интернет-ресурсы, фонды, банки и т. д.

В плане политизации мусульманской общины Кыргызстана сильное влияние на нее оказывают и действующие в республике как религиозные, так и нерелигиозные неправительственные организации¹. В отличие от многих других субъектов внешнего воздействия на местную мусульманскую религиозную общину они действуют скрытно, под видом оказания помощи верующим в эффективной организации ими своей жизни. Неправительственные организации в своей работе делают упор на идеологические и финансовые методы (способы) воздействия. Основная идеологическая линия неправительственных организаций строится, как мы уже говорили, на продвижении идеи сопротивления действиям коррумпированной власти, борьбы с «устаревшими традициями», в том числе семейными ценностями. Финансовые же методы воздействия основываются на выделении средств на конкретные мероприятия, связанные с самоорганизацией (создание производственных и оказывающих услуги предприятий), и на благотворительностью. Значит, в качестве основных средств воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана в плане вовлечения ее в политику неправительственные религиозные и нерелигиозные организации используют пропаганду и негрантовые проекты, а также благотворительность.

Общественные объединения, в том числе ассоциации, корпорации, фонды, организации, предоставляющие

и мировая политика. – 2013. – № 1. – С. 58.

¹ Чем занимаются НПО в Кыргызстане (29.04.2014) // URL: <https://knews.kg/2014/04/29/chem-zanimayutsya-npo-v-kyrgyzstane/>

социальные и правозащитные услуги, профсоюзные организации, национальные ассоциации и объединения диаспор, клубы по интересам и местные сообщества¹, оказывают воздействие на мусульманскую общину через своих членов, которые, в свою очередь, входят в традиционную мусульманскую религиозную организацию. Их влияние на традиционную мусульманскую религиозную общину, в отличие от других субъектов внешнего воздействия, отличается тем, что они вовлекают верующих в политику в рамках отстаивания экономических, социальных и политических прав человека. Они не ведут прямую борьбу за власть, и поэтому их влияние не способствует политизации рассматриваемой религиозной общины, а значит, их воздействие является весьма ограниченным и слабым. Здесь верующие участвуют в политике лишь в той мере, в какой и сами общественные объединения, или влияние которых на мусульманскую общину ограничивается вовлечением верующих в работу, которой они занимаются.

Политизации традиционной мусульманской общины больше всего способствуют политические партии, так как они являются единственными из всех общественных объединений, которые законным образом могут вести борьбу за власть, пропагандируя свою идеологию среди верующих. Специфика Кыргызстана такова, что он является единственной страной в регионе, в которой в нарушение Конституции появились и успешно действуют религиозные политические партии («Улуу Кыргызстан»), состоящие только из практикующих верующих мусульман и открыто призывающие к установлению в республике законов шариата. С другой стороны, есть политические партии нерелигиозного характера, но которые активно выступают

¹ Справочник предприятий и организаций // URL: http://www.info.kg/ru/business_pages/95/

не только за усиление роли ислама в обществе, но и за превращение мусульманской общины из объекта политики в полноправного участника политической жизни. Более того, придерживающиеся такой позиции партии – СДПК, «Онугуу – Прогресс», «Ата Мекен» – находятся у власти и через государственные институты способствуют расширению сферы действия ислама как религии¹. Всё это говорит о том, что в Кыргызстане политизация ислама, или вовлечение традиционной мусульманской общины в политику, происходит путем использования веры как идеологии, что при продолжающейся деградации государственной власти может привести к большим социальным конфликтам. В целях вовлечения членов мусульманской общины в политические процессы партии используют в качестве средств воздействия не только пропаганду и агитацию, но и государственные институты.

Как показывает анализ, в настоящее время в Кыргызстане в нарушение Конституции происходят быстрые изменения в отношении государства к религии, а именно к исламу и мусульманским религиозным организациям. Государство начинает постепенно отходить от своей нейтральной позиции по отношению к исламу как религии и мусульманским религиозным организациям². И эта тенденция направлена на расширение сферы действия исламской религии и передачу части властных функций государственных институтов в руки не представителям традиционной мусульманской религиозной организации, а радикализованным исламистам. Вместо того чтобы,

¹ Ларионов В. Идут ли исламские религиозные организации во власть? // URL: <http://www.center.kg/article/44>

² Кулиев Э. О будущем религии на центральном Кавказе: от развала СССР до новой кавказской политики... // Востокведение и африканистика: Рефератив. журн. – 2014. – № 1. – С. 13.

не вмешиваясь в деятельность мусульманских религиозных организаций, помогая им удовлетворять религиозные потребности людей и строго вести контроль за исполнением ими законов республики, государство начинает постепенно смыкаться с ними. Ярким подтверждением тому служат отчеты соответствующих государственных ведомств о том, что «руководители казыхатов (районный уровень управления мусульман Кыргызстана) назначаются по их рекомендации», не говоря уже о том, какое прямое смыкание государства с мусульманскими религиозными организациями происходит при коррупционном вмешательстве чиновников в деятельность религиозных организаций, скажем, при выделении земельных участков под строительство мечетей, организации хаджа и ведении сотрудничества с иностранными религиозными организациями и религиозными центрами и т. д.

В реальности, а не по тому, как написано в Конституции, государство оказывает на традиционную мусульманскую общину воздействие не опосредованно, а прямо, не ограничивая ислам как религию в рамках выполнения им чисто религиозных функций, а мусульманскую общину в рамках только религиозной деятельности. Соответственно, государство вовлекает мусульманскую общину в политику политическими способами, используя в качестве средств воздействия государственные институты.

На политическое поведение традиционной мусульманской общины Кыргызстана существенное влияние оказывают и другие страны, особенно те, которые реализовывают в Центральной Азии свои геополитические проекты. Их воздействие осуществляется не прямо, а опосредованно, через иностранные религиозные центры и религиозные организации, международные организации финансового и социального характера, религиозные

и нерелигиозные неправительственные организации, действующие в Кыргызстане, а также фонды, банки и другие структуры. При этом ими используются самые различные способы воздействия – идеологического, экономического, политического, социального и культурного характера¹. В целом, используемые средства воздействия на традиционную мусульманскую общину можно разделить на две группы: средства идеологической обработки и средства финансово-экономического мотивирования. К средствам воздействия на мусульманскую общину, используемую другими странами, относятся и религиозные учебные заведения, миссионеры и ангажированные СМИ, интернет-ресурсы (социальные сети, интернет-СМИ, сообщество блогеров) и т. д.

Исследование традиционной мусульманской общины Кыргызстана как объекта внешнего воздействия показало, что она всё больше вовлекается в политические процессы, происходящие в республике, причем позиционируя себя именно как религиозную организацию, используя свою веру – ислам в качестве политической идеологии. Подтверждением этому служат выявленные нами факты всё большего расширения сферы действия ислама как религии и постепенное увеличение властных полномочий мусульманской религиозной организации. В силу того, что во главе традиционной религиозной организации (на всех уровнях, начиная от самих низовых до самих верхних органов) находятся лидеры радикальных мусульманских религиозных организаций и свою деятельность они основывают на принципах, которыми руководствуются представители радикального крыла ислама, ее уже нельзя называть религиозной организацией ханафитов. И эти

¹ Кудаяров К. А. Религиозное влияние Турции в Киргизии (Обзор) // Востокведение и африканистика: Реферат. журн. – 2018. – № 4. – С. 33.

существенные изменения в традиционной мусульманской общине произошли за последние 25 лет большей частью под воздействием внешних сил, а именно: нетрадиционных и экстремистских, деструктивных мусульманских и немусульманских (христианских, буддийских и др.) организаций, иностранных религиозных организаций и центров. Огромную роль в политизации мусульманской общины Кыргызстана играют религиозные и нерелигиозные неправительственные организации, государство и его институты и другие страны, особенно реализующие на территории Кыргызстана и Центральной Азии свои геополитические проекты с использованием религиозного фактора.

2.2. Вопросы идеологического воздействия на мусульман Кыргызстана

Понятие и сущность идеологии

Кыргызстан – малое, внутриконтинентальное, горное государство, занимающее срединное геополитическое положение в Центрально-Азиатском регионе, делающее его объектом интересов множества глобальных и региональных акторов, ориентированных на продвижение здесь как политических, экономических и военно-стратегических, так и религиозно-политических интересов. Последние, облачаемые в различные идеологические формы, обладают, по оценкам исследователей, наиболее существенным конфликтным потенциалом, влекущим за собой инфляцию религиозной идентичности мусульман Кыргызстана, замену ее иными формами и, как следствие, раскол мусульманской общины Кыргызстана, политизацию и радикализацию отдельных джамаатов, внутриконфессиональные и межконфессиональные конфликты и пр.

В соответствии с этим исследование содержания идеологических конструкторов экспортируемых в Кыргызстан религиозных течений, механизмов их воздействия на мусульманскую общину страны представляется одним из приоритетных в ряду ключевых вопросов обеспечения национальной безопасности Кыргызской Республики, в частности, способов и инструментов формирования идеологического иммунитета кыргызстанцев. Однако начать следует с рассмотрения самого феномена «идеология».

Термин «идеология» ввел французский философ Антуан Дестют де Траси в своей работе «Элементы идеологии» («*Eléments d'Idéologie*»), связав с ней учение об идеях, позволяющее сформулировать основы политики, открыть истинную организацию дискурса – способности суждения и оценки в различных областях.

Учение об идеологии, претерпевшее за время своего существования множество метаморфоз, всегда оставаясь на острие общественного внимания, в наши дни чрезвычайно актуализировалось как на почве усложнения самого феномена, так и ввиду интенсификации процессов его научного познания. При этом идеология остается одним из самых неоднозначных понятий и одной из самых сложных проблем в истории социальной мысли и социальных наук. И дело не только во множестве теоретических подходов, но и в том, что идеология как социальный феномен проявляет себя практически во всех сферах социальной жизни общества и неотделима от самой социальной реальности и общественного сознания современных обществ. В связи с этим наша первоочередная задача – очертить тот круг значений, который термину «идеология» будет придан в настоящем исследовании.

Классическое, на наш взгляд, социологическое понимание идеологии предложил исследователь Д. Т. Жовтун,

трактуя идеологию как «систему идей, взглядов, представлений, содержащую концептуальное, теоретическое осмысление социального бытия с точки зрения интересов, потребностей, целей и идеала определенных социальных групп и слоев, национальных образований» и являющуюся «продуктом социально-политической деятельности людей, составной частью духовного производства и даже культуры». Структурно, по мнению исследователя, она состоит «из политических теорий и идей, общественно-политических идеалов, ценностей, концепций политического развития и политических программ, политических символов и т. п.»¹.

Фактически, цель любой идеологии сводится к тому, чтобы частный, своекорыстный интерес социальной группы или одного лица, представленный в виде системы политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и философских идей, закамуфлированных под объективную истину, позиционировать в качестве общего интереса.

Особое место идеологии в системе духовной жизни общества определяется тем, что она, не будучи наукой и не затрудняя себя поиском научных доказательств своим тезисам, является концептуально оформленной системой, иначе говоря, имеет форму научного знания, благодаря которой она обладает убедительностью и действенностью. В лучшем случае идеология и истина будут конвергентны.

Еще одна принципиальная черта идеологии заключается в том, что она возникает не стихийно в историческом творчестве масс, а вырабатывается сознательно и целенаправленно особым слоем людей – профессиональными

¹ Жовтун Д. Т. Идеология: актуальные аспекты социологического анализа // Социология: Уч. / Под общ. ред. В. З. Бойкова. – М., 2004. – С. 367.

идеологами, политиками, учеными – теми, чьи интересы она реально выражает. Поэтому идеология отличается от научного знания об обществе тем, что наука нейтральна, а идеология пристрастна. Она ставит во главу угла не научную истину, а субъективный интерес.

Идеология обладает мировоззренческим, целостным характером. В этом смысле она смыкается с мифом, ибо только миф, подобно идеологии, создает целостную картину мира, наделенную глубоким эмоциональным значением. В каком-то смысле идеология и представляет собой вид современного мифа со своими добрыми и злыми силами, священными событиями прошлого и страстным ожиданием будущего, когда зло будет наказано, а добро возторжествует.

Таким образом, в современной социальной науке **идеология понимается как своего рода социальное мировоззрение**, дающее ответы на возникающие у человека вопросы относительно социальных отношений, социальной справедливости, исторических перспектив общества, в котором он живет, и т. д. Примечательно, что та или иная идеология присуща каждому обществу без исключения, также как ему соответствует, по мнению немецкого ученого И. Г. Гердера, своя культура со своими особенностями семейного уклада, языка, религии, ремесел, искусства и науки. Постоянное «членство» в системе духовной сферы общества обеспечивает ей ряд выполняемых ею важнейших функций:

- **познавательную**: идеология предлагает человеку определенную модель интерпретации окружающего мира, общества и своего места в нем;

- **оценочную**: идеология позволяет индивиду выбрать адекватные его социальным интересам ценности и нормы, чтобы руководствоваться ими в повседневных практиках;

- **программно-целевую:** идеология ставит перед индивидами определенные стратегические цели и предлагает программу их достижения;
- **футуролого-прогностическую:** идеология предлагает обществу модель лучшего будущего, к которому необходимо стремиться, и обосновывает его возможность;
- **интегративную:** идеология способствует сплочению общества или социальной группы на основе единой цели, общих проблем и необходимости общих действий;
- **защитную:** идеология обеспечивает взаимодействие с другими идеологиями либо в виде борьбы, либо в виде сосуществования;
- **социально-организующую:** идеология определяет принципы организации общества и управления им¹.

По мере эволюции раннеклассового строя в первую в истории человечества идеологическую систему стала оформляться **религия**, представляющая собой совокупность представлений, покоящихся на вере в чудодейственные сверхъестественные силы и существа (боги, духи), являющиеся предметом поклонения.

В отличие от нее **религиозная идеология** является системой религиозных взглядов и идей, в которых осознается и оценивается отношение людей к действительности. Так, еще на заре своего становления религиозная идеология зарекомендовала себя в качестве эффективного инструмента укрепления общественного строя в интересах господствующего класса, выводя существование классово-социальных отношений из воли сверхъестественных сил, а выгодный эксплуататорам образ поведения объявляя единственным способом заслужить благоволение этих сил и избавиться от их гнева. С целью поддержания

¹ Идеология // URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ideologiya.html>

баланса справедливости в обществе и подавления активной борьбы трудовых масс против эксплуататоров в тот период была разработана идея загробного воздаяния.

Превращение религии в идеологию сопровождалось появлением зачатков системности идей, усилившейся с процессом развития абстрактного мышления (системный характер религиозной идеологии позволял выдавать ее иллюзорно-фантастические идеи за общезначимые, истинные). Легко приспособившаяся к различным социальным условиям, религия успешно освящала как рабовладельческий, так и феодальный и капиталистический строй.

Последующее развитие религиозной идеологии связано с появлением теологии, т. е. с разработкой идеологических доктрин, сформулированных в вероучительных книгах (Библии, Коране, Талмуде и т. д.) и утвержденных религиозными организациями в виде неизменных, канонизированных формул (догматов), признание которых в их раз и навсегда установленном виде является непременным условием для верующих.

Ислам на территории современного Кыргызстана: исторический аспект

Территория современного Кыргызстана еще с древних времен была известна конфессиональной полифонией проживавших здесь обществ. В разные века истории на этом пространстве встречались шаманизм, тенгрианство, зороастризм, буддизм, христианство, манихейство. Неслучайно до прихода арабов Среднюю Азию называли местом встречи культур Востока и Запада, поскольку именно здесь имела место религиозная терпимость и здесь находили убежище приверженцы различных религиозных учений и толков, преследовавшихся в странах, где господствовали официальные религии. Однако известно, что для

кыргызов наиболее типичными и распространенными являлись тотемические и шаманские мировоззрения, сохранившиеся со времен Кыргызского государства на Енисее (VI в.) и проявившие свою устойчивость даже в период укрепления в Средней Азии позиций ислама – третьей мировой религии, относящейся вместе с христианством и иудаизмом к так называемым «авраамическим религиям», ревелативной (богооткровенной) традиции, которые своими корнями восходят к древнейшим формам ближневосточного монотеизма, в результате чего имеют общее в своей основе историко-мифологическое наследие и схожую картину мира¹.

Ислам на территории Кыргызстана первоначальное развитие получил в связи с образованием Караханидского каганата (сер. IX в. – сер. XII в.) – первого тюркского государства, где эта религия стала государственной. Благодаря ей, а точнее заданному ею комплексу взглядов и идей, для кочевого народа стало возможным осуществлять внутреннюю и внешнюю политику, развивать культуру надплеменного типа, проводить политику единого образования и просвещения, создавать новую шкалу ценностей. По мнению исследователя М. С. Орынбекова, идеологический образ мусульманина оказался привлекательным для подавляющего большинства кочевников, став ключевым для консолидации общества и мобилизации его на решение общих задач².

Политическая история ислама содержит парадокс, свойственный только этой религии: маленькая арабская

¹ Алексеев И. Л., Коротаев А. В. Ислам // Религиоведение: Энциклопед. словарь / Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М., 2006. – С. 412.

² Орынбеков М. С. Генезис религиозности в Казахстане. – Алматы, 2005. – С. 193.

секта, возникшая в VI в. в Аравии, превратилась в контролируемую общиной империю, в религиозное сообщество, во всеобъемлющую тотальную систему, претендовавшую на удовлетворение всех духовных потребностей и требовавшую от человека безусловной преданности и подчинения во всех сферах его жизнедеятельности (политике, экономике, этике, обрядности, мифологии, традициях и т. п.).

Зарождение ислама было детерминировано упадком караванной торговли, так как торговые дороги переместились на восток, в Сасанидский Иран, и нарушением экономического равновесия, державшегося веками. Кочевники, потерявшие доход от караванного движения, стали склоняться к оседлому образу жизни, переходить к земледелию. Возросла нужда в земле, усилились столкновения между племенами. Стала чувствоваться потребность в объединении. Это не замедлило отразиться и в идеологии: возникло движение за слияние племенных культов, за почитание единого верховного бога Аллаха; тем более что евреи и отчасти христиане подавали арабам пример единобожия. Среди арабов возникла секта ханиффов, чтивших единого бога. В этой обстановке и развернулась проповедническая деятельность Мухаммеда, вполне отвечавшая общественной потребности. В его проповеди, собственно, не было почти ничего нового по сравнению с религиозными учениями иудеев, христиан, ханиффов: основное у Мухаммеда – строгое требование почитать только единого Аллаха и быть, безусловно, покорным его воле. Само слово «ислам» означает покорность. «Бог свидетельствует, что, кроме его, нет другого достойного поклоняемого, а также ангелы и люди знающие, будучи тверды в истине, исповедуют: нет никого достойного поклоняемого, кроме его, сильного, мудрого. Истинно, благочестие перед богом есть покорность» (Коран, гл. 3)¹.

¹ Коран, законодательная книга мусульманского вероучения /

Уже во второй половине VII в. в исламе сформировались три делящихся на правовые школы течения: суннизм, шиизм и хариджизм, появление которых было связано как с политическими процессами в исламском обществе, так и со спорами по богословским вопросам: догматического вероучения, то есть системы представлений о жизни и мироустройстве; канонического права, то есть законов, по которым должен жить правоверный мусульманин; духовной этики. Вне зависимости от школ и ветвей в исламском мире также были сформированы общественные движения с религиозно-политической идеологией, например, панисламизм или ваххабизм, которые по своему внутреннему менталитету можно было бы уже классифицировать как отдельные течения или секты ислама¹.

Довольно скоро различия интерпретаций исламского вероучения привели к серьезным разногласиям. При чем часть из них были заложены в словах Мухаммада – в частности, в одном из преданий Мухаммад предсказывает, что община мусульман расколется на 73 группы, или секты. В некоторых изводах этого предания говорится, что все будут в огне и только одна из них спасется, и есть вариант предания, где говорится, что спасутся все. Более известен первый вариант.

Из этого следовало, что ислам изначально и не мыслился как монолитная унифицированная и иерархически организованная структура. С самых первых десятилетий исламское вероучение формировалось в живой дискуссии, теснейшим образом связанной с развитием исторических событий вокруг, поэтому религиозные споры всегда

Пер. Гордия Саблукова. – Казань, 1877. – С. 16–17.

¹ Террористические организации в исламе, их классификация. и немного о нас... // URL: <http://ru-news.ru/terroristicheskie-organizatsii-i-islame-ih-klassifikatsiya-i-nemnogo-o-nas/>

приобретали политическое значение, как и наоборот: политические дискуссии наполнялись религиозным смыслом¹. Всё это, однако, не мешало исламской структуре обретать со временем жизнестойкость и силу, трансформируясь из религиозной общины, имевшей чисто национальную природу, в культурное сообщество – религиозное и наднациональное, сохранившее свое право на существование и статус государства. Под знаменем новой религии – ислама, выступавшей также в качестве идеологии, права и образа жизни, ранее разрозненные и слабые арабские племена объединились и могучим вихрем пронесли над регионами Азии и Северной Африки, покорив многие народы и исламизировав их. Процесс был неоднозначным: если Ближний Восток был покорен относительно быстро и легко, то завоевание Средней Азии заняло у арабов более века и потребовало десятка походов².

Достоверным источником, подтверждающим широкую исламизацию населения Средней Азии в IX–XI вв., стало произведение тюркского писателя Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Автор стал выразителем взглядов, сформированных под влиянием ислама и предписаний данного Богом права – шариата, регулирующего юридические и морально-этические отношения мусульман в их повседневной жизни. Однако исламизация охватила преимущественно городское население. Об этом свидетельствовал выдающийся тюркский филолог и лексикограф XI в. Махмуд ал-Кашгари в своем труде «Диван

¹ Алексеев И. Течения и направления в исламе (Содержание четвертой лекции из курса «История исламской культуры») // URL: <https://arzamas.academy/materials/1632>

² Хасан Абу М. Н. Начало распространения ислама на территории Кыргызстана (середина VIII–X вв.) // Вестник КРСУ. – 2002. – № 4 // URL: <https://www.krsu.edu.kg/vestnik/2002/v4/a03.html>

Лугат ат-Тюрк» («Собрание тюркских наречий»), указывая на то, что широким слоям населения тюрков вовсе не было присуще благоговение перед Кораном. Связано это было, вероятно, с тем, что арабский язык был мало им знаком. Автор выражал озабоченность, что священные слова могут стать предметом насмешек со стороны невежд¹.

Многие стороны ритуальной жизни мусульман были восприняты кыргызами от суфийских дервишей братства «Накшбандия»². По свидетельству одного из наиболее известных арабо-курдских историков Ибн аль-Асира, в 960 г. благодаря успешной миссионерской деятельности исламского богослова Абу ль-Хасана Мухаммеда ибн Суфьяна тюрки Чуйской долины современной Киргизии, занимавшие 200 тыс. шатров, одновременно приняли ислам³. Правда, в настоящее время исследователи располагают достоверными сведениями о более ранней миссионерской деятельности среди тюркских племен Семиречья одного из выдающихся представителей суфизма Мансура ал-Халладжа, уроженца иранской провинции Фарс. Как установлено, уже в 897 г. ал-Халладж со своими учениками и сподвижниками отправился в составе торгового каравана из Багдада в Туркестан с целью обращения в ислам «неверных» тюркских народов⁴.

¹ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Тюрк / Пер., предисл., коммент. З.-А. М. Ауэзовой. – Алматы, 2005. – С. 30.

² «Накшбандия» – суфийское братство (суфизм – мистико-аскетическое течение в исламе, его цель – воспитание «совершенного человека», свободного от мирской суеты и возвышающегося над негативными качествами своей природы), члены которого способствовали окончательному утверждению ислама в Средней Азии и Восточном Туркестане.

³ См.: Barthold V. A Short History of Turkestan // Four Studies on the History of Central Asia. – Leiden, 1956. – P. 20.

⁴ Massignon L. La passion de Hallaj martyr mystique de L'Islam. – T. 1. – Paris, 1975. – P. 66, 227.

Если верить сочинению «Маджму ат-таварих», написанного муллою Сайф ад-Дином Ахсикенди в XVI в. в Фергане, одновременно с орденом Накшбандия в Семиречье действовал другой суфийский орден – Ишкийя, последователи которого считали себя потомками легендарного имама Ибрахима Заранджиша. Один из его основателей – Сейид Джалал ад-Дин – в записях самых ранних вариантов кыргызского эпоса «Манас» представлен духовным наставником героя Манаса, боевые соратники которого называются мусульманами, предлагающими побежденным принять ислам или умереть¹.

Зародившись еще на заре ислама, суфизм получил популярность в основном из-за проповеди воздержания и аскетизма. Идеи отречения от мирских благ, греховной сущности богатства, невозможности для богатых слияния с богом и достижения рая привлекали к суфизму массы кочевников. К тому же суфизм, приспособившийся к местным условиям и не принуждавший тюрок к отречению от глубоко укоренившейся системы прежних духовных установок, во многом способствовал созданию так называемого синкретического народного ислама с элементами доисламских верований и традиций тюркских кочевников². Тюрки продолжали поклоняться Тенгри – верховному божеству неба, а в общении с мусульманами переводили его имя на арабский язык как «Аллах». «Мусульманство оставалось звуком, фразой, под которыми скрывались

¹ Мокеев А. Новый источник по генеалогии киргизского народа // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. – М., 1984. – С. 146–147.

² См.: Мокеев А. Роль суфийских шейхов в распространении исламской религии в Кыргызстане // Journal of Turkic Civilization Studies. – Bishkek, 2006. – № 2. – С. 128 // URL: http://journals.manas.edu.kg/mjtc/oldarchives/2006/10_822-2105-1-PB.pdf

прежние шаманские понятия, – писал Ч. Валиханов. – Оттого изменениям подверглись имя, слова, а не мысль. Онгон стали называть Арвахом. Кук-Тангри – Аллахом или Худаем, духа земли – шайтаном, пери, дивана, джином, а идея осталась шаманская. Но, тем не менее, основания шаманской веры были поколеблены магометанским единобожием. Небо слилось с идеей Аллаха, а второстепенные тенгри, почитаемые в олицетворениях, были забыты, вероятно, потому, что более преследовались при введении ислама»¹.

И всё же благодаря тысячелетней пропаганде суфийских шейхов, переработке ими фольклорных памятников и генеалогических преданий кыргызов в духе исламской идеологии ислам стал неразрывной частью коллективной идентичности и важным индикатором цивилизационной ориентации кыргызского народа². Гармоничным дополнением суфизма стал ханафизм³ – одна из четырех правовых школ в суннитском исламе, именно в силу своей либеральности, выражавшейся в принятии народных традиций и обычаев, приобретшая популярность на периферии исламского мира. Вместе они – ключевые категории того, что в конце XX столетия исследователи назовут «народным» исламом, обладающим огромным потенциалом для гармоничного сосуществования с иными конфессиями,

¹ Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / Под ред. Н. И. Веселовского // Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. – СПб., 1904. – С. 10.

² Мокеев А. Роль суфийских шейхов в распространении исламской религии в Кыргызстане...

³ Детально вопросы ханафизма описаны в работе, опубликованной ИСАП КРСУ: О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане как важного фактора стабильного и безопасного развития страны / М. Н. Омаров и др.; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018.

представленными в Кыргызстане, – христианским православием, иудаизмом и буддизмом.

Продолжая развиваться в том же синкретичном русле, современный кыргызский ислам представляет собой синтез правовых, идеологических основ ханафизма демократического характера, философии мистико-аскетичного суфизма и тенгрианства вместе с элементами доисламских верований, обычаев и традиций¹. Однако развитие это осуществляется в рамках «новой исламизации», при которой часть кыргызской мусульманской общины активно усваивает привнесенные извне религиозные идеи. Амплитуда их политико-идеологических и общественно-социальных целей начинается с суфийских мистико-аскетических ценностей до идеологической доктрины панисламистов и ваххабитов-салафитов, противоречащей законодательству Кыргызстана.

Экспортируемые в Кыргызстане религиозные идеологии радикального и экстремистского толков

Рядом с религиозной идеологией, являющейся систематизированным, теоретически осмысленным и обобщенным отражением реального бытия сквозь призму веры в сверхъестественное, соседствует еще одно понятие – идеология религиозного экстремизма, представляющая собой:

- тип религиозной идеологии и деятельности, отличающейся крайним радикализмом, ориентированным на бескомпромиссную конфронтацию со сложившимися традициями, резким ростом напряженности внутри религиозной группы и в социальном окружении (агрессия, деструктивный характер целей и деятельности);

¹ Абдырахманов Т. Религиозная ситуация в Кыргызстане и немощность исламской верхушки...

- идеологию и практику некоторых течений, групп, отдельных деятелей в конфессиях и религиозных организациях, характеризующуюся приверженностью крайним толкованиям вероучения и методам действия по реализации поставленных целей, распространением своих взглядов и влияния;

- реализацию идей, отношений и деятельности организованных социальных субъектов на основе определенного фундаментального религиозного опыта, формирующего негативное восприятие социального сущего как воплощения недолжного и требующего радикального изменения общества к идеально – должному (с точки зрения содержания указанного религиозного опыта и соответствующей религиозной картины мира и идеологии) при помощи всех форм социального насилия и во всех сферах и на всех уровнях общества.

В современных условиях религиозный экстремизм, цель которого состоит в коренном реформировании существующей религиозной системы в целом или какого-либо значения ее компонента, формируется как экспансия религиозных и псевдорелигиозных организаций и систем. С его помощью формируются соответствующие модели социального устройства и поведения индивидов, а в ряде случаев и моделей глобализации. Как сложное комплексное социальное явление религиозный экстремизм существует в трех взаимосвязанных формах:

- как состояние сознания (общественного и индивидуального), которому свойственны такие признаки, как гиперболизация религиозной идеи, придание свойств целого части социального явления, нигилизм и фанатизм;

- как идеология – религиозная доктрина, характеризующаяся однозначным объяснением проблем существующего мира и предлагающая простые способы их решения

путем разделения мира на добро и зло, приданием доминирующего положения одному из аспектов бытия не соответствующего принятой в обществе иерархии ценностей, игнорированием, нивелированием других норм;

- как совокупность действий по реализации религиозных доктрин.

Характерными чертами религиозного экстремизма отмечены крайняя нетерпимость к инакомыслию, ко всем инаковерующим и особенно к неверующим, проповедь своей исключительности и превосходства над окружающими, ксенофобия¹.

Как и многие идеологические конструкты, через своих носителей идеология религиозного экстремизма апеллирует не столько к разуму, сколько к чувствам и предрассудкам людей, что делает ее инструментом психологического воздействия на человека, орудием манипуляции сознанием. Психологическое воздействие на чувственную сторону психики подавляет волю внушаемого, формирует рабские стереотипы поведения, основанные на беспрекословном, слепом повиновении неофита (нового приверженца религии) носителю идеи, исполнении любых, в том числе самых жестоких и бесчеловечных, указаний. Такая идеология формирует особый психотип приверженцев религиозного экстремизма, которым свойственно поведение, основанное на эмоциональном самовозбуждении, утрате когнитивного контроля над собственным поведением и готовности к любым действиям, в том числе противоправным и асоциальным².

¹ О сущности религиозного экстремизма и фундаментализма и мерах по противодействию этим явлениям // URL: http://www.mir.niy.ru/info/anti_terror/5723-o-suschnosti-religioznogo-ekstremizma-i-fundamentalizma-i-merah-po-protivodeystviyu-etim-yavleniyam.html

² Завальнев В. И. Идеология религиозного экстремизма как угроза

Благоприятными факторами для такой крайней степени увлеченности идеями фундаментализма являются социальные и идеологические кризисы в обществе. Так, прочность границ идентичности (этнической, клановой, родовой, корпоративной и др.) и социальная стабильность защищают личность от манипуляции сознанием. Ослабление этих границ личности часто делает ее жертвой манипуляции со стороны фундаменталистов. Сегодня идеология религиозного экстремизма свое наибольшее развитие получила в доктринальных положениях и политической практике радикального исламского фундаментализма, обращенного к опыту раннего ислама времен пророка Мухаммеда; опыту, отрицающему инновации и стремящемуся реанимировать традиционные раннеисламские социальные институты и функционирующие внутри них социальные и правовые нормы.

Идеология салафизма

В основе большинства религиозно-экстремистских идеологий исламского толка, в том или ином объеме проникнувших в идеологическое поле суверенного Кыргызстана, лежит суннитское учение **салафизма**, в определении которого по сей день наблюдается немало противоречий, связанных с отсутствием четких дефиниций, основных признаков и отличительных убеждений. Как отмечает директор консультативно-реабилитационного центра «Ансар» в Актобе А. Сабдин, часть экспертов апеллируют к дефинициям, данным самими салафитами. Другие предлагают использовать термин «ваххабизм». Сами сторонники салафизма определяют свое учение как истинную исламскую веру, основанную на Коране и Сунне, в рамках безопасности личности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – № 1 (9). – С. 69.

понимания праведных предков (салафов). Часть ученых считает, что салафия – это благословенный промежуток времени, который завершился третьим поколением после смерти пророка Мухаммеда, и после этих поколений никто не имеет права называться салафитом. А тех, кто именуется себя салафитами, такие ученые называют псевдосалафитами. Отдельные востоковеды считают салафизм пуританским, буквалистским и ультраконсервативным исламистским течением внутри суннитского ислама¹.

Словарный смысл термина «салафизм» (салафия) (от араб. *сальяф*) означает «идущие впереди», «предшественники», «предки». В Коране слово «сальяф» в разных формах используется в 8-ми аятах – аят 275 из суры «аль-Бакара», аяты 22, 23 из «ан-Ниса», аят 95 из «аль-Маида», аят 38 из «аль-Анфаль», аят 30 из «Йунус», аят 24 из «аль-Хакка» и аят 56 из суры «аз-Зухруф». Однако ни в одном из них не подразумевается религиозное течение, поколение мусульман или методология понимания исламских первоисточников – Корана и Сунны.

В общепризнанной исламской традиции салафы – это первые три поколения праведных мусульман, указанные в хадисе пророка Мухаммада – сподвижники (сахаба), последователи (табиун) и последователи последователей (табиу табиин). Салафит (салафи) – один из представителей этих трех поколений.

Однако в настоящее время термин «салафит» употребляется для обозначения сторонников салафизма – радикального религиозно-политического течения ислама, призывающих ориентироваться на «праведных предков» и вести бескомпромиссную войну против всех, кто не разделяет их взглядов. При толковании священных текстов салафиты

¹ Аскар Сабдин: К вопросу об определении современного салафизма...

предпочитают делать акцент на самом тексте, а не на его смысловых составляющих, трактуемых сквозь призму разума. Кроме того, они отрицают необходимость следовать иджме (общему мнению авторитетных мусульманских ученых) и использования кыяса (суждений по аналогии).

Основателями салафизма принято считать ранних ханбалитов¹ – Ибн Таймию (ум. 1328 г.), Ибн аль-Каййима (ум. 1350 г.) и проповедников современной недждитской школы. Историческим фактором его зарождения стало нашествие армий Хулагу, внука великого Чингисхана (конец XIII – начало XIV вв.), разгромивших большинство мусульманских государств того времени, включая могущественный Арабский халифат. Размышляя над причинами катастрофы мусульманской цивилизации, Ибн Теймия пришел к выводу, что все беды и несчастья, постигшие исламские государства в результате нашествия степняков, связаны с отступлением от религиозных истоков.

В целом, все направления современного салафизма содержат следующие характеристики:

- притязание на исключительную истину;
- обособленная трактовка единобожия, впервые введенная на основе иджтихада Ибн Таймией, и широкое осмысление таких понятий, как «поклонение» и «многобожие»;

¹ Ханбалиты – приверженцы одного из четырех канонизированных суннитских мазхабов (школ), названного по имени автора этой доктрины Ахмада бен Ханбала. Ханбалитство сначала возникло как религиозно-политическое движение, а затем, к началу XI в., оформилось в догматико-правовую школу. Ханбалиты в своей теории и практике придерживались взглядов наиболее консервативных сторонников традиционализма (нынешние фундаменталисты), выдвинули идею очищения ислама от позднейших наслоений, выступили с отрицанием любых нововведений (бид'а) в области вероучения и права, не имеющих прямого обоснования в Коране и хадисах. В Средние века сами мусульмане называли ханбалитов салафитами.

- агрессия по отношению к несогласным с их воззрениями, которая проявляется в обвинениях в неверии и многобожии (такфир);

- буквализм как метод восприятия исламских первоисточников, установление акцента на самом тексте, а не на его смысловых составляющих, трактуемых сквозь призму разума;

- отрицание необходимости следовать иджме (общему мнению авторитетных мусульманских ученых) и использования кыяса (суждений по аналогии).

- возвеличивание придания (накль), критика разума и отрицание рациональности (акляния);

- несовместимость со светскостью и стремление к созданию определенного теократического государства;

- арабцентризм;

- порицание и отрицание общепризнанных суннитских теологических школ – ашаритов и матуридитов;

- политизация отдельных религиозных понятий, таких как «джихад»;

- адаптация и приспособление положений Корана и Сунны под собственные убеждения¹.

Кроме того, к основным догматам салафитов можно отнести критику суфизма, распространенного на Северном Кавказе и в Средней Азии; борьбу за очищение ислама от различных чуждых, с их точки зрения, примесей, основанных на культурных, этнических или каких-то других особенностях тех или иных мусульманских народов; запрет паломничества к могилам святых; отрицание празднования дня рождения пророка Муххамеда или других пророков и праведников ислама².

¹ Сабдин А. к вопросу об определении современного салафизма...

² Салафия // URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Салафия>

Несмотря на наличие общих черт в трактовке исламского вероучения, современное движение салафитов крайне неоднородно, не несет в себе широкого и сплоченного понимания и разветвляется на бесконечное множество сект, которые порой признают неверными и безбожниками друг друга.

Согласно классификации эксперта по исламу Мухаммада Гарабея, в современном салафизме выделяются три течения: **пуристы**, которые проповедуют истинный, с их точки зрения, ислам, не преследуя никаких политических целей и отвергая насилие; **политические салафиты**, выступающие за создание богоугодного общества в рамках исламского государства; и, наконец, **джихадистские салафиты**, готовые к насилию во имя строительства исламского халифата¹.

Согласно другой типологии, легшей в основу описания идеологической направленности той или иной террористической и/или экстремистской организации, осуществляющей свою подрывную деятельность на территориях государств-членов ШОС и ОДКБ, в салафизме различают три основных направления: **такфиризм**, **джихадизм** и **пропагандистский салафизм**², выстраивающие свои учения вокруг какого-либо одного аспекта в исламском мировоззрении, богопонимании, исламском праве, доведенного до абсурдной крайности. Так, суть идеологии **такфиризма** заключается в своеобразной интерпретации исламского понятия «такфир» – обвинения в неверии (куфр) всех несогласных с такфиристской интерпретацией ислама, которое зачастую осуществляется по «цепному»

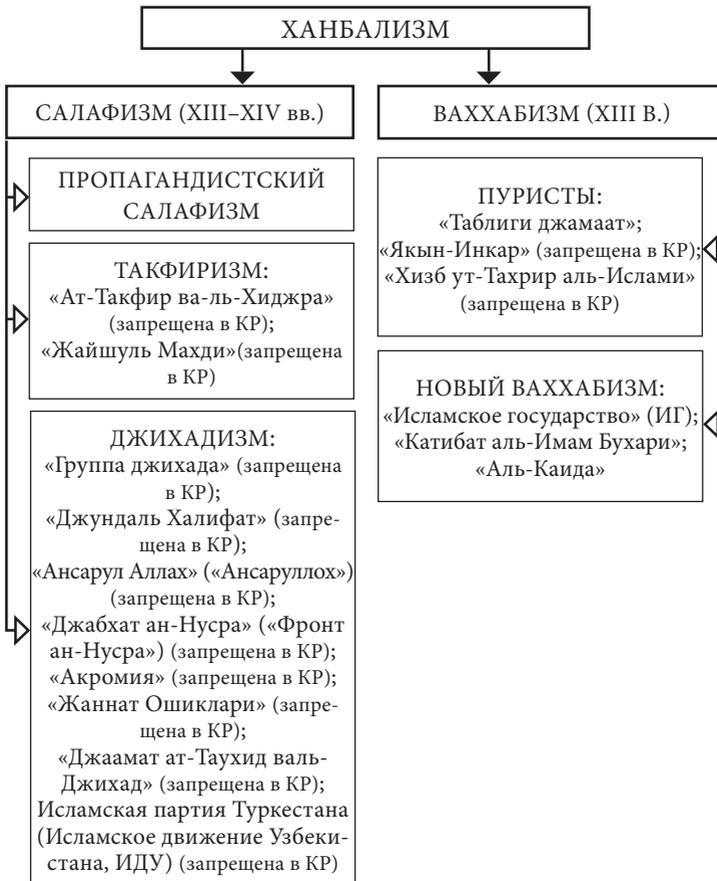
¹ Чем ваххабиты отличаются от салафитов? // URL: <https://www.dw.com/ru/чем-ваххабиты-отличаются-от-салафитов/a-17358252>

² Современные виды салафизма // URL: <http://parstoday.com/ru/radio/programs-i68928>

принципу – обвинения в неверии каждого, кто не обвинял того, кого обвинили они, или же просто не соглашался и даже сомневался в этом, а также признание неверными не следующего шариатским наставлениям правителя вместе со всеми подвластными ему людьми.

Схема 1

Классификация салафитско-ваххабитских идеологий, представленных в Кыргызстане

Как отмечает российский мусульманский деятель, ученый-теолог Фарид Хазрат Салман, «вера по Исламу – комплекс действий, через которые человек благодарит Всевышнего Аллаха за те блага, которыми он обладает. Безверие – это проявление неблагодарности Творцу. Такфир, с точки зрения Ислама, – обвинение мусульманскими учеными после соблюдения определенных условий человека или группы людей в безверии, в вероотступничестве, в отходе от основ веры. “Такфириты” отличаются тем, что разрешают самим самостоятельно выносить подобное обвинение»¹.

По определению Роберта Бэра, слово «такфирист» обычно относится к тем из мусульман, «которые видят мир черно-белым: есть истинные верующие и есть неверующие, без каких-либо промежуточных оттенков»².

Важно отметить, что объектом такфира в такфиризме являются не немусульмане (христиане, иудеи), и так отнесенные к «неверным» в силу их вероисповедальной принадлежности, а все исповедующие традиционный ислам общины. Такфириты, называемые в народе «безмазхабовцами», утверждают: «Только мы следуем Корану и сунне, мазхабы недействительны, так как об этом ничего не говорится в Коране и сунне Пророка». Наделяя последних статусом вероотступника (по-арабски – муртадд, то есть «отошедший от ислама»), такфиристы приговаривают их «к лишению жизни и имущества». Ученые-богословы, между тем, напоминают, что шаги такфиристов не совпадают ни с одним правилом шариата.

¹ Смыслы «Ат-Такфир ва аль-хиджра» // URL: <https://islam-today.ru/veroucenie/smysly-at-takfir-va-al-hidzra/>

² Baer R. The Devil We Know: Dealing with the New Iranian Superpower. – Crown/Archetype, 2008. – P. 123 // URL: <https://books.google.kz/books?id=UPUUL2Hgwooc>

В современную эпоху такфиризм возник как практика ультрарадикального отщепенства от египетской партии «Братья мусульмане» («Ихван аль-Муслимин»), получившего название «ат-Такфиру аль-хиджра» («Обвинение в неверии и отъезд для спасения своей веры»), основателем которого выступил египетский теолог Мустафа Шукри, впитавший в себя идеи насильственного захвата власти радикального идеолога Саида Кутба, казненного в 1966 г. На территории Кыргызстана идеологию такфиристского салафизма распространяют две запрещенные в КР религиозно-политические террористические и экстремистские организации – «Ат-Такфир ва-ль-Хиджра» и «Жайшуль Махди»:

• **«Ат-Такфир ва-ль-Хиджра»** («Искупление и исход») – террористическая и экстремистская организация, запрещенная решением Первомайского районного суда г. Бишкека от 24 октября 2012 г. в рамках ратифицированных международных соглашений. Это одна из самых радикальных международных исламистских террористических группировок, чьи активисты проповедают полный разрыв с современным мусульманским обществом, считая его «неверным». По данным 10-го Главного управления МВД КР, на территории Кыргызстана данная организация занимается вербовкой граждан преимущественно на юге страны. Впервые данный факт был зафиксирован в 2012 г.

Идеология: салафизм такфиристского толка.

Цель: признание своего государства «государством кафиров» («неверных»), переезд в другие страны или регионы, где, по их мнению, существует шариатское правление, получение там военного опыта, с тем чтобы в дальнейшем вернуться на родину для осуществления джихада¹.

¹ Шиков А. Отдельные вопросы противодействия оперативных

Связи: поддерживает связь с «Аль-Каидой», с алжирской ВИГ и чеченскими сепаратистами. Имеет группы поддержки в Англии, Германии, Франции, скандинавских странах. Призывает местных мусульман принимать участие в рядах исламистских вооруженных движений, действующих в Афганистане, Ираке, Палестине, Югославии и России².

- **«Жайшуль Махди»** («Армия Махди») – террористическая и экстремистская организация, запрещенная на территории Кыргызской Республики решением Первомайского районного суда г. Бишкека от 24 октября 2012 г. Была создана в Кыргызстане и не имеет ничего общего с одноименной группировкой, действующей в Ираке.

Идеология: салафизм такфиристского толка.

Цель: свержение светской формы правления в стране и установление на территории Кыргызстана и других стран Центральной Азии исламского государства «Халифат». Для достижения данной цели ими планировались и совершались особо тяжкие преступления – террористические акты, убийства граждан, разбойные нападения.

Связи: «Имарат кавказ» («Кавказский эмират»), СИД, ИГИЛ.

подразделений уголовно-исполнительной системы религиозным экстремистским организациям // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 2. – С. 181–187.

² Свобода религиозных и иных убеждений в Кыргызской Республике: практика правового регулирования в соотношении с конституционными и международными стандартами: Пособие для судей, прокуроров, адвокатов, следователей и других работников правоохранительных органов. – Бишкек, 2018. – С. 177.

В 90-е гг. XX в. в салафитском движении выделилось еще одно – «**джихадовское**» направление, представители которого ориентируются на практическую реализацию тезисов о необходимости «борьбы за веру» (джихад) насильственным путем. Корни его необходимо искать также в идеях лидера египетского революционного движения «Ихван аль-Муслимин» («Братья-мусульмане») Саида Кутба, считавшего джихад «формой борьбы с врагами ислама»¹.

Согласно салафитско-джихадовской идеологии, джихад является исключительно вооруженной борьбой, вменяемой каждому мусульманину, против всех несогласных. Как и в такфиризме, объектом борьбы джихадистов объявляются кафиры, т. е. сами же мусульмане. Рядом идеологов этого течения джихад рассматривается в качестве шестого столпа ислама в дополнение к пяти общепризнанным (исповедание веры, молитва, пост, закят и хадж). В свою очередь в исламской доктрине существует и иное, более значимое понимание джихада как процесса нравственного самосовершенствования и мирных, созидательных усилий верующего. Такая интерпретация джихада основывается на одном знаменитом хадисе (изречении) пророка Мухаммада: по возвращении с битвы при Бадре (624 г.), в которой победили мусульмане, он сказал: «Мы вернулись с Малого джихада к Великому джихаду». Из этого высказывания следует, что «Великим» (подразумевается главным) джихадом является не война, а мирный труд².

Как полагает теолог К. Маликов, такфиризм по отношению к джихадизму является своего рода инкубационным периодом: объявление военного джихада безбожникам –

¹ Calvert J. Qutb and the Origins of Radical Islamism. – New York, 2010. – P. 59.

² Резван Е. Зеркало Корана // URL: <https://web.archive.org/web/20120724065856/http://magazines.russ.ru:8080/zvezda/2008/11/re9-pr.html>

безусловный итог богословских размышлений и обвинений такфиристов¹. Разница между ними не в идеологии, а лишь в тактике и стратегии, а также в степени и времени применения насилия. Зачастую салафитские организации синтезируют в себе две эти идеологии.

На территории Кыргызстана такфиристско-джихадистское направление в исламе представлено рядом запрещенных радикальных, экстремистских и радикально-экстремистских организаций, чья идеология оправдывает совершение насильственных преступных действий, связанных с устрашением населения или нарушением общественной безопасности, призывами к подрыву конституционного строя либо оказанию воздействия на решения, принимаемые органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями². В частности:

• *«Группа джихада» («Союз Исламского Джихада», СИД, «Исламская группа джихада», «Джамаат аль-джихад», «Исламский джихад-джамаат маджахедов», «Джамаат моджахедов Центральной Азии») – террористическая организация, запрещенная решением Первомайского районного суда г. Бишкека от 11 июня 2008 г. в рамках ратифицированных международных соглашений.*

¹ Кадыр Маликов, руководитель Центра религии и права: «В Кыргызстане в любой момент может возникнуть религиозная нестабильность» // URL: https://www.gezitter.org/interviews/35100_kadyir_malikov_rukovoditel_tsentra_religii_i_prava_v_kyrgyzystane_v_lyuboy_moment_mojet_vozniknut_religioznaya_nestabilnost/

² Свобода религиозных и иных убеждений в Кыргызской Республике: практика правового регулирования в соотношении с конституционными и международными стандартами... – С. 168.

Была создана 2002 г. в Зоне племен (регион на пакистано-афганской границе), отколовшись от Исламского движения Узбекистана (ИДУ) на почве разногласий по вопросам стратегии, прежде всего относительно целей этого движения. Его руководство, как и руководство ИДУ, базируется в Пакистане, а именно в Северном Вазиристане, где его оплотом до сих пор остается город Мир-Али.

Идеология: салафизм джихадистского толка, пан-исламизм.

Цель: распространение джихада на всей территории Средней Азии.

Связи: «Аль-Каида».

- **«Джундаль Халифат»** («Солдаты Халифата») – террористическая джихадистская группировка, запрещенная решением Первомайского районного суда г. Бишкека от 24 октября 2012 г. Была создана в целях развязывания джихада на территории Республики Казахстан летом 2011 г. гражданами Казахстана.

Идеология: салафизм джихадистского толка.

Цель: создана в целях развязывания джихада и сформировалась под воздействием джихадистских идей, в том числе известного экстремистского проповедника Саида Бурятского.

Связи: в настоящее время группировка базируется на племенных территориях Пакистана, имеет свои ячейки на Северном Кавказе.

- **«Ансарул Аллах»** («Ансаруллох») («Помощники Аллаха») – террористическая и экстремистская организация, запрещенная на территории Кыргызской Республики решением Первомайского районного суда г. Бишкека от 24 октября 2012 г. Была создана в 2006 г. на территории

пакистанской провинции Вазиристан путем отделения группы таджиков от Исламского движения Узбекистана. Группировка берет истоки в таджикской гражданской войне 1992–1997 гг., по итогам которой отдельные повстанцы так и не смогли согласиться с условиями мирного договора, перебравшись в Северный Вазиристан (Пакистан), а позднее – в Афганистан под командованием Амриддина Табарова.

Идеология: салафизм джихадистского толка.

Цель: возвращение мусульман Таджикистана к исламскому образу жизни и образование единого халифата. Так же, как и ИДУ, пропагандирует идею террора через Интернет посредством создания или использования сайтов экстремистской направленности.

Связи: организация является крылом Исламского движения Узбекистана (ныне Туркестана) и финансируется «Аль-Каидой». Имеет поддержку со стороны Исламского движения Восточного Туркестана и движения «Талибан».

- **«Джабхат ан-Нусра»** («Фронт ан-Нусра») – террористическая и экстремистская организация, запрещенная в Кыргызской Республике решением суда г. Ош от 13 мая 2015 г. Публичное объявление о создании исламистской террористической группировки «Джабхат ан-Нусра» произошло 10 января 2012 г. через распространенное видеообращение о «приходе законов Аллаха на свою землю» и о том, что «день суда для мусульман находится теперь в Дамаске». Затем на протяжении нескольких месяцев следовали отредактированные публикации видеоматериалов об атаках смертников, взрывах заминированных автомобилей, боевых действий против правительственных войск в Идлибе, Дейр аз-Зур, Алеппо и Дамаске.

Идеология: салафизм джихадистского толка, пан-исламизм.

Цель: усиление роли ислама в сирийском конфликте с последующим построением исламского государства «Халифат аль-Шам».

Связи: союзниками группировки являются Саудовская Аравия, «Тахрир аш-Шам», «Джейш-аль-Мухаджирин валь-Ансар», «Лива ат-Таухид», «Исламский Фронт», «Фатхаль Ислам» и «Аль-Каида». 9 апреля 2013 г. лидер «Аль-Каиды» в Ираке Абу Бакр аль-Багдади объявил в 21-минутном аудиообращении, распространенном через Интернет, о присоединении к «Аль-Каиде» сирийской исламистской террористической группировки «Джабхат ан-Нусра» с целью ведения «священной войны» (джихада) для создания «Исламского государства Ирака и аль-Шама».

- **«Акромия»** – экстремистская организация, запрещенная решением Первомайского районного суда г. Бишкека от 14 марта 2014 г. Является организацией сектантского типа, возникшей в 1994 г. в Андижане, и получила свое название по имени лидера религиозной группы Юлдашева Акрама Сотволдиевича.

Идеология: салафизм джихадистского толка.

Цель: создание насильственным путем теократического государства на территории Узбекистана.

Связи: Исламское движение Туркестана.

- **«Жаннат Ошиклари»** («Поклонники рая») – террористическая и экстремистская организация, запрещенная решением суда г. Ош от 13 мая 2015 г. Была организована гражданином КР, уроженцем села Кашкаркыштак Кара-Суйского района Ошской области Мухтаровым Сирожиддином (Абу Салох) 1991 года рождения.

Идеология: салафизм такфиристско-джихадистского толка.

Цель: построение халифата на территории Сирии и Ирака; вербовка и переправка граждан Кыргызстана в сирийско-иракскую зону для участия в составе террористических объединений, ведущих военные действия на территории Сирии и Ирака с дальнейшей целью осуществления незаконных действий на территории Кыргызской Республики.

Связи: группировка являлась структурным подразделением организации «Фронт ан-Нусра» в 2014 г. Позже, осенью 2015 г., появилась информация о том, что группировка принесла присягу верности террористическому движению «Аль-Каида».

- «Джаамат ат-Таухид валь-Джихад» («Армия единобожия и джихада») – террористическая и экстремистская организация, запрещенная на территории Кыргызской Республики решением суда г. Ош от 16 марта 2016 г. В ее рядах состоят не только сирийцы, но и выходцы из Кыргызской Республики, активно занимающиеся вербовочной деятельностью.*

Идеология: салафизм такфиристско-джихадистского толка.

Цель: создание халифата, свержения иорданского режима и установление исламского государства.

Связи: «Ансар аль-Ислам», «Аль-Каида». Для захвата Джиср аль-Шугура исламисты создали коалицию «Битва победы», в которую помимо «Ан-Нусры» вошли также «Ахрар аш Шам» и «Джейш аль-Ислам», а также три узбекские группировки: «Таухид валь-Джихад», «Джамаат Имама Бухари» и Исламская партия Туркестана.

• *Исламская партия Туркестана (Исламское движение Узбекистана, ИДУ, Партия исламского возрождения)¹ – террористическая организация. Запрещена решением Первомайского районного суда г. Бишкека от 15 сентября 2006 г.*

Идеология: салафизм джихадистского толка.

Цель: создание исламского государства на территории Ферганской долины.

Связи: «Аль-Каида», «Талибан», «Хизб ут-Тахрир», «Ихван аль-Муслимун» и др.

Таким образом, от теологического истолкования понятий «такфир» и «джихад» зависят сегодня жизни тысяч и тысяч мусульман Кыргызстана, рассматриваемых в качестве расходного материала в достижении главной цели радикальных салафитов – подрыв устоев светского государства, его политической системы, захват власти и создание исламского государства на основе законов шариата.

Третьим течением салафизма исследователи называют **пропагандистский салафизм**, направленный на распространение идей и основ салафизма. Несмотря на то, что в центре его идеологии борьба с кафирами, в ней не абсолютизируется тема военного джихада (газавата), потому как цель ее – не физическая расправа над неверными, а обеспечение салафизму мирового идеологического господства. В связи с этим пропагандистский салафизм использует два основных метода: распространение учения, основанного на хадисах, возврате к традициям праведных салафов, распространении искаженных идейных понятий

¹ Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана и пути ее нейтрализации... – С. 145–148.

о единобожии и многобожии, вере и неверии, а также внушение сомнений, к примеру, в важный для суннитов тарикат – метод духовного возвышения и мистического познания на пути к познанию Аллаха¹.

Подобный подход дал госорганам Кыргызской Республики прийти к выводу об умеренном характере данного течения и отсутствии необходимости со стороны государства противостоять ему², несмотря на то, что его идеология не соответствует принципам официально признанного в стране ханафитского мазхаба. Более того, салафизм категорически отрицает правомерность его существования.

Рассуждая, между тем, об опасности и неопасности того или иного течения салафизма на духовный организм исламской уммы Кыргызстана, ученый-теолог, руководитель аппарата Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК) Кайрат Жолдыбай отметил, что «умеренные салафиты» безопасны только сегодня. Но в любой момент они могут перерасти в радикальных³. Это очевидно, исходя из анализа стратегии действий «мирных» салафитов: первая фаза – это захват культурно-образовательной сферы, вторая – захват сферы духовного управления, третья – вхождение во власть, четвертая – захват власти. Поэтому, с этой точки зрения, раздел салафитов на «мирных» и «немирных» носит весьма условный и временный характер.

¹ Современные виды салафизма // URL: <http://parstoday.com/ru/radio/programs-i68928>

² Салафиты в Кыргызстане // URL: <https://rus.azattyk.org/a/28269721.html>

³ Камила Туратова: «Мой сын стал салафитом. А я не знаю, что это такое» // URL: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/24851-kamila-turatova-moy-syn-stal-salafitom-a-ya-ne-znayu-chto-eto-takoe.html>

Учитывать также необходимо и то обстоятельство, что, будучи экспортируемым, умеренный салафизм зачастую мутирует, приобретая агрессивные формы и порождая террористические группы. Происходит радикализация, как правило, по одному из двух сценариев:

- обострение социально-экономических проблем – поиск идеологического выражения этих проблем – салафизация – радикализация в форме салафизма;
- пропаганда салафизма – радикализация в форме салафизма.

В качестве исторического примера можно привести отрывок из монографии И. Я. Новицкого «Управление этнополитикой Северного Кавказа»: «Острые своей пропаганды салафиты направили на критику “безбожной” местной власти, в чем с ними были согласны и продолжают соглашаться многие местные жители. Массовые произвол, коррупция и клановость при формировании властных структур, закрытость власти и “ее нечувствительность к нуждам населения стали причинами пополнения рядов радикалов”. Последние предлагали альтернативу: всемирный халифат – государство правоверных с истинным “исламским порядком”, основанным на шариате, апеллируя не к клановости и национальности, а к ценностям равенства и братства, к социальной справедливости»¹.

Однако стоит подчеркнуть, что религиозный экстремизм не обязательно сопряжен с ухудшением социально-экономического положения верующих и сочувствующих им. Нередко религиозный фанатизм подпитывается исключительно верой его носителя в справедливость

¹ Новицкий И. Я. Управление этнополитикой Северного Кавказа. – Краснодар, 2011 // URL: http://samlib.ru/n/nowickij_i_j/managmentcaucasnovitskiy.shtml

защищаемой идеи. Абсолютная вера дает своему носителю мощный импульс к действиям: ее реализация воспринимается фанатиком как миссия, при выполнении которой оправданы любые средства. Идеи как таковые привлекают в стан экстремистов представителей самых разных социальных слоев. Некоторые из фанатичных приверженцев экстремизма видят свою задачу не только в прямом, но и в косвенном участии в борьбе за торжество идеологии, осуществляя финансовую, правовую, организационную поддержку действий экстремистов¹.

Заражение «идейным вирусом» салафизма всего постсоветского пространства, по мнению директора консультативно-реабилитационного центра «Ансар» в Актобе А. Сабдина, осуществляется также благодаря множеству приемов психологического воздействия, применяемых идеологами такфиристско-джихадистского салафизма. Это и «монополизация истины», дающая своим адептам чувство исключительности; «синдром богослова» – наделение дилетантов-неофитов (новобранцев) полномочиями ученых; придание учению конфликтности, привлекательной для молодежи, ищущей идеал и готовой отдать за него жизнь. Кроме того, это своего рода субкультура со своей корпоративной лексикой, внешним видом и поведением, дающая возможность ищущей себя молодежи под громкие лозунги «очищения ислама» и возврата к «чистому исламу» времен праведных предков самоидентифицироваться и репрезентовать².

¹ Завальнев Е. В. Идеология религиозного экстремизма как угроза безопасности личности... – С. 72.

² Мамасадьков Р. А. Радикальная религиозная идеология в исламе и ее влияние на деятельность террористических и экстремистских организаций... – С. 60.

Идеология ваххабизма

В тесной связи с салафизмом принято рассматривать ваххабизм – целиком опирающееся на доктрину ханбализма фундаменталистское движение, сформировавшееся в Аравии в середине XVIII в. на основе учения Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба – преемника и продолжателя дела основателей салафизма Ибн Таймийа и его ближайшего ученика Ибн Каййима.

Одни и те же истоки, а также то важное место, которое занимают в двух учениях идеи безоговорочного возврата к священным источникам ислама – Корану, к единобожию (таухид), необходимости очищения ислама и возрождения его изначальных устоев, дают возможность многим исследователям даже отождествлять понятия «салафизм» и «ваххабизм». К числу приверженцев этой теории относится Б. Накос, считающий эти термины взаимозаменяемыми, поскольку их приверженцам свойственны общие убеждения и идеи¹. Аналогичного мнения придерживается доктор Али Джума².

Есть исследователи, которые не отождествляют понятия «салафизм» и «ваххабизм», считая, что ваххабизм – это лишь одно из направлений внутри салафизма.

Аль-Алуси в «Тарих Неджд» и Мухаммад Хамид аль-Факи в «Асар ад-да`уа аль-ваххабия» указывают на то, что термин «ваххабия» распространился благодаря тем, кто противостоял и воевал против призыва ибн Абд аль-Ваххаба³.

¹ Brigitte L. Nacos. Terrorism and Counterterrorism. – Routledge, 2016. – С. 101.

² Али Джума. Аль-Муташаддидун. Дар аль-мукаддат. – Каир, 2011. – С. 7.

³ Абд аль-Азиз аль-Хадыр. Ас-Суудия сира дауля уа муджтама. – Бейрут. 2011. – С. 58.

Мухаммад аль-Мукаддам считает, что термины «ваххабизм» и «салафизм» близки по смыслу, однако используются в разных контекстах: если ваххабизм изначально был использован как политический термин против призыва Ибн Абд аль-Ваххаба его оппонентами, то салафизм используется как идеологическое определение содержания призыва со стороны самих проповедников неджитской школы¹.

При этом сами ваххабиты стремятся не называть ваххабизмом учение ибн Абд аль-Ваххаба, ссылаясь на то, что аль-Ваххаб – это одно из прекрасных имен Аллаха. Поэтому они именуют себя либо мусульманами (муслимун), единобожниками (муваххидун), либо используют общие суннитские термины «ахль ас-Сунна валь-Джама`а», «ахль аль-Хадис», либо называют себя салафитами – последователями праведных предков.

Чтобы определиться с понятийным аппаратом термина «ваххабизм», рассмотрим генезис этого явления и его эволюцию. По мнению востоковеда А. Васильева, ключ к пониманию данной идеологии следует искать в истории аравийского общества, в котором зародилось движение мусульманских реформаторов-ваххабитов². Арабский историк уточняет: «В те времена (когда появился ваххабизм) большая часть людей погрязла в скверне. Они стали предаваться поклонению святым и праведникам и забросили единобожие и религию»³. Одновременно ваххабизм служил идеологическим знаменем национально-освободительной борьбы против Османской империи, в состав которой

¹ Мухаммад ибн Исмаил аль-Мукаддам. Хауатыр хауляль-ваххабия. – Александрия, 2008. – С. 37–39.

² Васильев А. История Саудовской Аравии (1745 – конец XX в.). – Изд. 2-е, расшир. и доп. – М., 1999. – С. 25.

³ Там же. – С. 76.

номинально входила Аравия. А потому закономерным является то обстоятельство, что ваххабизм на ранних этапах своего формирования отличался крайним фанатизмом в вопросах догматики и экстремизмом в практике борьбы с политическими противниками.

По мнению исламоведа Г. В. Милославского, источниками классического (аравийского) ваххабизма признаны: Коран (буквальное его содержание и отрицание существования скрытого смысла – батин); шесть канонических суннитских сборников хадисов – ал-Бухари, Муслима, Ибн Маджа, Абу Дауда, ат-Тирмизи и ан-Насаи; два тафсира – Ибн Касира и ал-Бадави. Наиболее авторитетными считаются труды Ахмада бен Ханбала, Таки ад-дина Ибн Таймийа и его ученика Ибн Каййима, Мухаммада бен Абд ал-Ваххаба и его сына Абдаллаха¹.

Основополагающими принципами ваххабизма времен его создателя аль-Ваххаба являлись:

- **таухид** – центральный принцип ваххабитской доктрины, суть которой состоит в строгом монотеизме, в соответствии с которым поклоняться следует только Аллаху, но не пророку Мухаммеду, а тем более какому-либо другому религиозному авторитету;
- порицание **бид'а** – любых нововведений, выходящих за рамки Корана и Сунны, являющихся высшей ступенью знания;
- определенная терпимость в отношении «людей Писания» (христиан и иудеев) и ужесточение требований к мусульманам;
- **джихад** трактуется, в первую очередь, как вооруженная борьба, вменяемая каждому физически и умственно

¹ Милославский Г. В. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран (к эволюции возрожденческого течения в исламе) // Ислам и политика. – М.: Крафт, 2001. – С. 74.

дееспособному мусульманину; объектом джихада объявляются кафиры, т. е. все несогласные с ваххабизмом;

- социальная доктрина ваххабизма обладает ярко выраженным стремлением к установлению социального равенства и размыванию социальной иерархии, утверждая принцип «братства» мусульман и их равенства перед Аллахом¹;

- признание всех четырех канонических мазхабов, а себя – приверженцами ханбалитского мазхаба. Поэтому по поводу названия «ваххабизм» сам ибн аль-Ваххаб писал, что «это прозвище придумали многочисленные противники призыва, пытаясь ввести этим в заблуждение людей. Они говорили, что ваххабизм – это пятый мазхаб, отвергающий все другие мазхабы, чтобы это отвращало мусульман от призыва шейха»².

В современной политической науке ваххабитов принято условно делить на **ваххабитов-«мадхалитов»** – традиционалистов, включающих в себя так называемых **пурристов**, проповедующих истинный в их понимании ислам, но избегающих участия в политике и отвергающих насилие в деле его распространения, и сторонников **политического салафизма**, сочетающих свои убеждения, в том числе и возможность применения насилия в вере, с лояльностью к правящему в Саудовской Аравии и других мусульманских странах режимам. Поэтому эти две разновидности можно также назвать «лоялистами»³.

¹ Добаев И. П. Радикальный ваххабизм как идеология религиозно-политического экстремизма // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2003. – № 2. – С. 3–4.

² Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими. Книга единобожия. – Баку, 1997. – С. 16–17.

³ Редкозубов А. Д. Салафизм и его влияние на современный ислам. Особенности противодействия влиянию салафитов в воинских коллективах // URL: <https://mroc.pravobraz.ru/calafizm-i-ego-vliyanie>

Несмотря на то, что современный «салафитско-ваххабитский» ислам как официальная идеология на Ближнем Востоке далек от многих «крайностей» ваххабизма времен своего первого идеолога, оказываясь в других культурных условиях, он активно радикализуется, пополняя ряды самой активной группы ваххабитов – **новых ваххабитов**, или «ваххабистов», ставящих своей главной целью борьбу против куфра, т. е. безбожия во всех его проявлениях, пропагандирующих крайние формы борьбы, в том числе террористические¹. В их руках базовая доктрина ваххабизма, разработанная аль-Ваххабом и его сподвижниками, была дополнена новыми идеями в сторону усиления радикализма.

Как полагает А. А. Игнатенко, радикальный ваххабизм, представляя еретическое течение в исламе, являет собой результат селекции и адаптации положений Корана и Сунны к ваххабитским представлениям и идеям². Сказанное особенно характерно для двух системообразующих положений ваххабитской доктрины – обвинения в неверии (такфир) и «священной войны» за веру (джихад). Так, к категории «врагов ислама» ваххабиты относят:

- иудеев и христиан (людей Писания, ахль аль-китаб), которых, согласно мысли салафитского богослова Абдуррахмана бин Хаммада аль-Умара, «раздражает совершенство, благородство и широта распространения Ислама», «они клеветуют на Ислам и последнего пророка Мухаммеда»³. Вместе с тем ни в одной из ваххабитских

na-sovremennyj-islam-osobennosti-protivodejstviya-vliyaniyu-salafitov-v-voinskix-kollektivax/

¹ Там же.

² Игнатенко А. А. Обыкновенный ваххабизм. Ч. 1. Еретическое течение в Исламе // URL: <http://old.russ.ru/politics/20010914-ign.html>

³ Абдуррахман Бин Хаммад Аль-Умар. Религия истины Ислама. – М., 1997. – С. 53–54.

книг, изданных на русском языке, где речь идет о «неверии» иудеев и христиан, не приведен коранический аят: «Поистине, те, которые уверовали, и те, кто обратился в иудейство, и христиане и сабии, которые уверовали в Бога и в Последний день и творили благое, – им их награда у Господа их, нет над ними страха, и не будут они печальны»¹;

- мусульман-вероотступников (муртадд), совершивших «самомалейшее отступление», к которым, с точки зрения ваххабизма, относят возвеличивание праведников, поклонение Аллаху у могилы праведного человека (вали), поклонение идолам, гадание по звездам (астрология), ношение амулетов и пр.². Бид'а современные последователи ваххабитских идей называют такие «еретические нововведения», как устройство праздников по случаю дня рождения, проведение годовщин и юбилеев, возведение памятников, возведение строений на могилах;

- «лицемеров» (мунафикун) – тех мусульман, которые «выказывают приверженность исламу и скрывают неверие»;

- последователей всех без исключения идеологических течений (кроме ваххабизма) – как религиозных, так и атеистических, к которым относят коммунистические, светские, демократические, капиталистические и прочие течения³;

- всех отвергающих шариат в качестве единственного возможного источника права⁴.

Соответственно, «истинными мусульманами» в новом ваххабизме принято считать лишь тех, кто абсолютно подчинен ваххабитскому джамаату и готов проявить

¹ Коран, 2:62.

² См.: Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими. Книга единобожия. – Баку, 1997.

³ Аль-Фаузан Ф. Книга единобожия. – Махачкала, 1997. – С. 64.

⁴ Там же. – С. 58.

активную вражду (вплоть до убийства) по отношению ко всем, кто к нему не принадлежит.

Главными объектами такфира в радикальном ваххабизме становятся представители второй–третьей категорий, а их главным преступлением, как подчеркивает саудовский исламский богослов Салих ибн Фаузан ибн Абдуллах аль-Фаузан, является: дружба с остальными категориями «неверных», которая проявляется в уподоблении в одежде, словах и пр.; проживание в странах «неверных» и отказ от переезда в одну из стран ислама ради сохранения религии; совершение поездок в страны «неверных» для развлечений и наслаждений; обращение к ним за помощью, оказание им доверия, избрание их на государственные посты; использование их летоисчисления; участие в проведении их праздников и поздравление их в связи с этим; восхваление их за достижения культуры и цивилизации; использование их имен; испрашивание для них прощения и обращение к Аллаху с молитвами о ниспослании им милости¹.

Джихад – вооруженная борьба – в новом ваххабизме объявляется единственно верным средством борьбы с «неверными» и средством установления монополии данного учения.

Таким образом, наиболее прочная связь между радикальными салафитами и ваххабитами наблюдается в общности их доктрин – враждебности к христианам, евреям, шиитам и к любым формам суфизма, культу святых и анимистическим инновациям.

Если же говорить об идеологических отличиях радикального ваххабизма и такфиристско-джихадистского салафизма, то стоит отметить:

¹ Цит. по: Добаев И. П. Радикальный ваххабизм как идеология религиозно-политического экстремизма... – С. 8.

- сохранение лояльности ваххабитов королевской династии Аль-Сауда и стремление салафитов к созданию сугубо исламского государства без присущей королевству светской власти;
- военно-политический характер ваххабитского движения¹ и приверженность ваххабитов к более радикальным способам в достижении своих политических целей²;
- непризнание салафизмом мазхабов, в отличие от ваххабизма, причисленного к одной из четырех суннитских религиозно-правовых школ – ханбалитской.

В целом, ваххабизм как религиозно-политическая идеология представляет собой одно из более поздних течений салафизма или продолжение салафитского течения.

Ваххабизм является сегодня главным источником исламского экстремизма в современном мире, став с конца 80-х гг. XX столетия одним из дестабилизирующих факторов в Центрально-Азиатском регионе. Деятельность ряда экстремистских и радикальных организаций ваххабитского толка на территории Кыргызстана запрещена, однако это не мешает их идеологии распространяться в стране подпольно. В их числе:

• **«Исламское государство»** («Исламское государство Ирака и Леванта», ИГИЛ, ИГ)³ – террористическая и экстремистская организация, запрещенная на территории Кыргызской Республики решением Октябрьского районного суда г. Бишкека от 13 февраля 2015 г.

Идеология: ваххабизм.

¹ Радикальный исламизм. Ваххабизм и салафизм // URL: http://svp-wiki.ru/wiki/Wahhabism_salafia

² Гарабей М. Чем ваххабиты отличаются от салафитов // URL: <https://www.dw.com/ru/чем-ваххабиты-отличаются-от-салафитов/a-17358252>

³ Проблемы политизации и радикализации ислама... – С. 159–162.

Цель: создание «великого халифата», куда должны войти страны, когда-либо находившиеся под властью арабских завоевателей и Османской империи. Целью организации является ликвидация границы, установленных в результате раздела Османского халифата, и создание ортодоксального суннитского исламского государства как минимум на территории Ирака и Шама (Леванта) – Сирии, Ливана, Израиля, Палестины, Иордании, Турции, Кипра, Египта (минимум Синайский полуостров), как максимум – во всём исламском мире. Среди прочих целей группировки также объявлялись уничтожение группировки ХАМАС, уничтожение государства Израиль и дестабилизация в Центральной Азии.

Связи: «Ансар ат-Тавхид», «Аль-Гураба», «Исламский джихад», «Асаиб аль-Ахваль», «Джамаа аль-Мурабитин», «Ансар ат-Тавхид ва-с-Сунна», «Фурсан ат-Таухид», «Джунд Миллят аль-Ибрахим».

- **«Катибат аль-Имам Бухари»¹** – террористическая и экстремистская организация, запрещенная решением суда г. Ош от 13 мая 2015 г.

Идеология: ваххабизм.

Цель: усиление роли ислама в сирийском конфликте с последующим построением исламского государства «Халифата аль-Шам».

Связи: ИГ, «Аль-Каида», «Джабхат аль-Нусра», «Кавказский эмират».

- **«Аль-Каида»²** (от араб. – основа, фундамент, принцип) – одна из самых крупных международных террористических организаций ультрарадикального

¹ Проблемы политизации и радикализации ислама... – С. 159–162.

² Там же. . – С. 148–149.

ваххабитского направления, запрещенная решением Первомайского районного суда г. Бишкека от 15 сентября 2006 г.

Идеология: ваххабизм.

Цель: свержение светского режима в исламских странах, создание «Великого исламского халифата».

Связи: «Лашкаре-Тайба», «Лашкар-э-Джангви», «Кавказский эмират».

С радикальным ваххабизмом, по мнению ряда экспертов, связана идеология религиозного движения **«Таблиги джамаат»**, ориентирующего свою деятельность на все слои этнических мусульман и видящего конечной целью своей деятельности возрождение «всемирного халифата» и ликвидацию национальных государств¹. Неслучайно финансирование таблиговских мечетей, как правило, осуществляется на средства из Саудовской Аравии.

Кыргызстан является единственным государством в Центральной Азии, которое не запретило это течение в силу бытующего в государственных структурах страны мнения о том, что «Таблиги джаамаат» является альтернативой радикальным течениям. Хотя некоторые эксперты утверждают, что слабой стороной даваатчи является отсутствие перспектив более глубокого познания религии, что заставляет верующих искать ответы в других течениях, в том числе и в среде радикальных групп. «Если большинство новых верующих приходят в ислам именно через «Таблиги джамаат», то вопрос, остаются ли все до конца верными ему, еще не закрыт»,² – подчеркивает исследователь

¹ Абдырахманов Т. А. Проблемы религиозного образования в Кыргызстане // Молодой ученый. – 2017. – № 4.1. – С. 110–111 // URL: <https://moluch.ru/archive/138/39467/>

² Эсенаманова Н. Исламские ориентиры Кыргызстана: роль зару-

Н. Эсенаманова. К слову, около 80% исламских экстремистов являются выходцами из данной организации¹.

В силу отстраненности «Таблиги джамаат» от участия в политике и культивирования данным течением образа организации, занятой исключительно вопросами мирного распространения ислама, в исследовательском сообществе до сих пор отсутствует единый взгляд на его суть. Так, если эксперт по исламу, бывший сотрудник ЦРУ Грэм Э. Фуллер называет «Таблиги джамаат» «мирным аполитичным движением»², исследователь данного движения Марк Габорио считает целью его деятельности «завоевание мира в духе джихада». По его мнению, «Таблиги джамаат» считает нелегитимными отдельные государства и стремится к воссозданию исламского халифата³.

Чтобы определиться в трактовках, исследователь Е. Н. Егоров предложил провести ретроспективно-составительный анализ условий возникновения организаций «Таблиги джамаат» и «Джамаат-и-Ислами». Обе зародились в середине 20-х гг. XX столетия как попытка предотвратить возвращение мусульман Индии в индуистскую веру. Оба движения начинали с похожих идеологических установок, а разногласия произошли на почве выяснения того, что должно быть первоочередной задачей – захват власти для установления исламского порядка (позиция «Джамаат-и-Ислами») или постепенное преобразование

бежных религиозных течений // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – Т. 18. – Вып. 3–4. – С. 226.

¹ Кутманов К. «Таблиги Джамаат» и ее деятельность в Кыргызстане: муфтий будет содержать экстремистов, искажая принципы ислама? ...

² Грэм Э. Фуллер. Будущее политического ислама // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2002-03-01/future-political-islam>

³ Габорио М. Мусульманские диаспоры и транснациональные движения Южной Азии: Tablighi Jama'at и Jama'at-I Islam // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02582470902804266>

взглядов мусульман таким образом, что в долгосрочной перспективе люди сами осознают необходимость создания исламского государства (позиция «Таблиги джамаат»)¹.

Очевидно, что деятельность организации «Таблиги джамаат» носит аполитичный характер лишь в том смысле, что перед ее последователями не ставятся политические задачи в краткосрочной перспективе, например, установление государства с исламской формой правления здесь и сейчас. По мнению российских исламских богословов, «поверхностное представление об аполитичности “Таблиги джамаат” имеет простую разгадку. Идеологи и последователи течения считают институт современного государства не соответствующим исламским представлениям о политическом образовании, в котором должны жить мусульмане. Вместо этого речь идет о всемирной умме – сообществе мусульман вне границ существующих государств»².

О приверженности «Таблиги джамаат» радикальным взглядам говорят многочисленные факты, свидетельствующие о его связях с экстремистскими и радикальными организациями. Так, судя по документам WikiLeaks, раскрывающим материалы допросов террористов, содержащихся в «Гуантанвмо», боевики «Аль-Каиды» активно использовали штаб-квартиру «Таблиги джамаат» в городе Нью-Дели в качестве прикрытия своей деятельности и облегчения получения документов для дальнейшей своей легализации³.

¹ Егоров Е. Н. Движение «Таблиги джамаат»: идеология и специфика деятельности // Исламоведение. – 2016. – Т. 7. – № 3. – С. 8.

² Идеология и политика движения «Таблиги джамаат» // URL: <https://islam-today.ru/obsestvo/raznoe/tabligi-dzamaat-i-politika/>

³ «Tablighi Jamaat Qaeda Delhi cover» // URL: <http://archive.indianexpress.com/news/-tablighi-jamaat-qaeda-delhi-cover-/787813/1>

Вопреки этому на сегодняшний день «Таблиги джамаат» является самой активной религиозной общиной в Кыргызстане. Ее высокая популярность объясняется, согласно данным социологического исследования «Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике», проведенного при технической поддержке представительства ПРООН в Кыргызстане, прежде всего, нерегламентированным членством в этой общине, где любой желающий может при соблюдении некоторых несложных правил присоединиться к даваату (призыву к религии) и которая постоянно расширяет количество последователей. Кроме того, даваат является первым этапом религиозности, после прохождения которого верующие выходят на даваат на постоянной основе¹.

Кстати сказать, тактика проповеди, состоящая, по замыслу Мохаммада Ильяса Кандахляви, основателя «Таблиги джамаат», в осуществлении даваата всеми желающими, не имеющими для этого специального духовного образования, также является одной из привлекательных сторон организации: народ больше склонен доверять простым людям, нежели священнослужителям.

«Таблиги джамаат» пользуется довольно высокой популярностью среди молодежи, которая имеет среднее образование, занята в фермерском хозяйстве или безработная, то есть среди имеющих больше свободного времени и свободный график работы жителей сельской местности, у которых есть возможность свободно распоряжаться своим временем и выходить на даваат. Возможно, популярность «Таблиги джамаат» еще связана с тем, что молодые

¹ Элебаева А. Б., Эсенаманова Н. С., Чотаев З. Д. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике... – С. 115.

люди, руководствуясь сакральными целями, хотели бы вырваться из своих мест проживания и увидеть другие регионы Кыргызстана, при том что в обычной жизни это невозможно сделать без повода¹.

Пропагандистский характер отличает отделившуюся от «Таблиги джамаат» запрещенную на территории Кыргызстана экстремистскую организацию «**Якын-Инкар**»², близкую, по оценкам экспертов, по своему духу ваххабитам Саудовской Аравии, то есть тем, кто ориентируется на образ жизни и веру ранней мусульманской общины и выступает против любых нововведений в жизни мусульман³. Аналогичной тактики – пропаганды идеологии исламизма – придерживается запрещенное в Кыргызстане экстремистское исламское политическое движение «**Хизб ут-Тахрир**»⁴.

• *«Якын-Инкар» (отрицание всего, кроме Бога) – экстремистское течение, запрещенное на территории Кыргызской Республики решением суда г. Бишкека от 15 сентября 2017 г. Сторонники данного религиозного течения не признают никаких государственных институтов, а также призывают мусульман жить как во времена пророка Мухаммеда, отказавшись от современных благ цивилизации – телефонов, телевизоров, а также денег. Его членами преимущественно становятся молодые*

¹ Элебаева А. Б., Эсенаманова Н. С., Чотаев З. Д. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию... – С. 116.

² Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана... – С. 175.

³ Свобода религиозных и иных убеждений в Кыргызской Республике: практика правового регулирования... – С. 186.

⁴ Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана... – С. 168–173.

- люди со слабым уровнем религиозной грамотности из районов с низким уровнем жизни. Для безработной и безграмотной молодежи «Якын-Инкар» зачастую является единственным средством самореализации.

Идеология: ваххабизм, фанатизм.

Цель: построение шариатского устройства посредством даавата (проповеди ислама, прозелитизма).

Связи: «Таблиги джамаат».

- **«Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»** («Исламская партия освобождения») – религиозно-политическая, экстремистская организация, запрещенная решением Верховного Суда Кыргызской Республики от 20 августа 2003 г.

Идеология: ваххабизм.

Цель: восстановление путем пропаганды справедливого исламского образа жизни и исламского государства (халифата) и воплощения в нем исламской системы. Борьба за реализацию поставленной цели включает, согласно программе партии, три стадии, на первой из которых формируется партийное ядро – «готовятся люди, которые верят в цели, задачи и методы партии»; на второй происходит активное «взаимодействие с умой»; третья стадия начинается после установления исламского государства и включает, среди прочего, «миссию донесения ислама до остального мира».

Связи: поддерживает связь с «Аль-Каидой», в которой много выходцев из Марокко, с алжирской ВИГ и чеченскими сепаратистами. Имеет группы поддержки в Англии, Германии, Франции, скандинавских странах. Призывает местных мусульман принимать участие в рядах исламистских вооруженных движений, действующих в Афганистане, Ираке, Палестине, Югославии и России¹.

¹ «Хизб ут-Тахрир» подрывает безопасность в Кыргызстане...

Тот факт, что ваххабизм сегодня не представляет собой какого-либо монолита и не является исключительно радикальным явлением в исламе, на парктике подтверждается социально-политическими реалиями таких современных «ваххабитских» государств, как Королевство Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, где суннитский ислам, окрашенный в ваххабитские тона, выступает в качестве традиционного.

Саудовская Аравия является также основным экспортером ваххабизма за пределами королевства, в том числе в Кыргызстан, намереваясь утвердить себя в качестве единственного лидера в мусульманском мире. Стоит признать, что за последние 20 лет пропагандистская машина Саудитов демонстрирует здесь огромные успехи, во-первых, благодаря мощному финансовому капиталу, вкладываемому в строительство в Кыргызстане мечетей, религиозных школ, больниц, ФАПов, приютов, подготовку имамов в зарубежных ваххабитских учебных заведениях, но и, по мнению таджикского эксперта П. Муллоджанова, изменению самой стратегии ведения религиозной пропаганды, которая стала более гибкой, тонкой и многосторонней. Причем дело не только в более широком применении Интернета и современных технологий, но также в более глубоком знании местных реалий и специфики. Особенность в том, что ваххабитские пропагандисты сегодня не выступают открыто против ханафитского мазхаба, которого исторически придерживаются практически все среднеазиатские мусульмане. Основная ставка делается на привнесение ваххабитских воззрений и идеологии внутрь ханафитского духовенства и постепенную радикализацию религиозного общества изнутри.

Кроме того, отрицая в теории любое сотрудничество с властями, госорганами и чиновниками, умеренные

ваххабиты на практике делают упор на создание лобби в структурах власти, осуществляя манипулирование финансовой выгодой, страхом чиновников перед исламизацией общества, проталкивая необходимые указы и решения в отношении конкурирующих с ваххабитскими исламских организаций и обществ¹.

Идеология панисламизма

При изучении идеологических концепций современных мусульманских радикальных и экстремистских течений исламского толка важно выделить тесную связь их политики и практики с идеей панисламизма, проявившейся в XIX в. как ответная реакция народов Востока против империалистической политики экспансии мировых держав последней трети XIX в., но с тех пор существенно трансформировавшейся и используемой сегодня радикальными экстремистами в своих политических целях.

Панисламизм – термин, появившийся в Европе во второй половине XIX в., скорее всего по аналогии с такими терминами, как «панславизм», «пангерманизм» и пр., и применяемый исследователями для характеристики религиозно-политической доктрины, в основе которой лежит идея наднационального объединения всех мусульман и создания всемирного исламского союза. Исследователь З. И. Левин, указывая на то, что в исламоведении до сих пор нет общепринятых определений многих терминов, предложил трактовать панисламизм как «политический аспект исламизма, предусматривающий в его крайней форме образование интегрированной общины-государства,

¹ Постсоветская Средняя Азия и мусульманский мир: салафизация как инструмент геополитики // URL: <https://www.news.tj/ru/news/centralasia/20170424/postsovetskaya-srednyaya-aziya-i-musulmanskii-mir-salafizatsiya-kak-instrument-geopolitiki>

включающей всех мусульман; чаще – различные формы реализации единства исповедующих ислам народов»¹. Таким образом, в своем политическом измерении современный панисламизм выступает в роли своего рода религиозного национализма, противостоя, тем самым, национализму этническому.

Возникновение данного течения в XIX столетии исследователи связывают с именем Джамаль ад-Дина аль-Афгани, который, опираясь на коранические аяты и хадисы о братстве и единстве всех мусульман, создал доктрину, принявшую форму движения, направленного на консолидацию мировой мусульманской общины для образования в конечном счете панисламского государства политическим или военным путем². В качестве религиозной концепции идея единства и братства всех мусульман заложена в следующих сурах Корана: «Держитесь за вервь Аллаха все, и не разделяйтесь, и помните милость Аллаха вам, когда вы были врагами, а Он сблизил ваши сердца, и вы стали по Его милости братьями! Вы были на краю пропасти огня, и Он спас вас оттуда. Так разъясняет вам Аллах Свои значения, – может быть, вы пойдете прямым путем!»³; «Верующие ведь братья. Примиряйте же обоих ваших братьев и бойтесь Аллаха, – может быть, вы будете помилованы»⁴.

Мусульманские страны Востока аль-Афгани сравнивал с терпящим крушение кораблем, пассажиры которого –

¹ Левин З. И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока (идейный аспект). – М., 1988. – С. 47.

² Сикоев Р. Р. Панисламизм: истоки и современность. Джамалуддин Афгани и его религиозно-политические последователи XX – начала XXI века. – М., 2010. – С. 18.

³ Коран, 3: 103.

⁴ Там же. – 49: 10.

истинные мусульмане – обязаны его спасать. Не видя альтернативы исламу как основе преобразующей деятельности и объединяющему началу, исламский реформатор разработал основополагающие принципы панисламизма, суть которых состояла в отказе от привнесенных в ислам чуждых концепций, непригодных для исламского общества, поскольку ислам – это и религия, и государство, и цивилизация, и сам является политической концепцией, верной для любого времени и места¹. Идейними положениями панисламизма стали:

- объединение усилий всех мусульман в борьбе с колониальной экспансией европейских государств;
- ответ на культурно-идеологический вызов западных стран;
- преодоление идейных разногласий среди мусульман и создание единой политической культуры мусульман;
- объединение всех мусульман в едином государстве.

Примечательно, что с момента появления это учение уже несло в себе сильный заряд радикализма. Об этом можно судить по отношению идеолога пантюркизма Афгани к джихаду. Рассматривая джихад, с одной стороны, как «религиозную войну» и как необходимую оборону в случае агрессии чужеземцев, с другой, он не исключал возможности «наступательных войн» для расширения пределов территорий «мусульманской нации»².

В начале XX в. панисламизм, теряя свою антиколониальную направленность, стал использоваться, например, султаном Абдул-Халидом II, а затем и младотурками

¹ Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. – М., 2003. – С. 12.

² Сикоев Р. Р. Эволюция понятия «исламский джихад»: от пути самосовершенствования к пути войны // Общественные науки и современность. – 2011. – № 3. – С. 115.

в целях агрессивной политики. Последним антиколониальным содержанием панисламизма было движение фалифатистов в Индии. В России у некоторых мусульманских народов панисламизм проявлялся в качестве одного из элементов джадидизма¹.

Сегодня панисламизм, несмотря на то, что суть основных его положений со временем не изменилась, трансформировался с многоликое по социальному составу и крайне разнородное по политической ориентации мусульманское течение, а основные его положения, восходящие, но не тождественные кораническим принципам, состоящие в: приоритете религиозной общности над национальной, братстве всех последователей ислама, непризнании государственных и политико-географических границ и объявлении своей «священной обязанностью» защиту единоверцев в любой точке мира, объединении в единый союз, будь то в форме халифата или конфедерации мусульманских государств, джихаде как средстве освобождения «оккупированных» мусульманских территорий, возрождения былого могущества мировой мусульманской общины и распространении ее влияния, – взяты на вооружение современными исламистами.

По мнению исследователя Р. Р. Сикоева, приверженцы данного течения всячески пытаются представить панисламизм как некую индульгенцию на игнорирование международного права, на непризнание политико-географических границ между государствами, которые, по их словам, «определены людьми, а не Богом». Исламские радикалы, выступающие в современном мире в роли наследников учения панисламизма, активизирующие процесс «исламизации национализма» под прикрытием лозунга о братской

¹ Шарипова Р. М. Панисламизм сегодня. Идеология и практика Лиги исламского мира. – М., 1986. – С. 9.

солидарности и помощи угнетаемым единоверцам, вмешиваются во внутренние дела других государств.

Примеры вооруженного вмешательства можно было наблюдать в конце XX – начале XXI в. в Ираке, Ливане, Афганистане, Пакистане, Чечне, Кашмире и других мусульманских регионах. И если в первой половине XX в. были основания считать, что панисламизм исчез из идеологического арсенала религиозно-политической элиты мусульманских стран и уступил место партикулярному национализму, перейдя в категорию фантомов, которым не суждено возродиться, то жизнь опровергла подобные предположения. И в начале XXI в. панисламизм в его радикально экстремистской форме превратился в реальную опасность, став идейной основой для практики международного терроризма¹.

Стоит отметить, что помимо радикального крыла современного панисламизма, к которому стоит отнести запрещенные в КР ультрарадикальную международную террористическую организацию ваххабитского направления ислама «Аль-Каида», террористическую организацию «Исламская партия Узбекистана» (ИДУ), террористическое движение «Талибан», террористическую и экстремистскую организацию салафитского толка «Джабхат ан-Нусра», идеология пантюркизма в Кыргызстане позиционируется, в том числе, ненасильственными методами, к примеру, запрещенной в КР экстремистской организацией «Хизб ут-Тахрир» и не запрещенной – турецким религиозным обществом Фетхуллаха Гюлена «**Нуржулар**» («Хизмет»). Согласно исследованиям, проводимым Государственной комиссией по делам религий Кыргызской Республики, среди наиболее активных джамматов, делящих духовную

¹ Сикоев Р. Р. Эволюция понятия «исламский джихад»: от пути самосовершенствования к пути войны... – С. 114.

и (или) политическую сферу страны, – салафитов, табlighовцев и хизбуттахрировцев – оно занимает значимое положение.

В отличие от «Аль-Каиды», претендующей на создание «всемирного халифата», гюленовский пантюркизм, закамуфлированный в толерантно-демократическую оболочку, казалось бы, менее амбициозен: его *цель состоит в создании на принципах «правильного ислама» пантюркистского государства, включающего в себя Турцию, Азербайджан, республики Средней Азии, мусульманские регионы России, а также такие «исконно турецкие земли», как Дагестан, Крым, Грузия и «земли польско-литовских татар» – Белоруссия и Литва*¹.

В основе учения «Нуржулар» находится собрание сочинений турецкого богослова Саида Нурси под названием «Рисале-и Нур» («Трактаты Света»). Книга написана самим богословом, позже дополнена многочисленными брошюрами его учеников («Двадцать пять лекарств», «Путь Сунны», «28 Слово» и т. д.) и пособиями («Путеводитель для молодежи», «Путеводитель для женщин»). Данные произведения для исследователей-религиоведов являются смысловым толкованием Корана (тафсиrom), написаны на турецком языке, переведены более чем на 50 языков и состоят из посланий, поучительных рассказов и бесед, комментариев к ним, а также примечаний учеников.

Несмотря на свою приверженность исламу, последователи Саида Нурси в философско-богословском толковании отошли от традиционного понимания многих важных аспектов религии. Отдельные положения, в частности касающиеся трактовки государства и отношения

¹ Подробно о Фетхуллахе Гюлене и его цэрэушно-мафиозной секте («Хизмет»/«Нурджулар»/«Джамаат Гюлена») // URL: <https://general-ivanoff.livejournal.com/512095.html>

к государственным структурам, которые отличают богословие Саида Нурси от традиционного мусульманского богословия, дали возможность правоохранительным органам РФ в 2008 г. признать движение экстремистским. Так, государство в богословии Саида Нурси понимается как устаревший механизм, непригодный для современных условий, поэтому истинному ученику не следует бояться правительств, так как те уже бессильны над духовной составляющей человека, могут заставить страдать только нафс – тело с его страстями. Однако это толкуется как награда, так как один час в заточении приравнивается к одному дню поклонения¹. Кроме того, верующие не должны отвлекаться на государственные границы и законы, на проблемы человечества и других религий, а стремиться к общему объединению, единству всех сторонников «Рисале-и Нур» в мире для совместного ожидания Страшного Суда. Однако государство, которое они создадут на земле, будет истинное и его сохранит Аллах в раю, а земля станет частью этого рая².

Несмотря на различные средства достижения своих целей, все организации, позиционирующие идеи панисламизма в Кыргызстане, делают ставку, прежде всего, на стирание национальных традиций, которые, согласно их представлениям, являются главным препятствием для объединения истинных мусульман. Тем самым они представляют опасность как для светской формы ориентации страны, так и для конструкции того, что именуется кыргызской идентичностью. Как, впрочем, и остальные вышеописанные идеологии, отрицающие помимо этничности (полиэтничности) и поликонфессиональности

¹ Нурси С. Сияние / Пер. с тур. М. Г. Тамимдарова. – Стамбул, 2012.

² Излученко Т. В. Богословие Саида Нурси как идеологическая основа российского исламизма... – С. 112–115.

(являющихся, согласно Концепции государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы, основными факторами «укрепления единства народа и сохранения культурной идентичности, традиционных для Кыргызстана принципов веротерпимости, добрососедства и миролюбия»¹), и принципы традиционного для страны ханафитского мазхаба суннитского ислама, способствующего «гармонизации государственно-конфессиональных отношений и процессов в религиозной сфере».

2.3. Информационные аспекты внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана

Развитие современных технологий (интернет, телевидение, мобильная связь и др.) привели не только к улучшению и ускорению доступа к информации, но и к проблеме информационной безопасности и необходимости разработки эффективной информационной политики на уровне отдельного государства и глобальном трансграничном уровне. Информационные технологии в XXI в. стали одним из главных элементов идеологического воздействия на человека – как предоставляя возможность легкого доступа к знаниям и ресурсам, так и неся угрозы различного характера. Противоборствующие державы всё активнее применяют информационные кампании друг против друга («гибридные войны»), а террористические и экстремистские организации используют агрессивные информационные методы вербовки своих сторонников. В таких

¹ Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы от 14 ноября 2014 г. ...

условиях «так как всё большую актуальность приобретает не только защита информации, но и защита людей и технических (главным образом, электронных) систем от разрушающего воздействия информации, то формируется задача обеспечения информационной безопасности как органической совокупности задач защиты информации и защиты от информации»¹.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации дается следующее определение информационной безопасности: «...состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства»². На основе данного положения можно определить информационную политику как «совокупность политических, правовых, экономических, социальных, культурных и организационных мер, направленных на обеспечение доступа граждан к информации и реализацию системы информационной безопасности».

Вопросы информационной безопасности с 1991 г. стали актуальными и для Кыргызстана, особенно в религиозной сфере. Период существования суверенной Кыргызской Республики ознаменовался кардинальными изменения

¹ Гатчин Ю. А., Сухостат В. В. Теория информационной безопасности и методология защиты информации. – СПб.: Изд-во СПбГУ ИТМО. – 2010. – С. 6.

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // URL: <http://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>

в общественно-политической жизни страны, в том числе и существенной трансформацией восприятия ислама как самими мусульманами, так и представителями других конфессий и сторонниками светских принципов. При Советском Союзе деятельность религиозных организаций сильно ограничивалась, значительная часть из них находилась под запретом, но благодаря выбранному демократическому пути развития в республике сложилась ситуация религиозного многообразия. К 1991 г. почти все верующие принадлежали двум конфессиям: суннитскому исламу ханафитского мазхаба и православному христианству, а с момента обретения независимости возможность для осуществления деятельности получили иностранные миссионеры. На начальном этапе (в начале 1990-х гг.) в Кыргызстане стали активно распространяться различные секты христианского толка (баптисты, адвентисты и др.), позднее инициативу у них перехватили мусульманские миссионеры из Турции, Саудовской Аравии и других исламских стран. Общее количество зарегистрированных религиозных организаций с 1991 г. с нескольких единиц увеличилось до более 3200, по этому показателю Кыргызстан лидирует среди республик Центральной Азии. При этом управление практически всеми этими организациями осуществляется из-за рубежа: православными – из России, мусульманскими – из арабских стран, Турции, протестантскими – из стран Европы, США, Кореи.

В целом, проникновение «нового» («чистого», существующего прежде в основном в странах Персидского залива) ислама в Кыргызскую Республику проходило достаточно быстро и не встречало на начальном этапе никакого противодействия со стороны правительства и органов власти. Более того, религиозное многообразие и реисламизация в период президентства А. Акаева даже поощрялись, так

как это выглядело одним из доказательств развития демократических процессов в стране. Однако правительством не была учтена возможная конкуренция со стороны исламских принципов выбранным либерально-демократическим ценностям. Экономический спад, безработица, неэффективность государственных институтов привели к идеологическому застою. Демократические ценности, «во-первых, не получили всеобщего признания, а во-вторых, извратившись порой до неузнаваемости, стали вызывать у некоторой части населения такое же неприятие, как и коммунизм. Ислам, опираясь на исторические корни в регионе и в условиях современного кризиса “измов”, стал занимать освобождающееся место на идеологическом поле страны»¹. Большое количество проповедников из мусульманских стран вместе с различными религиозными фондами стали активно занимать идеологическую нишу, весьма эффективно распространяя идеи «нового» ислама и вытесняя традиционный для народов Центральной Азии ислам.

При этом надо отметить, что позиция правительств стран Центральной Азии по отношению к исламу имела двойственный характер. с одной стороны, с начала «парада суверенитетов» в пяти центральноазиатских республиках стала официально проводиться «тихая» исламизация, которая вместе с поддержкой национализма должна была декоммунизировать и отделить от бывшей метрополии (России) новые государства. С другой стороны, центральноазиатская политическая элита (особенно в Узбекистане) понимала, что мусульманские религиозные лидеры и сам ислам как система могут стать серьезной угрозой для их

¹ Кыргызстан. Политика и ислам // Центральная Азия: Пространство «шелковой демократии». Ислам и государство / Под ред. Э. Ногойбаевой. – Алматы, 2017. – С. 40.

режимов. Поэтому наряду с «ползучей» исламизацией в регионе проводилась репрессивная политика по отношению к наиболее активным исламским активистам, которые либо пропагандировали экстремистские идеи, либо финансировались извне заинтересованными в дестабилизации или реализации своих геополитических проектов державами. «Ислам на протяжении своего существования в Центральной Азии был либо инструментом легитимации сменяющихся режимов, либо подвергался гонениям со стороны этих режимов в “грешные” времена. С прошлых веков исламская религия аккумулировала огромный опыт сопротивления и адаптации – сначала при царском режиме, затем в советский и постсоветский периоды»¹.

«Новый» ислам, который также известен как салафизм, во многих аспектах отличается от исторически сложившейся в Средней Азии формы ислама. «Традиционно исповедуемый народами Центральной Азии ханафитский мазхаб отличается от других мазхабов и течений ислама тем, что в силу своей веротерпимости не противопоставляет исламские ценности национальным традициям и обычаям, имеет идеологическую основу для развития партнерства с государством. Это позволило традиционному исламу сосуществовать без явных конфликтов с государством в советское время, несмотря на активную атеистическую пропаганду»². Салафизм же более политичен, заточен под общественно-политические задачи, в этом он более привлекателен для определенных внутренних групп и внешних сил, чем традиционный для Кыргызстана, с примесью язычества и местных обычаев,

¹ Пужоль К. Ислам в Центральной Азии: от долгой изоляции к повышенному вниманию // URL: <https://caa-network.org/archives/10950>

² Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы от 14 ноября 2014 г. ...

ислам. Поэтому неслучайно, что с 1991 г. количество мечетей в Кыргызстане увеличилось в 70 раз и достигло около 2800¹, а в ряды различных террористических группировок, воюющих на Ближнем Востоке, были завербованы, по официальным оценкам, до 1000 граждан КР.

Как указывается в Концепции государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 гг., «сложность выявления и пресечения деятельности деструктивных и экстремистских движений заключается в том, что на территории Кыргызстана чаще всего они действуют скрытно, большинство из них не имеют формальной организационной структуры, зачастую управляются извне. Они представляют собой сеть подпольных группировок, могут вести пропаганду через все имеющиеся каналы связи и информации, работать в самых разных социальных структурах местных сообществ. Это позволяет им оставаться “невидимыми” для государственных органов, легко проникать в повседневную жизнь и манипулировать сознанием части населения. Наиболее уязвимыми для распространения радикальных и экстремистских религиозных идей являются те районы страны, где отсутствуют альтернативные источники информации, слабое светское образование, ограниченные возможности для экономической деятельности и социальной защиты, а также отсутствует профилактическая работа»².

Подобное распространение исламских ценностей было бы невозможным без активной внешней пропаганды. «Вопросы радикализации общества, особенно молодежи,

¹ За 26 лет число мечетей в Кыргызстане выросло в 70 раз // URL: <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20161121/1030394466/za-gody-nezavisi-mosti-kr-chislo-mechetej-vyroslo-v-70-raz-mvd.html>

² Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы от 14 ноября 2014 г. ...

действительно актуальны. Они связаны с глобальными процессами, происходящими в мире и странах Ближнего Востока, в той же Сирии, например. На территории Кыргызстана суды различных инстанций запретили деятельность 20 групп, движений и организаций экстремистского и террористического характера. Практически все они имеют внешние центры управления и корни», – отмечает экс-заместитель директора Государственной комиссии по делам религий Канатбек Мурзахалилов¹.

Принцип «открытых дверей», выбранный на заре суверенитета Кыргызской Республики, а также слабая эффективность гражданских (светских) институтов, создали практически идеальные условия для роста исламофильских настроений в обществе. «С 2000 года не слишком артикулируемая в государственной риторике тема ислама становится всё более ярко выраженной. С одной стороны, ислам как дискурс легитимации становится популярным в обществе трендом, с другой стороны, религиозность всё больше стала рассматриваться, пусть и не публично, как потенциальная угроза официально светскому государству»².

Кыргызстан, таким образом, оказался одним из объектов глобальной информационно-идеологической кампании, при этом демонстрируя пассивность в отстаивании своих национальных интересов. В качестве главных акторов подобной кампании выступает ряд стран и группировок:

– Турция, делающая также ставку на идеологию пантюркизма;

¹ Радикальные верующие: Почему в Кыргызстане их становится всё больше // URL: https://24.kg/obschestvo/93956_radikalnyie_veruyuschie_rochemu_vkirgyizstane_ihstanovitsya_vse_bolshe/

² Кыргызстан. Политика и ислам // Центральная Азия: Пространство «шелковой демократии». Ислам и государство... – С. 42.

- страны арабского мира, прежде всего Египет, Катар, Саудовская Аравия, распространяющие идеи салафизма;
- Бангладеш, Индия, Пакистан, в основном, через деятельность «Таблиги джамаат»;
- запрещенные экстремистские и террористические организации наподобие «Хизб ут-Тахрир» и «Исламского государства».

Каждая из этих групп стран или организаций предпочитает свои методы информационного воздействия. Так, для Турции это внедрение в образовательную систему через создание сети лицеев «Сапат» с исламским уклоном, финансирование религиозных фондов, пропаганда идей пантюркизма. Египет, Катар, Саудовская Аравия делают ставку на религиозное обучение кыргызстанцев в своих странах, строительство мечетей в КР, пропаганду идей салафизма и возврата к исламским истокам. «Таблиги джамаат», движение проводников исламских ценностей, исторически популярно в Бангладеше, Индии и особенно в Пакистане. Экстремистские и террористические организации предпочитают подпольную агитацию через социальные сети и своих эмиссаров.

Основные внешние каналы информационного воздействия на мусульман Кыргызстана можно подразделить на:

- средства массовой информации – телевидение, радио, газеты;
- социальные сети (чаще всего используются Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники»);
- программы мгновенного обмена сообщениями (WhatsApp, Telegram и др.);
- видео- и аудионосители (диски, флешкарты);
- печатная продукция (книги, листовки);
- миссионерская деятельность (например, популярное в КР движение «Таблиги джамаат»);

– образовательные учреждения (как с исламским уклоном, так и общеобразовательные) и религиозные фонды с иностранным участием («Нурджулар», «Сулеймания», «Туркия Диянет Вакфы» и др.).

Рассмотрим подробнее внешние каналы. Средства массовой коммуникации являются одними из главных каналов информационного воздействия, несмотря на рост популярности Интернета. Поэтому неудивительно, что пропаганду ислама можно встретить в печатных изданиях и на телевидении. Так, например, на местном общедоступном канале выходит религиозная передача «Марва ТВ», одним из учредителей которой является известный религиозный деятель Озубек ажы Чотонов. Еще более примечательно, что эта передача финансируется Саудовской Аравией и Кувейтом. В интервью главный редактор «Марва ТВ» Канатбек Матмуратов утверждает, что «они занимаются донесением основ ислама до аудитории, дают ответы на их жизненные и бытовые вопросы с религиозной точки зрения. Он отрицает какую-либо идеологическую направленность работы его студии. «По возможности мы стараемся не вмешиваться в политику, потому что от нее нет пользы», – говорит главный редактор «Марва ТВ». «Мы не консерваторы, мы придерживаемся умеренной линии [в исламе], – продолжает он. – Мы говорим, что по возможности используйте шариат в своей жизни, чтобы слушались родителей, не пили, не курили. Но мы не распространяем политический ислам, потому что у нас и уровень не тот, и время еще не пришло». По его словам, до 2015 г. работу студии финансировали меценаты из Саудовской Аравии и Кувейта, но они никак не вмешивались в редакционную политику «Марва ТВ», а целью финансирования было просто просвещение населения об исламе¹.

¹ Токтоналиев Т. Кыргызстан: Медиа с исламским направлением //

Немного позднее был создан канал «Марва ТВ», где также выходят передачи с религиозным содержанием.

Еще одним каналом с религиозными программами являлся «Аян», где до этого выходила передача «Марва ТВ». Кроме того, недавно была запущена трансляция турецкого канала «TRT Avaz», где помимо показов турецких сериалов/передач можно увидеть сюжеты о жизни мусульман. «Несмотря на наличие у государства мощного инструмента воздействия на общественное мнение – средств массовой информации, у политической власти отсутствует четкая позиция по данному вопросу. К примеру, если говорить о таком сегменте СМИ, как телевидение, то можно заметить, что контент государственных каналов заполнен, в основном, развлекательными передачами. Как видно, государство не преуспело в формировании собственной информационной повестки дня, а общий уровень востребованности потребителями отечественной информационной продукции остается довольно низким»¹. Информационный вакуум успешно заполняется иностранным контентом, в том числе и религиозным, причем контроль над телевизионным эфиром на наличие экстремистского и иного нежелательного материала после внедрения цифрового телевидения с почти 50 каналами достаточно затруднителен.

Известный в республике религиозный деятель Чубак Жалилов активно использует СМИ и соцсети для исламской пропаганды. В частности, он ведет страницу в соцсетях, выступает на передачах по телевидению и радио. В 2018 г. в прямом эфире радио «Марал» Жалилов предложил отрубать руки коррупционерам: «Вообще по шариату

URL: <http://cabar.asia/ru/kyrgyzstan-media-s-islamskim-napravleniem/>

¹ Мураталиева З. Т. Информационная политика как слабое звено безопасности Кыргызстана // URL: <http://www.cabar.asia>

ворам отрубают руку. Если бы всем этим ворам из ТЭЦ Бишкека и исторического музея отрубили бы руки, было бы замечательно. Даже арестовывать их не надо. Но такого закона у нас нет. Зато, например, в Китае расстреливают коррупционеров. У нас всё время приводят в пример Европу или Россию. Почему бы не взять в качестве примера Китай? Я поддерживаю в этом плане их закон о смертной казни. И поэтому считаю, что это необходимо ввести и у нас. У меня давление поднялось и сердце заболело, когда я узнал, какие хищения были в историческом музее. Поэтому я убежден, что по отношению к таким людям необходимо вводить смертную казнь»¹. Хотя Жалилов приводит в качестве примера борьбы с коррупцией опыт Китая, «отрубание кистей рук» – это всё-таки практика стран с нормами шариата, наподобие Саудовской Аравии, т. е. это является одним из наглядных примеров агитации в пользу исламских принципов с помощью средств массовой коммуникации. В 2016 г. Жалилову было объявлено о запрете выступления на радио «Марал», однако позднее этот запрет был отменен. Кроме того, в эфир «Марал» часто приглашают выступать различных общественных деятелей на тему исламских ценностей, что позволяет утверждать о аффилированности руководства радиостанции с мусульманскими активистами.

Запрещенная в Кыргызской Республике организация «Хизб ут-Тахрир» также уделяет большое внимание информационной агитации в Интернете. Активно поддерживаются сайты и страницы в социальных сетях, причем для каждой страны Центральной Азии они публикуются

¹ Чубак ажы Жалилов призвал расстрелять чиновников, виновных в коррупции при модернизации ТЭЦ Бишкека // URL: <https://vesti.kg/politika/item/52172-eks-muftij-kyrgyzstana-predlozhlil-vernut-smertnuyu-kazn.html>

на соответствующем языке¹. Так, например, страница Hizb-Turkiston-Kg в «Фейсбуке» публикует свои посты исключительно на кыргызском языке. На ленте страницы ежедневно появляются новости в контексте деятельности экстремистской организации. К примеру, новость о митинге жителей новостройки с требованием провести к ним электричество администраторы страницы выдали с таким комментарием: «Когда будет главенствовать ислам, электроэнергия будет проведена во все дома и продаваться только по своей цене»².

Таким образом, очевидна та роль, которую уделяют в «Хизб ут-Тахрир» информационной «обработке» мусульман постсоветских стран. Это движение, ведущее легальную деятельность в европейских и ряде других стран, позиционирует себя как «политическая партия, основанная на принципах Ислама. Ее деятельностью является политика, а основой – Ислам»³. Основной целью является восстановление исламского образа жизни – путем создания исламского государства – Халифата. Главные офисы «Хизб ут-Тахрир» находятся в Лондоне, Бейруте, Стокгольме.

Изучение русскоязычного сайта этой организации (www.hizb-russia.info, недоступен в Кыргызстане по требованию ГКНБ и МВД, можно посетить через проксисерверы) позволяет выяснить, что «Хизб ут-Тахрир» делает ставку на агрессивное информирование своей аудитории через новости и статьи с соответствующей тематикой. Например, за март текущего года доступны следующие материалы: «Военный суд продолжает лишать свободы мусульман в России», «Российская пропаганда попыталась

¹ Примеры подобных ресурсов: URL: <https://www.facebook.com/turkistonkg>; <https://www.facebook.com/hizbislam>; <http://kg.turkiston.biz>

² Как экстремисты вербуют кыргызстанцев в Сети...

³ «Хизб ут-Тахрир» // URL: <http://halifat.org/khizb-ut-takhrir.html>

оправдать арест инвалида Амира Гилязова», «Спецслужбы отчитались об арестах руководителей Хизб ут-Тахрир в России», «В Новой Зеландии убивают мусульман. Западные правительства должны ответить за это», «Не настало ли время закончиться страданиям уйгуров-мусульман?», «Пора прекратить геноцид китайских мусульман» и т. д. Даже по заголовкам статей можно заметить, что это движение пропагандирует неподчинение мусульман светским правительствам своих стран и призывает к решительным ответным действиям в случае незаконных или насильственных действий в отношении мусульман.

Несмотря на то, что члены «Хизб ут-Тахрир» не участвуют в террористических актах, именно агрессивная и активная пропаганда этой исламистской партии становится одной из причин политизации и радикализации мусульманской общины. Например, только за 9 месяцев 2012 г. правоохранительными органами было «выявлено более 50 фактов распространения религиозной литературы экстремистской направленности, изъято более 20 тысяч листовок и около 800 книг, брошюр, видео- и аудиокассет экстремистского содержания. В городах Бишкек, Ош и Джалал-Абад обнаружено и закрыто 3 нелегальные точки, которые занимались выпуском и распространением экстремистской литературы»¹.

В связи с ростом напряженности на Ближнем Востоке из-за гражданской войны в Сирии Кыргызстан в полной мере столкнулся с агрессивной религиозной пропагандой. Если раньше экстремистские материалы передавались, в основном, на дисках и в виде печатной продукции или размещались на сайтах, то с развитием технологий мгновенного обмена сообщений (WhatsApp, Telegram, Viber)

¹ Асанбеков М. Роль иностранных религиозных центров в формировании религиозной ситуации в Кыргызстане...

агитация в пользу радикального ислама стала более точечной и менее доступной для предотвращения спецслужбами. Теперь агитаторы «Исламского государства» могли обращаться не к общей массе мусульманской общины, а манипулировать индивидуальными потребностями агитируемого человека. Мужчинам предлагались хорошие деньги, «достижение рая за убийство неверных», женщинам писали, что они смогут найти себе хорошего мужа. Например, в сети была опубликована переписка уехавшей в Сирию гражданки Кыргызстана, которая писала многим своим незамужним знакомым в Бишкеке, обещая, что найти возлюбленного в Сирии будет гораздо легче, чем в Кыргызстане. По ее словам, верующим в Сирии предоставляют «райские условия» для жизни, работать не заставляют, а в магазинах продукты достаются им задаром. «Тут легко жить, ислам всё контролирует, всё дешево. Все магазины, аптеки муджахидам помогают. Тут женщины ценятся, все жениться хотят, а не на ком. Все братья такие молодые. По связям ищут, не могут найти. И главное, “никяк” по шариату»¹, – расхваливала девушка женихов из числа боевиков.

Как отмечают эксперты, «особую группу риска для вербовки в зоны боевых действий на Ближнем Востоке представляют собой девушки – старшеклассницы и молодые женщины. В Кыргызстане их возраст колеблется от 16–18 лет и до 30–35. С учетом того, что в стране количество женщин превышает количество мужчин, вербовщики обещают им найти свою вторую половину среди боевиков халифата, завести семью и детей»². Кроме того, «молодым девушкам обещали учебу в высших учебных заведениях

¹ Пропаганда через WhatsApp: кыргызстанка зовет подруг в Сирию, обещая счастливую семейную жизнь...

² Исраилова-Харьехузен Ч. Гендер и вопросы религиозной радикализации в Кыргызстане // URL: <http://prevention.kg/?p=1230>

Египта, что мол они получают достойное образование. Проводилась масштабная работа по вербовке наших граждан, а родственники узнавали о выезде лишь после того, как они покинули Кыргызстан»¹. Именно подобные уязвимые группы в первую очередь подвергаются информационным атакам и становятся жертвами религиозной пропаганды.

Другой группой риска остаются трудовые мигранты из Центральной Азии, проживающие в Российской Федерации. Они обладают повышенным уровнем «виктимности» – предрасположенности стать жертвой чьих-то манипуляций. Значительной частью завербованных экстремистами являются как раз выходцы из центральноазиатских республик, выехавшие на заработки в Россию. Типичный портрет такого мигранта: выходец из глубинки, не имеет высшего образования (или даже законченного среднего), семья осталась дома, не всегда религиозен, но соблюдает исламские обряды. Трудовые мигранты, оказавшись в другой культурной, языковой среде, живут в условиях огромного психологического стресса. Вербуют их не в мечетях, а в местах компактного проживания: на стройках, рынках, в плотно заселенных общежитиях. Иногда экстремисты посещают мигрантов после предварительной проработки через социальные сети: «Они выясняют, готов ли тот или иной человек разделить экстремистские взгляды, высказывает ли он радикальные идеи»². Неосведомленность населения, особенно среди несовершеннолетних, в вопросах религии и культуры народа Кыргызстана, принципов

¹ В лагерях в Сирии девушки с детьми содержатся в невыносимых условиях. Что рассказали их родственники из Кыргызстана? // URL: <https://www.turmush.kg/ru/news:1544521>

² Вербовка мигрантов в ИГ, или Синдром жертвы // URL: <https://ru.sputnik.kg/analytics/20170428/1033132524/kto-gde-i-kak-verbuet-trudovyh-migrantov.html>

светскости и свободы вероисповедания делает наших граждан подверженными пропаганде радикальных идей. К счастью, после неудачных для ИГИЛ военных действий масштабы их вербовки стали заметно меньше; соответственно, к 2019 г. кыргызстанцы практически перестали уезжать в Ирак и Сирию.

Внешнее воздействие на мусульман Кыргызстан распространяется не только через СМИ и Интернет, но в значительной доле и через систему образования. Политика религиозного плюрализма позволила как проходить кыргызстанцам теологическое обучение за границей, так и открывать внутри республики иностранные религиозные учебные заведения. Увеличение числа религиозных организаций с момента получения суверенитета одновременно сопровождалось и нехваткой специально подготовленных специалистов по религии, в том числе преподавателей религиозных дисциплин. В качестве ответной реакции значительно возросло число различных религиозных учебных заведений: «В Кыргызстане на сегодняшний день Госкомиссией по делам религий зарегистрированы 112 религиозных учебных заведений, в том числе 102 медресе, в том числе действующих – 78... в этих медресе обучаются более 6 тыс. детей»¹. Причем только Исламский университет получил аккредитацию от Министерства образования КР и только 20% исламских священнослужителей имеют базовое религиозное образование, полученное в медресе и исламских институтах.

Кроме того, существуют различные детские летние лагеря (раздельные для мальчиков и девочек), которые организуют мусульманские организации. Там обучают

¹ Религиозное образование в Кыргызстане: медресе нуждаются в срочной реформе: Доклад / Булан институт инноваций для укрепления мира. – 2017. – С. 10.

основам ислама, но при этом никто из Министерства образования точно не знает, чему именно там обучают. Некачественное религиозное образование является причиной того, что благодаря неграмотным миссионерам простое население впитывает в себя идеи искаженного и отчасти совершенно «неправильного» ислама с радикальными взглядами.

Еще более тревожно, что неизвестно количество наших граждан, обучающихся исламской теологии за границей. Как отмечают эксперты, «ни одно соответствующее государственное учреждение, ни Духовное управление мусульман Кыргызстана, ни одна неправительственная организация не знает точное количество наших граждан, отправившихся за последние годы в другие страны для получения религиозного образования. Вызывает обеспокоенность тот факт, что, несмотря на то, что для тех, кто хочет получить религиозное образование за границей, законом предусмотрено обязательное наличие соглашения на получение такого образования, за последние десять лет возросло количество граждан, которые отправляются зачастую в зарубежные исламские религиозные учебные заведения без соглашения, бесконтрольно, по туристическим визам и личным приглашениям. Некоторые из них получают образование в сомнительных учебных заведениях таких стран, как Пакистан, Бангладеш, и есть реальная опасность их вербовки за рубежом в деятельность экстремистских организаций. Также по приезду в Кыргызстан они вполне могут стать распространителями их идеологий и политики»¹. Идеи салафизма в республике чаще всего распространяются выпускниками исламских университетов из арабских стран.

¹ Образование граждан КР в зарубежных исламских заведениях: ситуационный анализ / Государственная комиссия по делам религий КР; Булан институт. – 2017. – С. 4.

Также вызывает вопросы ситуация с финансированием религиозных заведений. «Многие медресе работают на частной основе и финансируются родителями, чьи дети обучаются в медресе, а также за счет благотворительных средств, поступающих в ДУМК и мечети... но ДУМК признает, что на самом деле до 2013 года в медресе поступали средства от таких стран, как Пакистан, Турция, Египет»¹. Таким образом, в период с 1991 по 2013 гг. многие медресе в Кыргызстане зависели от иностранной финансовой помощи. При этом нет должного контроля за деятельностью подобных заведений: «В 2013 году Совет улемов при муфтияте утвердил единую учебную программу для медресе, но многие медресе не соблюдают ее. Уроки проводятся в зависимости от наличия средств и в основном ограничиваются заучиванием Корана»².

Чаще всего Пакистан, Бангладеш и Индия упоминаются в контексте деятельности движения так называемых «даваатчиков» – распространителей исламской веры. Оно называется «Таблиги джамаат» (ТД), было создано в Индии около 100 лет назад и обрело большую популярность, особенно в вышеназванных странах. Именно туда чаще всего ездят «даваатчики» из Кыргызстана, обучаясь в местных медресе. Однако на постсоветском пространстве движение «Таблиги джамаат» запрещено, исключением является только Кыргызская Республика. Именно «Таблиги джамаат» становится той информационной силой, с помощью которой идет успешное насаждение в республике исламских принципов. Как показывает исследование Государственной комиссии по делам религий КР, популярность «Таблиги джамаат» среди мусульманской

¹ Образование граждан КР в зарубежных исламских заведениях: ситуационный анализ... – С. 22.

² Там же. – С. 30.

общины Кыргызстана очень высока: 64,5% опрошенных положительно относятся к этому движению¹.

При этом «Таблиги джамаат» пользуется поддержкой на государственном уровне: Духовное управление мусульман Кыргызстана (ДУМК) возглавляет Максат ажы Токтомушев, бывший до этого главой таблиговского джамаата, а руководство ГКНБ заявило, что «религиозная организация “Таблиги джамаат” в настоящее время не представляет опасности для Кыргызстана»². Не без влияния таблиговцев в здании парламента была открыта молельная комната – намазкана. Таким образом, обученные в Пакистане или Индии члены ТД в дальнейшем беспрепятственно ведут агитационную деятельность на территории КР, хотя опыт ближайших к нам стран: Казахстана, России, Узбекистана, Таджикистана – сигнализирует об опасности, исходящей от неконтролируемого религиозного распространения.

Позиция нашего правительства заключается в том, что умеренные (пока) взгляды «Таблиги джамаат» должны помочь остановить экстремистскую пропаганду со стороны более опасных организаций наподобие «Братьев-мусульман» или «Хизб ут-Тахрир»: «Совет обороны рассматривал деятельность таблиговцев в контексте того, как нужно реформировать религиозную политику в стране. По информации спецслужб, “Таблиги джамаат” экстремистской активности тогда в Киргизии не проявлял, а наоборот, противодействовал другим радикальным течениям», – рассказал Ф. Кулов в интервью³. В то же время российские

¹ Элебаева А. Б. и др. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике...

² Политизация ислама в Кыргызстане как угроза светскому государству (04.10.2019) // URL: <https://stanradar.com/news/full/36526...html>

³ Приймак А. Баяны киргизских исламистов всё громче звучат в России...

эксперты, как, например, А. Грозин, настороженно относятся к «Таблиги джамаат»: «...киргизские адепты ТД предпочитают не замыкаться в комфортных для них условиях родной страны, а стремятся туда, где их организация запрещена и где они могут быть в любой момент арестованы. Прежде всего в Россию. Наиболее питательная среда для “Таблига”, как и для более агрессивных форм, – трудовые мигранты. ... Исламисты в первую очередь привлекают к себе мигрантов и некоренных жителей регионов России, а потом уже идет абсорбция групп из других существующих в регионе социальных слоев»¹.

Имеются основания подозревать, что в религиозных заведениях уже на территории Кыргызстана обучают религиозной нетерпимости и радикализму. Религиозная свобода стала в условиях Кыргызстана палкой о двух концах: с одной стороны, граждане получили право на свободу вероисповедования, с другой – возникла реальная угроза безопасности страны. Как отмечает Д. Орозов (глава Центра исламского образования), «в Кыргызстане довольно либеральные законы, в том числе и в вопросе вероисповедания. Пользуясь этим, к нам едут проповедники различных группировок с задачей разделить общество, отвернуть мусульман от истинных ценностей Ислама»². Основные страны-агитаторы – Саудовская Аравия, Египет, Турция, Пакистан, Катар, именно оттуда больше всего проповедников несут идеи исламского образа жизни, причем часто в радикальной форме или в виде салафизма.

¹ Приймак А. Баяны киргизских исламистов всё громче звучат в России...

² Файзулин Р. Киргизия: Третью опрошенных – за введение шариата // URL: https://www.ritleurasia.org/news--2019-02-18--kirgizija-tret-oproshennyh-za-vvedenie-shariata-41135?fbclid=IwAR1E-cNGyH5DDhASeJzsjBUCPTBoidQn-JdL04c_H2hipyfgA2qnUocYFE

Российский религиовед И. Добаев пишет: «...аналогичные взгляды в своих трудах пропагандирует и известный турецкий миллиардер, глава религиозной общины “Нурджулар” (“Свет”), активный сторонник распространения идей исламского радикализма и пантюркизма Мухаммед Фетуллах Гюлен: “Истоки вражды, испытываемой к исламу иудеями и христианами и длящейся до наших дней, уходят во времена, когда в Медине закладывалась основа исламской государственности. Борьба ислама против всякого рода ложных и извращающих истину мнений, его горячее стремление вернуть людям утерянное достоинство, война против сословных предрассудков настроили против него и идолопоклонников, и церковь, и синагогу. С тех пор кровоточат раны, наносимые исламу этой зловредной троицей, – меняются только имена и звания»¹. Кроме того, в Кыргызстане существует большая сеть турецких лицеев «Сапат» (бывшие «Себат») и университет «Ататюрк–Ала-Тоо», также основанные фондом Гюлена «Хизмет». Попытки турецкого правительства после неудачного переворота 2016 г. взять под контроль сеть гюленовских лицеев закончилась неудачей: лицеи были лишь переименованы в «Сапат».

Наряду с этим в Кыргызской Республике существует сеть религиозных НПО, получающих финансирование из-за рубежа от различных фондов. «Активный поиск форм участия мусульманской общины в общественно-политической жизни КР привел к созданию различного рода исламских НПО правозащитного, образовательного и социального характера: “Адеп Башаты”, “Дил Муругу”, “Мутакаллим”, “Ислах”, “Тейба”, Конгресс мусульман Центральной Азии и др. Их основной целью является не только

¹ Добаев И. П. Исламский радикализм: социально-философский анализ // Южнороссийское обозрение. – 2002. – № 7. – С. 48.

возрождение исламской традиции и культуры, но и продвижение интересов религиозного большинства страны»¹. Они проводят различные семинары, лекции, встречи, другие мероприятия, на которых рассказывают о жизни мусульман, исламских ценностях и т. д.

Таким образом, по прошествии почти 30 лет суверенитета Кыргызской Республики можно утверждать о реальной угрозе политизации и радикализации религии. Сложная социально-экономическая ситуация, неэффективность государственных и гражданских институтов, разочарование в либерально-демократических ценностях, общая мировая тенденция к ренессансу ислама, – всё это стало причинами роста популярности идей исламского устройства общества.

Немаловажную роль сыграло также и внешнее информационное воздействие со стороны некоторых государств и группировок. В этом плане весьма показательны результаты недавнего исследования «Уязвимость и устойчивость молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму», проведенного Научно-исследовательским институтом исламоведения (Кыргызстан)². Несмотря на то, что среди опрошенных 25% были слушателями медресе и исламских учебных центров, результаты исследования наглядным образом показывают высокую степень исламизации общества. В частности, треть опрошенных согласна жить по законам шариата, а еще одна треть затрудняется ответить; религиозные организации пользуются большим авторитетом, чем государственные органы, международ-

¹ Курбанова Н. Исламское образование в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – № 1. – С. 103.

² Насритдинов Э., Урманбетова З., Мурзахалилов К., Мырзабаев М. Уязвимость и устойчивость молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму... – № 212.

ные и неправительственные организации; политические лидеры с религиозными взглядами имеют больше шансов на победу в выборах. Данные результаты соцопроса наглядно представлены на нижеследующих диаграммах.

Диаграмма 1

Поддерживаете ли вы идею сделать Кыргызстан государством, управляемым законами шарията?

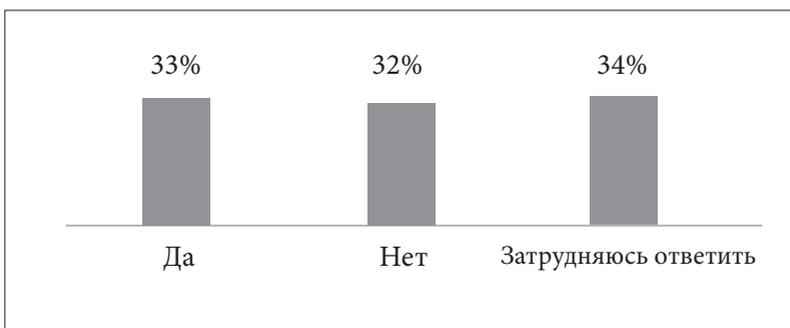

Диаграмма 2

Степень доверия (по шкале от 0 до 5)

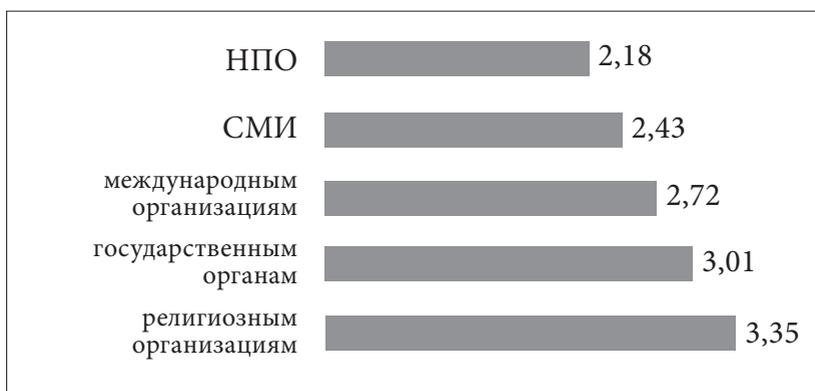
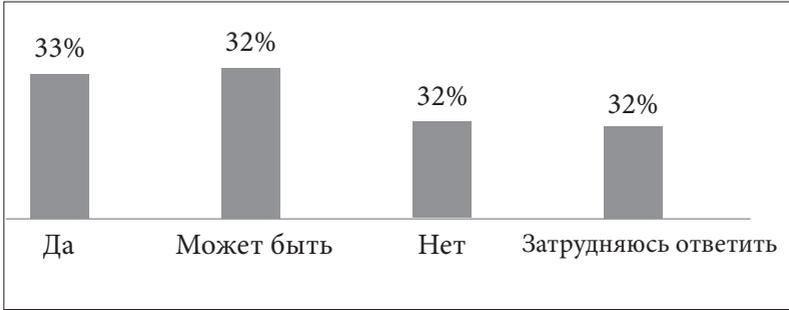

Диаграмма 3

Если бы у кандидата были сильные религиозные взгляды, увеличило бы это шансы, что вы проголосуете за него?

Сами авторы исследования считают, что необходимо усиливать партнерство государства и конфессий для предотвращения радикализации населения, но при этом предлагают «признать положительный вклад таких исламских групп/течений, как “Нурджулар” и “Таблиги жамаат”, которые усиливают устойчивость к радикализации... Ситуация с сулайманчилер и салафитами должна быть лучше изучена. Не рекомендуется запрещать эти группы, но необходимо прилагать усилия для уменьшения их популярности и влияния»¹.

Подобные социологические опросы показывают, что неэффективность государственной политики вкупе с внешней религиозной пропагандой могут превратить Кыргызстан в полноценное исламское государство или, по крайней мере, в государство с высоким уровнем проникновения ислама во все сферы жизни, причем даже на экспертном уровне. Это исследование вызвало определенную

¹ Насритдинов Э., Урманбетова З., Мурзахалилов К., Мырзабаев М. Уязвимость и устойчивость молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму... – С. 38.

полемику в обществе. Так, депутат Жогорку Кенеша И. Карамушкина обеспокоена тем, что Научно-исследовательский институт исламоведения «выносит результаты опроса на всеобщее обсуждение. При этом меня волнует то, что они пишут, что всё больше молодых людей становятся религиозными. Они заявляют, что большинство молодых людей не следуют за каким-то религиозными группами, но среди тех, кто следует, большинство симпатизируют движению “Таблиги джамаат”. Вы представляете, что творится? Это идет в эфире! То есть идет популяризация движения “Таблиги джамаат!”»¹. Показательно, что после этого заявления депутата на странице Turkiston Rus (одной из многочисленных страниц «Хизб ут-Тахрир») в сети Facebook появилось видео с названием «Опять Карамушкина. Теперь она просит ГКНБ обратить внимание на Институт Исламоведения»². Это свидетельствует о том, как оперативно реагируют в «Хизб ут-Тахрир» на «антиисламские», по их мнению, призывы, и как достаточно эффективно умеют в этой запрещенной партии манипулировать сознанием мусульманской общины.

Кыргызстанский политолог Д. Бердаков прогнозирует: «Если на парламентских выборах 2015 г. исламский фактор был значимым, но не определяющим, то к 2020 г. ситуация может кардинально поменяться. Политический ислам нарастает. Например, есть такой религиозный лидер, как экс-муфтий Киргизии Чубак ажы Жалилов, у которого насчитывается несколько сотен тысяч активных последователей. Это колоссальный электорат с учетом того, что для

¹ Элкеева К. В парламенте обеспокоены влиянием движения «Таблиги джамаат» // URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-tabligi-jamaat/29758426.html>

² Ссылка на видео: URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=270713803813201>

прохождения партии в парламент необходимо набрать всего 115 тыс. голосов – и 10 депутатских мест гарантировано. При этом Чубак не один такой имам в Киргизии. У многих религиозных деятелей имеется паства сопоставимого размера»¹. Современные исламские лидеры, такие как Чубак Жалилов, отлично владеют методами информационного манипулирования массами и активно используют интернет-технологии. Это позволяет им в небольшие сроки (буквально за несколько лет) получить в свое распоряжение большое количество последователей, которые готовы поддерживать своих идеологических кумиров в случае их участия в избирательных кампаниях. «В настоящее время беспокойство вызывает то, что социальные сети в Кыргызстане, как и в других государствах, используются в качестве площадки для вербовки в религиозно-экстремистские организации и проведения антиобщественных акций, о чем свидетельствуют происходящие в нашей стране события»².

Как в КР пытаются бороться с информационной агрессией

С точки зрения экспертов, «сложившаяся ситуация, где наблюдается слабое взаимодействие между властью и обществом, обусловлена во многом отсутствием в Кыргызстане разработанной концепции информационной безопасности, которая должна составить базис для выработки четкой информационной политики»³. Отсутствие

¹ Панфилова В. Исламизация Киргизии становится необратимой // URL: http://www.ng.ru/cis/2019-03-11/6_7527_religion.html?fbclid=IwAR1LjIZ-xY4SnB1VrOEXac2W7BN3INpRHEt6qb-TtYkP1_M_Pn3XgfWe1CE

² Токсоналиева Р. М. Пути противодействия информационно-психологическим воздействиям // Вестник КРСУ. – 2017. – № 2. – С. 189.

³ Мураталиева З. Т. Информационная политика как слабое звено безопасности Кыргызстана // URL: <http://www.cabar.asia>

или слабая эффективность подобных механизмов ведет к нынешней ситуации, когда государственные и гражданские институты не имеют реальных правовых и административных способов противодействия вызовам информационного и идеологического характера. Как следствие, «население под влиянием различных информационных источников и коммуникационных систем сильно подвержено воздействию манипулятивных практик, а государственные органы не способны выработать механизмы противодействия им»¹.

Органы правопорядка имеют обычно возможность только отслеживать нежелательный контент, особенно это касается веб-ресурсов. Как рассказывает представитель МВД КР, «в этом направлении проводится большая работа. Специальная программа позволяет отслеживать подозрительные сайты и передавать информацию нашим специалистам. Если модераторы сайтов находятся на территории Кыргызстана, есть возможность определить их местонахождение и принять соответствующие меры. Но в большинстве случаев они работают из-за рубежа, что усложняет работу отдела. Закрывать их сайты не представляется возможным. В таком случае принимаются меры для того, чтобы контент сайта не распространялся в стране»². Таким образом, современные технологии как помогают органам правопорядка противодействовать информационной агрессии, так и предстают серьезным препятствием в поиске злоумышленников.

Очевидно, что для эффективной борьбы с негативными информационными потоками необходимо иметь четко продуманную стратегию. Поэтому, например, в соседнем Казахстане в 2013 г. была принята Государственная

¹ Мураталиева З. Т. Информационная политика как слабое звено...

² Как экстремисты вербуют кыргызстанцев в Сети...

программа «Информационный Казахстан – 2020» для укрепления информационной безопасности страны и внедрения современных технологий. «Узбекистан и Казахстан, в отличие от других центральноазиатских государств, стремятся к собственной организации обеспечения информационной безопасности и противостояния негативному информационно-психологическому воздействию противников»¹. Это также можно объяснить стремлением властей этих республик к широкому контролю над обществом и сложившейся у них политической практики, однако стоит признать, что Кыргызстан достаточно серьезно уступает своим ближайшим соседям.

В Кыргызстане уже предпринимались попытки со стороны государственных органов разработать законодательные и административные основы регулирования данной сферы. Для институционального наполнения были созданы и реорганизованы: в 2006 г. – Национальное агентство информационных ресурсов, технологий и связи; 2007 г. – Межведомственная комиссия по вопросам обеспечения информационной безопасности; 2010 г. – Консультативный совет Государственного агентства связи при правительстве КР; 2014 г. – Совет по информационной политике при Министерстве культуры, информации и туризма. В 2004–2005 гг. была разработана первая Концепция информационной безопасности Кыргызской Республики, однако она была принята незадолго до мартовских событий 2005 г. и, в итоге, не была реализована.

Была также разработана Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 гг., в которой обрисовывались контуры государственной информационной политики:

¹ Токсоналиева Р. М. Пути противодействия информационно-психологическим воздействиям... – С. 189.

– проведение уполномоченными государственными органами систематического мониторинга материалов СМИ, содержащих контент-анализ прессы, существующих телерадиопередач на религиозные темы, опубликование и широкое обсуждение результатов анализа и принятие своевременных мер по обеспечению информационной безопасности;

– разработка методологической базы информационных кампаний по продвижению в СМИ и социальных медиа конструктивного дискурса о религии путем создания альтернативного радикально-экстремистскому дискурсу информационного поля с целью разоблачения манипулятивных методов деструктивной и экстремистской пропаганды;

– рассмотрение в рамках перехода на цифровое вещание в качестве одной из приоритетных задач поддержку медиа-проектов по созданию научно-познавательных, обучающих программ, нацеленных на расширение кругозора аудитории, продвигающих идеи светского поликонфессионального общества, гражданской идентичности и правовой культуры, посвященных истории мировых религий, дискуссионных передач;

– координация усилий религиозных организаций, экспертов, исследователей, политических деятелей, гражданских активистов, поддержка позитивных инициатив религиозных организаций, частного сектора, гражданского общества, общественных объединений и частных лиц по распространению позитивного гражданского активизма и противодействию деструктивной информационной деятельности в СМИ¹.

В 2019 г. Государственным комитетом национальной безопасности (ГКНБ) предложена новая Концепция

¹ Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 гг. от 14 ноября 2014 г. ...

информационной безопасности Кыргызстана на 2019–2023 годы¹, которую, правда, еще предстоит утвердить. В ней даются определения основных категорий:

– *национальные интересы Кыргызской Республики в информационной среде* – объективно значимые потребности в сохранении системы жизненных устоев и ценностей, обеспечении устойчивого развития и защищенности личности, общества и государства в информационной сфере;

– *информационная безопасность Кыргызской Республики* – состояние защищенности личности, общества и государства от информационных угроз;

– *угроза информационной безопасности* – потенциально возможное событие, действие (воздействие), процесс или явление, которое может привести к нанесению ущерба национальным интересам в информационной сфере в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Ключевыми проблемами состояния информационной безопасности, по мнению разработчиков Концепции, являются:

– незащищенность, неконтролируемость и недостаточность правового и технического регулирования информационного пространства;

– распространение киберпреступности;

– отсутствие эффективного противодействия трансграничной информационной преступности в современных условиях;

– незащищенность индивидуального и массового сознания граждан от вредного и опасного контента в ходе информационного взаимодействия субъектов;

¹ Проект Постановления Правительства КР «Концепция информационной безопасности Кыргызской Республики на 2019–2023 годы» // URL: <http://www.gov.kg/?p=128759&lang=ru>

– возможность манипуляции мнением пользователей сети Интернет представителями террористических и экстремистских организаций;

– угроза подмены государственной идеологии и мировоззрения посредством навязывания идей через средства массовой коммуникации;

– угроза мобилизации граждан для участия в незаконных акциях, вербовки посредством материалов радикального характера;

– сложность контроля интернет-ресурсов, использующих шифрованный метод обмена данными между пользователями;

– слабо развитый отечественный контент средств массовой коммуникации; нехватка высоко квалифицированных кадров в сфере информационной безопасности, информационной политики и защиты государственных секретов.

Большое внимание в данной Концепции уделяется внешним факторам информационного воздействия, что показывает, какую озабоченность вызывают у ГКНБ действия ряда стран и организаций в отношении КР. К подобным внешним факторам относятся:

1) разработка рядом стран программ по ведению информационного воздействия и пропаганды, а также ведение этими государствами деятельности в интересах достижения преимущества в информационной сфере;

2) увеличение технологического отрыва других государств, усиливающее зависимость Кыргызской Республики от использования зарубежной техники и программного обеспечения для защиты критической информационной инфраструктуры;

3) деятельность международных экстремистских, террористических и других преступных сообществ, организаций и групп в информационной сфере Кыргызстана;

4) распространение в сети Интернет противоправного контента материалов деструктивного характера, а также иной идеологии, нарушающих нравственные устои общества;

5) обострение международной конкуренции за обладание стратегически важной информацией, стремление ряда стран к доминированию в информационном пространстве Кыргызской Республики и получению доступа к информации с ограниченным доступом;

6) введение некоторыми государствами на своих информационных рынках всевозможных ограничений, ущемляющих интересы Кыргызской Республики.

Как видно, в органах безопасности понимают, что «деятельность международных экстремистских, террористических и других преступных сообществ, организаций и групп в информационной сфере Кыргызской Республики» и «стремление ряда стран к доминированию в информационном пространстве» представляют серьезную угрозу в национальном масштабе.

В качестве ключевых мер по реализации данной Концепции предлагается: «создание государственной системы мониторинга, анализа и оценки информационного пространства, реализация государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности, совершенствование законодательной базы по регулированию взаимоотношений в информационной сфере, государственная поддержка средств массовой информации по производству отечественного контента, совершенствование правоприменительной практики в отношении распространения противоправной информации в информационном пространстве».

Подобные решения выглядят разумными и актуальными, однако вызывают вопросы следующие моменты:

1) источники финансирования в условиях перманентного дефицита государственного бюджета;

2) наличие достаточного количества квалифицированных специалистов для предполагаемой системы мониторинга, анализа и оценки информационного пространства;

3) отсутствие многих критериев для оценки риска, исходящего от того или иного материала, размещенного в СМИ или пропагандируемого какой-либо группой лиц.

Тем не менее очевидна необходимость скорейшего принятия данной Концепции (естественно, с учетом поправок и дополнений, в частности касающихся экспертиз), так как в вопросах информационного обеспечения национальной безопасности Кыргызстан отстает не только от ведущих стран, но и от соседей по Центральной Азии.

Выводы и рекомендации

Таким образом, очевидно, что политика в области информационной безопасности и суверенитета необходима для развития любого государства. Особенно актуальна эта проблема для Кыргызстана, находящегося под значительным идеологическим давлением, исходящим от разных держав и организаций. Проблема политизации и радикализации ислама за годы независимости Кыргызской Республики вышла на первый план; среди основных причин подобной ситуации можно выделить как внутренние (идеологический кризис, экономическая рецессия, слабая эффективность государственных и гражданских институтов и т. п.), так и внешние (глобальный рост терроризма и экстремизма, идеологическая экспансия некоторых держав).

В условиях политической слабости Кыргызстана на международной арене, невозможности «закрыть» страну

и отказаться от имиджа «островка демократии» основную ставку необходимо сделать на эффективную информационную политику, которая позволит ограничить воздействие деструктивных информационных потоков. При этом надо опираться как на опыт соседних и близких стран (Казахстана, России, Таджикистана, Узбекистана), так и учитывать свою специфику и сложившуюся практику. Так, политика «закручивания гаек» вызовет протесты у имеющей уже значительное влияние мусульманской общины, которая к тому же поддерживается и определенными политическими силами. Кроме того, это негативно скажется на сотрудничестве с международными донорами, которые приводят КР в качестве примера демократизации в Центральной Азии. Поэтому необходима более гибкая политика, которая будет направлена не на решение уже имеющейся проблемы, а на ее профилактику и предотвращение на ранней стадии.

Как нам представляется, необходимо предпринять ряд следующих мер, которые должны усилить информационную безопасность и ослабить внешнее воздействие на мусульман Кыргызстана:

- улучшить качество и разнообразие контента, размещаемого в СМИ, особенно на государственных телевизионных каналах и интернет-порталах, основной упор надо сделать на образовательные и научные программы;

- разработать единые стандарты экспертизы информационного контента на выявление нежелательных/запрещенных материалов;

- усовершенствовать законодательную базу в сфере регулирования религиозной сферы, принять Концепцию информационной безопасности Кыргызской Республики, разработанную ГКНБ, предварительно доработав с учетом экспертных мнений и международной практики;

Глава 2, параграф 2.3

– подготовить достаточное количество специалистов в области религиоведения, лингвистической экспертизы, IT-технологий, политологии и юриспруденция, которые будут специализироваться именно на вопросах информационной безопасности;

– сделать обязательным предмет «религиоведение» в школах и университетах, преподавание которого должно осуществляться с точки зрения науки и светских принципов;

– скоординировать усилия на международной арене, активнее использовать потенциал ОДКБ и ШОС, так как вопросы информационной безопасности часто имеют трансграничный характер и требуют совместных действий, особенно в борьбе с религиозным экстремизмом.

В целом, государственная система информационной безопасности должна стать унифицированной, управляемой из одного центра, направленной на защиту, прежде всего, интересов государства и общества, способной оперативно противостоять внешним угрозам. Для создания подобной системы необходимы совместные усилия государственных и гражданских институтов, экспертного и международного сообществ.

Глава 3

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МУСУЛЬМАНСКУЮ ОБЩИНУ КЫРГЫЗСТАНА И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕМУ

3.1. Религиозная составляющая турецкой политики в Кыргызстане

Политизация ислама в Кыргызстане является одной из острых общественно-политических проблем для республики. После обретения Кыргызстаном независимости в стране произошло религиозное возрождение, в котором нашли себе место многие религиозные конфессии, особенно ислам. За годы суверенитета сообщество мусульман Кыргызстана трансформировалось в достаточно активную общественно-политическую силу, которая одновременно может нести как созидательный потенциал, так и угрожать национальным интересам страны, особенно если учитывать экзогенные факторы исламизации Кыргызстана. К подобным факторам можно отнести деятельность религиозных фондов, образовательных учреждений с исламским уклоном, а также запрещенных экстремистских организаций. Практически все они финансируются и управляются внешними силами, что еще сильнее несет дополнительные риски и угрозы для республики.

В своей религиозной политике Кыргызстан использует понятие «традиционный ислам». Используя этот подход, государственные институты пытаются управлять

религиозными группами в стране и предотвращать негативное влияние религиозных конфессий внешнего происхождения. Особенно активно проявляют себя турецкие религиозные и образовательные организации, что позволяет утверждать о наличии реально существующих компонентов «пантюркизма» и «панисламизма» в геополитических проектах Турции.

Образовавшийся после распада СССР геополитический и идеологический вакуум в Центральной Азии попыталась достаточно успешно заполнить Турция. «Становлению отношений между Турцией и центральноазиатскими странами способствовали ее несомненные экономические достижения, этническое родство и языковая близость между турками и тюркскими народами Центральной Азии и привлекательный образ “турецкой модели” развития – государства с мусульманским населением и прочной исламской традицией, создавшего светскую политическую систему, включающую основные элементы западной демократии»¹.

Пантюркизм – как идеологическая система – появился в XIX в., основной целью данной идеологии является объединение всех тюркоязычных народов на первоначальном этапе в культурной сфере, а в перспективе – и создание единого тюркского союза или даже государства под названием «Великий Туран» (отсюда понятие «пантурализм»). В целом, пантюркизм – это националистическая идеология, включающая в себя идею единства родственных тюркских народов, обладающих языковой, культурной, религиозной и исторической общностью. Включение в систему пантюркизма нетюркских народов возможно только при условии их полной тюркизации под влиянием

¹ Троицкий Е. Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.) // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2009. – № 324. – С. 84.

тюркской культуры и языка. При этом главной движущей силой пантюркизма является Турция: «Скрытая цель пантюркистов – создать единое государство, в которое вошли бы разрозненные ныне тюркские народности. Под чьей же рукой должно объединиться это новое огромное государство? Конечно... Турции»¹. Кроме того, любопытно, что «основоположниками пантуранизма и распространителями его идей среди анатолийских турок были российские мусульмане»².

Основными элементами пантюркизма как политического учения являются:

- создание тюркского союза или государства «Великий Туран»;
- унификация тюркских языков, создание единого языка на основе латиницы;
- ставка на религиозные (исламские) и национальные ценности, тюркизация;
- модернизация по западному образцу (как пример – кемалистская Турция в 1920–1930 гг.).

В формировании и развитии пантюркизма можно выделить следующие периоды:

1) этап становления (XIX – начало XX вв.) – зарождение в Российской империи основ идеологии, затем распространение в Османской империи и среди народов Средней Азии и Кавказа. В годы первой мировой войны пантюркизм начинает использоваться в качестве идеологического оружия, что привело к ряду восстаний на территории Российской империи;

2) этап затишья (1920–1990 гг.) связан с запретом лобой пропаганды, кроме коммунистической, на территории

¹ Зареванд. Турция и пантуранизм / Введ. А. Н. Мандельштама. – Б/м: Ключ-С, 2015. – С. 37.

² Там же. – С. 35.

Советского Союза. Пантюркизм на этом этапе был ограничен для проникновения и в основном использовался в западной антисоветской пропаганде;

3) современный этап (с 1990 г.) с распадом Советского Союза характеризуется новым импульсом и распространением идей единства тюркских народов среди суверенных постсоветских республик, таких как Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан, и автономных в составе Российской Федерации (Татарстан, Башкортостан, Якутия и др.).

Одним из идейных создателей пантюркизма был Исмаил-бей Гаспралы (1851–1914 гг.), также известный как Исмаил Гаспринский, крымскотатарский общественный деятель, который призывал уделять большое внимание развитию тюркских языков. В 1883 г. в Бахчисарае (Крым) он начал выпускать на русском и тюркском языках журнал «Терджюман» («Переводчик»), пытаясь создать единый тюркский язык на основе крымскотатарского и турецкого и выдвигая Россию в качестве центра тюркского мира¹. Россию он рассматривал как естественную правопреемницу Золотой Орды, которая скорее была тюркским государством, чем монгольским. В качестве основы для будущего языка должен был выступить турецкий язык, из которого следовало убрать заимствованные персидские и арабские слова. Именно с выпуска журнала «Терджюман» можно давать отсчет в программном становлении пантюркизма как идеологии.

Как считал Гаспралы, тюркские народы в содружестве с русским народом смогут иметь лучшие возможности для объединения и развития. В своих произведениях он писал: «...в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских

¹ Landau Jacob M. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. – Indiana Univ. Press, 1995. – P. 9–11.

государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы»¹. В конце XIX в. Исмаил Гаспринский посетил страны Средней Азии с целью распространения своих взглядов и идей. Именно тогда впервые в Средней Азии заговорили об общих культурно-исторических корнях тюркоязычных народов, необходимости их объединения.

Однако попытки Исмаила Гаспринского создать единый тюркский язык не увенчались успехом, так как лингвистические различия в тюркских языках были к тому времени уже значительными, а роль «двигателя» тюркской интеграции постепенно перешла к Турции, которая сделала пантюркизм и панисламизм элементами своей внешней политики и геополитического проекта «Новой Османской империи».

К первым теоретикам пантюркизма можно также отнести проживавших на территории Российской империи Юсуфа Акчурина, который в начале XX в. написал «Исследование по истории государственных институтов Османской империи» и «Три вида политики», и Али Гусейнзаде, выдвинувшего идею «единой триады: тюркизация, исламизация, европеизация»². Таким образом, именно в России были заложены концептуальные основы пантюркизма, однако ряд политических катаклизмов (первая мировая война, революции, распад Российской империи) остановили развитие пантюркистских учений, а пальму первенства перехватила Турция.

¹ Гаспринский И. М. Россия и Восток: русское мусульманство. – Казань, 1993. – С. 18.

² Мухаметдинов Р. Акчура Юсуф (1876–1935) // URL: http://www.islam-portal.ru/learn/characters/?ELEMENT_ID=898; Буланова О. Али бек Гусейнзаде – азербайджанец, опередивший свое время // URL: <https://azerhistory.com/?p=9908>

В Турции идеи пантюркизма стали популярными из-за роста национального самосознания в ответ на системный кризис Османской империи. Одним из первых идеологов турецкого национализма с элементами пантюркизма был общественный деятель и социолог Зия Гекальп (1876–1924 гг.). Он выступал с критикой султанского режима, агитировал за создание национального турецкого государства, единство тюркских народов¹. Но после того, как пантюркизм в качестве программной идеологии был доведен «отцами-основателями» до практически завершенного вида, на значительное время он был забыт. Хотя позднее идеи Гекальпа использовал Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938 гг.), создатель современного турецкого государства, при этом Кемаль не стремился к активной тюркизации народов, проживающих за пределами Турецкой Республики, так как пантюркизм значительно шире турецкого национализма, сторонником которого был Кемаль, и включает в сферу своих интересов весь тюркский мир.

В годы «холодной войны» пантюркизм использовался в противовес коммунистической идеологии, направленной против СССР, поэтому в Советском Союзе пресекались любые идеи тюркского единства. После вступления Турции в НАТО пантюркистская идеология была возвращена к жизни с целью оторвать от Советского Союза республики с тюркским и мусульманским населением. В самой Турции пантюркисты добились поддержки своих проектов, не имея при этом своей политической партии и депутатов в парламенте. Это демонстрировало значительный уровень популярности пантюркистских идей среди различных слоев турецкого общества, в том числе и среди властей.

¹ Landau Jacob M. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation... – P. 36–37.

Переломным стал 1991 год, который ознаменовался крахом СССР, что позволило идеям пантюркизма снова стать популярными в Центральной Азии, на Кавказе и ряде субъектов Российской Федерации. Турция одной из первых держав не только признала независимость новых республик, но и практически сразу же открыла там посольства. Официально о новой внешнеполитической стратегии Турецкой Республики было заявлено в турецком парламенте 30 июля 1993 г. при объявлении программы 50-го турецкого правительства: «Появление новых независимых государств на постсоветском пространстве положило начало чрезвычайно новому и важному развитию для Турции. В 2000-е годы государство должно стать центром притяжения в этом обширном регионе. Связанная с тюркскими республиками близкими отношениями, она имеет перед ними особые обязанности и обязательства в процессе их открытия миру и интеграции в мировое сообщество»¹.

Как считают некоторые эксперты, пантюркизм, в отличие от других насаждаемых на постсоветском пространстве идеологий (например, ваххабизма, исходящего из стран Персидского залива), старается не идти на общественный конфликт и не проявляет агрессивной пропаганды: «...современный пантюркизм, в отличие от акций начала XX века, продолжает использовать исключительно мирные методы, в первую очередь экономическую и культурную экспансию, что, однако, не означает отсутствия политической подоплеки. Показательными в этом плане являются слова Сабирджана Бадретдина, опубликованные в "Татарской газете": "Важно сменить имидж пантюркизма в мире... избавиться от представления пантюркизма как инструмента политических амбиций Анкары. По крайней

¹ Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции... – С. 33.

мере, в ближайшее время движение должно сконцентрироваться на языке, культуре и правах человека»¹. Ставка делается на образовательные и нравственные процессы, пристальное внимание уделяется работе с молодежью – ее приобщение к турецкой социальной модели, изучению турецкого языка и традиций.

Также важно понимать, что пантюркизм является инструментом для другого, более масштабного, проекта – неосманизма, который, согласно идеям турецких стратегов и геополитиков, должен установить ведущую роль Турции не только на постсоветском пространстве, но и в Европе, на Ближнем Востоке, в Северной Африке. Концепция неосманизма подразумевает под собой связь внешней политики современной Турции с историческим наследием османов. Неоосманизм – это стратегический курс, направленный на возврат «оттоманского прошлого» с учетом современных реалий. В его основе лежат четыре принципа: крови, османского мышления, почвы и языка. Принцип крови означает ориентацию, прежде всего, на тюркские народы. Принцип почвы связывает концепцию с османским прошлым, которое пропагандируют новые лидеры Турции (в отличие от Ататюрка, старавшегося, наоборот, разорвать связь с ним). Данные принципы, в свою очередь, являются идеологической базой для формирования нового османского мышления и развития надтурецкой идентичности за счет применения методов гуманитарного и экономического воздействия, благодаря чему турки должны (как считает турецкое руководство) стать надрегиональными лидерами².

¹ Васильева С. А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // Социум и власть. – 2011. – № 3. – С. 76.

² Мехдиев Э. Т. «Неосманизм» в региональной политике... – С. 33.

Для реализации подобных проектов Турцией был проделан ряд институциональных шагов. В 1991 г. была создана Ассамблея тюркских народов, которая официально провозгласила своей целью пропаганду «тюркского мира», в 1992 г. появилась Объединенная администрация тюркских искусств и языков, в 1993 г. – Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ), в 2008 г. – Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, в 2009 г. – Тюркский совет, в 2010 г. – Международная Тюркская академия. В эти организации входят Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турция, Узбекистан (частично). Туркменистан фактически пока не вступает в «тюркское братство», но это связано с общими принципами внешней политики этого государства – избеганием участия в каких-либо международных блоках и объединениях.

Большим успехом в эти годы турецкой дипломатии и пропаганды, энергично добивавшейся перевода письменности тюркоязычных стран на латиницу, явилось принятие соответствующих решений Азербайджаном, Узбекистаном, Туркменистаном и Казахстаном (с 2025 г.). Стратегической задачей Турции, после успешного прохождения периода экономической и культурной интеграции, должно стать объединение тюркских народов в единое государство и его становление в мировой политике как весьма сильного игрока. События 2007–2008 гг. свидетельствуют, что Анкара уже начала предпринимать конкретные шаги по развитию такого союза, для создания административно-организационного каркаса которого она стремится использовать опыт строительства структуры Европейского союза¹.

¹ Джакупов Т. Центральная Азия во внешнеполитической концепции Турции // Постсоветские исследования. – 2018. – № 5. – С. 441.

Вместе с тем для того, чтобы расположить к себе местное население, турки открыли телеканал «ТРТ Евразия» для тюркоязычных стран. Также создавались один за другим экономические проекты. Например, в 2014 г. был подписан документ «Тюркский совет – современный Шелковый путь», цель которого – сделать Анкару своеобразным мостом между Центральной Азией и Европой. В энергетической сфере сотрудничество набирает обороты в рамках проекта нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровода Баку – Тбилиси – Эрзурум, который доставляет центральноазиатский газ в Европу через Трансанатолийский газопровод¹.

В это же время высшие чины страны озвучивают идеи пантюркизма и неоосманизма, которые наряду с умеренным исламом являются краеугольными камнями современной внешней политики Анкары. Например, турецкий лидер Р. Эрдоган заявил следующее: «Существует наследие, оставленное Османской империей. Нас называют “неосманами”. Да, мы “новые османы”. Мы вынуждены заниматься соседними странами и даже идем в Африку. Обведите на карте вокруг Турции круг диаметром 1000 километров – в него попадет 20 стран; обведите круг диаметром 3000 километров – в него попадет 70 стран. А сколько стран попадет в такой круг вокруг США? Турция будет интересоваться своим окружением»².

В самой Турции процессы идеологической экспансии на постсоветском пространстве также были официально оформлены в 1992 г.: «...пантюркистские идеи были,

¹ Мельникова К. Как бы дружба: Турция вытесняет Россию на постсоветском пространстве (2019) // URL: <https://iz.ru/914828/kseniia-melnikova/kak-druzhba-turtcia-vytesniaet-rossiiu-na-postsovetском...>

² Орлов Д. Г. Турецкий марш Эрдогана (2016) // URL: <https://ru.sputnik.kg/opinion/20160708/1027469605.html>

наконец, институционально и законодательно закреплены в результате создания Агентства по тюркскому сотрудничеству и развитию (ТИКА) при министерстве иностранных дел Турции. При этом официальная власть Турции отрицает всякую свою причастность к реализации пантюркистских планов в своей внешней политике. Единственная политическая структура в стране, официально подтверждающая свои пантюркистские взгляды, – Партия националистического действия, неизменно имеющая большое число сторонников»¹.

Основные принципы Партии националистического движения (ПНД) были изложены Алпарсланом Тюркешем (1917–1997 гг.) в 1965 г. в доктрине «девяти лучей»: национализм, идеализм, коллективизм, аграризм, сциентизм, народность, индустриализм, свобода и прогресс². ПНД ведет активную политическую деятельность, участвуя в политических выборах, создавая молодежные военизированные организации наподобие «Bozkurtlar» («Серые волки»), пропагандируя главенство Турции над «тюркским миром», куда, по мнению сторонников ПНД, должны входить и территории России и Китая. При этом религиозная составляющая идеологии Партия националистического действия находится на втором плане, так как это движение выступает за принципы секуляризма и кемализма.

Несмотря на то, что бывший президент Турции Сулейман Демирель, выступая в 1994 г. на конференции «Евразия в наши дни», заявил: «Турция не стремится ни к пантюркизму, ни к панисламизму. Ни в одном из периодов своей великой истории великое тюркское сообщество

¹ Васильева С. А. Пантюркизм на современном этапе... – С. 76.

² Alparslan Türkeş. Millî Doktrin Dokuz Işık, Genişletilmiş Birinci Baskı // URL: https://www.academia.edu/37620975/DOKUZ_I%C5%9EIK_ALPARSLAN_T%C3%9CRKE%C5%9E_%C3%96ZET

не существовало как единое государство», особенности внешней политики Турции, принципы ее «мягкой силы» убеждают в обратном. Так, например, скандально прославился в Казахстане и Кыргызстане турецкий журналист и гражданский активист Огуз Доган: он устраивал провокации на проверку знания государственного языка (казахского и кыргызского), записывал это на камеру и выкладывал в соцсетях. Как выяснилось, он является членом «Vozkurtlar» и пропагандирует идеи пантюркизма. Подобные провокации устраивались более 100 лет назад, что стало одной из причин восстания 1916 г. в Туркестане, которое было подавлено с большим количеством жертв с обеих сторон.

Как отмечает российский эксперт В. Аватков, «наиболее радикальные турецкие националисты уверены, что все тюрки должны объединиться под Турцией и жить по турецким правилам. Зона номер один – тюркские государства постсоветского пространства, зона номер два – тюркские народы различных государств постсоветского пространства – гагаузы в Молдавии или тюркские народы России. В отношении первых Турция ведет очень активную работу, в отношении других – осуществляет ползучую экспансию через науку и образование. Всё это – часть турецкой идеологии по распространению своего влияния»¹. Также турецкие националисты рассчитывают на создание в первую очередь союзного государства Турции и Азербайджана, которое станет центром притяжения для будущего тюркского союза.

Особенно часто Турцию стали критиковать при правлении Партии справедливости и развития (лидер Реджеп Тайип Эрдоган), которую обвиняют в исламском уклоне,

¹ Мельникова К. Как бы дружба: Турция вытесняет Россию на постсоветском пространстве...

отходе от светской и демократической модели и принципов Ататюрка. «С приходом к власти ПСР в 2002 г. и последовавшего за ним резкого экономического подъема Турция стала всё больше позиционировать себя в качестве субрегиональной державы. В результате, традиционный внешнеполитический дискурс цивилизационного “моста” (bridge), соединяющего запад и восток, был заменен на концепцию “центральной силы” (central power), где Турция выступает в качестве самостоятельного геополитического и геостратегического центра. В свою очередь, Центральная Азия, разделяя историко-культурную общность, рассматривается Анкарой как “важное стратегическое пространство”»¹. Подобная активная геополитическая позиция потребовала активизации на идеологическом фронте, что отразилось в усиленном проникновении турецких образовательных и религиозных организаций в регион и в Кыргызстан, в частности. В то же время соседний Узбекистан, оценив действия Анкары как угрозу своему суверенитету, ограничил активность Турции внутри страны, закрыв еще в 1999 г. турецкие лицеи.

В целом, если на ранних этапах турецкая внешнеполитическая доктрина опиралась на историческую традицию и общность языка, то на современном этапе ставка делается на образовательную и экономическую сферы. Кроме того, турецкая политика в отношении постсоветских республик имеет как светскую составляющую, так и религиозную. Именно деятельность различных турецких религиозных фондов и движений («Туркия диянет вакфы» (ТДВ), «Нурджулар», «Сулеймания») вызывает вопросы. Так, «Туркия диянет вакфы» имеет свое представительство в Кыргызстане и занимается строительством

¹ Акылбаев И. Внутренние вызовы внешней политики Турции: влияние на Центральную Азию...

мечетей. Новая центральная мечеть в Бишкеке на 10 тыс. человек и стоимостью 25 млн долларов была построена именно на деньги данного фонда и Управления по делам религии Турции. На открытие этой мечети в 2018 г. был приглашен президент Турции Р. Эрдоган, а президент КР С. Жээнбеков заявил тогда: «Самым крупным спонсором, помогающим нам в этом деле, является братское турецкое государство, государственная власть, которой руководите Вы, уважаемый Реджеп Тайып Эрдоган. Здесь, на нашем сегодняшнем торжестве, присутствуют и имамы, получающие стипендии за счет финансовых средств, которые были выделены Вами. Я выражаю Вам благодарность и от их имени»¹. Таким образом, Кыргызстан на самом высшем уровне подтвердил влияние Турции на религиозную ситуацию в стране. Также, возможно, это было сказано, чтобы несколько смягчить ситуацию вокруг гюленовских лицеев, которая обострилась после событий 2016 г. в Турции – неудачного государственного переворота и ареста сторонников Гюлена.

Кроме того, «Туркия диянет вакфы» финансирует религиозную учебу кыргызстанцев в исламских вузах в Турции. Им оплачивается проезд, проживание, а также выдается ежемесячная стипендия. Пристальное внимание в своей деятельности этот фонд уделяет южным областям республики – как наиболее исламизированным. В частности, отмечалось, что в Ошском государственном университете часто проводились мероприятия с участием представителей «Туркия диянет вакфы»: «...представитель организации Мухлис Селим провел семинар среди преподавателей

¹ С участием президентов Кыргызстана и Турции в Бишкеке открылась Центральная мечеть (2018) // URL: <http://kabarlar.org/news/101391-s-uchastiem-prezidentov-kyrgyzstana-i-turcii-v-bishkeke-otkrylas-centralnaya-mechet.html>

университета и отметил о необходимости активизации обмена опытом среди преподавателей двух стран и внедрения в систему образования Кыргызстана передового опыта Турции по изучению канонов Ислама»¹. В этом же университете при финансировании ТДВ был открыт факультет теологии, где преподают граждане Турции, которые к тому же являются сторонниками «Нурджулар».

Фонд «Туркия диянет вакфы», имеющий штаб-квартиру в Анкаре, активно действует не только в Кыргызстане, но и во многих странах с мусульманским населением и в социальных сетях – например, на Facebook – имеет более 120 тыс. подписчиков. Там публикуются новости о достижениях Турции и ее граждан, а также посты с религиозным содержанием. Подобная активность в соцсетях говорит об эффективной работе этой организации.

Религиозные движения «Нурджулар» и «Сулеймания» также традиционно активны на юге республики, заполучив там значительное количество сторонников. Суфийское движение «Сулеймания» имеет своих представителей в некоторых медресе, где обучают мусульман канонам ислама, отличающимся от традиционных для региона трактовок Корана. Например, в городе Ош функционирует женское медресе, принадлежащее сторонникам течения «Сулеймания», где обучаются около 50 женщин, в том числе в качестве активных сторонников и посетителей отмечены сотрудницы Ошской областной администрации².

В 2012 г. турецкий проповедник Ибрахим Кемаль провел встречи с активистами запрещенной у нас организации

¹ Ибраев Б. Турецкий гамбит в Кыргызстане (2012)...

² Мадылбеков И. Третьего не дано: Кыргызстан всегда входил в зону интересов различных политических и религиозных сил (2013) // URL: <https://vesti.kg/component/k2/item/19268-imadyilbekov-tretego-ne-dano-kyrgyzstan-vsegda-vhodil-v-zonu-interesov-razlichnyih...htm>

«Хизб ут-Тахрир» и предложил организовать учебу для желающих в теологических учебных заведениях Турции¹. Кроме того, Кемаль встретился с тогдашним мэром города Ош М. Мырзакматовым. Подобные факты свидетельствуют об исходящей угрозе неконтролируемого миссионерства и деятельности различных религиозных организаций наподобие вышеупомянутых турецких фондов и движений. В уже ближайшей перспективе это может привести к чрезмерной политизации ислама и зависимости от Турции. Например, в Российской Федерации деятельность «Нурджулар», которая финансировалась через различные турецкие фирмы и фонды, была прекращена еще в 2000-х гг. из-за чрезмерной и местами достаточно агрессивной пропаганды ислама и пантюркизма. Как заявил тогда глава ФСБ РФ Н. Патрушев, через сеть «Нурджулар» «осуществлялся сбор информации о происходящих на Северном Кавказе процессах, велась пантюркистская и панисламистская обработка российской молодежи, изучались кандидаты на вербовку в целях формирования протурецкого лобби в местных властных структурах, проникновения в правоохранительные органы и общественные объединения». По данным ФСБ, функционеры этой секты осуществляли тесные контакты с представителями действующих в Турции организаций, оказывающих помощь бандформированиям в Чечне, в том числе фонда «Кавказ»².

Большую сеть образовательных учреждений имеет в Кыргызстане с 1992 г. организация турецкого писателя и проповедника Фетхуллаха Гюлена «Хизмет»: 16 лицеев «Себат» (переименованы в «Сапат»), университет

¹ Жаркынбаев К. Разыграть карту Кыргызстана не прочь и Турция (2012) // URL: <http://www.paruskg.info/2012/05/25/63409>

² ФСБ России пресекла деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар» (2002) // URL: <https://ria.ru/20021215/282282.html>

«Ала-Тоо», международная школа «Silk Road» и несколько средних школ. Само движение «Хизмет» (с турецкого «Hizmet» – «Служение») было создано для продвижения идей единства мусульман всего мира, повышения уровня образования, пропаганды пацифизма и противодействия экстремизму и радикальному салафизму. Считается, что последователей данного движения насчитывается несколько миллионов человек по всему миру, а количество школ превышает 1000. В целом, на Западе к деятельности Гюлена относятся положительно, особенно в сравнении с Эрдоганом – бывшим его соратником, а ныне – главным противником¹. Сами сторонники «Хизмет» говорят, что объединяются «по милости Аллаха» для пожертвований и улучшений условий людей, способствованию их образованию, а Гюлен является их духовным наставником, который заложил основы их организации.

Однако в русскоязычной экспертной среде существует мнение, что «отрываясь от образовательной части, становится очевидным, что движение Ф. Гюлена носит стратегические политические, экономические, религиозные цели. Одной из основных целей “Хизмета” в Центральной Азии и Кыргызстане, в частности, является распространение религиозных мировоззрений с турецкой точки зрения, распространение на их основе идей пантюркизма и тюркоцентризма для подрастающего поколения, через которые будет устанавливаться особый механизм взаимодействия, основанный на религиозных принципах “послушания и почитания учеником учителя”»². В Кыргызстане

¹ См.: The Gulenists fight back // URL: <https://www.economist.com/europe/2013/05/18/the-gulenists-fight-back>

² Молдобаев А. «Хизмет» в Кыргызстане как «лакмусовая бумажка» для турецкой дипломатии (2016) // URL: <https://cabar.asia/ru/ataj-moldobaev-hizmet-v-kyrgyzstane-kak-lakmusovaya-bumazhka-dlya-turetskoj-diplomatii/>

«Хизмет» воспринимают неоднозначно: с одной стороны, как религиозную организацию, распространяющую идеи религиозного модернизма и апеллирующую к либеральным ценностям, с другой – как социально-гражданское движение, объединяющее последователей Ф. Гюлена¹.

Показательным является, что в лицах «Себат» учеников обязывают читать труды Гюлена и другого турецкого богослова – Саида Нурси, основателя движения «Нурджулар». После окончания первой мировой войны и реорганизации Османской империи в Турецкую Республику деятельность Саида Нурси сводилась к пропаганде шариатского образа жизни, а также созданию отлично законспирированных по образцу суфистов религиозных ячеек, что шло вразрез с проводимой Ататюрком политикой секуляризации и либерализации турецкого общества. Как итог: Нурси был осужден и умер в тюрьме, однако его идеи получили широкое распространение не только в Турции, но в ряде других стран. Появились тысячи последователей идей Нурси, среди которых был и Гюлен.

Уже в 1970-х гг. Ф. Гюлен использовал идеи Нурси в своих проповедях и миссионерской деятельности, несмотря на существовавший тогда в Турции запрет на пропаганду радикальных религиозных учений. На основе идей Саида Нурси Гюлен вместе с другими последователями разработал устав «Рисале-и Нур», который стал идеологическим базисом для движения нурсистов. Характерной чертой этого программного документа была строгая конспирация и жестко иерархизованная структура. Произведения Нурси и Гюлена обсуждаются в турецких лицах во время сукбат (общения) – воспитательных уроков,

¹ Эсенманова Н. Исламские ориентиры Кыргызстана: роль зарубежных религиозных течений // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – № 3–4. – С. 216.

в которых должны участвовать все ученики. Часто во время таких уроков обсуждают чисто религиозные вопросы, где ученики должны показать свое отношение к исламу. Подобная практика больше напоминает участие в какой-нибудь секте, за что часто критикуют Гюлена и последователей Нурси.

Как объясняет турецкий религиовед Хатем Календер, разница между идеями сторонников Гюлена и Нурси следующая: «Нурджулар» заявили, что не намерены заниматься мирскими делами и будут служить лишь вере, будут далеки от политики и материальных вопросов, а вот организация Фетхуллаха Гюлена пошла в политику и попыталась заполучить контроль над силовыми и другими государственными структурами. Так, например, когда у гюленовцев возникло противостояние с действующим президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом, они как раз и не смогли сказать, что их волнует лишь духовное и политикой они заниматься не будут. Вместо этого они стали оппозицией, стали бороться как политическая сила и критиковать Эрдогана, вмешиваться в управление¹.

Кроме того, в 1990-х гг. Гюлен понял, что необходимо делать ставку не только на религиозную пропаганду, но и на качественное образование, отвечающее современным стандартам. Поэтому его сторонники начали открывать школы и лицеи по всему миру, при этом гюленовские учебные заведения быстро завоевали популярность. В Кыргызстане именно учащиеся лицеев «Сапат» завоевывают львиную долю медалей на школьных олимпиадах. В целом, по разным оценкам, в мире насчитывается более пяти миллионов сторонников Гюлена, значительная часть из них проживает на территории бывшего Советского Союза.

¹ Интервью с турецким теологом Хатемом Календером (2018) // URL: <https://delo.kg/?p=11837>

В Кыргызстане движение «Хизмет» получило широкое распространение. Система обучения в гюленовских лицеях достаточно хорошо обеспечена материально: общежития для студентов есть в каждой области страны, им оказывается материальная помощь, за проживание плата не взимается, питание тоже бесплатное. Во всех общежитиях существует свой порядок, время студентами впустую не тратится. Дисциплина на высоком уровне. На всё выделяется определенное время: например, в расписании есть специальные часы для чтения религиозной и художественной литературы и изучения трудов Фетхуллаха Гюлена и турецкого религиозного деятеля Саида Нурси¹.

В России и Узбекистане произведения Саида Нурси признаны экстремистскими и запрещены, а в Турции были запрещены труды Гюлена после начала его конфронтации с турецкими властями. Негативно к деятельности Гюлена относятся и официальные власти России, так как считают его проводником радикальных идей. В частности, Гюлену приписываются слова «Наша задача – формировать исламское мировоззрение. Именно так мы сможем захватить Россию без всякого джихада»².

Как отмечают эксперты, «инициативная миссионерская деятельность Ф. Гюлена послужила стимулом для создания вертикально структурированной организации. «Нурджулар» является примером многоступенчатой, четко структурированной организации. Ее деятельность носит конспиративный характер, существует собственная служба безопасности, располагающая банком данных на всех членов движения и занимающаяся, в частности,

¹ Асанов Б. Турецкий деятель Гюлен усиливает влияние на Кыргызстан...

² Чернявский А. Опасные книги турецкого богослова (03.03.2010) // URL: http://www.ng.ru/events/2010-03-03/3_turkey.html?id_user=Y

выявлением агентуры спецслужб и правоохранительных органов других государств»¹. Сама система обучения в этих религиозных заведениях построена так, что отбираются наиболее способные и показывающие отличные результаты ученики, которых в дальнейшем отправляют продолжать учебу уже в Турцию. Там они подвергаются более интенсивной религиозной подготовке, а также более усиленно изучают турецкий язык, историю, обычаи и традиции, т. е. подвергаются активной пантюркизации. При этом чем больше ученик показывает свою религиозность, тем лучше становятся у него условия для проживания и учебы. Наставники и учителя в учебных заведениях «Нурджулар» в большинстве своем являются практикующимися мусульманами, при этом они не должны выходить за рамки обозначенных для них руководством инструкций по обучению молодежи, в основе которых лежат религиозные принципы и идеи пантюркизма.

В основном, эмиссары «Нурджулар» стараются привлечь в ряды своей организации молодых людей с постсоветского пространства, в первую очередь мусульман – представителей тюркских народов стран Центральной Азии и субъектов Российской Федерации. В то же время структуры «Нурджулар» действуют в более чем 50 странах мира, что свидетельствует о солидных масштабах деятельности этой организации и наличии хорошего финансирования. Всего с начала 1990-х гг. миссионеры «Нурджулар» развернули за пределами Турции более 500 официально считающихся светскими учебных заведений, в которых в равной степени преподаются общеобразовательные и религиозные предметы². Ранее они пользовались широкой

¹ Моисеев С. В. Особенности пропагандистской деятельности международной экстремистской религиозной организации «Нурджулар... – С. 37.

² Там же. – С. 37.

поддержкой правительства Турции, однако после обвинений организации в пропаганде радикальных идей эта поддержка была ограничена.

Здесь надо сделать важное замечание: в отличие от других радикальных исламских организаций наподобие «Хизб ут-Тахрир» или «Исламского государства», которые делают ставку на маргинальные слои общества, сторонники Гюлена и «Нурджулар» стараются привлечь в свои ряды наиболее способных и перспективных молодых людей, которые в дальнейшем смогут добиться высоких позиций в правительстве или частных компаниях. Подобная стратегия является более выигрышной, чем простая вербовка религиозных боевиков или агитаторов, так как позволяет достаточно незаметно и очень эффективно проникнуть во все сферы и структуры страны-«жертвы», и здесь уже можно говорить о формировании параллельного государства.

Фактически, правительство КР игнорирует опыт наших стратегических партнеров и экспертов, указывающих на исходящие угрозы от подобной деятельности. В этом плане Кыргызстан, следуя своему имиджу «островка демократии», проявляя определенную уступчивость внешнему давлению, отличается от других постсоветских республик. Например, в Туркменистане турецкие школы обязали убрать историю религии из образовательной программы, в Узбекистане полностью закрыли турецкие лицеи и т. д. В Кыргызстане «образовательная программа в них строится в соответствии с государственными стандартами Министерства образования КР, но преподавание этики трактуется в тесной связи с религией, а личный пример преподавателей, совершающих намаз в лицеях, действует соответствующим образом на учащихся»¹.

¹ Вейцель Р. Влияние Турции на ислам в государствах Центральной Азии (2013)...

После конфликта между Гюленом и Эрдоганом, а особенно после неудачной попытки государственного переворота в 2016 г., турецкое правительство предприняло решительные шаги по установлению государственного контроля над «Хизметом» и прочими активами Гюлена. В частности, были выдвинуты требования к ряду стран закрыть гюленовские лицеи или передать их правительству Турции. Кроме того, был создан новый государственный образовательный фонд «Маариф» – эрдогановская альтернатива «Хизмету». Согласно официальным данным «Маарифа», за два года фонд открыл более 100 школ в 21 стране, но по неофициальным данным, представленным турецкой оппозицией, новый фонд всего лишь национализировал учебные заведения, ранее принадлежавшие Гюлену. «Фонд “Маариф” уже установил контакты с должностными лицами из 83 стран и назначил директоров в 39 из них. Недавно были открыты 32 новые школы в 11 странах, в том числе в Афганистане, Боснии и Герцеговине, Македонии, Сьерра-Леоне и США, где обучаются 1127 детей. В общей сложности 8506 учащихся в настоящее время обучаются в 76 школах, захваченных исламистско-эрдогановским фондом в Гвинее, Сомали, Судане, Народной Республике Конго, Мали, Мавритании, Нигере, Тунисе, Сенегале и Чаде»¹. В отчете также говорится, что были подписаны протоколы о передаче школ, связанных с движением Гюлена, еще в 25 странах². «Маариф» работает независимо от министерства образования страны, однако это единственная структура, которая имеет право открывать за рубежом учебные заведения

¹ Turkey's Erdoğanist Maarif Foundation has seized 76 overseas schools affiliated with Gülen movement (2018) (Перевод) // URL: <https://stockholmcf.org/turkeys-erdoganist-maarif-foundation-has-seized-76-overseas-schools-affiliated-with-gulen-movement/>

² Там же.

от имени турецкого правительства. Кроме того, президент Турции имеет право напрямую назначать 4 из 12 членов попечительского совета фонда, куда еще входят и 3 члена из кабинета министров, председателем которого он является, т. е. Эрдоган полностью контролирует принятие решений фондом «Маариф».

Скорее всего, «Маариф» также будет использоваться для продвижения идей пантюркизма и панисламизма. Как отмечает турецкий оппозиционный журналист, «Эрдоган позиционирует себя как халифа, лидера всех мусульман в мире, и рассматривает фонд “Маариф” как инструмент в своих усилиях по охвату нетурецких мусульманских групп. Он надеется, что сможет вырастить поколение своих сторонников, которые станут его новобранцами. Точно так же, как он направил миллиарды долларов, которые были выделены на светское государственное образование, религиозным государственным и частным школам в Турции, Эрдоган пытается добиться того же за границей, вкладывая значительные средства в школы, мечети и культурные центры в зарубежных странах. Он лично лоббирует это, когда уезжает за границу во время государственных визитов или когда он принимает глав правительств или государств в своем роскошном дворце в Анкаре»¹.

Таким образом, Эрдоган создал «Маариф» как гигантский образовательный фонд, финансируемый за счет государственных средств, для продвижения своей политической исламистской идеологии за рубежом через образовательные учреждения, которые были изъяты у членов движения Гюлена. При этом Эрдоган не забывает о религиозной составляющей турецкой пропаганды, выделяя

¹ Bozkurt A. Turkey's Maarif Foundation: Erdoğan's Trojan horse (September 5, 2017) // URL: <https://stockholmcf.org/commentary-turkeys-maarif-foundation-erdogans-trojan-horse/>

финансирование на строительство мечетей и религиозное образование, как это происходит и в Кыргызстане, где на турецкие деньги была построена большая центральная мечеть и действуют десятки лицеев.

Кыргызстан, в отличие от некоторых стран (например, Азербайджана, Таджикистана), отказался закрывать или передавать образовательные учреждения «Себат», ограничившись переименованием в «Сапат» и введением в состав его учредителей чиновников из Министерства образования КР. Скорее всего, это можно объяснить высоким уровнем лоббирования выпускников этих лицеев, которые преданы своему духовному наставнику Гюлену: более 12 тыс. кыргызстанцев окончили «Себат», многие из них уже занимают высокие посты в правительстве КР. Как отмечают эксперты, «...турки “работают на будущее” и результаты их влияния проявятся не сейчас, а по мере того, как будет взростеть поколение выпускников турецких школ и университетов. Возможно, что эти выпускники начнут со временем занимать ответственные посты в администрации и формироваться в протурецкие и исламские политические партии»¹. Как заявил недавно посол Турции в Кыргызстане Женгиз Камил Фырат, более 90% детей кыргызской элиты (депутатов, министров, даже члены семьи президента) обучаются в системе «Сапат», а многие члены гюленовской организации FETO после неудачного переворота 2016 г. бежали из Турции в страны Центральной Азии, в том числе в Кыргызстан².

В целом, в случае открытия в Кыргызстане образовательных учреждений «Маариф» (пока только подписан

¹ Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике... – С. 38–39.

² Посол Турции Ж. Фырат рассказал об активности FETO в Кыргызстане (2019) // URL: <https://www.for.kg/news-588750-ru.html>

меморандум о сотрудничестве между правительством КР и Фондом, в конце 2019 г. ожидается очередное соглашение о деятельности этой организации) мы получим на своей территории две турецкие конкурирующие образовательные сети, которые, однако, занимаются схожей деятельностью: обучением турецкому языку, пропагандой турецкого образа жизни, единства тюркских народов, исламских ценностей.

Также очевидно, что правительство Турции не откажется от дальнейших попыток национализировать образовательные учреждения Гюлена, что может привести к росту напряженности между Кыргызстаном и Турцией. В частности, в мае 2019 г. в Бишкеке во время ифтара (разговения), организованного Духовным управлением мусульман Кыргызстана, случился дипломатический скандал. Посол Турции в КР Женгиз Камил Фырат возмущен, что ДУМК пригласило на это мероприятие представителя ФЕТО (организации, которая считается гюленовской) – директора образовательного учреждения «Сапат» Орхана Инанды. «В месяц Рамазан вы приглашаете террориста, это что за муфтият? Я вам построил мечеть за \$35 миллионов, а вы меня ставите на одно место с террористом. Почему вы сюда приглашаете главу организации ФЕТО? Я вам скажу, что вам придется выбрать либо Турцию, либо террористов»¹, – заявил посол Турции и отметил, что официальная позиция нынешнего руководства Турции по Ф. Гюлену заключается в причислении его к списку террористов и особо опасных преступников. Кроме того, посол в довольно жесткой форме еще раз напомнил кыргызской стороне, что Турция является одним из главных спонсоров строительства

¹ Либо Турция, либо ФЕТО. Посол Турции в КР покинул ифтар ДУМК со скандалом (2019) // URL: https://24.kg/vlast/117303_libo_turtsiiya_libo_feto_posol_turtsii_vkr_pokinul_iftar_dumk_soskandalom/

мечетей в стране и практически поставил ультиматум: «либо Кыргызстан прекращает связи с Гюленом, либо Турция прекратит выделять финансирование»¹.

Очевидно, что Кыргызстан невольно для себя стал заложником внутритурецкого конфликта, «импортируя» в страну борьбу между сторонниками Эрдогана и Гюлена. Учитывая традиционно высокий градус напряженности в стране, превращение в «поле битвы» для турецких политиков грозит Кыргызстану большими проблемами. Как прогнозируют политологи, «бесспорно, что Турция является одним из основных партнеров для Кыргызстана. Десятки тысяч кыргызстанцев работают и живут в Турции; в свою очередь, большое количество турецких граждан и компаний открыли свой бизнес в Кыргызстане. Поэтому дальнейшее ухудшение отношений из-за статуса лицеев “Сапат” и других учебных заведений может негативно сказаться на гражданах обеих стран – необходимо как можно скорее решить этот вопрос. В такой ситуации правительство Кыргызской Республики должно отказаться от своей выжидательной позиции и найти компромисс с турецкими властями»². Иначе правительство Кыргызстана будет и дальше сталкиваться с требованиями официальной Анкары по ликвидации деятельности ФЕТО и «Сапат» на территории республики. В качестве ответных мер турецкого правительства могут возникнуть проблемы у работающих или обучающихся в Турции кыргызстанцев, которых, по официальным данным, около 35 тыс., Турция также может свернуть или ограничить

¹ Либо Турция, либо ФЕТО. Посол Турции в КР покинул ифтар...

² Тусупбеков А. Е. Кыргызско-турецкий дипломатический скандал: Кыргызстан между гюленистами и Эрдоганом (2019) // URL: <https://iacentr.ru/experts/alibek-tusupbekov/kyrgyzsko-turetskiy-diplomaticheskii-skandal-kyrgyzstan-mezhdu-gyulenistami-i-erdoganom/>

инвестиционную и образовательную деятельность на территории Кыргызской Республики.

Министерство иностранных дел Турции поддержало требования своего представителя: «То, что на организованный муфтиятом Кыргызстана ифтар 8 мая 2019 г. были приглашены руководители ФЕТО/ФЕТО в этой стране, неприемлемо. Приглашенный на данный ифтар Чрезвычайный и Полномочный Посол Турции в Кыргызстане заметил данную ситуацию и проявил свою необходимую реакцию, которая является справедливой. Мы ожидаем чувствительного отношения к данному вопросу не только от официальных инстанций, но и от всех национальных учреждений дружественных для нас стран»¹. В августе 2019 г. ряд турецких СМИ сообщили, что в Стамбуле был задержан гражданин Кыргызской Республики. Его подозревают в причастности к движению Гюлена (ФЕТО). Всё это говорит о серьезности намерений официальной Анкары в отношении сочувствующих Гюлену, пусть даже это может вызвать международный скандал и разрыв прежде динамично развивавшихся отношений, в том числе и с Кыргызстаном.

Ранее, во время визита президента КР. С. Жээнбекова в Турцию в 2018 г., Эрдоган также достаточно четко предупредил: «Наше близкое сотрудничество, к сожалению, подверглось различным испытаниям после попытки переворота в 2016 году. ФЕТО попытался через людей, подвергнувшихся его влиянию, отравить и испортить наше сотрудничество. Члены ФЕТО и люди, симпатизирующие им, попытались вбить клин в отношения между Кыргызстаном и Турцией. Сегодняшний визит президента Жээнбекова

¹ Федорчук О. Посол Турции вел себя вызывающе и забыл, что находится в Кыргызстане, а не дома (2019) // URL: <https://vesti.kg/politika/item/61037-posol-turtsii-vel-sebya-vyzyvayushche-i-zabyil-chto-nakhoditsya-v-kyrgyzstane-a-ne-doma.html>

является наилучшим ответом на такие попытки ФЕТО. В связи с этим хотел бы подчеркнуть следующее. Турция продолжит борьбу против этого движения, пока последний член ФЕТО внутри страны или за рубежом не понесет ответственность за содеянное. Мы не допустим того, чтобы у этих варваров руки были свободными и они оставались бы на воле»¹. Фактически, ситуация вокруг Гюлена и сетью его образовательных учреждений может стать причиной заметного осложнения или даже полного разрыва кыргызско-турецких отношений в случае повторения подобных скандалов.

Характеризуя модель ислама, которую сейчас активно распространяет Турция у себя в стране и ряде других государств (особенно в Центральной Азии), необходимо отметить, что ее формирование проходило под заметным влиянием одной из главных политических фигур Турции – Реджепа Тайипа Эрдогана. Этот политик, последовательно занимавший посты мэра Стамбула, премьер-министра и, наконец, президента, известен своей религиозностью и является приверженцем «политического ислама». Как отмечают эксперты, «Эрдоган происходит из религиозной, благочестивой семьи. Его дед и отец по своим взглядам относятся к почитателям идеологии суфийского тариката “Накшбандийя”, а сам Эрдоган получил духовное образование в школе имам-хатибов. В соответствии с законами республиканской Турции, в школах имам-хатибов изучается практически полный набор светских дисциплин, обычных для государственных турецких и школ, и по программам, обязательным для турецких школ»². В то же время

¹ Президент Турции поднял вопрос «гуленистов» на встрече с президентом Кыргызстана (2018) // URL: <https://rus.azattyk.org/a/29155062.html>

² Надеин-Раевский В. А. Идеиная борьба и «Новая Турция» // Вестник МГИМО. – 2016. – № 2. – С. 23.

большое значение там уделяется именно религиозному обучению, которое в полной мере прошел и Эрдоган.

Свою политическую карьеру Эрдоган начинал в Партии национального спасения и Партии благоденствия, которые выступали за построение турецкой государственности на основе исламских принципов. Партия благоденствия даже была запрещена в Турции в 1998 г. за нарушение светских принципов, но Эрдоган создал свою Партию справедливости и развития, которую позднее также стали обвинять в отходе от светской модели. Само понятие справедливости в названии партии уже указывает на принципы равенства среди мусульманской общины. Свою религиозную ориентацию будущий турецкий лидер продемонстрировал, когда выступал на одном из митингов в Стамбуле в 1994 г.:

«Минареты – наши штыки, купола – наши шлемы,
Мечети – наши казармы, верующие – солдаты,
Это божественная армия ждет нашу религию.
Аллах велик, Аллах велик»¹.

Именно за подобные радикальные призывы Эрдоган был осужден на несколько месяцев, что могло поставить крест на его политической карьере, однако социальная и религиозная ситуация в стране сложилась так, что турецкому обществу понадобился именно такой лидер – который бы сделал ставку на исламские ценности и национальные традиции, исходящие еще из времен Османской империи.

Популярности Эрдогану и его команде принесли успешные экономические реформы в 2000-х гг., в основе которых тоже лежит исламская идеология: «Другим аспектом

¹ Новый «Султан»: Как Эрдоган пытается возродить Османскую империю? (26.02.2019) // URL: http://www.aif.ru/politics/world/novyy_sultan_kak_erdogan_pytaetsya_vozrodit_osmanskuyu_imperiyu

реализуемого партией Эрдогана проекта Турции является новая модель экономики, которую западные эксперты определяют как “экономику исламского протестантизма”... с одной стороны, тяжелый, хорошо оплачиваемый труд был определен как “богоугодное дело”, а с другой, неэффективное использование капитала (его замораживание, например, на счетах в банках) определено как “грех”... а поскольку новый турецкий бизнес происходит из одной социально и религиозно мотивированной среды, можно сказать, что уровень доверия, играющий важную роль в преодолении кризиса, здесь крайне высок»¹.

Неудивительно, что экономические успехи Турции, вместе с пропагандой культуры, языка и религии, сделали привлекательным турецкий проект в ряде стран, в том числе и в Кыргызстане. «Распространение так называемой “турецкой модели”, сочетающей в себе “ислам, демократию, права человека и рыночную экономику”, поддерживалось Западом, а налаживание связей с постсоветскими тюркскими государствами должно было подчеркнуть в его глазах стратегическую важность Турции как “двери” в Евразию»².

Однако следует учитывать следующие факторы, которые сопровождают турецкую внешнюю политику. Во-первых, это воинственная риторика, которая присутствует как в действиях Анкары, так и в словах турецких политиков и дипломатов (достаточно вспомнить недавние высказывания турецкого посла в адрес директора «Сапата» и главы ДУМК). Возникновение осложнений в отношениях с Турцией часто сопровождается выдвижением

¹ Султанов Э. Модель Эрдогана (2009) // URL: <https://islamnews.ru/news-Model-E-rdogana>

² Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции... – С. 34.

ультиматумов со стороны последней. Во-вторых, несмотря на заверения даже на высшем политическом уровне, религиозная составляющая турецких идеологических проектов несет радикальную направленность и угрожает светским устоям государственности через идеи исламизма и политизацию религии. Финансирование различных религиозных фондов, которые ведут неконтролируемую деятельность на территории Кыргызской Республики, несет угрозу национальной безопасности. В-третьих, пропаганда ислама является во многом лишь одним из инструментов для более масштабных турецких проектов – пантюркизма и неоосманизма; мусульмане Кыргызстана в таких условиях становятся невольными заложниками чужой игры. Идеологами пантюркизма предполагается, что постепенное трехступенчатое реформирование языка (тюркизация, исламизация, модернизация) должно было создать базис для формирования общетюркской культуры, в то время как модернизация системы образования не только обеспечит тюркское государство необходимыми трудовыми ресурсами, но и гарантирует их идеологическое воспитание через принципы тюркизации и исламизации¹.

Показательна в плане имеющейся религиозной нетерпимости в турецкой модели ислама ситуация с Ф. Гюленом, который был в начале политической карьеры Эрдогана его союзником и даже наставником. Авторитет Гюлена среди турецких мусульман помог добиться успеха Эрдогану и его Партии справедливости и развития. Кроме того, гюленовские организации активно использовались для реализации внешнеполитических проектов, в том числе

¹ Васильева С. А. Роль идеологии пантюркизма в политических процессах республиканской Турции: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2012. – С. 16.

пропаганды ислама. Так, официально образовательная структура «Хизмет» не делает упора на религиозное образование, однако, по многочисленным свидетельствам выпускников школ, вся работа по воспитанию слушателей в «традиционном духе» проходит в общежитиях, где проживают слушатели. Этому способствуют строгий распорядок дня, авторитет наставников и жесткая дисциплина. В результате выпускники дерсханелер (курсов) не только обрastaют деловыми связями, впоследствии формируя новую элиту страны, но и приобретают корпоративное сознание, наполненное стойкими религиозными убеждениями и глубоким уважением к своему духовному лидеру. Даже в период, когда Ф. Гюлен находился в Турции под судебным преследованием (до 2008 г.), турецкое правительство поддерживало деятельность нурсистов в тюркоязычных регионах мира как «полезную для Турции»¹. Однако ряд действий Гюлена сделали его врагом номер один как для мусульман, так и лично для Эрдогана. Например, Ф. Гюлен выступал против отправки «Флотилии свободы» на прорыв блокады сектора Газы, целовал руку Папы Римского во время их встречи и т. п.

Таким образом, можно отметить высокий уровень влияния Турции на политические и религиозные процессы, проходящие в Кыргызстане. Причем эти тенденции, как показывают недавние события (строительство новых мечетей, открытие новых лицеев, деятельность религиозных фондов), всё более усиливаются. Идеологические основы стратегии Турции в отношении КР включают в себя различные аспекты, в первую очередь систему образования и распространение исламских ценностей. С одной стороны, турецкие лицеи и университеты предоставляют

¹ Надеин-Раевский В. А. Идеиная борьба и «Новая Турция»... – С. 25.

высокое качество образования – на уровне западных стандартов, а турецкая модель ислама, хоть и имеет ряд спорных моментов, менее радикальна, чем идеи салафизма, насаждаемые странами арабского мира. Арабский салафизм и турецкий пантюркистский ислам в какой-то степени даже конкурируют друг с другом на территории постсоветского пространства, при этом турецкая модель для многих (в том числе и для светских институтов) выглядит более предпочтительной, так как она более заточена на образование и изучение языков (турецкого и английского). В то же время ряд экспертов считают, что турецкая модель ислама направлена также на появление халифата – теократического государства: «Турецкую политику в Центральной Азии теперь усугубляет и религиозная составляющая. Идеология эрдогановской Партии справедливости и развития идентична идеологии известных “Ихван уль-муслимон”, “Братьев-мусульман”, ее идеал – построение исламского халифата, объявление халифа и в дальнейшем расширение своего влияния, по крайней мере в границах прежней Османской империи. Экспорт идеологии неоосманизма и радикальной исламизации – базовые идеологема и геостратегия Турции как в происходящем переформатировании внутри страны, так и в исторически важных для нее регионах, являющихся заодно жизненно важными для России»¹.

С другой стороны, все эти процессы проходят сквозь призму пантюркизма, панисламизма и превосходства турецких стандартов, что может стать угрозой безопасности Кыргызской Республики, так как Турция успешно создает лояльное к себе население как в религиозном, так и в культурно-цивилизационном отношении. Существует

¹ Князев А. А. Карт-бланш. Пантюркизм и идеология «Братьев-мусульман»...

угроза появления в Кыргызстане параллельного государства, которое будет больше руководствоваться принципами исламизма и пантюркизма, чем законами КР. Это может случиться при появлении в Кыргызстане протурецких или исламских политических партий и движений, как это случилось в самой Турции, где к власти на долгое время пришел Эрдоган – выпускник религиозной школы имам-хатибов и лидер происламской Партии справедливости и развития.

Также важно, что хоть официальная Анкара в своих заявлениях не поддерживает призывы к исламизации или политизации ислама, однако через различные структуры (религиозные и образовательные фонды, а также некоторые националистические организации) стремится к поддержке тюркского и мусульманского сепаратизма в КНР и РФ, росту религиозных настроений в постсоветских республиках, установлению своего контроля над территорией «тюркского мира». При этом основным методом распространения влияния Турции выступает обучение и воспитание молодежи в тюркских странах на основе ценностей пантюркизма и панисламизма. Новый виток развития пантюркизма в мире – естественное следствие процессов глобализации, которые ведут к утрате традиционными государствами своей прежней политической субъектности и, как следствие, подталкивают политические элиты, которые чувствуют угрозу суверенитету своих стран, к работе над построением надгосударственных институтов, которые могли бы гарантированно обеспечивать политические, экономические и культурные интересы стран и народов, входящих в эту «политическую корпорацию». В мировой политической системе «вызов – ответ – вызов» пантюркизм явился ответом на стоящие перед тюркскими народами вызовы. Сегодня уже сам

пантюркизм является вызовом для остальных политических игроков¹.

Турецкая модель ислама при правлении Эрдогана становится более агрессивной, и в целом при ней наблюдается отход от светских («кемалистских») принципов. В турецкой модели наблюдается слияние исламских ценностей с пантюркистской идеологией. При этом Кыргызстан старается придерживаться «традиционного» ислама, который в центральноазиатском регионе имеет заметные отличия от турецкой модели ислама. Налицо религиозно-идеологические различия, которые могут стать камнем преткновения.

Кроме того, излишний крен в пользу дружбы с Турцией неизбежно должен привести Кыргызстан и другие центральноазиатские республики к ухудшению уровня межгосударственных отношений с Россией и Китаем, опасаящихся роста сепаратизма и терроризма на своей территории.

В качестве профилактики подобных угроз выглядит рациональным ограничение турецкой религиозной пропаганды на территории постсоветских стран с сохранением высокого уровня экономических и культурных отношений. В частности, необходимо усилить контроль за исламскими фондами и организациями, получающих финансовую помощь от турецкого правительства. Также официальному Бишкеку необходимо окончательно определиться со статусом образовательной сети «Сапат», так как эта до сих пор неразрешенная проблема несет значительный конфликтный потенциал во взаимоотношениях между Кыргызстаном и Турцией.

¹ Обухов И. Пантюркизм: что это и чем это грозит России? (2014) // URL: www.ca-news.org/news:1058082/?f=cp

3.2. Мусульмане Кыргызстана как объект внешнего воздействия стран Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока

Процесс реисламизации и роль экзогенных акторов

После распада СССР религия в Кыргызстане превратилась в фактор социально-политической жизни. Принимая во внимание тот факт, что большинство населения республики мусульмане, особую актуальность приобрел процесс реисламизации. Спектр определений данного процесса в силу его многоаспектности достаточно широк. В частности, одни авторы уделяют внимание таким его проявлениям, как легитимация официального исламского духовенства и его организационное оформление, появление и официальная регистрация различных исламских неправительственных организаций и развитие исламского образования, а также деятельность иностранных исламских структур¹. Другие ученые, например, С. Хантингтон, определяют данный процесс как попытку людей найти источник идентичности, развития и путь к новой жизни, индикаторами которой, по его мнению, являются повышенное внимание населения к соблюдению религиозных ритуалов, стандартов в одежде и норм поведения, а также рост количества исламских школ, благотворительных организаций, банков и т. д.².

Однако в интерпретации С. Хантингтона процесс реисламизации неизбежно влечет за собой рост популярности исламистских идей установления исламского государ-

¹ Вильковски Д. Арабо-исламские организации в современном Казахстане: внешнее влияние на исламское возрождение. – Астана; Алматы, 2014. – С. 22–23.

² Huntington S. Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Schuster, 1996. – P. 109–110.

ства¹. Подобного похода к объяснению сущности процесса исламского возрождения придерживается и французский эксперт Ж. Кепель, который утверждает, что причины радикализации кроются в сущности исламского вероучения². В свою очередь, О. Руа, приводя схожую характеристику процесса реисламизации с определением Хантингтона как процесса роста духовной потребности мусульман в демонстрации своей религиозной идентичности через соблюдение исламских ритуалов, практик, поведения и т. д., тем не менее подчеркивает, что этот процесс не линейный и его конечной точкой не является установление исламского государства. Он указывает на то, что в рамках данного процесса создаются и транслируются различные дискурсы, которые могут вести к созданию определенных политических и социальных радикальных движений на основе различных интерпретаций Корана, что ведет к ситуации, когда «особое значение принимает не то, что действительно говорится в Коране, а то, как мусульмане интерпретируют то, что говорится в Коране»³.

Соответственно, процесс исламского возрождения имеет как внутренние, так и внешние триггеры. К внутренним, как правило, относят спектр причин социально-политического и идеологического характера. В свою очередь, к категории внешних факторов относят влияние адептов исламского вероучения, не традиционного для Центральной Азии, практикуемого в странах Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также геополитическую

¹ Huntington S. Clash of Civilizations and the Remaking... – С. 110.

² Putz C. Kepel vs Roy: Arguing About Islam and Radicalization (14.07.2016) // URL: <https://thediplomat.com/2016/07/kepel-vs-roy-arguing-about-islam-and-radicalization/>

³ Roy O. Globalized Islam. The Search for a New Ummah. – New York: Columbia Univ. Press, 2004. – P. 7, 10.

конкуренцию между мировыми центрами силы, продвигающими свои интересы через использование исламского фактора.

В этом контексте А. Халид подчеркивает, что деятельность зарубежных исламских движений не всегда соответствует реалиям и особенностям региона¹. Однако если Халид отмечает определенный уровень резистентности местного населения к восприятию этических, идеологических установок и религиозных трактовок, которые распространяются данными движениями и организациями, что подрывает их позиции², российский ученый К. Поляков указывает на их значимость не только в аспекте трансформации обрядовой жизни мусульман Центральной Азии и России в постсоветский период, но и в контексте социально-политических трансформаций. В частности, он проводит корреляцию между ростом сепаратистских настроений под исламистскими лозунгами в Чечне в начале 1990-х гг. и деятельность мусульманских миссионеров и благотворительных организаций из стран Персидского залива³.

В целом, распад СССР стал бифуркационной точкой в развитии взаимоотношений между странами Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока, так называемым исламским миром, и Центральной Азией после почти векового изоляционного развития. Процессы реисламизации и трансформация идентичности социумов центральноазиатских государств обусловили превращение ислама в механизм поиска точек корреляции между ЦА и остальным исламским миром. По мнению

¹ Khalid A. Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia. – Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 2007. – P. 125.

² Там же. – P. 125.

³ Цит. по: Вильковски Д. Арабо-исламские организации в современном Казахстане... – С. 20.

Д. Вильковски, именно фактор конфессиональной близости народов стран ЦА и стран исламского мира, рельефно обозначившийся в период поиска национальной идентичности, способствовал заполнению духовного вакуума в республиках после распада СССР¹.

В результате проводимой политики либерализации всех сфер общественной жизни страны ЦА превратились в источник притяжения большого количества исламских миссионеров, организаций, фондов, благотворительных центров под лозунгом исламской солидарности². Как отмечают российские эксперты А. Малашенко и Д. Тренин, «железный занавес» был поднят одновременно и на Западе, и на Востоке. Проникновение из-за рубежа религиозных представлений, не свойственных утвердившемуся на российской почве исламу, очевидно, следует рассматривать в контексте диалога культур, неизбежного в условиях общества, претендующего на открытость»³. При этом авторы акцентируют внимание на амбивалентном характере зарубежных исламских организаций, отмечая, что, с одной стороны, они оказывают финансовую поддержку местному населению, снижая уровень социальной напряженности и повышая уровень религиозной грамотности (например, открытие детских домов, строительство исламских образовательных учреждений и т. д.), однако, с другой стороны, их деятельность в контексте иных религиозных установок ведет к психологическому дискомфорту и напряженности, а также к подрыву авторитета местного духовенства, обвиняемого в конформизме по отношению к власти, виновной

¹ Вильковски Д. Арабо-исламские организации в современном Казахстане: внешнее влияние на исламское возрождение... – С. 28.

² Там же. – С. 21.

³ Малашенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2002. – С. 94–95.

в социально-экономических трудностях и политической нестабильности¹.

Вместе с тем следует отметить и фактор геополитического противостояния, который способствует усложнению религиозного поля Кыргызстана в аспекте манипулирования внешними акторами религиозной риторикой в целях создания внутри- и межконфессиональной напряженности в республике в своих интересах. В этом аспекте справедливо утверждение Джеффри Хейнса о том, что внешняя политика государств, нацеленная на достижение определенных целей и реализацию национальных интересов, должна быть достаточно гибкой, чтобы встраиваться в изменяющиеся контуры международных отношений². Между тем она во многом определяется внутривнутриполитической конъюнктурой, внутренними потребностями, приоритетами, сильными и слабыми сторонами государства. Соответственно, внешняя политика государства детерминирована рядом объективных условий – историей, географией, социально-экономической ситуацией и культурой, которые находятся в связке с трансформирующейся системой международных отношений³. Применительно к Кыргызстану после приобретения независимости можно утверждать, что страны арабского мира, ориентируясь на свои сильные стороны – религиозный потенциал, стали встраивать их в контуры изменившейся с распадом СССР геополитической ситуации в мире, транслируя свою модель государственно-исламских отношений в Кыргызстан, используя широкий набор инструментария «мягкой силы».

В свою очередь, российские ученые А. Ю. Тимонова и Н. А. Бутенко считают, что религия представляет

¹ Khalid A. Islam after Communism. Religion and Politics... – P. 122.

² Haynes J. Religion and Foreign Policy... – P. 295.

³ Там же.

собой один из самых внушительных инструментов в геополитических противоборствах, поскольку она оказывает наиболее сильное и устойчивое влияние на мировоззрение населения и его мобилизационные характеристики¹. Более того, во внешнеполитической стратегии государств и шире – в геополитических противостояниях религия представляет собой исключительно прагматичный инструмент, а не цель как таковую². В этом контексте А. Салиев отмечает, что целью любой религии является расширение числа адептов, что коррелирует с целью государства как геополитической единицы к расширению подконтрольного пространства, что детерминирует историческую практику обращения населения новых территорий в религию государства-завоевателя³. Классическим примером может служить деятельность испанских и португальских конкистадоров и миссионеров в Латинской Америке по обращению местного населения в католицизм⁴.

Соответственно, тезис С. Хантингтона о том, что конфликты между государствами ушли в прошлое и человечество вступило в эру противоречий между цивилизациями, различия между которыми проходят по линиям религиозных убеждений⁵, можно считать ошибочной. В частности, враждебность Ирана в отношении США, с точки зрения Дж. Хейнса, объясняется не религиозными различиями,

¹ Тимонова А. Ю., Бутенко Н. А. О роли религии в современной геополитике // Общество и цивилизация в XXI веке: тенденции и перспективы развития. – 2014. – № 8. – С. 185–186.

² Там же. – С. 187.

³ Салиев А. А. Религия и геополитика: международные отношения в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). – Бишкек, 2017. – С. 77.

⁴ Там же. – С. 91.

⁵ Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. – 1993. – Vol. 72. – № 3, Summer. – P. 25.

а гегемонистической, фактически колониальной экономической политикой США на Ближнем Востоке, которая воспринимается большинством населения региона как проявление несправедливости и неравенства, а не в контексте влияния христианства¹. Этой же точки зрения придерживается и М. Айюб, указывая, что антиамериканские настроения на Ближнем Востоке детерминированы вовлечением США в региональные дела, что воспринимается населением как империалистическая политика, напоминающая колониальное прошлое под господством Франции и Великобритании².

Вместе с тем в ракурсе теории Хантингтона не укладывается ирано-иракская война 1980-1988 гг., будучи столкновением внутри одной цивилизации, а также тесное сотрудничество США с Саудовской Аравией даже после того, как был установлен факт того, что «Аль-Каида» финансировалась представителями королевской семьи Саудитов через благотворительные организации³ на фоне начавшихся бомбардировок Афганистана, который был лишь базой для тренировок боевиков.

Следовательно, рациональные государственные интересы продолжают определять характеристики системы международных отношений, в которых религия выступает лишь инструментом. Однако следует отметить, что это не универсальный инструмент и может эффективно и мирно применяться только в благоприятных условиях. В частности, П. П. Литвинов подчеркивает, что для распространения ислама в Центральной Азии были благоприятные условия – система социально-экономических

¹ Haynes J. Religious Fundamentalists // Routledge Handbook of Religion and Politics / Ed. J. Haynes. – New York: Routledge, 2008. – P. 164.

² Ayooob M. The Many Faces of Political Islam. Religion... – P. 164.

³ Bahdat G. Saudi Arabia and the War on terrorism... – P. 51–52.

отношений феодального общества в силу простоты его учения и обрядности¹.

Исходя из вышесказанного, цель настоящего параграфа состоит в том, чтобы выявить специфику воздействия стран Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока на мусульманскую общину Кыргызстана через анализ деятельности различных исламских организаций из этих стран, а также определить критерии, позволяющие выявить грань между внутримусульманским диалогом и деструктивным воздействием нехарактерных для мусульман Кыргызстана ценностных установок.

Характер первых контактов мусульман Кыргызстана с исламским миром в период позднего СССР

Первые контакты мусульман Центральной Азии в целом и Кыргызстана, в частности, с мусульманами стран Ближнего и Среднего Востока были установлены еще в 1980-е гг., когда, с одной стороны, были облегчены условия выезда граждан СССР в страны несоветского блока, а с другой стороны, руководство СССР стало проводить более терпимую религиозную политику, проявлявшуюся в распространении исторически традиционного ислама для региона (строительство мечетей, издание религиозной литературы), а также изменения морального климата через распространение положительного образа ислама как источника моральных норм. По мнению, Ш. Акинер, причины данных трансформаций состояли в следующем:

– необходимость минимизировать риски «исламской угрозы», предполагавшей импорт радикальных исламистских идей из Ирана и Афганистана в страны ЦА;

¹ Цит. по: Салиев А. А. Религия и геополитика: международные отношения в Центральной Азии... – С. 95.

– необходимость улучшения ситуации в экономике, спад в которой обусловил падение престижа советской власти¹.

До этого же периода руководство СССР развивало отношения только с идеологически близкими государствами региона (Египет, Иордания, Ливия, Сирия) посредством, как правило, реализации инфраструктурных проектов, подготовки национальных кадров, а также поставки вооружений². В аспекте же межмусульманской коммуникации контакты ограничивались участием центральноазиатского мусульманского духовенства в международных исламских конференциях и официальных визитах, а также обучением небольшого числа выпускников в исламских образовательных учреждениях, номинированных САДУМ, в Египте, Иордании, Ливии³. В данном контексте отношения с Саудовской Аравией, главным союзником идеологического противника Советского Союза – США, были фактически заморожены⁴.

Однако с 1980-х гг. для многих мусульман ЦА открылась возможность стать частью исламского мира, что стало проявляться в участившихся культурных обменах между странами, прежде всего Персидского залива и ЦА. В частности, в 1990 г. правительство Саудовской Аравии отправило 100 тыс. экземпляров Корана в Советский Союз в целях ликвидировать нехватку священных книг, обусловленную годами запрета на их печатание советским правительством⁵. Кроме того, правительством СА были предоставлены

¹ Akiner S. The Contestation of Islam in Post-Soviet Central Asia. A Nascent Security Threat... – P. 77.

² Вильковски Д. Арабо-исламские организации в современном Казахстане: внешнее влияние на исламское возрождение... – С. 30.

³ Akiner S. Указ. соч. – С. 75.

⁴ Вильковски Д. Указ. соч. – С. 30.

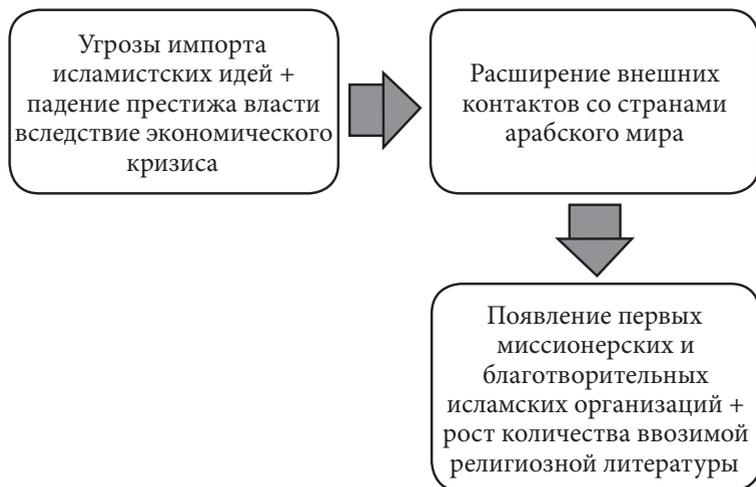
⁵ Khalid A. Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia. – Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 2007. – P. 122.

оплачиваемые квоты на хадж для граждан СССР, к которым относились как гостям королевства. Другим каналом культурной и конфессиональной коммуникации между мусульманами ЦА и СА была миссионерская и благотворительная деятельность саудовских организаций и фондов, которые стали открывать свои представительства в ЦА, распространяя литературу религиозного характера, переведенную на местные наречия, которая способствовала появлению различных интерпретаций исламских норм¹.

Представим характер первых контактов и их причин стран Центральной Азии с арабским миром в виде ниже-следующей схемы.

Схема 2

Причины и последствия расширения контактов стран ЦА с исламским миром в последние годы советской власти

¹ Khalid A. Islam after Communism. Religion and Politics... – P. 122–123.

Общие направления внешнеполитической стратегии стран Ближнего и Среднего Востока в отношении стран Центральной Азии после обретения независимости

Принимая во внимание географическую удаленность, а также отсутствие каких-либо контактов на протяжении практически всего советского периода между странами арабского мира и ЦА, культурно-религиозный фактор стал фактически единственной платформой для выстраивания отношений между ними. При этом отличительной чертой данных взаимоотношений, в сравнении с последними годами советской власти, был рост частных контактов на уровне гражданского общества, детерминировавших появление различных интерпретаций исламских норм миссионерскими организациями и учебными исламскими заведениями¹.

В этом контексте важно подчеркнуть, что данная плюрализация ислама в ЦА была стратегической целью стран арабского мира. Так, согласно результатам исследования текстов арабских политологов, проведенное Д. Вильковки, они содержали рекомендации поддерживать исламизированное сознание мусульман ЦА, создавая возможности для их приобщения к истинному исламу, освобожденному от веками формировавшихся национальных особенностей². Кроме того, ученый провела анализ мнений арабских теологов, печатаемых в газете «Исламский мир» – официального печатного издания Лиги исламского мира. Согласно полученным ею результатам, арабские теологи разработали программу возврата стран ЦА в русло истинного

¹ Akiner S. The Contestation of Islam in Post-Soviet Central Asia. A Nascent Security Threat... – P. 75, 87.

² Вильковски Д. Арабо-исламские организации в современном Казахстане: внешнее влияние на исламское возрождение... – С. 34.

ислама и интеграции их в мировую исламскую умму, которая включала следующие пункты:

– в сфере образования: а) обеспечение учебной литературой исламские образовательные учреждения; б) обучение молодежи арабскому языку; в) выделение грантовых мест на обучение молодых людей в арабских религиозных заведениях;

– в сфере экономики: оказание финансовой поддержки через кредитование и благотворительные фонды;

– в сфере межмусульманской коммуникации: а) подготовка и отправка миссионеров-распространителей истинного ислама; б) строительство объектов социальной инфраструктуры и мечетей¹.

В свою очередь, заинтересованность стран ЦА в сотрудничестве с арабскими странами Ближнего Востока была обусловлена тремя факторами:

во-первых, с точки зрения духовного обогащения,

во-вторых, с позиций экономических и социальных выгод, идущих параллельно с образовательными и культурными каналами коммуникации,

в-третьих, стремлением политического истеблишмента стран ЦА использовать потенциал ислама как важного элемента национальной идентичности для легитимации своего положения в политическом поле и создания нового имиджа национального государства в отличие от советского типа государства².

Миссионерские организации

Основная цель миссионерских организаций состоит в том, чтобы способствовать укоренению исламских норм

¹ Вильковски Д. Арабо-исламские организации в современном Казахстане: внешнее влияние на исламское возрождение... – С. 36.

² Там же. – С. 40.

в общественной жизни населения. Однако эти организации являются распространителями различных течений в исламе в зависимости от специфики той страны, где они были созданы, которая зачастую противоречит специфике стран Центральной Азии¹. При этом, по мнению А. Малашенко и Д. Тренина, противостоять влиянию миссионеров достаточно сложно ввиду того, что миссионеры владеют как психологическими тактиками вхождения в доверие населению, так и навыками доступного объяснения тех или иных событий с позиций священных в исламе книг, что выгодно отличает их от отечественных представителей духовенства².

В качестве примера негативных последствий такого зарубежного миссионерства можно привести случай имама из Кыргызстана – Шейха Ильяса, который стал последователем салафизма после того, как попал под влияние миссионера из Саудовской Аравии Шейха Мунтасира, жившего и проповедовавшего в Кыргызстане до середины 2000-х гг.³. После того, как Шейх Ильяс стал рассказывать прихожанам центральной мечети Бишкека и другим представителям исламского духовенства о том, что такие распространенные практики среди мусульман Кыргызстана, как ношение амулетов и посещение могил родственников, являются еретическими инновациями, которые необходимо искоренять, он был исключен из муфтията, однако продолжил распространение салафитских идей в частном порядке, обучая молодых людей исламу на дому⁴.

¹ Khalid A. Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia... – P. 125.

² Малашенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России... – С. 95.

³ Galdini F. Islam in Kyrgyzstan: growing in diversity (22.10.2015)...

⁴ Там же.

Более того, следует отметить, что миссионерские организации обладают значительными финансовыми средствами, позволяющими им совмещать религиозные проповеди с оказанием благотворительной помощи населению¹. По сути, данные религиозные организации начинают замещать государство в обеспечении населения необходимыми средствами к существованию, ослабляя таким образом легитимность государства и способствуя его дальнейшему разложению под влиянием патронажно-клиенталистских практик².

При этом следует подчеркнуть, что степень деструктивности данного влияния зависит от комбинации двух переменных: а) от государственной политики по улучшению социально-экономической ситуации в стране – активная или пассивная, б) от характера самой организации – является ли она транслятором радикальных идей или умеренного ислама. Исходя из этого, можно утверждать, что даже легальные миссионерские организации, распространяющие умеренный ислам, в условиях пассивной государственной позиции могут нести в себе деструктивное начало, увеличивая пропасть между государством и обществом. Вместе с тем другая сложность состоит в том, чтобы провести четкую грань между умеренными и призывающими к смене общественного и государственного строя радикальными группировками, учитывая их высокую степень как религиозной, так и политической подготовленности³.

¹ Малашенко А., Тренин Д. *Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России...* – С. 95.

² McGlinchey E. *Chaos, Violence, Dynasty. Politics and Islam in Central Asia.* – Pittsburgh, 2011. – P. 37.

³ Малашенко А., Тренин Д. *Указ. соч.* – С. 96.

Исламское образование

В настоящее время около 1000 кыргызстанцев, по данным МВД Кыргызстана, обучаются в религиозных учебных заведениях Пакистана, Саудовской Аравии, Египта, Турции, Иордании, Сирии, Йемена и Бангладеш¹. Эксперты отмечают, что особенность религиозного образования, которое получают граждане стран ЦА в зарубежных религиозных заведениях, заключается в том, что оно отражает особенности государственно-религиозных отношений, которые приняты в этих странах. При этом следует отметить тот факт, что ставка делается на тех студентов, у которых отсутствует предварительный базис религиозных знаний, поскольку они наиболее восприимчивы к той информации, которую им доносят². В свою очередь, негативным результатом того, что в каждой из стран, куда отправляются на обучение граждане стран ЦА, существует своя программа обучения (Египет, Саудовская Аравия, Иордания, Сирия, Пакистан), нацеленная на продвижение своих национальных интересов, является плюрализация мнений выпускников зарубежных религиозных заведений в видении системы государственно-исламских отношений, которые должны существовать в странах ЦА³.

Кроме того, следует отметить, что зачастую студенты, самостоятельно отправляясь получать религиозное образование, попадают в частные религиозные учебные заведения, возглавляемые неофициальными духовными

¹ Турусбеков Р. Психологический и социальный портрет экстремиста и террориста // Укрепление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2014.

² Abramson D. Foreign Religious Education and the Central Asian Islamic Revival: Impact and Prospects for Stability... – P. 28.

³ Там же. – С. 29.

лидерами-авторитетами, которые, как правило, являются адептами радикальных течений в исламе.

В качестве примера можно привести кейс имамов мечетей в Кара-Суу Шейха Алаутдина Мансура, который получил религиозное образование худжре в соседнем Узбекистане у муллы Хакимжана Моргилони, который был последователем учения Дамля Хиндустани, и Рашода Камалова, который изучал ислам в Университете Медины. В этих религиозных учебных заведениях студенты знакомились с работами Маудуди, Хасана аль-Баня и Кутба, что предопределило их взгляды на исламское вероучение и юриспруденцию в рамках салафизма¹. Особенность данной доктрины состоит в том, что она основана на призыве к возврату к истокам исламского вероучения, «освобожденного от всех религиозных наслоений последних лет» в целях поиска решения политических, экономических и социальных проблем, с которыми сталкивается Кыргызстан². По сути, они стремятся к унификации исламских практик и всех существующих в разных странах национальных особенностей вероисповедания. Салафиты ориентируются на то, как первые и благочестивые мусульмане в VII в. понимали и практиковали ислам. Вместе с тем они убеждены в том, что для интерпретации Корана необходимо использовать исключительно свод высказываний Пророка, а не индивидуальные суждения улемов³.

В целом, салафизм представляет собой сложное и постоянно развивающееся движение, которое включает в себя огромное количество идеологических взглядов, варьирующихся от «спокойного салафизма» – социально

¹ Biard A. Power, «Original» Islam, and the Reactivation of a Religious Utopia in Kara-Suu, Kyrgyzstan... – P. 114.

² Там же. – С. 115.

³ Там же. – С. 113.

консервативного и политически «мягкого» в аспекте того, что его последователи убеждены в том, что изменения в обществе должны происходить через образование, до «революционного салафизма», адепты которого проповедуют насильственные действия по изменению конституционного строя той или иной страны в соответствии с их представлением об исламском государстве¹.

В результате, у Алаутдина Мансура и Рашода Камалова, которые получили религиозное образование в контексте салафитской риторики, сформировалось особое мнение относительно государственно-религиозных отношений. Так, если Шейх Мансур стал адептом «спокойного салафизма» и в своих проповедях указывал на то, что для КР прежде всего необходимо вернуться к «чистому исламу», то Рашод Камалов доказывал в своих «антирежимных проповедях» необходимость революционных политических трансформаций в целях устранения несправедливости политического режима КР². При этом имам поддерживал личную связь с «Хизб ут-Тахрир».

Исламский банкинг

Кыргызстан был первым государством в Центральной Азии, который создал необходимые законодательные условия для развития исламского банкинга. В 1998 г. в стране был открыт первый в Кыргызстане банк с исламским капиталом – ЭкоИсламикБанк, который в настоящее время имеет 120 филиалов по всей стране и сотрудничает с такими международными исламскими финансовыми институтами, как Исламский банк развития, Малазийский институт исламского банкинга и финансов, а также

¹ Biard A. Power, «Original» Islam, and the Reactivation of a Religious Utopia in Kara-Suu, Кыргызstan... – P. 113.

² Там же. – P. 115.

Центральный банк Малайзии «Негара». Кроме того, в настоящее время в республике осуществляют свою деятельность несколько микрокредитных организаций на основе принципа мубарак, а также запущен пилотный проект исламского страхования.

Главным преимуществом данных организаций является тот факт, что они предоставляют кредиты по более низким процентам, чем коммерческие банки, что способствует быстрому росту этого рынка¹. Тем не менее, по мнению С. Пейруза, исламский банкинг не получил достаточного развития в Кыргызстане в силу существующих предубеждений как в обществе, так и среди политиков относительно идеологической составляющей работы исламских финансовых учреждений². В частности, он указывает на тот факт, что открытие инвестиционных фондов с участием иностранного исламского капитала, как правило, сопровождается открытием культурных центров, финансированием медресе, мечетей или благотворительных фондов, которые могут стать центрами распространения радикальных исламистских течений³. В свою очередь, исламские банки, работающие с физическими лицами, несмотря на то, что не пропагандируют радикальный ислам, тем не менее поддерживают другое прочтение исламского вероучения, нежеле которого распространено в Кыргызстане.

Таким образом, влияние экзогенных акторов на мусульманскую общину КР является многослойным и противоречивым. С одной стороны, в условиях глобализации полная изоляция от внешнего воздействия невозможна, с другой стороны, внешнее воздействие может нести

¹ Peyrouse S. Islamic Finance in Central Asia: A Religious or Political Influence? ... – P. 44.

² Там же. – P. 47.

³ Там же.

амбивалентный заряд – положительный и отрицательный. При этом доминирование плюсов или минусов зависит от проводимой государственной политики. Так, исламские банки и миссионерские организации могут способствовать улучшению социально-экономической ситуации в стране. Однако без четко организованного контроля их деятельности со стороны государства, а также бездействия государственной власти в аспекте оптимизации работы государственных органов по предоставлению населению необходимых услуг данные организации могут стать: а) центрами распространения чуждых религиозных воззрений; б) субститутами государственных органов, разрушая его суверенитет.

Между тем целесообразно учитывать тот факт, что каждый из внешних акторов преследует свои национальные интересы, которые могут находиться в противоречии друг с другом, что обуславливает необходимость в рамках данного исследования провести анализ как влияния отдельных акторов, так и отражения их противостояния на ситуацию в КР.

Стратегия Саудовской Аравии

Согласно российскому ученому Г. Косачу, в качестве обоснования углубления отношений между Саудовской Аравией и странами Центральной Азии властями первой использовалась религиозная риторика, основанная на подчеркивании исторических фактов принадлежности региона к исламскому миру, а именно: вклад центральноазиатских исламских ученых в развитие мусульманской цивилизации, который, в свою очередь, стал возможным в результате взаимодействия местного населения и пришлых в VIII в. арабских племен, описываемых в качестве защитников региона и распространителей

арабской культуры и ислама¹. При этом отмечалось, что моральный долг Саудовской Аравии как важного центра исламского мира, на территории которого расположены главные святыни ислама, оказать всемерную материальную и моральную поддержку странам ЦА в возвращении в мусульманскую цивилизацию по завершении эпохи тиранического коммунизма, который детерминировал их отход от основополагающих принципов исламского вероучения².

Административным органом за реализацию культурных обменов между Саудовской Аравией и странами ЦА стало образованное в 1993 г. Министерство мусульманских дел, вакфов, призыва и руководства, основу деятельности которого в центральноазиатском направлении составляли следующие мероприятия:

- отправка проповедников и делегаций;
- распространение религиозной литературы;
- реставрация и строительство мечетей и религиозных учебных заведений;
- финансирование благотворительных фондов³.

В случае Кыргызстана необходимо отметить отсутствие точных данных о количестве мечетей, построенных на средства различных фондов и организаций, финансируемых Саудовской Аравией. Тем не менее по неофициальным данным экспертов, занимающихся этим вопросом, одной из наиболее крупных организаций, финансирующих строительство культовых зданий, является Всемирная ассамблея мусульманской молодежи (ВАММ), которая спонсировала строительство 70% мечетей в республике (только

¹ Косач Г. Политика Саудовской Аравии на постсоветском «мусульманском» юге: цели и итоги курса... – С. 153.

² Там же. – С. 153–154.

³ Там же. – С. 155.

на юге страны на средства организации было построено 400 мечетей¹), а также намазканы в здании парламента КР².

ВАММ является независимой международной организацией, основанной в 1972 г. в Саудовской Аравии. Организация имеет сеть представительств в 55 странах мира и ассоциированное членство в 500 молодежных организациях по всему миру. Она входит в число НПО, зарегистрированных в ООН, как организация, занимающаяся гуманитарной деятельностью в мусульманском мире, которая предусматривает в том числе и строительство исламских объектов культа³. Однако ряд особенностей ее функционирования ставит под сомнение искренность и бескорыстность оказываемой гуманитарной помощи. В частности, после терактов 11 сентября в отношении ВАММ было начато уголовное дело по искам жертв и родственников погибших, обвинявших организацию в спонсировании террористов⁴. Вторым моментом, вызывающим подозрения, это отсутствие информации о ее участии в определенных проектах. Так, в 2004 г. жители Базар-Коргона обратились к ВАММ за спонсорской помощью для строительства мечети в условиях отсутствия собственных средств. При этом следует отметить тот факт, что хотя сведения о данной организации имеются в открытом доступе, средства на строительство мечети были выделены конкретным человеком, имя которого не разглашалось и держалось

¹ Усенбаев Ж. Кыргызстан – как основной импортер чуждой культуры (17.11.2014)...

² Esenamanova N. Kyrgyzstan's Islamic Reference Points: The Role of Foreign Religious Trends // Central Asia and the Caucasus. – 2015. – Vol. 16. – № 3–4. – P. 193; Усенбаев Ж. Кыргызстан – как основной импортер чуждой культуры (17.11.2014)...

³ McBrien J. From Belonging to Belief: Modern Secularism and the Construction of Religion in Kyrgyzstan... – P. 200.

⁴ Там же. – P. 146.

в полной секретности¹. В целом, строительство мечети в Базар-Коргоне прошло фактически незамеченным для населения, во-первых, в силу секретности вокруг спонсорского лица, во-вторых, ввиду отсутствия стратегии по расширению своей узнаваемости среди населения в виде буклетов, брошюр и т. д.².

Другой саудовский фонд «Аъриф» в 2013 г. получил разрешение в ДУМК на приобретение земельных участков на возведение более 10 мечетей в непосредственной близости от крупных автомобильных магистралей, зон отдыха, а также детских лагерей в четырех областях республики – Джалал-Абадской, Ошской, Чуйской и Иссык-Кульской³.

Главная угроза деятельности данных фондов и организаций состоит в том, что они могут быть потенциальными центрами распространения салафитских/ваххабитских идей. Следует подчеркнуть, что отсутствие на территории КР официально зарегистрированных религиозных учебных заведений СА обусловлено, прежде всего, различиями в правовых доктринах исламского вероучения, исповедуемого в СА и КР – ханафитского и ханбалистского мазхаба соответственно⁴.

Вместе с тем, по мнению К. Маликова, экспорт салафизма является национальным проектом Саудовской Аравии по распространению своего влияния в мире, будучи одновременно и механизмом легитимации режима саудитов⁵. Согласно Муллоджанову, проблема легитимности режима

¹ McBrien J. From Belonging to Belief... – С. 141.

² Там же. – С. 146.

³ Осмоналиев А. Кыргызстану нужны врачи и инженеры, а не муллы и имамы (28.12.2012) // URL: <https://paruskg.info/glavnaya/73098-73098.htm>

⁴ Восточный вектор внешней политики Кыргызстана: Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток / Под общ. ред. А. Л. Салиева. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011. – С. 234.

⁵ Саудовская Аравия – новый спонсор Кыргызстана (27.01.2014)...

в СА стояла особенно остро в середине XX в., когда в королевстве отдельные наиболее радикальные ваххабитские группировки инспирировали массовые недовольства политикой дома Саудов, который решил данную проблему посредством перенаправления активности этих группировок с внутривнутриполитической арены на внешнеполитическую¹. В этом аспекте К. Маликов отмечает, что салафизм, являясь официальной религией Саудовской Аравии, в процессе «экспорта» начинает искажаться, принимая радикальные формы, превращаясь в идеологию террористических группировок².

В свою очередь, для продвижения, экспорта салафизма была создана соответствующая внешнеполитическая инфраструктура – финансовые институты, деятельность которых является, по сути, «легальным» способом распространения салафизма. Другой путь – «нелегальный» – через салафитские джааматы, внешние центры управления которыми находятся на территории Саудовской Аравии, они ориентируются на фатвы, издаваемые саудовскими имамами³. Опасность данных группировок для безопасности КР состоит в том, что положения их трактовки исламского вероучения противоречат традиционному умеренному исламу в таких аспектах, как:

– отказ от поддержки светского государства в противовес идеи монархического теократического государства;

¹ Парвиз Муллоджанов: Постсоветская Средняя Азия и мусульманский мир: салафизация как инструмент геополитики (21.04.2017) // URL: <https://cabar.asia/ru/parviz-mullodzhanov-postsovetskaya-srednyaya-aziya-i-musulmanskiy-mir-salafizatsiya-kak-instrument-geopolitiki/>

² Саудовская Аравия – новый спонсор Кыргызстана (27.01.2014)...

³ Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике...; Саудовская Аравия – новый спонсор Кыргызстана...

– отказ от всех культурных особенностей вероисповедания в той или иной стране – традиций, обычаев, даже если они не противоречат шариату;

– буквалистское толкование священных книг – Корана и Сунны;

– нетерпимость к ширку, другим конфессиям, а также направлениям в исламе (шиитам, суфийским тарикатам)¹.

При этом, по мнению Муллоджанова, в регионе растет влияние идей данных групп в силу хорошо проработанной пропагандистской стратегии². Так, салафиты отказались от прямой критики положений ханафитского мазхаба и властей, сделав ставку на раскол исламского духовенства, обвиняемых в сотрудничестве с властями, через радикализацию выпускников исламских учебных заведений, финансируемых СА, которые посредством подкупа получают должности имамов в мечетях. Другим каналом трансляции идей салафизма являются легальные миссионерские организации и религиозные группы (например, «Таблиги джаамат»), в которых не ведется жесткий отбор проповедников, т. е., по сути, происходит конвергенция легального и нелегального способов распространения салафизма³.

Стратегия Ирана

Применяя классификацию механизмов оказания влияния на мусульман КР, предложенную К. Маликовым в отношении Ирана, действия Тегерана идут в фарватере легального пути. Однако следует отметить и тот факт, что

¹ Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике (2014)...; Парвиз Муллоджанов: Постсоветская Средняя Азия и мусульманский мир...

² Парвиз Муллоджанов: Постсоветская Средняя Азия и мусульманский мир...

³ Там же.

со стороны Ирана также предпринимались попытки распространить идеи исламской революции в странах Центральной Азии. В частности, по данным Ш. Акинер, после распада СССР регион стали часто посещать делегации из Ирана с целью ознакомления с региональными особенностями религиозной жизни. Результатом их исследований стало заключение о том, что центральноазиатские условия не позволяют осуществить реализацию иранской модели исламской революции в силу: а) низкого уровня религиозного образования населения; б) отсутствия хорошо образованных независимых исламских ученых¹. Вместе с тем Ш. Акинер отмечает, что еще одним важным фактором, снижающим роль шиитского Ирана в странах Центральной Азии в целом и Кыргызстане, в частности, состоит в том, что большинство населения этих стран исповедуют ислам суннитского толка, что обусловило большую популярность миссионеров из суннитских стран Персидского залива². Как следствие, в Кыргызстане действует только одна шиитская мечеть, которую, в основном, посещают представители азербайджанской диаспоры³.

Соответственно, в настоящее время Тегеран активно использует механизмы культурных коммуникаций со странами ЦА в целом и Кыргызстаном, в частности. В Кыргызстане данное культурное взаимодействие осуществляется главным образом через культурное представительство при Посольстве Ирана в Кыргызстане, а также центры иранистики в университетах КР (Центр иранистики в КРСУ, действующий с 1997 г.; Центр исламоведения и иранистики в БГУ – с 2012 г., Кыргызско-Иранский

¹ Akiner S. The Contestation of Islam in Post-Soviet Central Asia. A Nascent Security Threat... – P. 87.

² Там же.

³ Там же.

научно-образовательный центр в КНУ им. Ж. Баласагына – с 2008 г.)¹.

Непосредственными механизмами распространения культурного влияния Ирана в КР являются:

- организация языковых курсов с преподавателями из Ирана и отправка студентов для прохождения практики в Иран;

- организация курсов повышения квалификации для преподавателей;

- открытие магазинов иранской национальной книжной продукции;

- организация культурных мероприятий (например, дни иранской культуры), а также круглых столов и конференций на религиозную тематику;

- издание журнала «Данакер» на базе КНУ им. Ж. Баласагына с 2009 г.².

Тем не менее, несмотря на очевидные религиозные препятствия для распространения религиозного влияния, вплоть до 2014 г. на территории КР осуществлял свою деятельность иранский общественный исламский культурно-просветительский фонд «Коусар», который был ликвидирован в 2014 г. решением межрайонного суда г. Бишкека по результатам проведенной проверки его деятельности Государственной комиссией по делам религий КР и найденных доказательств его незаконной религиозной деятельности³. При этом примечателен тот факт, что после лишения его лицензии Государственной комиссией по делам

¹ Восточный вектор внешней политики Кыргызстана: Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток... – С. 293.

² Esenamanova N. *Kyrgyzstan's Islamic Reference Points: The Role of Foreign Religious Trends...* – P. 191.

³ Моисеева С. Суд принял решение о ликвидации двух религиозных организаций (03.02.2014) // URL: <https://www.vb.kg/doc/260545...>

религий КР в 2012 г., причиной чего стали выявленные нарушения законодательства КР, в 2013 г. Фонд прошел регистрацию в Министерстве юстиции КР как юридическое лицо, исключив из названая слово «исламский»¹. Следовательно, Иран, несмотря на слабые позиции в религиозном поле КР, стремится их укрепить, используя незаконные механизмы, что во многом может быть результатом геополитического соперничества за влияние в регионе с Саудовской Аравией.

Влияние Пакистана

Пакистан также является одним из важных игроков в Центральной Азии как с точки зрения геополитики, так и религиозного влияния. С позиций геополитики следует учитывать его партнерские отношения с США и конкурентный потенциал в отношениях с Ираном, что проявляется в участии Пакистана в американских геополитических проектах по связке Центральной и Южной Азии через Афганистан – CASA-1000 и TAPI, в которых он, по сути, выступает воротами стран ЦА в Индийский океан.

В свою очередь, достижение обозначенных геополитических целей осуществляется посредством культурно-цивилизационных транзакций, которые осуществляются, как в случае с Саудовской Аравией и Ираном, как легальными, так и нелегальными способами. Среди нелегальных способов необходимо отметить финансирование отдельными политическими партиями и группами в Пакистане деятельности экстремистских группировок «Хизб ут-Тахрир» и «Джаамат-аль-Исламия» на территории стран ЦА².

¹ Моисеева С. Суд принял решение о ликвидации двух религиозных организаций...

² Esenamanova N. Kyrgyzstan's Islamic Reference Points: The Role of Foreign Religious Trends... – P. 196.

Однако легальное влияние Пакистана в странах ЦА прослеживается в деятельности организации «Таблиги джаамат», главным принципом которой является невмешательство в политику. Первые адепты движения появились в центральноазиатских республиках после распада СССР, и в настоящее время их количество растет. Целью движения является пропаганда моральных ценностей и образа жизни хорошего мусульманина¹. Однако в экспертном сообществе существуют полярные взгляды на это движение. С одной стороны, будучи сфокусированными на моральных ценностях ислама и работая над реабилитацией людей, попавших в сложные жизненные ситуации, последователи «Таблиги джаамат» оказывают положительное влияние на развитие общества в целом². Однако, с другой стороны, учитывая тот факт, что в движении отсутствует жесткий фильтр для отбора последователей, а также слабая религиозная подготовленность большинства из них, движение представляет собой благоприятную почву для привлечения адептов экстремистских течений³.

Геополитическое противостояние: шиизм vs суннизм и роль США

Еще в начале 1990-х гг. посол Египта в СССР Салах Байсуни отмечал, что сотрудничество стран арабского Востока со странами ЦА создаст баланс между ними и неарабскими государствами, прежде всего Ираном и Турцией, как в регионе, так и на мировой арене, поскольку первые, в сравнении со вторыми, не обладали налаженными

¹ Khalid A. Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia... – P. 125.

² Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике...

³ Там же.

каналами двустороннего и многостороннего взаимодействия¹.

При этом следует отметить, что в целом в республике не отмечалось наличия нетерпимости среди населения по линии суннизма – шиизма. Однако, по мнению К. Маликова, ситуация стала меняться с началом конфликта в Сирии, когда обострились противоречия между двумя основными религиозными и политическими центрами региона – суннитской Саудовской Аравией и шиитским Ираном². Аналогичной точки зрения придерживается и эксперт из Таджикистана П. Муллоджанов, который отмечает, что если сначала противостояние между Ираном и СА было латентным, то с середины 2000-х оно приобрело форму «холодной войны», оказывая негативное влияние на ситуацию во всём мусульманском мире³.

В свою очередь, это обострение конфронтации между двумя странами результировало в более активную деятельность Саудовской Аравии в ЦА-регионе, нацеленной на перенос конфликта в русло религиозных противоречий⁴. Находящемуся же под санкциями Ирану, по мнению ученого, не выгодно наличие конфликтного очага в Центральной Азии⁵. Соответственно, цель Тегерана в ЦА состоит в том, чтобы не допустить углубления своей изоляции от остального исламского мира путем сглаживания различий между суннитами и шиитами и представления

¹ Вильковски Д. Арабо-исламские организации в современном Казахстане: внешнее влияние на исламское возрождение... – С. 31.

² Мусульмане Кыргызстана – заложники чужой игры (03.07.2017) // URL: <http://www.ca-portal.ru/article:36014>

³ Парвиз Муллоджанов: Постсоветская Средняя Азия и мусульманский мир: салафизация как инструмент геополитики...

⁴ Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике...

⁵ Мусульмане Кыргызстана – заложники чужой игры...

ваххабитов их общим врагом¹. В свою очередь, СА нацелена на то, чтобы обострить противоречия по линии суннизм – шиизм и этим способствовать дальнейшей изоляции Ирана².

При этом ситуация противостояния между двумя исламскими государствами осложняется присутствием третьего игрока – США, которые тесно сотрудничают с династией Саудовской Аравии, которая, в свою очередь, контролирует совет улемов, издающих фатвы, на которые в своем большинстве ориентируется религиозная молодежь Кыргызстана, поскольку они доступны в сети Интернет и переводятся на русский язык³. По оценкам А. Салиева, СА является проводником геополитических проектов США в регионе ЦА, популяризируя антииранские религиозно-политические настроения среди мусульман и дискредитируя доктрину иранского шиизма в целях минимизации возможности оказания поддержки центральноазиатскими мусульманами населению Ирана в случае крупного военного конфликта на Ближнем Востоке с участием Ирана, Израиля, СА и США⁴.

В качестве примера соединения геополитической составляющей с религиозными нарративами следует привести работу телевизионного канала *Wesal Farsi TV*. Данным телеканалом, который вещал на персидском языке из Лондона, владел выходец из Ирана, критиковавший политику своего правительства и за определенное финансирование со стороны СА оправдывавший политику последней⁵.

¹ Парвиз Муллоджанов: Постсоветская Средняя Азия...

² Там же.

³ Мусульмане Кыргызстана – заложники чужой игры...

⁴ Салиев А. А. Реализация арабскими странами в Центральной Азии концепции построения «всемирного халифата»... – С. 143–144.

⁵ How Saudi Arabia manipulates foreign media outlets (09.07.2015) //

В частности, на телеканале был записан цикл передач, посвященных Таджикистану, особенность которых состояла в том, что они комбинировали антишиитскую и антииранскую пропаганду с призывами к свержению светского правительства в республике и которые перестали выходить в эфир после охлаждения отношений между Ираном и Таджикистаном¹.

В свою очередь, американский проект Большого Ближнего Востока предполагает фрагментацию данного региона по линиям этнической, конфессиональной и внутриконфессиональной идентичности проживающих там народов: прежде всего, линии разлома проходят между арабскими и тюркскими народами, буддийскими, христианскими и мусульманскими общинами, а также между суннитами и шиитами, которые катализируются наличием нерешенных исторических противоречий². В качестве доказательства того, что данный проект действительно существует, можно указать появление в информационном пространстве различных карт Ближнего Востока, созданных в рамках американских научно-исследовательских центров, на которых государства имеют отличные границы от тех, которые есть на действующей карте мира³.

Более того, данные карты сопровождаются нарративами неизбежности цивилизационного конфликта ввиду

URL: <https://rsf.org/en/news/how-saudi-arabia-manipulates-foreign-media-outlets>

¹ Парвиз Муллоджанов: Постсоветская Средняя Азия и мусульманский мир...

² «Китайский фактор» во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни / Под общ. ред. А. Л. Салиева; КРСУ. – Бишкек, 2011. – С. 95.

³ Wright R. How 5 Countries Could Become 14 (28 сентября 2013) // URL: <http://www.nytimes.com/interactive/2013/09/29/sunday-review/how-5-countries-could-become-14.html?gwh=FA167CB9C2EAE2E15D...>

несправедливого характера существующих границ, когда многие этнические группы не имеют собственного государства и вынуждены подчиняться правилам, установленным в государствах, где они являются меньшинством, будучи лишены права на самоопределение¹.

Вместе с тем исламские внутриконфессиональные противоречия, инспирируемые по геополитическим мотивам, дополняются действиями США по формированию напряженности между мусульманскими и христианскими протестантскими общинами. Согласно Хейнсу, данные протестантские организации не способствуют решению социально-психологических проблем их прихожан, а нацелены, прежде всего, на продвижение интересов США². Основная проблема их функционирования в контексте оказываемого влияния на мусульманскую общину КР состоит в том, что они, имея значительные финансовые ресурсы³, занимаются агрессивным прозелитизмом, который, в свою очередь, поддерживается США в рамках риторики универсальных прав человека. В этом аспекте основным инструментом мониторинга ситуации в сфере соблюдения прав и свобод верующих выступает Комиссия США по свободе вероисповедания в странах мира, задача которой состоит в том, чтобы собирать информацию о религиозной ситуации в мире и предлагать руководству США рекомендации в случае обнаружения различных нарушений⁴.

¹ Петерс Р. Кровавые границы. Насколько лучше мог бы выглядеть Ближний Восток (28 февраля 2011) // URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/55860/>

² Haynes J. Religious Fundamentalists... – P. 169.

³ Ходов Л. Источники финансирования западных христианских церквей // Вопросы экономики. – 2002. – № 1.

⁴ United States Commission on International Religious Freedom. Annual Report, 2014 // URL: <http://www.uscirf.gov/sites/default/files/USCIRF%202014%20Annual%20Report%20PDF.pdf>

В свою очередь, «нарушения», в частности в КР, связаны именно с законодательным запретом на практику прозелитизма (п. 4, ст. 5 Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций» от 31 декабря 2008 г.) – деятельности по обращению адептов других вероучений в свою религию, поскольку он является источником негативных изменений в этнокультурной жизни мусульманской общины и общего негативного социально-психологического фона в республике.

Данное утверждение базируется на следующих тезисах. Во-первых, миссионеры активно работают именно с представителями кыргызской национальности, демонстрируя при этом неуважение к истории, ментальности, образу жизни и культурной самобытности кыргызского народа, разрывая традиционную связь между его этнической и конфессиональной принадлежностью, что особенно ярко проявляется в запрете на выполнение традиционных ритуальных действий в похоронно-поминальной обрядности¹.

Во-вторых, религиозная деятельность организаций протестантских организаций сопряжена с крайне нетерпимым отношением к другим религиям и убеждениям. Результатом является рост напряженности в обществе, которая стала проявляться сначала в окрестностях Бишкека, но к настоящему достигла масштабов страны. При этом критические замечания кыргызов-неофитов касаются нарушения их гражданских прав, когда они подвергаются осуждению и исключаются из числа членов общины, что,

¹ Ким Г. Н. Этничность, самосознание и религиозность корейцев Центральной Азии // Новые религиозные движения в Евразии: Матлы междунар. науч.-практ. конф. – Астана, 2010 // URL: http://www.antiterrortoday.com/images/docs/abuov_a_p_smagulov_e_m_otv_redakt_ory_novye_religioznye_dvizh.pdf

в свою очередь, является фокусом работы Комиссии США по свободе вероисповедания в мире¹.

Таким образом, Кыргызстан через религию может оказаться втянутым в геополитическое противостояние. При этом следует отметить, что исламское религиозное поле Кыргызстана очень фрагментировано, что обусловлено пассивной позицией государства – существует огромное количество джааматов на фоне религиозной безграмотности населения и большей части исламского духовенства, что создает благоприятные условия для манипуляции общественным мнением.

«Благоприятные» условия Кыргызстана для деятельности иностранных религиозных агентов

В качестве главных факторов, способствующих успешности различных религиозных течений на территории КР, следует выделить два: во-первых, отсутствие разработанной системы религиозного образования; во-вторых, пассивная информационная политика государства в религиозной сфере. Рассмотрим более подробно каждый из этих факторов.

Важным аспектом обеспечения религиозной безопасности КР является «взаимодействие» традиционных СМИ: радио, телевидения, печатных изданий – и интернет-ресурсов. Согласно исследованию, проведенному в 2008 г. международным фондом защиты свободы слова «Адил Соз» (Казахстан) и общественным объединением «Журналисты» (Кыргызстан) в рамках исследовательского проекта «Международная поддержка СМИ» (Дания), большинство печатных и телевизионных материалов, изданных в КР и посвященных проблемам терроризма и экстремизма,

¹ Крылов А. Религиозная ситуация в Кыргызстане. Ч. 2 (7 июня 2006)
// URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?id=6799&s=24&ss=2>

содержали исключительно факты: количество изъятых материалов экстремистского содержания, количество задержанных членов экстремистских организаций правоохранительными органами. Лишь в редких случаях публиковались аналитические работы или комментарии экспертов¹. Кроме того, исследователи отмечают такую отличительную характеристику кыргызстанских печатных и телевизионных материалов по вопросам экстремизма и терроризма, как освещение в большинстве своем резонансных событий (задержание террористов, изъятие запрещенной литературы, предотвращение террористического акта или его совершение). В остальное время данная тематика находится вне сферы внимания традиционных СМИ. Как результат, население в поисках дополнительной информации вынуждено обращаться к интернет-площадкам.

Российский эксперт Н. С. Седых в этом контексте отмечает, что недостаточная степень освещения для населения идеологического контента деятельности экстремистских группировок, как правило, компенсируется ими через Интернет уже в их пользу². Важно, что потенциальные рекруты узнают о деятельности экстремистов не из непосредственных пропагандистских материалов на официальных веб-сайтах или аккаунтах экстремистских организаций, а из официальных СМИ. Поскольку сам факт внимания последних к экстремистам есть показатель их значимости, то, не получив ответов на возникшие вопросы на фоне недостатка собственных религиозных знаний,

¹ The examples of Kazakhstan and Kyrgyzstan: Political extremism, terrorism, and media in Central Asia (August 2008) // URL: <https://www.mediasupport.org/wp-content/uploads/2012/11/ims-political-extremism-kyrgyzstan-kazakhstan-2008.pdf>

² Седых Н. С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством интернета...

население за дополнительной информацией и разъяснениями обращается к непроверенным интернет-источникам, являющимся рупором пропаганды экстремизма. В частности, 20% респондентов социологического исследования «Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана» отметили, что главной причиной того, что они с пониманием относятся к распространяемым в сети Интернет сообщениям, призывающим выехать в Сирию для участия в боевых действиях на стороне ИГИЛ, является то, что о происходящем на Ближнем Востоке сообщается не только в социальных медиа, но и в официальных СМИ¹.

Важно, что и в официальных СМИ и социальных медиа могут транслироваться одни и те же видеоролики или фотографии. Определяющим в этом отношении выступает закадровый текст: поскольку в своих материалах экстремисты говорят от имени Аллаха, подкрепляют свои слова цитатами из Корана или хадисов, то доверия им больше. В итоге, те действия, которые освещались официальными СМИ как насильственные и деструктивные, на интернет-платформах характеризуются как необходимые и оправданные. Кроме того, по форме видеоролики характеризуются как фрагментированные, несущие, прежде всего, эмоциональный заряд, а не материал для размышлений².

¹ Сикорская И. Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана: Полевое исследование в рамках проекта «Социальные медиа для дерадикализации в Кыргызстане: Модель для Центральной Азии» // URL: https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2017/03/Action-Research_Outcomes_FINAL_RUS.pdf

² Miller G., Mekhennet S. Inside the surreal world of the Islamic State's propaganda machine (20.11.2015) // URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/inside-the-islamic-states-propaganda-machine/2015/11/20/051e997a-8ce6-11e5-acff-673ae92ddd2b_story.html?utm_term=.ddcdb592d6c5

Ярким примером того, как видеоматериал в интерпретации экстремистов получает большую популярность, чем в официальных СМИ, может служить ролик о смертнике из КР, который перед совершением теракта расплакался. Для многих респондентов исследования «Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана» он выступил в статусе героя, который идет на смерть для восстановления справедливости в мире. Важно, что данное эмоциональное состояние возникло несмотря на то, что дискурс официальных СМИ, также отслеживаемых респондентами, относительно этого поступка заключался в демонстрации жестокости и циничности экстремистов, обманчивости рисуемых ими картинок благополучной жизни в халифате. Картинка, показанная в официальных СМИ, для ряда опрошенных лишь явилась подтверждением того, что в Сирии идет «священная война»¹.

Следует отметить, что другим важным фактором, способствующим вовлечению граждан КР в ряды радикальных исламистских группировок с последующей деформацией их религиозных представлений, является безграмотность исламского духовенства². Низкий уровень теологического образования не позволяет имамам КР дать ответы на вопросы повседневной и культурно-религиозной жизни мусульман, находящихся в духовном поиске, что обуславливает их обращение к интернет-проповедям иностранных имамов. В целом, по мнению К. Маликова, у представителей официального духовенства в КР нет разработанной стратегии противодействия экстремистам³.

¹ Сикорская И. Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана...

² Турусбеков Р. Психологический и социальный портрет экстремиста и террориста... – С. 143.

³ Маликов К. Светское государство и исламский политический

В этом отношении негативную роль могли сыграть два фактора:

– низкий уровень развития исламских институтов и знаний мусульман в советский период в результате проводимой политики научного атеизма, проявляющейся в репрессиях и антирелигиозной пропаганде;

– изолированность республики от исламского мира с авторитетными центрами исламского знания¹.

Между тем эксперты отмечают и такой фактор роста популярности идеологии исламистских группировок, как принцип клановости в ротации имамов мечетей, на фоне умелого оперирования радикалами понятиями социальной справедливости, низкого уровня жизни населения и масштабной коррупционности власти².

Резюмируя проведенный анализ оказываемого внешнего влияния стран Ближнего Востока и Южной Азии на мусульман Кыргызстана, необходимо подчеркнуть ряд моментов, отражающих специфику этого влияния. Во-первых, ислам во взаимодействии этих стран с КР имеет как вспомогательное, фоновое значение, так и основное. В частности, в контексте благотворительных и кредитных организаций исламская риторика является фоновым инструментом распространения влияния стран арабского

процесс в Кыргызстане: «мусульманский ресурс» как фактор государственного строительства // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: Мат-лы междунар. круглого стола (Алматы, 30 ноября 2007 г.) // URL: <http://www.kisi.kz/uploads/1/files/biXfIR11.pdf>

¹ Салиев А. Л. Где место вере в светском Кыргызстане? (27.01.2017) // URL: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/gde-mesto-vere-v-svetkom-kyrgyzstane/12574>

² Аскарров Т. Приняли Концепцию и успокоились... (23.11.2015) // URL: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/prinyali-kontseptsiyu-i-uspokoilis/10069>

мира. В свою очередь, в образовательной сфере особенности интерпретации исламских догм играют решающую роль в контексте внутримусульманского диалога, формализованного в русле межгосударственного взаимодействия.

Во-вторых, страны арабского мира имеют четко разработанные в соответствии с внешнеполитическими целями стратегии оказания влияния на мусульманскую умму Кыргызстана. Особенность данных стратегий состоит в разрушении веками складывавшихся особенностей национального исламского вероучения и приобщении мусульманского населения республики к своей системе взглядов на государственно-религиозные отношения.

В-третьих, в силу того, что в странах Ближнего Востока и Южной Азии отсутствует унифицированная система исламского вероучения, в совокупности их влияние способствует фрагментации исламского религиозного поля республики на фоне обозначенного выше целенаправленного разрушения собственных национальных традиций вероисповедания. При этом ситуация осложняется геополитическим противостоянием стран Ближнего Востока – Саудовской Аравии и Ирана, которое рикошетом отражается на Кыргызстане в контексте инспирирования противоречий по линии сунниты – шииты, поддерживаемое США. Последние, в свою очередь, будучи союзником Саудовской Аравии, вносят свой вклад в создание комплекса религиозно-этнического напряжения в республике посредством финансирования и отстаивания прав в международном контексте христианских протестантских организаций.

В целом данный клубок противоречий можно представить в виде следующей схемы.

**Геополитические противоречия
в треугольнике СА–Иран–США в проекции
на религиозное поле Кыргызстана**

В свою очередь, успешность внешнего влияния на мусульманскую умму Кыргызстана определяется особенностями внутривнутриполитической, экономической и религиозной ситуации, а именно: а) неэффективностью государственных органов в предоставлении услуг населению; б) неэффективностью информационной политики государства в освещении деструктивного характера и сути радикальных исламистских взглядов; в) неграмотностью исламского духовенства, которое неконкурентоспособно в сравнении с исламистскими проповедниками в разъяснении вопросов, волнующих верующих. В результате,

даже положительное по форме влияние со стороны стран Ближнего Востока и Южной Азии может иметь негативные последствия. В этом контексте наиболее наглядным примером может служить деятельность «Таблиги джаамат» – аполитичное движение, адепты которого в условиях отсутствия контроля государства над религиозной ситуацией в стране (религиозное образование, информационная политика) и безграмотности исламского духовенства подвержены радикализации.

Соответственно, решающее значение в сохранении единства мусульманской уммы Кыргызстана имеют превентивные действия государственной власти, которая может либо способствовать деструктивным действиям внешних акторов, либо их лимитировать и направить в конструктивное для государства русло.

3.3. Механизмы преодоления внешнего воздействия на мусульман Кыргызстана в контексте обеспечения национальной безопасности страны

Содержание предыдущих разделов исследования свидетельствует о наличии реального феномена внешнего воздействия на практически все важнейшие сферы развития Кыргызстана. Очевидно, не имеет смысла их повторять, однако их обобщение позволяет сделать вывод о важности и исторической необходимости преодоления этого феномена на пути превращения нашей страны в современное развитое государство.

Кыргызстан, говорится в Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы, страна, в которой люди с различными культурными, этническими,

религиозными традициями объединены стремлением построения успешного и развитого государства¹. По сути дела, достижение этой цели является основным лейтмотивом этого фундаментального документа, действие которого рассчитано на несколько десятилетий активной и плодотворной работы государственных и общественных структур Кыргызстана.

Претворению в жизнь этой цели должно способствовать и решение стратегической задачи, связанной с преодолением негативного внешнего воздействия на важнейшие сферы развития нашей республики. Крайне важно и жизненно необходимо выйти из-под влияния геополитических мировых центров силы, навязывающих Кыргызстану свои модели развития, к тому же в указанном выше документе говорится, что «Кыргызстан не может копировать чью-то модель развития, основанную на других образцах»².

Однако в настоящее время в силу факторов различного характера Кыргызстан занимает позицию страны подчиненного положения. Как отмечают исследователи, «позиция государств, занимающих подчиненное положение при проведении своей внутренней и внешней политики, корректируется и иногда задается прямым образом государствами-доминантами, выступающими в международных отношениях как центры силы»³. Поэтому Кыргызстану предстоит решить поистине историческую задачу, связанную с преодолением положения страны подчиненного положения.

¹ Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. – Бишкек, 2018. – С. 8.

² Там же. – С. 5.

³ Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии... – С. 26.

Вместе с тем связи ситуация подчиненного положения распространяется и на такую важную сферу жизни Кыргызстана, каковой является религия. Как уже отмечалось в основных главах исследования, определенные центры силы в современном исламском мире, по сути дела, реализуют исламский геополитический проект для Кыргызстана, преследуя далеко идущие цели, направленные на превращение Кыргызстана в исламское государство. В них приводится немало фактов, свидетельствующих о различных формах и методах внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана. Во многом эти формы и методы носили и продолжают носить деструктивный характер, действия которых значительно усиливаются в связи с религиозной ситуацией в Кыргызстане, сложившейся в стране в годы независимости.

Важным элементом религиозной ситуации в постсоветском Кыргызстане, касательно ислама, является реисламизация, начало которой подвело черту под существованием исламской традиции советского этапа. В условиях атеистического государства ислам жестко контролировался со стороны партийных и советских органов, существенно ограничивавших его развитие даже в рамках так называемого «народного ислама»¹. Достаточно сказать о том, что на момент распада СССР на территории Киргизской ССР официально действовало менее 40 мечетей, не было ни одного религиозного учебного заведения². Среди мусульманского духовенства отсутствовали крупные религиозные авторитеты и исламские ученые. Подавляющая часть членов мусульманской общины Кыргызстана (а в середине 90-х гг. прошлого века 95% кыргызов считали себя

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 112.

² Там же. – С. 114.

мусульманами) отличалась низким уровнем религиозных знаний¹.

В целом, под воздействием советского проекта модернизации в Кыргызстане был запущен процесс деисламизации, который сопровождался процессом изоляции мусульман страны от мировой исламской уммы, частью которой местный ислам являлся на протяжении многих веков. Мусульмане Кыргызстана были искусственно изолированы от исламского мира, что наложило существенный отпечаток на уровень их религиозного самосознания².

Между тем мировой ислам существенно укрепил свои позиции в современном мире и оказывал значительное влияние на его развитие. По подсчетам З. Бжезинского, в 32 государствах-членах ООН мусульмане составляют не менее 86% населения, еще в 9 – от 66 до 85%, что в сумме дает 41 страну, где доминируют мусульмане³. Из 1,2 млрд мусульман 820 млн проживает в Азии, 315 млн – в Африке и около 300 млн – в зоне Леванта, Персидского залива и Центральной Азии⁴.

Указанные выше обстоятельства оказали существенное влияние на начало процесса реисламизации в постсоветском Кыргызстане. Из них следует, что ислам в нашей стране в силу различных причин, описанных выше, оказался лишен защитных механизмов, не смог сформировать иммунитета против разнообразных форм и методов внешнего воздействия, с которыми он столкнулся

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 115.

² Там же. – С. 163.

³ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Междунар. отнош., 2006. – С. 72 = Brzezinski Z. The choice: global domination or global leadership. – New York: Basic Books, 2004.

⁴ Там же.

в постсоветский период своей истории. При этом нельзя не сказать о геополитическом аспекте внешнего воздействия, приобретшего реальные очертания после вступления Кыргызстана в период независимости. Он, в частности, базируется на том, что страны исламской исторической традиции рассматривают Центральную Азию, и Кыргызстан в том числе, частью общей исламской идентичности¹. Они, считая страны региона частью исламского мира, не заинтересованы ни в его ускоренной вестернизации, ни в сохранении в нем российского наследия². В связи с этим в определенных ареалах исламского мира, наиболее активно контактирующих со странами Центральной Азии, всё более активно муссируется проблема выбора ими, в том числе Кыргызстаном, исламской модели развития³.

Проблема подобного выбора для Кыргызстана приобретает форму исламского геополитического проекта, представляющего серьезную угрозу его национальной безопасности. Следует отметить, что разнообразные аспекты его реализации с достаточной полнотой нашли отражение в основных главах данного исследования и не требуют повторения. Внимание читателей следует заострить лишь на ряде ключевых моментов внешнего воздействия на мусульман Кыргызстана.

Как уже отмечалось, стратегической целью определенных сил в исламском мире является включение государств Центральной Азии и, в частности, Кыргызстана в мировую исламскую умму, превратив их в исламские государства. Притом на условиях внедрения в странах региона так называемой «арабской» модели ислама, базирующейся

¹ Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М., 2008. – С. 193.

² Там же.

³ Там же. – С. 196.

на арабском языке и арабской культуре. По этому поводу президент КР Сооронбай Жээнбеков в речи на Второй международной конференции «Ислам в современном светском государстве», проходившей в Бишкеке в ноябре 2018 г., отметил: «...к сожалению, есть и те, кто, прикрываясь исламом, пытается навязать кыргызскому народу свои традиции, культуру. Кто пытается отстранить молодежь от современных знаний, достижений культуры, науки и техники»¹.

В связи с этим следует сказать о том, что исторически обусловленные серьезные разногласия в понимании ислама и исламской идентичности между народами региона и арабским миром имеют давнюю историческую традицию. Как справедливо отмечает один из исследователей истории Центральной Азии, «исторический разрыв между арабским и тюркским, суннитско-ханбалитским и суннитско-ханифитским исламским миром приводит к конфликтам по поводу “арабского прозелитизма” и поддержки распространения “ваххабизма” на постсоветском пространстве»².

Конфликты на подобной почве в странах региона особенно обострились после превращения последних в независимые государства в условиях, когда перед народами этих стран встала проблема исторического масштаба, связанная с выбором пути развития. Именно в это время активизировались различные геополитические центры силы, стремящиеся определить их выбор в пользу собственной

¹ Президент Сооронбай Жээнбеков: Необходимо всячески укреплять межконфессиональное согласие, взаимопонимание и взаимоуважение между верующими и теми гражданами, кто считает себя вне религии (15.11.2018) // URL: <http://www.president.kg/rusobytiya/novosti/12855>

² Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия... – С. 197.

модели развития, и исламская составляющая этих центров не стала исключением.

В роли катализаторов исламского пути развития в странах Центральной Азии и в Кыргызстане в том числе выступили определенные исламистские силы стран Ближнего и Среднего Востока, Пакистана, Турции. Эти силы в качестве идеологического давления на мусульман Кыргызстана использовали исламизм, идейные основы которого носили исторически обусловленный характер, были детерминированы всей предыдущей историей ислама и формировались на протяжении всего периода существования ислама как религиозной системы¹. В XX в. они приняли форму религиозного учения, ставящего конечной целью своей деятельности отказ от светского характера государства и установление строя исламского халифата на всём пространстве Центральной Азии. В качестве ударной силы, нацеленной на реализацию этой цели, выступили члены многочисленных международных исламистских экстремистских и террористических организаций и течений.

В постсоветском Кыргызстане государство и общество, мусульмане страны, по сути дела, впервые столкнулись с явлениями религиозного экстремизма и терроризма. По этому поводу президент КР С. Жээнбеков, выступая на первой консультативной встрече глав государств Центральной Азии в Астане, подчеркнул: «...исторически центральноазиатский регион всегда был регионом терпимости, межнациональной толерантности. Экстремизм был чуждым для менталитета народов этих стран»².

¹ Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана... – С. 79.

² С. Жээнбеков: Исторически центрально-азиатский регион был регионом терпимости, межнациональной толерантности // URL: <http://www.president.kg/rusobytiya/novosti/5965>

В основу деятельности религиозных экстремистов и террористов заложен принцип силы, насилия, что создает реальную угрозу институтам государства и гражданам Кыргызстана. В связи с этим в Концепции национальной безопасности страны говорится о том, что «религиозный экстремизм и международный терроризм в настоящее время представляют масштабную угрозу для Кыргызской Республики»¹. Именно они ведут борьбу силовыми методами и представляют собой главную силу, стремящуюся оторвать Кыргызстан от цивилизованного сообщества и реализовать таким образом исламский геополитический проект с целью создания исламского государства.

Постсоветский Кыргызстан превратился в арену деятельности многочисленных экстремистских и террористических организаций и течений, использующих ислам для свержения действующей светской власти и установления строя исламского халифата. По далеко неполным данным МВД КР, в 2018 г. более двух тысяч граждан страны являлись в той или иной степени приверженцами экстремистских идей². Судами разных инстанций Кыргызстана запрещены 22 экстремистские и террористические организации, подрывающие основы светского демократического государства. В их числе ведущие активную деятельность на территории страны «Хизб ут-Тахрир аль Ислами», «Группа джихада» (Союз исламского джихада), «Жайшуль Махди», «Джунд аль-Халифат», Исламское движение Восточного Туркестана, «Исламское государство», «Ат-Такфир валь Хиджра» и мн. др.³.

¹ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики от 9.06.2012 г. ...

² Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана... – С. 298.

³ Там же. – С. 299.

Особой активностью на территории Кыргызской Республики отличается «Джебхат ан-Нусра», именно с ней связан уход в ряды боевиков и террористов многих кыргызстанцев. Так, по данным на начало 2017 г. 860 граждан КР приняли участие в боевых действиях в Сирии на стороне исламистов¹. Управление ООН по наркотикам и преступности в Кыргызстане отмечает, что число осужденных за терроризм и экстремизм выросло за последние годы более чем в пять раз². Если в 2010 г. в республике за экстремизм и терроризм было осуждено 79 человек, то в 2017 г. – уже 422. Среди осужденных лица от 31 до 45 лет составили 48,7%³. В целом, по данным МВД КР, с 2010 по 2018 гг. в стране в шесть раз увеличилось количество преступлений экстремистского характера⁴. Президент КР С. Жээнбеков, оценивая состояние этих явлений отметил: «Терроризм и экстремизм остаются наиболее актуальными угрозами для Кыргызстана»⁵.

Из сказанного выше вытекает задача определения и анализа механизмов преодоления различных форм и методов внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана, непосредственно угрожающих национальной

¹ Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана... – С. 298.

² Эсенбекова А. Т. Вопросы правовой регламентации и совершенствования законодательства по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане // Способы противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. ст. – Бишкек, 2019. – С. 116.

³ Там же.

⁴ В Киргизии вновь отложили открытие отдельного тюремного блока для экстремистов (21.05.2019) // URL: <https://www.fergana.agency/news/107563/>

⁵ Президент Сооронбай Жээнбеков принял председателя ГКНБ КР (4.12.2017) // URL: <http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/5668>

безопасности страны. Решение этой задачи носит не только теоретический, но и практический характер, и ее реализация должна явиться частью общей стратегии развития Кыргызстана на сегодняшний день и на перспективу. О месте религии в этой стратегии сказал президент КР: «...нам необходимо реализовать такую религиозную политику, которая соответствовала бы целям стратегии развития страны, принятой на основе общественного обсуждения, с участием широких слоев населения»¹.

Однако для того, чтобы религия в целом и ислам, в частности, в Кыргызстане смогли бы в полной мере реализовать заложенный в них позитивный потенциал, необходимо защитить их от негативных внешних воздействий, преследующих далеко идущие цели и угрожающих самому существованию светского демократического государства. По нашему мнению, залогом успеха станет комплексный подход к решению этой важнейшей задачи, стоящей перед государством и обществом. Только системное и целенаправленное воздействие на все элементы внешних сил со стороны, прежде всего, органов государственной власти, сделает возможным преодоление этой угрозы национальным интересам Кыргызстана. Кроме того, частью комплексного подхода должно явиться активное участие в решении этой задачи и непосредственно исламского общества страны.

Таким образом, должна быть разработана и реализована комплексная стратегия, включающая в себя механизмы преодоления внешнего воздействия на мусульман Кыргызстана, рассчитанная на среднесрочную и долгосрочную

¹ Президент Сооронбай Жээнбеков: Необходимо всячески укреплять межконфессиональное согласие, взаимопонимание и взаиморезуважение между верующими и теми гражданами, кто считает себя вне религии...

перспективу. Эта стратегия должна вобрать в себя механизмы реагирования со стороны не только государственных, но и общественных структур. В то же время доминирующая роль в реализации этой стратегии, без всякого сомнения, ложится на институты государства. Президент Кыргызстана обозначил основные направления реализации этой стратегии, задача исполнения которых ложится на государственные органы. Он, в частности, сказал: «...компетентным органам в целом удастся противодействовать существующим вызовам и угрозам в сфере терроризма и религиозного экстремизма. Но так как эти угрозы имеют долгосрочный характер, то необходимо усиливать работу в этом направлении. Требуется усилить профилактическую работу среди приверженцев радикальных течений, обратить пристальное внимание на распространение экстремистской идеологии в социальных сетях, усилить работу по информационному противостоянию терроризму и экстремизму, выработать единую стратегию, в том числе информационную»¹.

В свете сказанного одним из механизмов противодействия негативного воздействия на мусульманское сообщество Кыргызстана следует считать функционирование правоохранительных органов страны. Именно они в настоящее время активно противостоят натиску религиозных экстремистских и террористических организаций, сдерживают их рост и пресекают основные виды и формы их противоправной деятельности. К их числу в первую очередь относятся ГКНБ и МВД КР, в составе ГКНБ КР функционирует Антитеррористический центр (АТЦ)².

¹ Президент Сооронбай Жээнбеков принял председателя ГКНБ КР...

² Постановление Правительства КР «О вопросах Антитеррористического центра Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики и координации антитеррористической

В соответствии с Положением об Антитеррористическом центре АТЦ является структурным подразделением ГКНБ, «разрабатывающим основы единой государственной политики в области противодействия терроризму в Кыргызской Республике и координирующим деятельность государственных органов, осуществляющих противодействие терроризму»¹. ГКНБ КР в силу своих функциональных обязанностей играет ведущую роль в борьбе с проявлениями экстремизма и терроризма в республике.

В системе МВД КР действует Служба по противодействию экстремизму и незаконной миграции, созданная во исполнение Указа Президента КР «О мерах по реформе правоохранительных органов Кыргызской Республики» от 18 июля 2016 г. № 161². Служба выполняет большой объем работы по сдерживанию деятельности религиозных экстремистских террористических организаций и занимает важное место в системе противодействия внешнему воздействию на верующих страны. Так, только за 2017 г. органами внутренних дел республики по фактам распространения идеологии религиозно-экстремистских и международных террористических организаций возбуждено 290 уголовных дел, задержаны 232 человека, изъято более

деятельности» от 15.02.2013 г. № 71 // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике: Сб. нормативно-правовых актов и мат-лов. – Бишкек, 2019. – С. 202.

¹ Положение об Антитеррористическом центре Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. Утв. Постановлением Правительства КР от 13 февраля 2013 г. // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике: Сб. норм.-правовых актов и мат-лов. – Бишкек, 2019. – С. 203.

² В МВД КР созданы шесть самостоятельных служб (4.08.2016) // URL: <http://www.kabarlar.org/news/92693-vmvd-kr-sozdany-6-samostoyatelnyh-sluzhb/html>

9040 материалов экстремистского характера. Кроме того, предотвращены три попытки совершения террористических актов, по которым задержано 17 человек, по решению судов заблокирована деятельность 58 сайтов экстремистского, террористического характера. Силами сотрудников МВД в профилактических целях среди населения, студентов и учащихся в течение года проведено свыше 6 тыс. лекций, семинаров, встреч, конференций и круглых столов¹.

Правоохранительные органы Кыргызской Республики работают на основе Программы правительства КР по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы, которая предусматривает комплекс мер, направленных на эффективное противодействие угрозам экстремизма и терроризма, изучение причин и последствий радикализации, анализ базовых условий, способствующих росту радикальных настроений, выработку мер эффективной борьбы и профилактики экстремизма. Целью Программы, говорится в ней, является изменение складывающейся ситуации в области противодействия экстремизму и профилактика терроризма².

В Кыргызстане в результате напряженной нормотворческой деятельности сложилась нормативно-правовая база, позволяющая эффективно противодействовать проявлениям экстремизма и терроризма в стране. В частности, правоохранительные органы республики осуществляют

¹ Сотрудниками службы по противодействию экстремизму и незаконной миграции проведены наступательного характера оперативно-розыскные и профилактические мероприятия (18.01.2018) // URL: <https://mvd.gov.kg/index.php/rus.Mass-media-all-news/itern/6542-sotrudnikan>

² Программа Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы. Утв. Постановлением Правительства КР от 21 июня 2017 г. № 394 // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике: Сб. ... – С. 210.

свою деятельность в указанной сфере, опираясь на: Закон КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г. №178, Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 г. № 150, Закон КР «О противодействии финансирования террористической деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов» от 6 августа 2018 г. № 87¹.

Важным шагом на пути совершенствования уголовно-правового механизма явилось проведение судебно-правовой реформы в период 2011–2018 гг., принявшее характер масштабного реформирования законодательства уголовно-правового блока, в том числе в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Одним из ее итогов стало вступление в силу с 1 января 2019 г. новых редакций Уголовного кодекса КР, Кодекса КР о проступках, Уголовно-процессуального кодекса, Уголовно-исполнительного кодекса, законов КР «О пробации», «Об амнистии и порядке ее применения»².

Важной составной частью нормативно-правовой базы, служащей основой борьбы с различными проявлениями внешних воздействий на мусульманское сообщество Кыргызстана, является Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях Кыргызской Республики» от 31 декабря 2008 г. № 282. Значительную роль в активизации работы с экстремистскими и террористическими организациями сыграло Решение Совета обороны КР «О государственной политике в религиозной сфере» от 7 февраля 2014 г. В этом документе, в частности,

¹ Программа Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы... – С. 3.

² См.: Эсенбекова А. Т. Вопросы правовой регламентации и совершенствования законодательства по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане... – С. 120.

говорится: «...наибольшую озабоченность вызывает ситуация в среде мусульман республики, которая осложняется в результате целенаправленной поддержки со стороны зарубежных центров определенных кругов в Кыргызстане. Отдельные исламские фонды, оказывая финансовую поддержку, продвигают идеологию фундаментализма и экстремизма»¹. В нем также обращалось внимание на то, что ДУМК республики не в состоянии противодействовать данной угрозе, а позиции традиционного ислама оказались ослаблены².

В целом, государственные институты страны, и правоохранительные органы в том числе, в своей работе по ограничению внешнего воздействия руководствуются также документами, определяющими стратегию развития страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В частности, они нацелены на соблюдение основополагающих положений Конституции КР, реализацию Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики, Стратегию устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. Так, в Концепции национальной безопасности КР в качестве внешней угрозы национальной безопасности страны названо расширение масштабов международного терроризма и религиозного экстремизма³. В Стратегии устойчивого развития акцентируется внимание на том, что «под воздействием внешних вызовов под угрозой оказывается веротерпимость, собственные ценности оттесняются

¹ Решение Совета Оборона КР «О государственной политике в религиозной сфере» от 7 февраля 2014 г. // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике: Сб. ... – С. 313.

² Там же.

³ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики от 9 января 2012 г. ... – С. 33.

чуждыми представлениями и поведенческими нормами, культурой, деформируя веками устоявшуюся в регионе Центральной Азии религиозную этику»¹.

Таким образом, важнейшим механизмом противодействия процессам внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана в настоящее время и на перспективу остаются органы правопорядка государства. Они, совершенно оправданно, руководствуясь положениями Основного закона государства, опираясь на созданную в стране нормативно-правовую базу, применяя как силовые, так и методы профилактики и предупреждения, сдерживают разнообразные силы, стремящиеся дестабилизировать религиозную ситуацию в Кыргызстане и уничтожить существование светского государства. Как уже отмечалось выше, по словам главы государства С. Жээнбекова, «компетентным органам в целом удастся противодействовать существующим вызовам и угрозам в сфере терроризма и религиозного экстремизма»².

Механизмы противодействия экзогенному фактору влияния на религию в Кыргызстане должны строиться на основе комплексного подхода, реализация которых является обязанностью всех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. Только их взаимодействие может служить залогом успешного противостояния активным формам внешнего воздействия на мусульман страны, что, без всякого сомнения, укрепит национальную безопасность Кыргызстана.

Вместе с тем в борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом в нашей стране пока что преобладают

¹ Стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике: Сб. ... – С. 254.

² Президент Сооронбай Жээнбеков принял председателя ГКНБ КР...

силовые методы и почти не используется арсенал методов и средств, направленных на решение цели несиловыми средствами. Многие из них, учитывая их важность, нуждаются в дополнительной оценке, а их применение в практической деятельности является насущной задачей, стоящей на повестке дня. Попытаемся, хотя бы в самой сжатой форме, дать их анализ.

Многие аналитики и исследователи ислама видят причины позитивного реагирования верующих на теорию и практику действий представителей исламистских международных центров и организаций в связи с низким уровнем доходов населения, ограниченности в социальных правах. По этому поводу в Стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы говорится: «Вместе с тем более 95% граждан страны беспокоит недостаточная эффективность государственной политики по преодолению проблем низкой занятости и благосостояния населения, высоких цен на продукты и услуги, значительной миграции, решению других долгосрочных социальных проблем»¹. Поэтому механизм, связанный с реализацией социально-экономических мер, направленных на создание развитой экономики, сокращение бедности, повышение жизненного уровня населения, ликвидацию безработицы, должен занимать важное место в арсенале средств преодоления внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана. Решение этой задачи позволит также укрепить положение страны и выведет ее из-под влияния мировых геополитических центров силы.

В то же время должны быть активизированы усилия, направленные на подрыв и ликвидацию экономической базы внешнего проникновения в Кыргызстан,

¹ Стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. – Бишкек, 2018. – С. 5.

в первую очередь финансирования из-за рубежа. В связи с этим важное значение приобретает реализация Закона КР «О противодействии финансированию террористической деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов» от 6 августа 2018 г. Задачами этого закона являются превентивные меры для противодействия, выявления и пресечения финансирования террористической и экстремистской деятельности, укрепления и развития внутригосударственного взаимодействия, межгосударственного сотрудничества в сфере противодействия финансированию террористической деятельности¹. Реализация положений этого закона должна играть важную роль в ограничении финансовых ресурсов исламистского движения в Кыргызстане, а также в ограничении его социальной базы.

Необходима повседневная работа по выявлению источников финансирования, учета лиц и организаций за рубежами страны, осуществляющих подобную деятельность, а также эффективные действия по их пресечению. Надо отметить, что несмотря на значительные усилия, предпринимаемые органами власти в Кыргызстане в противодействии негативному внешнему воздействию на мусульман страны, их работа нуждается в определенной корректировке. Важно активизировать работу законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти по ряду направлений, недооценка которых существенно ослабляет эффект от их деятельности. В частности, необходимо усилить работу, связанную с проявлениями посягательств на конституционные основы государства, прежде всего

¹ Закон КР «О противодействии финансированию террористической деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов» от 6 августа 2018 г. № 87 // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике: Сб. ... – С. 165.

его территориальной целостности. Ведь, по сути дела, все действия зарубежных исламистов направлены на то, чтобы установить в Кыргызстане режим исламского халифата и включить его в состав мирового исламского государства. К сожалению, принцип незыблемости территориальной целостности государства не нашел отражения в Основном законе страны.

Другой важный момент связан с защитой конституционных прав и свобод граждан от посягательств, что в условиях Кыргызстана, с учетом реальных угроз извне, должно отражать определенную специфику. Государственным органам необходимо вменить в обязанность нормативно-правовую защиту традиционных мусульманских институтов, в частности ислама ханафитского мазхаба, а также его приверженцев. Должна быть обеспечена реальная защита традиционной исламской конфессии от всех видов посягательств на них со стороны ультрарадикальных исламистов. Представители государственных органов должны не допускать создания исламских партий, исламских организаций и общественно политических движений, преследующих в своей деятельности политические цели. Кроме того, необходимо законодательно исключить право на участие верующих в деятельности политических партий и движений. Крайне важно законодательно закрепить запрет на создание избирательных объединений на религиозной основе, создание групп и фракций в законодательных органах всех уровней на религиозной основе. В связи со сказанным выше должна быть предусмотрена необходимость разработки и внедрения в практику повседневной работы соответствующих нормативно-правовых актов.

К числу важнейших механизмов противодействия внешнему влиянию на мусульманское сообщество Кыргызстана следует отнести эффективное использование

позитивного потенциала умеренного ислама ханафитского мазхаба. То есть задача заключается в том, чтобы не ограничиваться лишь мерами защиты этой формы ислама законодательными и административными мерами, а использовать в полной мере его возможности для укрепления позиций светской демократической государственности в Кыргызстане.

Как известно, ислам ханафитского мазхаба играет доминирующую роль в нашей стране, однако в постсоветский период он подвергается негативному воздействию со стороны радикальных течений ислама, преследующих цель установления в Кыргызстане строя исламского халифата. Президент КР С. Жээнбеков говорил по этому поводу: «...ислам, исповедуемый нашими предками, не противоречит устоям светского общества, требованиям светских законов. Он вполне отвечал коренным интересам древнего кыргызского народа. И был принят нашими предками, поскольку гармонично сочетался с народными традициями и обрядами, с мировоззрением кочевников»¹. И далее он отметил, что «поддержка ханафитского мазхаба как религии мира, толерантности, терпения, добра, милосердия и порядочности – должна служить укреплению единства народа Кыргызстана»².

Проникновение ислама в форме ханафитского мазхаба в Кыргызстан связано с процессом завоевания Центральной Азии арабами, а широкое распространение здесь он получил в период Караханидского каганата³. Именно

¹ Президент Сооронбай Жээнбеков: Необходимо всячески укреплять межконфессиональное согласие, взаимопонимание и взаиморезуважение между верующими и теми гражданами, которые считают себя вне религии (15.11. 2018)...

² Там же.

³ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного

ислам ханафитского мазхаба, имеющий в Кыргызстане многовековую историю, играет важнейшую роль в сдерживании негативных явлений внешнего влияния на мусульманскую общину страны наших дней.

Исследователи, отмечая данный факт, исходят из учета доктринальных особенностей, изначально присущих этому мазхабу. По мнению одного из ученых, причинами, не позволяющими ханафитской религиозной организации Кыргызстана вовлечься в политические процессы, являются заложенные в ее доктринальных установках и в организационных принципах механизмы противодействия внешнему идеологическому влиянию и политическому давлению¹. В частности, мусульмане, придерживающиеся ханафитского мазхаба, не приемлют отрицательных аспектов таких важнейших постулатов ислама, как тафир (обвинение в неверии) и джихад (священная война за веру), поддерживают требования о толерантном и терпимом отношении к другим точкам зрения в религии². Для него характерно признание свободы выбора человека, право вести активную жизнь на благо общества, личная ответственность за совершаемые поступки³. Причем важно то, что к ханафитскому мазхабу в Кыргызстане относится подавляющая часть мусульман, представляющая

ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 87.

¹ Асанбеков М. К. Механизмы противодействия политизации ислама в доктринальных установках и организационных принципах ханафитов Кыргызстана // Политика и религия в современном Кыргызстане: Сб. ст. – Бишкек, 2018. – С. 123.

² Асанбеков М. К. Механизмы противодействия политизации ислама в мировоззренческих постулатах ханафизма // Способы противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. ст. – Бишкек, 2019. – С. 9.

³ Асанбеков М. К. Механизмы противодействия политизации ислама в мировоззренческих постулатах ханафизма... – С. 11.

собой большую часть населения страны¹. Так, в целом в Кыргызской Республике в настоящее время более 90% населения относятся к этносам, составляющим численную и религиозную базу мусульманской уммы страны².

Таким образом, вполне обоснованно можно говорить о том, что в Кыргызстане существуют объективные предпосылки для блокирования всех форм внешнего воздействия не только административными и силовыми методами, но и используя для этого позитивный потенциал умеренного ислама ханафитского мазхаба. Однако эффективное использование этого потенциала требует решения целого ряда задач, с участием представителей государственных структур и общественных организаций.

К сожалению, в настоящее время, как считают исследователи, значительным барьером на этом пути является недостаточно эффективное сотрудничество религиозных организаций, гражданских институтов и государства³. Более того, в Кыргызстане и по настоящее время не завершился процесс формирования национальной модели государственно-конфессиональных отношений. По мнению известного отечественного исследователя ислама Н. Курбановой, «Кыргызстан прошел в сфере государственно-исламских отношений две разновидности сепарационной модели: тоталитарно-атеистическую (в советский период) и либеральную (в период независимости)»⁴. Задача

¹ Асанбеков М. К. Умеренный ислам в Кыргызстане как один из факторов стабильного и безопасного развития общества // О некоторых проблемах религиозной безопасности Кыргызстана: Сб. ст. – Бишкек, 2017. – С. 142.

² О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 165.

³ Проблемы политизации и радикализации ислама... – С. 324.

⁴ Курбанова Н. Модели государственно-исламских отношений России, Турции, Казахстана, Индонезии, Пакистана, Норвегии, Израиля:

заключается в создании национальной модели, не являющейся слепком с модели какой-либо третьей страны.

При этом если говорить о кыргызском исламе в его умеренном варианте, то нельзя не сказать о том, что «оптимальная модель его взаимодействия со светским государством неизбежно потребует от него способности к учету всех реалий современного глобализирующегося мира. По сути дела, речь идет о способности мусульманской уммы Кыргызстана и ее духовных лидеров в определенной степени модернизировать ислам, привести отдельные его нормы в соответствие к реалиям современного мира»¹. Решение этой задачи, несомненно, повысит позитивный потенциал мусульманского сообщества Кыргызстана и сыграет решающую роль в создании эффективного заслона на пути негативных воздействий на него. Причем для решения этой задачи предстоит выполнить масштабную комплексную работу с участием государственных структур, Духовного управления мусульман Кыргызстана, НКО, широкой общественности страны. В целом, достижение этой цели следует считать задачей стратегической важности, решение которой существенно стабилизирует ситуацию в Кыргызстане, укрепит позиции светского демократического государства, вовлечет мусульманское общество в процессы созидательного характера. И конечно, создаст надежный заслон на пути негативных внешних влияний на мусульманскую общину Кыргызстана.

В свете вышесказанного, в среднесрочной и долгосрочной перспективе как важное средство преодоления

уроки для Кыргызстана // Усиление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике / Search For Common Ground in Kyrgyz Republik. – Бишкек, 2016. – С. 13.

¹ О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане... – С. 143.

негативного внешнего воздействия, неизбежно, на практические рельсы встанет вопрос формирования кыргызской модели ислама. Она должна вобрать в себя весь позитивный потенциал ислама ханафитского мазхаба, комплекс идентичности кыргызского народа, его обычаев, традиций, исторического наследия и культуры. При этом важными элементами формирования подобной модели должно явиться создание собственной богословской школы, качественное повышение уровня религиозной грамотности основной массы верующих мусульман. И конечно, составной частью этой модели должна стать реализация на практике комплекса мер государственно-конфессиональных отношений. Достижение цели формирования кыргызской модели ислама решит задачу вывода мусульманской общины Кыргызстана из-под влияния исламских геополитических центров сил и, несомненно, укрепит национальную безопасность страны.

Важной составной частью механизма, играющего роль противовеса внешнему противодействию в рамках умеренного ислама, должна быть его социализация. Следует отметить, что в Кыргызстане, в условиях недостаточной эффективности государственной политики в сфере работы по нейтрализации геополитического исламского проекта, проблема социализации ислама практически не рассматривалась. Между тем авторы исследования исходят из предпосылки об огромной позитивной роли социализации ислама в Кыргызстане. Справедливости ради, следует сказать о том, что на важность этого явления было обращено внимание в России. В частности, президент РФ В. В. Путин в выступлении в 2013 г. в Казани, посвященном 250-летию российской мусульманской уммы, сказал: «...новая социализация ислама должна рассматриваться как развитие традиционного мусульманского образа

жизни, мышления, взглядов, в соответствии с современной социальной действительностью. В противовес идеологии радикалов, сталкивающих верующих в средневековье»¹.

Для того чтобы убедить читателей в важности и необходимости обращения к вопросу социализации ислама, необходимо сделать хотя бы краткий экскурс в содержание дефиниции «социализация» вообще. Социологический словарь дает следующее его определение: «социализация – процесс усвоения индивидом поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в данном обществе»².

Другое, более полное определение социализации выделяет ряд важных аспектов данной дефиниции: «социализацию можно охарактеризовать как процесс становления самосознания и активной жизненной позиции как той части процесса становления личности, в ходе которой формируются наиболее общие, распространенные, устойчивые черты, проявляющиеся в социально организованной деятельности, регулируемой ролевой структурой общества»³.

Социализации ислама в Кыргызстане в полной мере присущи такие составные части дефиниции «социализация», как механизмы социализации, первичная и вторичная социализация и ряд других. Крайне важным для социализации ислама в нашей стране является процесс

¹ Путин призвал противостоять политизации ислама (Из заявления В. В. Путина на встрече с муфтиями России 22 октября 2013 г.) // URL: <https://tass.ru/obschestvo/694063>

² Социологический словарь. – М.: Норма Инфра-М, 2010. – С. 430.

³ Скворцова В. О. Механизмы первичной социализации: социокультурный подход // Социологические науки. – 2014. – № 27 // URL: <https://novainfo.ru/article/2634>

социализации, включающий в себя два этапа: десоциализации и ресоциализации личности. Под десоциализацией личности понимается искоренение старых ценностей, норм, ролей и правил поведения. Более высокий этап ресоциализации представляет собой обучение новым ценностям и ролям для замены прежних, не соответствующих новой ситуации. То есть речь идет об изменении ставших неадекватными норм и установок человека в соответствии с новыми общественными требованиями. Крайне важно пояснить, что процессы ресоциализации распространяются на лиц, имеющих различные виды отклоняющего поведения с целью переориентации негативных установок¹. Этот этап осуществляется в рамках так называемой интeриоризации, то есть процессе, ставящем целью включения новых социальных норм и ценностей во внутренний мир человека. При этом человеку приходится от чего-то отвыкать и чему-то учиться заново.

Следует отметить, что применение на практике отмеченных выше элементов понятия «социализация личности» играет крайне важную роль в деле социализации ислама в Кыргызстане. Ведь стремление массированно внедрения исламских догм, опирающихся на теорию и практику такфиризма и джихадизма, искажает сознание части мусульман республики, закрепляет в нем негативные установки, оправдывающие применение методов насилия и террора. Суть социализации ислама в Кыргызстане заключается в перенаправлении движения ислама из религиозно-экстремистской сферы в социальную, использовании его социального потенциала для налаживания гармоничных отношений с государством, государственной

¹ Ресоциализация – это что? Как проходит процесс ресоциализации личности? // URL: <http://fb.ru/article/145424/resotsializatsiya-eto-cto-o-kak-prohodit-protsess-resotsializatsii-lichnosti>

идеологией, активном участии в деле становления и развития национальной идентичности кыргызского народа¹.

Применение методов социализации ислама в Кыргызстане тем более актуально в условиях, когда в числе методов противостояния угрозам национальной безопасности в религиозной сфере преобладают силовые методы, методы жесткого подавления проявлений религиозного экстремизма и терроризма. Между тем практика показала ограниченность подобных средств борьбы в условиях глобализации и расширения масштабов деятельности сил, угрожающих поступательному развитию Кыргызстана по пути мира и демократии.

В одном из своих выступлений президент КР Сооронбай Жээнбеков отметил, что, «пользуясь предоставленной свободой, развелось множество различных религиозных течений, сект, мазхабов, тарикатов, чьи конечные цели остаются загадкой для общества. Мы становимся свидетелями того, как некоторые организации и движения пытаются политизировать религию»². В той же речи он, по сути дела, поддержал идею социализации ислама, сказав о необходимости социального партнерства между традиционным исламом, православием и государством, остановился на необходимости сохранения ислама в его традиционном понимании, в том, как его понимали наши предки, не противоречащем обычаям кыргызов и законам государства. Глава государства отметил также важность обеспечения всех уровней религиозного образования в соответствии

¹ Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана... – С. 386.

² Президент Сооронбай Жээнбеков: Необходимо всячески укреплять межконфессиональное согласие, взаимопонимание и взаимоуважение между верующим и теми гражданами, которые считают себя вне религии (15.11.2018)...

с будущим развитием общества. И в качестве итогового момента он сказал о том, что всё это должно способствовать укреплению толерантного общества, живущего в светском государстве¹. Реализации поставленных президентом страны задач как раз и должна способствовать социализация ислама.

Авторы данного исследования предлагают в качестве конкретного механизма реализации всего комплекса задач, вытекающих из социализации ислама в Кыргызстане, разработку и внедрение в практику социальной доктрины ислама. Впервые в историографии Кыргызстана тема социальной доктрины ислама была исследована в ряде публикаций ИСАП². Как пишут авторы исследования, «социальная доктрина ислама должна стать связующим звеном между исламом и государством, ее структуры должны включать в себя принципы ислама и ценности светского государства, исходить из реальной картины религиозного, национального состава Кыргызстана, отвечать основным требованиям построения гармоничного общества на основе уважения культур, традиций, религий и законов страны»³.

Социальная доктрина ислама должна способствовать вовлечению мусульман Кыргызстана в общественные процессы, предоставления им широкого спектра

¹ Президент Сооронбай Жээнбеков: Необходимо всячески укреплять межконфессиональное согласие, взаимопонимание...

² См.: Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана и пути ее нейтрализации..., Усенов М. А. Социальная доктрина ислама как важный элемент профилактики религиозного экстремизма и терроризма в Кыргызстане // Способы противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. ст. – Бишкек, 2019.

³ Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана... – С. 426.

возможностей для участия в созидательной деятельности в рамках светского государства. Она направлена на активизацию социальных устремлений мусульман, на решение множества проблем, касающихся в религиозной и социальной сферах, в том числе религиозного образования, в решении социальных и экономических проблем социально уязвимых слоев населения страны. В ней, как уже отмечалось выше, учтены все моменты, упоминавшиеся в речи президента КР Сооронбая Жээнбекова на международном форуме «Ислам в современном светском государстве»¹.

Реализация социальной доктрины ислама в рамках его социализации должна решить ряд важных задач, которые, по сути, являются конкретными рекомендациями и предложениями на пути их реализации. В их числе можно назвать в первую очередь следующие:

– создание собственной богословской школы, что следует считать чрезвычайно важным в условиях Кыргызстана. Именно отсутствие собственных авторитетных в мире ислама богословов имеет следствием распространение в стране в беспрецедентных масштабах идеологии салафизма и ваххабизма;

– модернизация религиозного образования и повышение религиозной грамотности населения. Это касается прежде всего подготовки класса высокообразованных в рамках ханафитского мазхаба священнослужителей, владеющих методами эффективного противодействия идеологии религиозного экстремизма и терроризма. Не менее важной задачей следует считать задачу повышения религиозной грамотности каждого отдельно взятого мусульманина и мусульманской общины Кыргызстана в целом;

¹ См.: Жээнбеков выступил на открытии конференции «Ислам в современном светском государстве» (15.11. 2018) // URL: <http://kabar.kg/news>

– формирование национальной идентичности на базе истории, культуры и традиций кыргызского народа и норм ислама ханафитского мазхаба. Перед кыргызским народом, на предстоящий исторический период, стоит решение задачи исторической важности, связанной с завершением формирования идентичности. Становление национальной идентичности кыргызов должно строиться на включении в нее и элементов ислама ханафитского мазхаба;

– не менее важной целью следует считать и формирование национальной идеологии, существенным элементом которой должны стать положения умеренного ислама. Именно ее отсутствие способствует проникновению в среду мусульман Кыргызстана идей извне и осуществлению на их базе действий, подрывающих мир и стабильность, угрожающих национальной безопасности страны;

– ислам в Кыргызстане нуждается в модернизации, приспособлении его норм к реалиям современного глобализирующегося мира. Его архаичность и отсталость играют негативную роль в среде верующих, тормозят процессы его вхождения в мировое исламское сообщество, создают проблемы взаимоотношений с современным светским государством;

– учитывая специфику Кыргызской Республики, подавляющую численность кыргызов среди мусульман страны, представляется возможным поставить на перспективу задачу формирования модели кыргызского ислама в рамках ислама ханафитского мазхаба с органичным включением в нее черт национальной идентичности, культуры и традиций кыргызского народа;

– в связи со сказанным выше непреложной задачей, стоящей перед государственными институтами и обществом страны, стоит завершение процесса формирования модели взаимоотношений государства, общества и ислама.

Все обозначенные выше моменты должны стать органической частью этой модели, а сама модель – важнейшим инструментом противодействия и нейтрализации всех негативных последствий внешнего воздействия.

Реализация указанных мер сыграет важную роль в преодолении внешней религиозной экспансии, направленной против мусульман Кыргызстана, в борьбе с проявлениями религиозного экстремизма и терроризма, порожденной последней.

К числу важнейших механизмов, препятствующих негативному внешнему воздействию на мусульманское сообщество Кыргызстана, следует назвать и информационную безопасность страны. Ее актуальность в огромной степени возросла с век современных цифровых технологий, превратившихся в один из основных источников информации в современном мире и в Кыргызстане в том числе. После получения независимости и вхождения в глобальный мир Кыргызстан превратился в часть открытого мирового информационного пространства, и вместе с этим обстоятельством для него возникла проблема информационной безопасности.

В Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики в качестве внутренней угрозы национальным интересам Кыргызстана было обозначено «недостаточное развитие информационно-коммуникационных технологий и слабая защита информационного пространства страны»¹. Концепция оценивает существующие и потенциальные угрозы в сфере информации как наиболее серьезные вызовы XXI в. Эти угрозы проявляются в подрывных действиях, направленных как против физических лиц, бизнеса, государственных органов, так и против

¹ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. Утв. Указом Президента КР от 9.06.2012 г. ...

правительства¹. Учитывая нынешние реалии, авторы исследования полагают, что угроза информационной безопасности Кыргызстана может быть оценена не только как источник внутренней, но также и внешней угрозы национальной безопасности страны. Соответствующая оценка информационной угрозы дана и президентом КР С. Жээнбековым. Он, в частности, заявил по этому поводу: «...требуется усилить профилактическую работу среди приверженцев радикальных течений, обратить пристальное внимание на распространение экстремистской идеологии в социальных сетях, усилить работу по информационному противостоянию терроризму и экстремизму, выработать единую стратегию, в том числе информационную»².

В специальном разделе исследования с достаточной полнотой раскрыта значимость и важность организации действенной работы по противодействию активного использования электронных и печатных средств массовой коммуникации, и прежде всего Интернета, в деле пропаганды среди верующих религиозного экстремизма и терроризма. В Кыргызстане в этих целях широко используются социальные сети, такие как «Фейсбук», «Твиттер», «Линкедин», «Вконтакте», «Одноклассники» и т. д. Социальные сети представляют уникальный онлайн-сервис, обладающий серьезными инструментами для организации и построения социальных отношений в виртуальном пространстве³.

¹ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики....

² Президент Сооронбай Жээнбеков принял председателя ГКНБ КР...

³ Омаров Е. М., Эржанова Э. Д. Современные цифровые технологии как инструмент религиозного радикализма и распространения экстремизма в Кыргызстане // О некоторых проблемах религиозной безопасности Кыргызстана: Сб. ст. – Бишкек, 2017. – С. 90.

Следует отметить, что в постсоветский период своей истории верующие Кыргызстана подвергались и продолжают подвергаться различным видам информационного воздействия из-за его рубежей, причем в последние годы потоки информации, несущие негативную идеологическую нагрузку, лишь усиливаются. Между тем в стране система информационной безопасности страдает серьезными недостатками, главный из которых заключается в отсутствии единой стратегии обеспечения информационной безопасности. В годы независимости правительством предпринимались отдельные действия в этом направлении. В частности, в 2006 г. начало функционировать Национальное агентство информационных ресурсов, технологий и связи, в 2007 г. – межведомственная комиссия по вопросам обеспечения информационной безопасности, в 2014 г. – Совет информационной политики при Министерстве культуры, информации и спорта. Концепция информационной безопасности Кыргызстана 2004 г. страдала серьезными недоработками и в практической работе почти не применялась. Долгие годы информационная сфера страны практически не имела документа, обобщающего и координирующего деятельность государственных органов по сдерживанию негативного информационного воздействия извне. Лишь в 2019 г. ГКНБ КР был разработан проект Концепции информационной безопасности Кыргызской Республики, пока что не введенный в действие.

В плане оценки роли информационной безопасности в борьбе с угрозой экзогенного фактора на верующих Кыргызстана неocenимую роль играет опыт Российской Федерации, накопленный в процессе противостояния действиям извне, прежде всего в сфере исламского радикализма. Концепция информационного противостояния этому явлению подробно изложена в законе РФ «О мерах

по противодействию терроризму» и в Концепции РФ о противодействии терроризму в Российской Федерации от 5 октября 2009 г. В них излагаются основы информационного противодействия терроризму.

В частности, в Концепции ставится задача эффективного информационного противодействия идеологии радикального исламизма¹. В Российской Федерации осуществляется большой объем работы в этом направлении, и опыт, накопленный компетентными органами России в этом направлении, актуален для Кыргызстана. Считаем крайне важным использование позитивного опыта, накопленного в РФ в этой сфере, для укрепления климата информационной безопасности в Кыргызстане.

Таким образом, информационная безопасность республики играла и продолжает играть роль важного механизма в сдерживании негативного внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана, и принятие соответствующей Концепции продолжает оставаться важнейшей задачей дня.

Существенная роль в решении исследуемой проблемы отводится и внешней политике страны. В связи с этим следует обратить внимание на то обстоятельство, что исламский фактор в отношениях с Кыргызстаном в качестве одного из компонентов внешнеполитического курса используют многие страны мира и крупные международные организации. В их числе можно назвать и такие мировые геополитические центры силы, как США, Китай, Россия. С особой активностью исламский фактор в Кыргызстане используют страны Ближнего и Среднего Востока, Турция, Пакистан, Афганистан, часть государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Активную деятельность в республике

¹ Добаев И. П. Радикализация ислама в современной России. – М.; Ростов-на/Д., 2014. – С. 260.

ведут Организация исламских государств, фонд Ага-хана и многие другие исламские организации¹. Как отмечают исследователи, получили развитие и различные экспортированные извне исламские течения, религиозно-политические партии типа «Хизб ут-Тахрир», «Ваххабия», «Таблиги джамаат», «Нурджулар» и т. д. В частности, существует заинтересованность ряда внешних для Кыргызстана государств и их фондов в переносе на территорию Кыргызстана собственных далеко не идеальных моделей развития. Поэтому мы можем утверждать, что ислам в Кыргызстане будет превращаться в объект политики других государств².

Исламский фактор в отношении Кыргызстана занимает также определенное место в деятельности таких организаций, как СНГ, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ. Практика участия Кыргызстана в деятельности этих международных организаций показала заинтересованность ее членов в стабильном и мирном развитии нашей республики. Выступая на 73 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, президент КР Сооронбай Жээнбеков, в частности, заявил: «...сотрудничество и всесторонний диалог рассматриваются кыргызской стороной в качестве единственного и безальтернативного пути решения имеющихся вопросов. В этом контексте мы видим также особую роль и новую миссию таких региональных объединений, как СНГ, ШОС, ОДКБ и ЕАЭС»³. При этом значительное внимание

¹ Исламский фактор во внешней политике Кыргызстана (26.07. 2016) // URL: <http://foreignpolicy.ru/analyses/islamskiy-faktor-vo-vneshney-politike-kyrgyzstana>

² Салиев А. Л. Китайский фактор во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни // URL: http://sinref.ru/000_uchebnik/04000pravo_kirgizii/000_kitaiski_faktor_kirgikistana_saliev/012.htm

³ Президент Кыргызской Республики Сооронбай Жээнбеков 25 сентября выступил на 73 сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций // URL: <http://www.ru.sputnik.kg/politiks20180926>

участниками этих организаций уделяется совместной деятельности по пресечению проявлений религиозного экстремизма и терроризма, вмешательства внешних сил во внешнюю и внутреннюю политику суверенных государств-членов этих объединений. Кыргызстан крайне заинтересован в подобном сотрудничестве, существенно укрепляющем его позиции на международной арене. Таким образом, внешняя политика Кыргызстана, методы и содержание ее реализации также играют роль важного механизма в сдерживании влияния внешних сил на развитие ислама и исламской общины.

Материалы исследования свидетельствуют о широком диапазоне целей и применяемых средств рядом стран и организаций, стремящихся превратить регион Центральной Азии и Кыргызстан, в частности, в зону нестабильности, в объект достижения этими странами своих интересов, либо установления в нем режима исламского халифата. В то же время Российская Федерация, являющаяся важнейшим стратегическим партнером Кыргызстана, играет позитивную роль в движении нашей страны по пути демократии и укрепления национальной безопасности в свете современных угроз. Россия, связанная с Кыргызстаном совместной историей, многовековыми историческими и культурными связями, продолжает во многом играть важную роль для нашей страны в сфере обеспечения ее безопасности. В частности, в Российской Федерации накоплен значительный опыт борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом, проникновением на территорию страны враждебных идеологий, негативным влиянием внешних игроков на российских мусульман. Этот опыт чрезвычайно важен для Кыргызстана и его использование превращается в задачу номер один. В этом плане особенное значение имеет деятельность федеральных и местных органов

власти, направленная против салафизма и ваххабизма на северном Кавказе. Представляет также интерес развитие ислама и сотрудничество с ним в районах Российской Федерации со значительным мусульманским населением. В первую очередь речь идет о республиках Татарстан и Башкортостан, богословские школы которых, опираясь на поддержку рядовых мусульман и наладив гармоничные отношения с государственными структурами, успешно противостоят негативным воздействиям из-за рубежа. Вместе с тем теория и практика борьбы с проявлениями религиозного экстремизма и терроризма в Российской Федерации, естественно, не лишена некоторых недостатков.

Российские исследователи ислама в районах с преобладающим мусульманским населением определяют основные направления деятельности государственных органов, духовных управлений мусульман и общественности России в целом. Они исходят из того, что их реализация позволит повысить эффективность работы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму, представляющим собой квинтэссенцию внешнего влияния на мусульман России и угрожающим ее не только религиозной, но и национальной безопасности. В России понимают, какие могут быть реальные последствия внешнего воздействия, и исходят из того, что, например, «действующие на российском Юге неправительственные религиозно-политические организации (ваххабитские джамааты) не являются самостоятельными в своей идеологической направленности и политической практике организациями, поскольку в идеологическом, финансовом, организационном и других отношениях в весомой степени зависят от экстремистских организаций, центров, фондов и других структур многих стран Ближнего и Среднего Востока»¹.

¹ Бережной С. Е., Добаев И. П., Крайнюченко П. В. Ислам и исла-

Подобную зависимость от зарубежных центров подчеркивает и то обстоятельство, что, по словам исследователей, лидеры российских исламистов не смогли создать ни одного оригинального произведения, свидетельствующего о появлении у них собственной идеологии, которая бы носила самостоятельный, оригинальный характер¹. Глубокое исследование современной идеологической доктрины радикальных исламистов, в частности на Северном Кавказе, «со всей очевидностью свидетельствует о привнесении на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзогенности идеологического фактора северокавказского бандподполья»². Всё это позволило И. П. Добаеву сделать вывод о том, что «в постсоветский период, под сильным внешним воздействием, в России наблюдался неуклонный рост политизации и радикализации ислама и исламских группировок»³.

Подобная же ситуация присуща религиозным экстремистским организациям и в Кыргызстане, что вызывает особый интерес с точки зрения знакомства с российским опытом противостояния им и действиям государственных органов по их преодолению. В этом плане особый интерес представляет программа действий, предложенная известным российским исследователем религиозного экстремизма на юге России И. П. Добаевым. Она подробно изложена в исследованиях этого автора, на основе изучения и обобщения опыта противостояния радикальному исламу на юге России⁴. Эта программа строится на основе

мизм на Юге России. – Ростов-на/Д., 2003. – С. 135.

¹ Добаев И. П. Радикализация ислама в современной России... – С. 160.

² Там же. – С. 162.

³ Там же. – С. 85.

⁴ См.: Бережной С. Е., Добаев И. П., Крайнюченко П. В. Ислам и ис-

учета конкретной религиозной ситуации в автономных образованиях Северного Кавказа и особых формах и путях противостояния джихадистскому, такфиристскому подполью, ведущему активную, в том числе и вооруженную, борьбу со светскими властями.

Для Кыргызстана важным элементом осуществления исламской политики в стране в плане противодействия негативным последствиям экзогенного фактора следует считать и учет опыта деятельности исламских организаций в таких объектах Российской Федерации, как Татарстан и Башкортостан. По сути дела, в них реализуется иная, чем в федеральных образованиях юга России, форма исповедования ислама, в основном и главным отвергающая путь насилия и развивающая так называемую «татарскую» модель ислама, опирающуюся на сравнительно сильную богословскую школу и традиции ислама в Татарстане XVII–XX вв.

Таким образом, учет как позитивных, так и негативных черт развития ислама в Российской Федерации, с нашей точки зрения, чрезвычайно важен для Кыргызстана, поскольку анализ и применение этого опыта позволит избежать многих ошибок в работе с верующими, существенно облегчит деятельность государственных структур в деле борьбы с проявлениями религиозного экстремизма и терроризма, представляющих собой наиболее опасные факторы внешнего воздействия.

ламизм на Юге России... – С. 119; Добаев И. П. Радикализация ислама в современной России...; Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов-на/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002; Добаев И. П. Радикальная идеология в исламе: история и современность // Ислам в России: взгляд из регионов. – М.: Аспект Пресс, 2007; Добаев И. П., Добаева А. И., Гаджибекова Р. Г. Радикализация ислама в Российской Федерации. – Ростов-на/Д., 2013.

Кроме того, использование опыта работы с российскими мусульманами позволит существенно продвинуть работу по формированию модели взаимодействия ислама с государством в Кыргызстане, способствующей развитию гармоничных отношений с государством в интересах сохранения и укрепления светского характера государства, стабильного и безопасного развития общества. Формирование подобной модели самим фактом ее функционирования сыграет роль важнейшего механизма преодоления внешнего воздействия на мусульман Кыргызстана и явится важным фактором укрепления национальной безопасности страны. По сути дела, реализация этой задачи относится к числу стратегических и претворение ее в жизнь рассчитано на сравнительно длительный временной отрезок. Тем не менее это не означает, что ее решение может быть отложено в долгий ящик, поскольку религиозная ситуация в стране, сильное внешнее воздействие на исламскую общину Кыргызстана требуют незамедлительной работы по ее реализации в жизнь.

К числу существенных механизмов, целью которых является противодействие негативному влиянию на мусульманскую общину страны из-за рубежа, относится также и задача кардинального улучшения экономической и социальной ситуации в стране, повышение уровня материального благосостояния населения. Пока что экономика Кыргызстана, по многим позициям зависящая от внешних акторов мировой политики, низкий уровень социальной защиты, высокий уровень безработицы и миграции населения не позволяют решить эту чрезвычайно серьезную задачу.

Таким образом, преодоление внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана является частью общей проблемы экономической, политической и идеологической зависимости республики от мировых

геополитических центров силы. В таких условиях реализация исламского геополитического проекта для Кыргызстана является одним из элементов усиления его геополитической зависимости и преследует цели, идущие вразрез с построением светского демократического государства. Реализация этого проекта носит многообразные формы и проявления, которые с достаточной полнотой нашли освещение в основных разделах данного исследования. Повторять их не имеет смысла, однако следует отметить, что в своей совокупности они представляют несомненную угрозу национальной безопасности Кыргызстана и, более того, его существованию как светского государства.

В связи с этим важное значение могут иметь рекомендации и предложения, реализация которых внесет свой вклад в решение данной проблемы.

Прежде всего, важно понимание того, что исламский геополитический проект для Кыргызстана представляет собой неотъемлемую часть проектов мировых геополитических центров силы, стремящихся закрепить его зависимость от них в собственных интересах. В частности, исламский геополитический проект для Кыргызстана преследует цель дестабилизировать ситуацию в регионе, превратить Кыргызстан в исламское государство, ослабить позиции в нем России. Подобные цели в условиях, когда Российская Федерация является важнейшим стратегическим партнером Кыргызстана, представляют собой несомненную угрозу национальной безопасности и сохранению суверенитета Кыргызской Республики. Соответственно, тактика и стратегия противостояния реализации этих планов должна строиться с учетом этих целей.

Коренным условием их успешной реализации следует считать модернизацию политики, экономики и идеологии Кыргызстана, решение задачи по выводу его на уровень

развития успешных стран. Однако реализация этой задачи рассчитана на целый исторический период, в краткосрочном же плане необходимо решение ряда текущих проблем – в частности, проблемы внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана. В настоящее время под влиянием сильного внешнего воздействия наблюдаются процессы исламизации общества, институционализации на территории Кыргызстана религиозных экстремистских и террористических организаций, ориентирующихся на применение экстремистских, террористических методов деятельности, что требует принятия неотложных мер.

В сложившихся условиях наиболее эффективным является комплексный подход к решению данной проблемы, разработка комплекса мер по решению стоящих перед государством и обществом, верующими страны задач. Основу этого комплекса должна составить совокупность действий, охватывающих все без исключения важнейшие сферы, связанные с масштабным внешним воздействием на мусульман Кыргызстана. В этом плане неочень важную роль для государственных и общественных структур Кыргызстана должны сыграть меры, предлагаемые религиоведами и исламоведами России. Они, в частности, считают, что «только системное и целенаправленное воздействие на все подсистемы радикального исламского движения со стороны органов государственной власти может создать объективные предпосылки для успешной защиты национальных интересов России»¹. Эти меры нашли отражение в ряде публикаций российских специалистов по вопросам религии в целом и ислама в частности².

¹ Добаев И. П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика. – Ростов-на/Д., 2003 // URL: <http://www.chelovek.nauka.com//islamskiy-radikalizm>

² См.: Бережной С. Е., Добаев И. П., Крайнюченко П. В. Ислам и ис-

Так, И. П. Добаев в ряду эти мер предлагает институционально-правовые, политико-организационные, социально-экономические и административно-силовые¹. По нашему мнению, подобная классификация может быть положена и в основу комплекса мероприятий, направленных на противодействие силам из-за рубежа, стремящимся дестабилизировать ситуацию в Кыргызстане, превратить его в государство исламского халифата.

ламизм на Юге России...; Добаев И. П. Радикализация ислама в современной России...; Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика...; Добаев И. П. Радикальная идеология в исламе: история и современность...; Добаев И. П., Добаева А. И., Гаджибекова Р. Г. Радикализация ислама в Российской Федерации...; Зинченко М. С. Политизация ислама как фактор современного политического процесса (на мат-лах Северного Кавказа): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар, 2010; Размышления или план действия, как блокировать ислам? // URL: <http://maxpark.com/community/71/content/801440> и др.

¹ Добаев И. П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт многих стран мира, подвергшихся геополитической экспансии, свидетельствует о том, что ее целью является подрыв национальной безопасности этих стран. В этом отношении не является исключением из правила и Кыргызстан. С первых дней суверенного развития, в обстановке открытости мировым глобальным процессам, он подвергся разнообразным формам внешнего воздействия, выступая в роли не субъекта, а объекта геополитической экспансии. В результате сложилась ситуация, когда развитие важнейших составляющих политики, экономики, идеологии Кыргызстана несут на себе печать зависимости от внешних акторов, стремящихся под прикрытием идей либерализма и демократии к достижению над ними полного контроля. Так, пресс-секретарь президента России, комментируя сделанную им оценку либерализма, отметил: «Проблема в том, что либеральные идеи стали агрессивными-доминирующими, и их стали буквально принудительно внедрять в идеологию другим»¹. Небезызвестный Збигнев Бжезинский, обосновывая выдвинутое им положение о так называемой гегемонистской демократии, заявил о том, что «демократия является основным компонентом американского мирового господства»². В то же время реалии таковы, что у Кыргызстана нет адекватной системы противодействия геополитической экспансии со стороны

¹ Песков объяснил заявление Путина о либерализме // URL: <https://riafan.ru/1191091-peskov-obyasnil-zayavlenie-putina-o-liberalizme>

² Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство... – С. 230.

многих стран мира, что ставит под угрозу не только национальную безопасность страны, но и само ее существование.

На основании вышесказанного следует отметить, что геополитические аспекты безопасности Кыргызстана в свете внешнего воздействия на мусульманскую общину страны являются важной частью создания системы противодействия внешней экспансии и защиты геополитической безопасности как части безопасности национальной.

Религиозная экспансия, являющаяся важной частью в целом геополитической экспансии против Кыргызстана, оказала непосредственное влияние на развитие мусульманской общины Кыргызстана и, прежде всего, на происходящие в ней процессы реисламизации. К числу выводов следует отнести амбивалентный характер развития мусульманской общины страны в рамках реисламизации в постсоветский период. С одной стороны, процессы исламского возрождения носили самобытный, автохтонный характер, они развивались в рамках становления и развития государственности и в целом опирались на эндогенные основания. С другой стороны, в условиях глобализации и открытости миру для мусульман Кыргызстана реальностью стало существенное возрастание экзогенного фактора, принявшего форму религиозной экспансии. Мусульманская община республики превратились в объект государственно-конфессиональной экспансии со стороны ряда государств Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии. Кроме того, в роли акторов религиозной экспансии выступили разнообразные международные и национальные исламские организации, различные образования и сообщества, базирующиеся в этих странах. Их деятельность носила преимущественно латентно-конфликтотенный характер и преследовала цель, оказывая давление

на мусульманское сообщество, установления идеологического, политического и социального контроля над Кыргызстаном, отказа от светской государственности и превращения его в исламское государство.

Содержательная часть исследования посвящена анализу основных форм и видов религиозной экспансии против мусульман Кыргызстана и их последствиям, представляющим непосредственную угрозу ее национальной безопасности. В их ряду важнейшее место отведено идеологическому воздействию, принявшему в постсоветский период времени широкие масштабы. Как известно, развитие ислама в среде кыргызов в период существования СССР было надежно ограждено от внешних воздействий. В суверенном Кыргызстане, в условиях открытости и либерального религиозного законодательства, суннитский ислам ханафитского мазхаба подвергся масштабному внешнему воздействию со стороны фундаменталистских течений ислама, принявших форму ваххабизма и салафизма, насаждающих идеи отказа от светского демократического государства и замены его государством исламского халифата. В Кыргызстане, впервые в его истории, возникли и начали подрывную работу исламистские террористические организации, ставящие своей целью добиться методами террора и насилия смены светской государственности. Они развязали кампанию террора и запугивания населения, превратившись в реальную угрозу национальной безопасности страны. Широкое распространение получила мирная форма религиозной экспансии, связанная с миссионерской деятельностью, строительством культовых сооружений и обучением кыргызской молодежи в исламских учебных заведениях Саудовской Аравии, Египта, Объединенных Арабских Эмиратов, Пакистана, Турции и ряда других стран. Страны-экспортеры религиозных

идей активно используют и экономические механизмы, оказывая финансовую помощь в строительстве мечетей в Кыргызстане, получении бесплатного религиозного образования за рубежом, деятельности благотворительных организаций. Реальностью стало возникновение и расширение исламского банкинга в Кыргызстане.

Факторами, способствовавшими идеологической обработке членов мусульманской общины в Кыргызстане, явилось отсутствие собственной богословской школы, низкий уровень религиозных знаний, доминирование так называемого бытового ислама. Распространению их деятельности способствовало также наличие нерешенных проблем экономического характера, низкий уровень жизни значительной части населения Кыргызстана, бедность и безработица.

Всё возрастающую роль в экзогенном сопровождении ислама в Кыргызстане в последние годы играет использование современных средств информационного воздействия на мусульман. Оценивая информационную безопасность Кыргызстана, следует сказать о том, что в настоящее время она не отвечает ситуации, сложившейся в информационной сфере республики, которая широко используется представителями религиозных экстремистских организаций для пропаганды своих взглядов. Ими, в основном через Интернет, публикуются материалы экстремистского содержания, пропагандирующие идеи такфира и джихада против «неверных», призывающие к установлению строя исламского халифата в Кыргызстане. Недостаточные масштабы противодействия подобной противоправной деятельности во многом связаны с тем, что в стране пока что не принята Концепция информационной безопасности, что затрудняет организацию и осуществление комплексной борьбы с этой угрозой национальной безопасности страны.

В целом, государственная система информационной безопасности должна стать унифицированной, управляемой из одного центра, направленной на защиту, прежде всего, интересов государства и общества, способной оперативно противостоять внешним угрозам. Для создания подобной системы необходимы совместные усилия государственных и гражданских институтов, экспертного и международного сообществ. Необходимы практические меры по повышению безопасности информационных систем, совершенствованию технических средств борьбы с враждебной информацией, расширению использования средств массовой информации для пропаганды основ умеренного ислама ханафитского мазхаба среди верующих.

В исследовании значительное место уделено характеристике внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызской Республики со стороны таких акторов религиозной экспансии на нее, как Турция, страны Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии. Как известно, ликвидация политики изоляции советских мусульман привела к вхождению их в мировую исламскую умму, что способствовало преодолению многолетней замкнутости и приобщению их к ценностям исламского мира. Однако открытость страны, существование ее в условиях мировых глобальных процессов имели следствием возрастание роли экзогенных факторов в развитии мусульманского сообщества Кыргызстана. Внешние силы, осуществляя религиозную экспансию, преследовали особые цели, многие из которых представляли собой непосредственную угрозу национальной безопасности страны. Ситуация усугублялась фактическим отсутствием в Кыргызстане полномасштабной стратегии противостояния массивной кампании, объектом которой в первую очередь стали мусульмане страны.

В исследовании содержится конкретное описание религиозной экспансии, осуществляемой против мусульманского сообщества страны со стороны конкретных государств. Идеологическое ядро турецкой экспансии в Кыргызстане составили идеи пантюркизма и неоосманнизма, начавшие распространяться в стране после распада СССР и вступления его в независимый период развития. Религиозные движения «Нурджулар» и «Сулеймания» стараются активизировать свою деятельность в стране, обучая мусульман исламу, отличающемуся от традиционных канонов ислама. В Кыргызстане действует значительная сеть образовательных учреждений, кыргызская молодежь получает религиозное и светское образование в Турции, на финансовые средства турецких эмиссаров сооружаются мечети в городах страны. Сторонники Гюлена и «Нурджулар» стараются привлечь в свои ряды наиболее способных и перспективных молодых людей, которые в дальнейшем смогут добиться высоких позиций в правительстве или частных компаниях. В целом, реализуется политика, рассчитанная на существенное укрепление позиций Турции в политической, экономической и идеологической сферах Кыргызстана.

В исследовании значительное место отведено выявлению специфики воздействия стран Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока на мусульманскую общину Кыргызстана через анализ деятельности различных исламских организаций этих стран, их деструктивному влиянию на верующих страны. Подобного рода деятельность имеет своим следствием не только распространение среди мусульман идей ваххабизма и салафизма, ранее не имевших места быть в Кыргызстане вообще, но и способствовала формированию и деятельности откровенно экстремистских террористических организаций, взявших на вооружение

идеи такфира и джихада. В совокупности, они существенно обострили религиозную ситуацию в стране, превратились в долговременную угрозу национальной безопасности государства и общества. Важной чертой, присущей религиозной экспансии, исходящей от этих стран, следует считать эксплицитный характер их деятельности, стремление навязать мусульманам Кыргызстана их видение так называемого «истинного ислама», отказ от компромиссов, применение частью их адептов насильственных, террористических методов борьбы.

Результаты исследования подводят к выводу о существенной угрозе национальной безопасности Кыргызстана, исходящей со стороны сил, осуществляющих религиозную экспансию против мусульманской общины страны. Масштабам этой угрозы во многом способствует ряд недостатков, присущих последней, особенно остро проявившихся в условиях процессов реисламизации. К их числу можно отнести неспособность местного духовенства эффективно противостоять идеологии фундаменталистского ислама в Кыргызстане, низкий уровень религиозных знаний верующих, нерешенность социальных и экономических проблем, затрагивающих интересы значительной части населения страны. В исследовании обосновываются выводы о необходимости принятия органами управления страной стратегической программы, направленной на преодоление религиозной экспансии внешних сил и ее последствий, создающих непосредственную угрозу национальной безопасности страны.

Таким образом, в исследовании с достаточной глубиной выполнен анализ проявлений внешнего воздействия на мусульманскую общину Кыргызстана. Он свидетельствует о наличии серьезных проблем, порождаемых этим воздействием, долговременным характером внешнего

влияния на мусульман страны после получения ею независимости. Эти воздействия негативным образом влияют на состояние религиозного сознания верующих, насаждают в их среде идеи религиозного фанатизма, преследуют цели установления в Кыргызстане строя исламского халифата.

В работе обосновывается вывод о необходимости выработки государственных и общественных механизмов, направленных на нейтрализацию этих угроз национальной безопасности страны. В соответствии с этим специальный раздел исследования посвящен решению данной задачи, в нем определены важнейшие механизмы преодоления религиозной экспансии ряда внешних сил на настоящее время и на перспективу.

В целом, проблемы внешней зависимости мусульман Кыргызстана, ставших объектом религиозной экспансии, в настоящее время по-прежнему продолжают представлять собой серьезную угрозу геополитической безопасности Кыргызстана как неотъемлемой части национальной безопасности страны. Кыргызстан продолжает оставаться объектом реализации масштабного геополитического проекта, преследующего цель создания в нем религиозного авторитарного государства в форме исламского халифата. Сложившаяся в настоящее время ситуация требует разработки и реализации государственной стратегической программы, рассчитанной на среднесрочную и долгосрочную перспективу для ликвидации данной угрозы. Эта мера явится важным фактором движения Кыргызстана по пути светского демократического развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Законы, нормативно-правовые акты

1. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. – Бишкек: Академия, 2018.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>
3. Закон КР «О некоммерческих организациях» от 15 октября 1999 г. № 111 (по сост. на 23 апреля 2016 г.) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/274>
4. Закон КР «О противодействии финансированию террористической деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов» от 6 августа 2018 г. № 87 // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике...
5. Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г. № 282 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498>
6. Закон РК «Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан» от 15 декабря 1990 г. № 273-XII // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205081>
7. Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы. Утв. Указом Президента КР от 14 ноября 2014 г. № 203 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/68294>
8. Концепция информационной безопасности Кыргызской Республики на 2019–2023 годы. Прилож. к пост. Правительства КР от 3 мая 2019 г. № 209 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/13652>
9. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. Утв. Указом Президента КР от 9 июня 2012 г. № 120 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61367>

10. Положение об Антитеррористическом центре Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. Утв. Постановлением Правительства КР от 13 февраля 2013 г. // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике...
11. Постановление Правительства КР «О вопросах Антитеррористического центра Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики и координации анти-террористической деятельности» от 15.02.2013 г. № 71 // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике...
12. Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике: Сб. норм.-правовых актов и мат-лов. – Бишкек, 2019.
13. Правовые аспекты противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. док. и мат-лов. – Бишкек, 2019.
14. Программа Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы. Утв. Постановлением Правительства КР от 21 июня 2017 г. № 394 // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике...
15. Решение Совета Оборона КР «О государственной политике в религиозной сфере» от 7 февраля 2014 г. // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике...
16. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на 2013–2017 гг. // URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/1466_tekst_natsionalnoy_strategii_ustoychivogo...
17. Стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы // Правовое обеспечение противодействия экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике...

Специальная литература

18. Абд аль-Азиз аль-Хадыр. Ас-Суудия сира дауля уа муджтама. – Бейрут, 2011.
19. Абдурахман Бин Хаммад Аль-Умар. Религия истины Ислама. – М., 1997.

Список литературы

20. Аднан Амер. Модус арабской ментальности как фактор восставления исламской этнокультурной традиции: историко-культурологический аспект: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Тамбов, 2007 // URL: <http://cheloveknauka.com/...>
21. Алексеев И. Течения и направления в исламе (Содержание четвертой лекции из курса «История исламской культуры») // URL: <https://arzamas.academy/materials/1632>
22. Алексеев И. Л., Коротаев А. В. Ислам // Религиоведение: Энциклопед. словарь / Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М., 2006.
23. Али Джума. Аль-Муташаддидун. Дар аль-мукаттам. – Каир, 2011.
24. Алиев А. К., Юсупова Г. И. Миротворчество и народная дипломатия на Северном Кавказе. – Махачкала, 2002.
25. Аль-Фаузан Ф. Книга единобожия. – Махачкала, 1997.
26. Аляудинов Ш. Ответы на ваши вопросы об Исламе. – Ч. 1, 2. – М., 2003.
27. Андрианова Т. В. Геополитическая история XX в. (социально-философские исследования). – М., 1996.
28. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006.
29. Асанбеков М. К. Механизмы противодействия политизации ислама в доктринальных установках и организационных принципах ханафитов Кыргызстана // Политика и религия в современном Кыргызстане: Сб. ст. – Бишкек, 2018.
30. Асанбеков М. К. Механизмы противодействия политизации ислама в мировоззренческих постулатах ханафизма // Способы противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. ст. – Бишкек, 2019.
31. Асанбеков М. К. Умеренный ислам в Кыргызстане как один из факторов стабильного и безопасного развития общества // О некоторых проблемах религиозной безопасности Кыргызстана: Сб. ст. – Бишкек, 2017.
32. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.) / Под ред. А. А. Князева – Душанбе: Дониш, 2004.
33. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М.: Akademia, 1999.

- Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. — N.Y.: Basic Books, 1973.
34. Беннигсен А. Мусульмане в СССР / Сост. А. Ш. Файзрахманов. – Казань: ДУМ РТ, 2009.
35. Беннигсен А. Мусульмане в СССР. – Paris: Ymca-Press, 1983.
36. Бережной С. Е., Добаев И. П, Крайнюченко П. В. Ислам и исламизм на Юге России. – Ростов-на/Д., 2003.
37. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и ее геостратегические императивы / Пер. О. Ю. Уральской. – М., 2009 = Brzezinski Z. The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives — New York: Basic books, 1997.
38. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. Е. А. Нарочницкой, Ю. Н. Кобякова. – М.: Междунар. отнош., 2006 = Brzezinski Z. The choice: global domination or global leadership. – New York: Basic Books, 2004.
39. Богатырев В. Кыргызская Республика: Внешняя политика после приобретения независимости и формирование нового внутриполитического пространства // Центральная Азия: собственный взгляд. – Бишкек, 2006.
40. Богатырев В. М. Особенности современного транзита и проблемы идентичности // История и идентичность: Кыргызская Республика = Geschichte und Identität: Kirgisische Republik / Пер. И. Мамытова, И. Писаренко; Под ред. Ч. Исаковой, С. Шик (текст на рус. и нем. яз.). – Бишкек, 2007.
41. Бояркина А. В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. полит. наук // URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/mjagkaja-sila-kak-politicheskij-instrument-realizacii-vneshnej-politiki-knr-na-rubezhe.html>
42. Бройдо Г. И. Восстание киргиз в 1916 г. Мое показание прокурору Ташкентской Судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г. – М., 1925.
43. Буттаева А. М. Исламское возрождение на Северном Кавказе: теоретические и прикладные аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-на-/Д., 2011 // URL: <http://www.dslib.net/filosofia-religii/islamskoe-vozrozhdenie-na-severnom-kavkaze-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty.html>

Список литературы

44. Васильев А. История Саудовской Аравии (1745 – конец XX в.). – Изд. 2-е, расшир. и доп. – М., 1999.
45. Васильева С. А. Роль идеологии пантюркизма в политических процессах республиканской Турции: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2012.
46. Вебер М. Избранное: Образ общества. – М.: Юрист, 1994.
47. Вильковски Д. Арабо-исламские организации в современном Казахстане: внешнее влияние на исламское возрождение. – Астана–Алматы, 2014.
48. Внешняя торговля Кыргызской Республики: Данные Нацстаткома КР // URL: <http://stat.kg/ru/opendata/category/2/>
49. Восточный вектор внешней политики Кыргызстана: Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток / Под общ. ред. А. Л. Салиева. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011.
50. Всемирный доклад о наркотиках / Управление ООН по наркотикам и преступности. – 2012 г.
51. Гаджиев К. С. Геополитика. – М., 1997.
52. Гараджа В. И. Социология религии. – М.: Аспект Пресс, 1996.
53. Гаспринский И. М. Россия и Восток: русское мусульманство. – Казань, 1993.
54. Гатчин Ю. А., Сухостат В. В. Теория информационной безопасности и методология защиты информации. – СПб.: Изд-во СПбГУ ИТМО. – 2010.
55. Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии: Монография / М. К. Асанбеков и др.; Отв. ред. А. Л. Салиев; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018.
56. Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане. – Бишкек, 2015.
57. Грэм Э. Фуллер. Будущее политического ислама // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2002-03-01/future-political-islam>
58. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза: Стенограф. отчет. – М.: Политиздат, 1988.
59. Дергачев В. А. Геополитика. – Киев, 2000.
60. Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-на/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002 // URL: <http://textarchive.ru/c-2845546-pall.html>

61. Добаев И. П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика. – Ростов-на/Д., 2003 // URL: <http://www.chelo veknauka.com//islamskiy-radikalizm>
62. Добаев И. П. Радикализация ислама в современной России. – М.; Ростов-на/Д., 2014.
63. Добаев И. П. Радикальная идеология в исламе: история и современность // Ислам в России: взгляд из регионов. – М.: Аспект Пресс, 2007.
64. Добаев И. П., Добаева А. И., Гаджибекова Р. Г. Радикализация ислама в Российской Федерации. – Ростов-на/Д., 2013.
65. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1997.
66. Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. – М., 2003.
67. Жовтун Д. Т. Идеология: актуальные аспекты социологического анализа // Социология: Уч. / Под общ. ред. В. З. Бойкова. – М., 2004.
68. Журавлева Е. В. Политика «мягкой силы» КНР в отношении стран Центральной Азии: на примере Казахстана и Монголии: 2007–2015 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2016 // URL: <https://www.dissercat.com/content/politika-myagkoi-sily-knr-v-otnoshenii-stran-tsentralnoi-azii-na-primere-kazakhstanana...>
69. Зареванд. Турция и пантурианизм / Введ. А. Н. Мандельштама. – Б/м: Ключ-С, 2015.
70. Зинченко М. С. Политизация ислама как фактор современного политического процесса (на мат-лах Северного Кавказа): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар, 2010.
71. Ибраев Б. Турецкий гамбит в Кыргызстане (2012) // URL: <https://paruskg.info/glavnaya/66596-66596.html>
72. Иванов С. Г. Влияние глобализационных процессов на развитие Кыргызской Республики. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2006.
73. Иванов С. Г. Роль внешнеполитических факторов в процессах трансформации экономики Кыргызской Республики / Под ред. А. Н. Кангельдиева. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2009.
74. Игнатенко А. А. Обыкновенный ваххабизм. Ч. 1. Еретическое течение в Исламе // URL: <http://old.russ.ru/politics/20010914-ign.html>
75. Идеология // URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ideologiya.html>

Список литературы

76. Информационная война и власть. – М., 2001.
77. Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М., 2008.
78. Ким Г. Н. Этничность, самосознание и религиозность корейцев Центральной Азии // Новые религиозные движения в Евразии: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Астана, 2010 // URL: http://www.antiterrortoday.com/images/docs/abuov_a_p_smagulov_e_m_otv_redaktery_novye_religioznye_dvizh.pdf
79. «Китайский фактор» во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни / Под общ. ред. А. Л. Салиева; КРСУ. – Бишкек, 2011.
80. Князев А. Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). – Бишкек, 2012.
81. Койчүев Т. Избранное собрание сочинений: Т. II. Постсоветская перестройка: теория, идеология, реалии. – Бишкек: Изд-во ЦЭС при ПКР, ОО «Экономисты за реформу», 2007.
82. Колосов В. А. Российская геополитика. – М., 2000.
83. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. – М., 2001.
84. Коран // URL: <https://quran-online.ru>
85. Коран, законодательная книга мухаммеданского вероучения / Пер. Гордия Саблукова. – Казань, 1877.
86. Кризис традиционной государственности на Ближнем Востоке и его последствия: Аналит. доклады / Ин-т междунар. исследований, МГИМО. – Вып. 1(45). – М., 2016.
87. Курбанов Х. Т. Религиозно-политический экстремизм на северо-восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан) / Отв. ред. И. П. Добаев. – Ростов-на/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006 // URL: <https://refdb.ru/look/2437653.html>
88. Курбанова Н. Модели государственно-исламских отношений России, Турции, Казахстана, Индонезии, Пакистана, Норвегии, Израиля: уроки для Кыргызстана // Усиление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике / Search For Common Ground in Kyrgyz Republik. – Бишкек, 2016.
89. Кыргызстан. Политика и ислам // Центральная Азия: Пространство «шелковой демократии». Ислам и государство / Под ред. Э. Ногойбаевой. – Алматы, 2017.

90. Левин З. И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока (идейный аспект). – М., 1988.
91. Малашенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2002.
92. Маликов К. К., Усубалиев Э. С. Мусульманская община Кыргызстана и политический процесс в стране. – Бишкек, 2008.
93. Маликов К. Светское государство и исламский политический процесс в Кыргызстане: «мусульманский ресурс» как фактор государственного строительства // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: Мат-лы междунар. круглого стола (Алматы, 30 ноября 2007 г.) // URL: <http://www.kisi.kz/uploads/1/files/biXfIR11.pdf>
94. Маликов К. Социальная активность мусульманского сообщества Кыргызстана на современном этапе. – Бишкек, 2010.
95. Маликов К. К. Краткое пособие по Исламу. – Бишкек, 2013.
96. Марчук Н. И. Война в Афганистане: Дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1993.
97. Маслов В. И. Региональная безопасность: история и проблемы Новых Независимых Государств Центральной Азии: Дис. ... канд. полит. наук. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2001.
98. Маслов В. И. Региональная безопасность: история и проблемы новых независимых государств. – М.; Бишкек: Илим, 2000.
99. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Тюрк / Пер., предисл., коммент. З.-А. М. Ауэзовой. – Алматы, 2005.
100. Международный терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана и пути ее преодоления / Отв. ред. А. Л. Салиев, ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2017.
101. Месамед В. И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. – М., 2010.
102. Мигранян А. А. Внешнеэкономические аспекты преодоления кризиса в странах Центральной Азии // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений: Сб. докл., ст. и тез. участников междунар. конф. – Бишкек, 2009.
103. Мигранян А. А. Потенциал стран-участниц ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей // Внешнеполитическая ориентация стран

Список литературы

- Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений: Сб. докладов, статей, тезисов участников междунар. конф. – Бишкек, 2009.
104. Милославский Г. В. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран (к эволюции возрожденческого течения в исламе) // Ислам и политика. – М.: Крафт, 2001. – С. 70-86.
105. Мокеев А. Новый источник по генеалогии киргизского народа // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. – М., 1984.
106. Мухаммад ибн Исмаил аль-Мукаддам. Хауатыр хауляль-ваххабия. – Александрия, 2008.
107. Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими. Книга единобожия. – Баку, 1997.
108. Нартов Ю. В. Геополитика. – М., 2000.
109. Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2014 // URL: <https://carnegieendowment.org/files/ReligiousSecurityinKyrgyzstan.pdf>
110. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. – Бишкек, 2018.
111. Некоммерческие организации в Кыргызской Республике: Специальная публикация / Нацстатком КР; Программа волонтеров ООН в КР; Центр изучения гражд. общ-ва Ун-та Дж. Хопкинса. – Бишкек, 2011 // URL: <http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/...pdf>
112. Новицкий И. Я. Управление этнополитикой Северного Кавказа. – Краснодар, 2011 // URL: http://samlib.ru/n/nowickij_i_j/managementcausa_susnovitskiy.shtml
113. Нурси С. Сияние / Пер. с тур. М. Г. Тамимдарова. – Стамбул, 2012.
114. О некоторых проблемах взаимодействия государства и умеренного ислама ханафитского толка в Кыргызстане как важного фактора стабильного и безопасного развития страны / М. Н. Омаров и др.; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018.
115. О цветных революциях и парламентской демократии в Грузии и Кыргызстане // Хрест. по сравнительной политологии / Авт.-сост.: А. М. Акматалиева, З. Т. Мураталиева. – Бишкек, 2015.
116. Образование граждан КР в зарубежных исламских заведениях: ситуационный анализ // Государственная комиссия по делам религий КР; Булан Институт. – Бишкек, 2017.

117. Омаров Е. М., Эржанова Э. Д. Современные цифровые технологии как инструмент религиозного радикализма и распространения экстремизма в Кыргызстане // О некоторых проблемах религиозной безопасности Кыргызстана: Сб. ст. – Бишкек, 2017.
118. Омаров Н. М. Внешняя политика Кыргызстана в условиях «стратегической неопределенности». – Бишкек: Илим, 2005.
119. Омаров Н. М. Исламский радикализм как глобальный вызов безопасности современной Центральной Азии // Афганистан и безопасность Центральной Азии: Сб. ст. / Под ред. А. А. Князева. – Вып. 1. – Бишкек: Илим, 2004. – С. 113–123.
120. Орынбеков М. С. Генезис религиозности в Казахстане. – Алматы, 2005.
121. Парамонов В., Строков А., Абдуганиева З. Влияние Европейского союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз / Под общ. ред. В. В. Парамонова. – Алматы: Фонд им. Ф. Эберга; 2017.
122. Плоских В. М. О христианском наследии в культуре Кыргызстана (по археологическим данным) // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. – Бишкек, 2003.
123. Поздняков Э. А. Геополитика. – М., 1995.
124. Политология. Уч. для вузов / Под ред. С. В. Решетникова. – Минск, 2011.
125. Политология: Уч. пос. / А. А. Акмалова и др.; Под общ. ред. В. К. Мокшина, С. Г. Новгородцевой; Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2007.
126. Поляков К. И. Исламский фундаментализм в Судане. – М., 2000.
127. Понкин И. В. Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003 // URL: <http://www.state-religion.ru/files/laicite1.pdf>
128. Постников-Стрельцов А. Н. Военно-стратегические аспекты геополитических процессов на Юге России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2006 // URL: <https://www.disserscat.com/content/voenno-strategicheskie-aspekty-geopoliticheskikh-protsestov-na-yuge-rossii>
129. Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана и пути ее нейтрализации: Фундаментальное исследование. 2018 / Отв. ред. А. Л. Салиев; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2019.

Список литературы

130. Религиозное образование в Кыргызстане: медресе нуждаются в срочной реформе: Доклад / Булан институт инноваций для укрепления мира. – 2017.
131. Рудов Г. Россия – Кыргызстан: российско-кыргызские отношения: история и современность / Отв. ред. В. М. Плоских. – М.; Бишкек: Илим, 2001.
132. Салиев А. А. Реализация арабскими странами в Центральной Азии концепции построения «всемирного халифата» // Геополитические проекты мировых центров сил в Центральной Азии / М. К. Асанбеков и др.; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018.
133. Салиев А. А. Религия и геополитика: международные отношения в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). – Бишкек, 2017.
134. Свобода религиозных и иных убеждений в Кыргызской Республике: практика правового регулирования в соотношении с конституционными и международными стандартами: Пособие для судей, прокуроров, адвокатов, следователей и других работников правоохранительных органов. – Бишкек, 2018.
135. Себенцов А. Е. Комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России: Справочник. – М., 1997 // URL: https://pravoslavie.ru/60935.html#_ftn1
136. Сикоев Р. Р. Панисламизм: Истоки и современность. Джамалуддин Афгани и его религиозно-политические последователи XX – начала XXI века. – М., 2010.
137. Сикорская И. Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана: Полевое исследование в рамках проекта «Социальные медиа для дерадикализации в Кыргызстане: Модель для Центральной Азии» // URL: https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2017/03/Action-Research_Outcomes_FINAL_RUS.pdf
138. Современная международная безопасность: Уч. пос. / Под ред. В. М. Кулагина. – М.: КНОРУС, 2012.
139. Социологический словарь. – М.: Норма Инфра-М, 2010.
140. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / Под ред. Н. И. Веселовского // Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. – СПб., 1904.

141. Сумарокова О. Л. Религиозная грамотность в Кыргызстане: историческая ретроспектива и современные тенденции // Политика и религия в современном Кыргызстане: Сб. ст. / Отв. ред. А. Л. Салиев; ЦГИ ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018.
142. Суюнбаев М. Н., Узбекиев Д. С. Геополитические особенности Центральной Евразии / Отв. ред. З. К. Курманов. – Бишкек, 2018.
143. Таткало Н. С. О некоторых актуальных проблемах демократического транзита Кыргызстана / Под ред. А. Л. Салиева, М. Н. Омарава; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018.
144. Таткало Н. С. Процесс исламского возрождения в Кыргызстане через призму возможных угроз национальной безопасности // Способы противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. ст. / ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2019.
145. Таткало Н. С. Роль экзогенных факторов в политизации и радикализации ислама в Кыргызстане // Проблемы политизации и радикализации ислама как угрозы национальной безопасности Кыргызстана и пути ее нейтрализации. – Бишкек, 2019. – С. 184–217.
146. Теория и идеология общественного развития / Под науч. рук. акад. Т. Койчуева. – Бишкек: Илим, 2009.
147. Тихонравов Ю. В. Геополитика: Уч. пос. – М., 1998.
148. Токсоналиева Р. М. Субъекты и объекты внешнего информационно-психологического воздействия в отношении Кыргызстана // Актуальные проблемы стабильного и безопасного развития Кыргызстана: Сб. ст. – Бишкек, 2015.
149. Токтосунова Э. С. Экстремизм в условиях системной трансформации современного Кыргызстана // Аналитические заметки о Центральной Азии. – Бишкек, 2016. – № 40 // URL: <http://www.osce-academy.net/upload/file/40BRIEF.PDF>
150. Турусбеков Р. Психологический и социальный портрет экстремиста и террориста // Укрепление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2014.
151. Усенов А. М. Социализация ислама как механизм противодействия религиозному экстремизму и терроризму // Политика и религия в современном Кыргызстане: Сб. ст. / Отв. ред. А. Л. Салиев; ЦГИ ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2018.

Список литературы

152. Усенов М. А. Социальная доктрина ислама как важный элемент профилактики религиозного экстремизма и терроризма в Кыргызстане // Способы противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. ст. – Бишкек, 2019.
153. Филь М. С. Мусульманские общины в политической жизни современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2006.
154. Фридман Л. А. Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР. – М., 2001.
155. Четверикова О. Н. Религия и политика в современной Европе. – М.: Моск. новости и картография, 2005.
156. Шарипов У. З. Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии / Ин-т востоковедения РАН. – М., 2013.
157. Шарипова Р. М. Панисламизм сегодня. Идеология и практика Лиги исламского мира. – М., 1986.
158. Элебаева А. Б., Эсенаманова Н. С., Чотаев З. Д. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике: социологическое исследование. – Бишкек, 2016 // URL: <http://religion.gov.kg/wp-content/uploads/2016/11/.pdf>
159. Эсенбекова А. Т. Вопросы правовой регламентации и совершенствования законодательства по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане // Способы противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане: Сб. ст. – Бишкек, 2019.
160. Яблоков И. Н. Религиоведение: Уч. пос. – М., 2000.
161. Ясюков М. И. Геополитика: история концепций и доктрин. – М., 1993.

Научные статьи и материалы на web-сайтах

162. Абдырахманов Т. Религиозная ситуация в Кыргызстане и немощность исламской верхушки // URL: https://www.gezitter.org/society/27436_tolobek_abdyrahmanov_doktor_istoricheskikh_nauk_professor_religioznaya_situatsiya_v_kyrgyzstane_i_nemoshnost_islamskoy_verhushki/
163. Акылбаев И. Внутренние вызовы внешней политики Турции: влияние на Центральную Азию (2016) // URL: <https://cabar.asia/ru/iskander-akylbaev-vnutrennie-vyzovy-vneshnej-politiki-turtsii-vliyanie-na-tsentralnuyu-aziyu/>

164. Алмакунова Р. ЛЭП «Датка-Кемин»: долгий путь к энергетической независимости (31.08.2015) // URL: https://vzglyad.kg/ugol_zrenija/7495_lep_datka-kemin_dolgiy_put_k_energeticheskoy_ne_zavisimosti/
165. Асанбеков М. К. Политико-правовые факторы складывающейся в Кыргызстане религиозной ситуации // URL: https://mnienie.akipress.org/unews/un_post:7346
166. Асанбеков М. К. Роль иностранных религиозных центров в формировании религиозной ситуации в Кыргызстане (14 июля 2016) // URL: http://mnienie.akipress.org/unews/un_post:7865
167. Асанбеков М. К. Роль религиозных организаций в формировании религиозной ситуации в Кыргызстане (29 июня 2016) // URL: https://mnienie.akipress.org/unews/un_post:7816
168. Аскар Сабдин: К вопросу об определении современного салафизма // URL: <http://ctc-rk.kz/аскар-сабдин-к-вопросу-об-определении-с.html>
169. Асланова И. Краткий обзор истории религии на территории Кыргызстана // URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1834
170. Бобровников В. Ислам в советской пропаганде // URL: <http://propagan dahistory.ru/2011/Islam-v-sovetskoj-propagande/>
171. Буланова О. Али бек Гусейнзаде – азербайджанец, опередивший свое время // URL: <https://azerhistory.com/?p=9908>
172. Вейцель Р. Влияние Турции на ислам в государствах Центральной Азии (2013) // URL: http://www.islamsng.com/sng/analytics/7367#_ftn1
173. Габорио М. Мусульманские диаспоры и транснациональные движения Южной Азии: Tablighi Jama'at и Jama'at-I Islam // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/025824709.02804266>
174. Гарабей М. Чем ваххабиты отличаются от салафитов // URL: <https://www.dw.com/ru/чем-ваххабиты-отличаются-от-салафитов/a-17358252>
175. Гражданская война в Сирии и история политического урегулирования // URL: <https://ria.ru/20180129/1513416087.html>
176. Дайджест онлайн-дискуссии на КУ «Мечети раздора. Закрытие мечетей на Кавказе: причины, риски и последствия» // URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/24007>

Список литературы

177. Демократический транзит: зачем США перебрасывают войска из Ирака в Афганистан // ИА Russia Today. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/477787-ssha-irak-afganistan-voyska-perebroska>
178. ИГИЛ как фактор угрозы национальной безопасности КР / Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики // URL: <http://www.nisi.kg/91-analitika-po-regio-nam/328-igil-kak-faktor-ugrozy-natsionalnoj-bezopasnosti-kr.html>
179. ИГИЛ расширяет свои сети в Центральной Азии [Выступление исполнительного директора Управления ООН по наркотикам и преступности Ю. Федотова на Международной конференции по противодействию терроризму. Санкт-Петербург] (18 апреля 2019) // URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/04/1353531>
180. Идеология и политика движения «Таблиги джамаат» // URL: <https://islam-today.ru/obsestvo/raznoe/tabligi-dzamaat-i-politika/>
181. Идеология политических партий // URL: <https://center-yf.ru/data/stat/Ideologiya-politicheskikh-partii.php>
182. Интервью с турецким теологом Хатемом Календером (2018) // URL: <https://delo.kg/?p=11837>
183. Ислам в СССР // URL: <http://www.islam.ru/content/history/31050>
184. Исламский банк развития // URL: <https://bosfera.ru/bo/islam-skiy-bank-razvitiya>
185. Исламский банкинг: основные понятия и особенности // URL: <http://www.financial-lawyer.ru/newsbox/bankiru/bankovskaya-sistema/123-530567.html>
186. Исламский фактор во внешней политике Кыргызстана (26.07.2016) // URL: <http://foreignpolicy.ru/analyses/islamskiy-faktor-vo-vneshney-politike-kyrgyzstana>
187. Исраилова-Харьехузен Ч. Гендер и вопросы религиозной радикализации в Кыргызстане // URL: <http://prevention.kg/?p=1230>
188. Кадыр Маликов, руководитель Центра религии и права: «В Кыргызстане в любой момент может возникнуть религиозная нестабильность» // URL: https://www.gezitter.org/interviews/35100_kadyir_malikov_rukovoditel_tsentra_religii_i_prava_v_kyrgyzstane_v_lyuboy_moment_mojet_vozniknut_religioznaya_nestabilnost/
189. Кадыр Маликов: «Мусульманские общины Центральноазиатского региона раздроблены» [Выступление на круглом столе «Информационная безопасность как гарантия стабильности

- на Евразийском пространстве»] (11 июня 2015 г.) // URL: <http://www.news-asia.ru/plugins/news/view/category/religion/id/8377>
190. Князев А. А. Карт-бланш. Пантюркизм и идеология «Братьев-мусульман» для Центральной Азии (2016) // URL: http://www.ng.ru/world/2016-07-22/3_kartblansh.html
191. Королев С. А. Секуляризация и десекуляризация в контексте концепции псевдоморфного развития России // URL: http://enotabene.ru/psp/article_15258.html
192. Королева Л. А., Королев А. А. Государство и ислам в СССР: из опыта взаимоотношений // URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2009/Pravo/39669.doc.htm
193. Крылов А. Религиозная ситуация в Кыргызстане. Ч. 2 (7 июня 2006) // URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?id=6799&xs=24&ss=2>
194. Мадылбеков И. Третьего не дано: Кыргызстан всегда входил в зону интересов различных политических и религиозных сил (2013) // URL: <https://vesti.kg/component/k2/item/19268-imadyilbekov-tretego-ne-dano-kyrgyzstan-vsegda-vhodil-v-zonu-interesov-razlichnyih-politicheskikh-i-religioznyih-sil.htm>
195. Мамытова Э. Исламский фундаментализм и экстремизм в странах Центральной Азии // URL: https://www.ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac11_2000/06.mamit.shtml
196. Махди Дариус Наземройя. Global Research: Планы передела Ближнего Востока: проект для «Нового Ближнего Востока» // URL: https://24.kg/archive/ru/news-stall/10355-2006/11/27/1073_4.html/
197. Мельникова К. Как бы дружба: Турция вытесняет Россию на постсоветском пространстве (2019) // URL: <https://iz.ru/914828/kseniia-melnikova/kak-druzhiba-turtciia-vytesniaet-rossiiu-na-postsovetskom-prostranstve>
198. Мендкович Н. Существует ли «афганская угроза» для Центральной Азии? // Информ.-аналит. центр при МГУ им. М. В. Ломоносова (ИАЦ МГУ). – URL: https://ia-centr.ru/experts/nikita-mendkovich/sushchestvuet-li-afganskaya-ugroza-dlya-tsentralnoy-azii/?fbclid=IwAR3JieO20KehrSu_10H9-FKybn55bXv-ZUVSEgtxpLo82JQFPiZViK0x1ik/
199. Молдобаев А. «Хизмет» в Кыргызстане как «лакмусовая бумажка» для турецкой дипломатии (2016) // URL: <https://cabar.asia/ru/ataj-moldobaev-hizmet-v-kyrgyzstane-kak-lakmusovaya-bumazhka-dlya-turetskoj-diplomatii/>

Список литературы

200. Мураталиева З. Т. Информационная политика как слабое звено безопасности Кыргызстана // URL: <http://www.cabar.asia>
201. Мусульмане Кыргызстана – заложники чужой игры (03.07. 2017) // URL: <http://www.ca-portal.ru/article:36014>
202. Мухаметдинов Р. Акчура Юсуф (1876–1935) // URL: http://www.islam-portal.ru/learn/characters/?ELEMENT_ID=898
203. Мухаметшин Р. Ислам в СССР // URL: <https://islam-today.ru/blogi/rafik-muhametsin/islam-v-sssr/>
204. Мухаметшин Р. На путях к конфессиональной политике: ислам в Татарстане (09.03.2004) // URL: <https://www.sova-center.ru/religion/publications/state-confessional/2004/03/d1889/>
205. Нацстат: Кыргызстанцы становятся беднее и всё больше зависят от мигрантов (22.06.2018) // URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-poverty-stat/29313225.html>
206. Нефёдов С. А. Геополитическая безопасность: эволюция идейных основ (16.05.2012) // URL: https://superinf.ru/view_hel_pstud.php?id=3611
207. Новый «Султан»: Как Эрдоган пытается возродить Османскую империю? (26.02.2019) // URL: http://www.aif.ru/politics/world/novyy_sultan_kak_erdogan_pytaetsya_vozrodit_osmanskuyu_imperiyu
208. НПО Кыргызстана: гранты льются рекой... (28.02.2018) // URL: <https://paruskg.info/glavnaya/151905-npo-kyrgyzstana-granty-lyutsya-rekoj.html>
209. Нургуль Эсенаманова: Джамааты стали социальным лифтом в общественных отношениях // URL: <https://belief.cabar.asia/ru/2019/01/30/nurgul-esenamanova-dzhamaaty-stali-sotsialnym-lifto-m-obshhestvennyh-otnosheniyah/>
210. Нурланов Э. Роль неправительственных организаций в Кыргызской Республике: состояние, этапы развития // URL: <http://www.ca-portal.ru/article:31370>
211. О сущности религиозного экстремизма и фундаментализма и мерах по противодействию этим явлениям // URL: http://www.mirniy.ru/info/anti_terror/5723-o-suschnosti-religioznogo-ekstremizma-i-fundamentalizma-i-merah-po...html
212. Обама признал роль ошибок США в зарождении ИГИЛ // URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/12/2016/5847439d9a7947a674f9cf08>

213. Обухов И. Пантюркизм: что это и чем это грозит России? (2014) // URL: www.ca-news.org/news:1058082/?f=cp
214. Орлов Д. Г. Турецкий марш Эрдогана (2016) // URL: <https://ru.sputnik.kg/opinion/20160708/1027469605.html>
215. Панфилова В. Исламизация Киргизии становится необратимой // URL: http://www.ng.ru/cis/2019-03-11/6_7527_religion.html?fbclid=IwAR1LjZ-xY4SnB1VrOEXac2W7BN3INpRHEt6qb-TtYkP1_M_Pn3XgfWe1CE
216. Парвиз Муллоджанов: Постсоветская Средняя Азия и мусульманский мир: салафизация как инструмент геополитики (21.04.2017) // URL: <https://cabar.asia/ru/parviz-mullodzhanov-post-sovetskaya-srednyaya-aziya-i-musulmanskij-mir-salafizatsiya-kak-instrument-geopolitiki/>
217. Подробно о Фетхуллахе Гюлене и его цэрэушно-мафиозной секте («Хизмет» / «Нурджулар» / «Джамаат Гюлена») // URL: <https://general-ivanoff.livejournal.com/512095.html>
218. Политизация ислама в Кыргызстане как угроза светскому государству (04.10.2019) // URL: <https://stanradar.com/news/full/36526-politizatsiya-islama-v-kyrgyzstane-kak-ugroza-svetskomu-gosudarstvu.html>
219. Попов Н. П. Главные социальные проблемы России последнего десятилетия // URL: <https://ria-stk.ru/mi/adetail.php?ID=39422>
220. Постсоветская Средняя Азия и мусульманский мир: салафизация как инструмент геополитики // URL: <https://www.news.tj/ru/news/centralasia/20170424/postsovetskaya-srednyaya-aziya-i-musulmanskii-mir-salafizatsiya-kak-instrument-geopolitiki>
221. Президент Кыргызской Республики Сооронбай Жээнбеков 25 сентября выступил на 73 сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций // URL: <http://www.ru.sputnik.kg/politiks20180926>
222. Президент Сооронбай Жээнбеков: Необходимо всячески укреплять межконфессиональное согласие, взаимопонимание и взаимоуважение между верующими и теми гражданами, кто считает себя вне религии (15.11.2018) // URL: <http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/12855>
223. Пужоль К. Ислам в Центральной Азии: от долгой изоляции к повышенному вниманию // URL: <https://caa-network.org/archives/10950>

Список литературы

224. Радикальный исламизм. Ваххабизм и салафизм // URL: http://svr-wiki.ru/wiki/Wahhabism_salafia
225. Размышления или план действия, как блокировать ислам? // URL: <http://maxpark.com/community/71/content/801440>
226. Редкозубов А. Д. Салафизм и его влияние на современный ислам. Особенности противодействия влиянию салафитов в воинских коллективах // URL: <https://mroc.pravobraz.ru/calafizm-i-ego-vliyanie-na-sovremennyj-islam-osobennosti-protivodejstviya-vliyaniyu-salafitov-v-voinskix-kollektivax/>
227. Рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод // Аналитический портал «Гуманитарные технологии». – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/freedom-the-world/info>
228. Ресоциализация – это что? Как проходит процесс ресоциализации личности? // URL: <http://fb.ru/article/145424/resotsializatsiya-eto-cto-kak-prohodit-protsess-resotsializatsii-lichnosti>
229. С. Жээнбеков: Исторически центрально-азиатский регион был регионом терпимости, межнациональной толерантности // URL: <http://www.president.kg/rusobytiya/novosti/5965>
230. Саипов А. Подпольная религиозная литература в Киргизии: издание, распространение, содержание (25.02.2005) // URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1109301480>
231. Салафиты в Кыргызстане // URL: <https://rus.azattyk.org/a/28269721.html>
232. Салафия // URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Салафия>
233. Салиев А. Л. Где место вере в светском Кыргызстане? (27.01.2017) // URL: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/gde-mesto-to-vere-v-svets-kom-kyrgyzstane/12574>
234. Салиев А. Л. Китайский фактор во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни // URL: http://sinref.ru/000_uchebnik/04000pravo_kirgizii/000_kitaiski_faktor_kirgikistana_saliev/012.htm
235. Саудовская Аравия – новый спонсор Кыргызстана (27.01.2014) // URL: <http://www.ca-portal.ru/article:10198>
236. Седых Н. С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством интернета // Социальная психология и общество. – 2013. – № 2. – С. 137–147 // URL: http://psyjournals.ru/files/60973/spio_2013_2_sedih.pdf

237. Смыслы «Ат-Такфир ва аль-хиджра» // URL: <https://islam-today.ru/veroucenie/smysly-at-takfir-va-al-hidzra/>
238. Современные виды салафизма // URL: <http://parstoday.com/ru/radio/programs-i68928>
239. Статистика Государственной службы по миграции при Правительстве Кыргызской Республики // URL: <http://ssm.gov.kg/полезная-информация/статистика/>
240. Султанов Э. Модель Эрдогана (2009) // URL: <https://islamnews.ru/news-Model-E-rdogana>
241. Таткало Н. Расширение сети нетрадиционных религиозных организаций как одна из форм оказания влияния внешних акторов на КР (04.05.2016) // URL: <http://www.easttime.ru/analitics/kyrgyzstan/rasshirenie-seti-netraditsionnykh-religioznykh-organizatsii-kak-odna-iz-form-ok>
242. Террористические организации в исламе, их классификация. и немного о нас... // URL: <http://ru-news.ru/terroristicheskie-organizatsii-v-islame-ih-klassifikatsiya-i-nemnogo-o-nas/>
243. Террористический «интернационал» и Кыргызстан // URL: <http://antiterror.today.com/geografiya-terrorizma/proyavleniya-terrorizma-i-ekstremizma-po-stranam/s-n-g/tsentralnaya-aziya...>
244. Токтоналиев Т. Кыргызстан: Медиа с исламским направлением // URL: <http://cabar.asia/ru/kyrgyzstan-media-s-islamskim-napravleniem/>
245. Торогельдиева Ш. Деятельность НПО в Кыргызстане (25.07.2017) // URL: <http://www.ca-portal.ru/article:36485>
246. Тусупбеков А. Е. Кыргызско-турецкий дипломатический скандал: Кыргызстан между гюленистами и Эрдоганом (2019) // URL: <https://ia-centr.ru/experts/alibek-tusupbekov/kyrgyzsko-turetskiy-diplomaticheskij-skandal-kyrgyzstan-mezhdu-gyulenistami-i-erdoganom/>
247. Уровень безработицы: Данные сайта Нацстаткома КР // URL: <http://www.stat.kg/ru/опендата/category/113/>
248. Усенбаев Ж. Кыргызстан – как основной импортер чуждой культуры (17.11.2014) // URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1416209580>
249. Файзулин Р. Киргизия: Треть опрошенных – за введение шариата // URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2019-02-18--kirgizija-tre-t-oproshennyh-za-vvedenie-shariata-41135?fbclid=IwAR1E-cNGyH5DDhASeJzsjBUCPTBoidQn-JdL04c_H2hipyfgA2qnUocfYFE

Список литературы

250. Характеристика городской и сельской социальной среды // URL: http://geolike.ru/page/gl_9604.htm
251. «Хезболла»: загнанный зверь на защите Сирии // URL: <https://eada.ily.com/ru/news/2016/06/24/hezbollah-zagnannyy-zver-na-zashchite-sirii>
252. Хизб ут-Тажрир // URL: <http://halifat.org/khizb-ut-takhrir.html>
253. Центральная Азия как очаг активности экстремистов // URL: https://inosmi.ru/middle_asia/20150325/227105819.html#ixzz3Хр4qnQ5К
254. Чем ваххабиты отличаются от салафитов? // URL: <https://www.dw.com/ru/чем-ваххабиты-отличаются-от-салафитов/a-17358252>
255. Чем грозит ситуация в Афганистане Кыргызстану и ЦА: пояснения экспертов // ИА Sputnik. Кыргызстан. – URL: <https://ru.sputnik.kg/analytics/20190117/1042913163/ugrozy-so-storony-afganistana.html>
256. Чернявский А. Опасные книги турецкого богослова (03.03. 2010) // URL: http://www.ng.ru/events/2010-03-03/3_turkey.html?id_user=Y
257. «Чудовище по имени ИГИЛ угрожает Кыргызстану...» [Интервью с кыргызстанским экспертом К. Маликовым] (03.11. 2014) // URL: <https://delo.kg/?p=3376>
258. ШОС: террористы укрепляют связи с наркобизнесом и оргпреступностью // ИА Sputnik. Таджикистан. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/world/20181213/1027700443/shos-terroristy-narkobiznesom-orgprestupnostyu.html>
259. Эрлан Бакиев: Религиозный экстремизм и терроризм делают акцент на молодежь (2.06.2016) // URL: http://24.kg/obschestvo/32859_erlan_bakiev_religioznyiy_ekstremizm_i_terrorizm_delayut_aksent_na_molodej/
260. Этно-религиозные аспекты сирийского конфликта // URL: <http://conjecture.ru/molhem-29-05-2017/>

Статьи в научных периодических изданиях

261. Абдырахманов Т. А. Проблемы религиозного образования в Кыргызстане // Молодой ученый. – 2017. – № 4.1 // URL: <https://moluch.ru/archive/138/39467/>
262. Абу Хасан М. Н. Начало распространения ислама на территории Кыргызстана (середина VIII – X вв.) // Вестник КРСУ. – 2002. – № 4 // URL: <https://www.krsu.edu.kg/vestnik/2002/v4/a03.html>

263. Авцинова Г. И. Политический радикализм как одна из российских традиций // Власть. – 1996. – № 3.
264. Айдаралиев А. А. Религиозные объединения, функционирующие в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. – 2016. – № 8 // URL: <https://www.krsu.edu.kg/vestnik/2016/v8/a29.pdf>
265. Акаев В. Х, Мамадиева М. Х. Исламское возрождение на Северном Кавказе: дезинтеграционные и интеграционные процессы // Научная мысль Кавказа. – 2015. – № 1 (81).
266. Акматалиева А. М. Цветные революции и парламентская демократия в Грузии и Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2013. – № 2.
267. Богатырев К. А. Конституционные основы государственной идеологии и национальной идеи России // Право и безопасность. – 2010. – № 2 (35). Июль // URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_31_5.htm
268. Васильева С. А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // Социум и власть. – 2011. – № 3.
269. Глущенко В. В. Методические аспекты развития геополитической экономики в условиях выхода из глобального кризиса // Экономические науки. – 2015. – Октябрь // URL: <https://research-journal.org/economical/metodicheskie-aspekty-razvitiya-eopoliticheskoj-ekonomiki-v-usloviyax-vyhoda-iz-glo-balnogo-krizisa/>
270. Греш Дж. Ф. Содействуя процветанию: исламский банк развития, подъем исламских банков и финансовых институтов в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ – 2008. – № 1(55).
271. Гумеров М. М. Исламский Ренессанс на территории Самарской области (1980–2015) // Мусульманский мир. – 2015. – № 4.
272. Даниленко И. С. Геополитика и безопасность. // Кентавр. – 1994. – № 2.
273. Данилов В. М. Партийные технологии политизации общества // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 16. – № 2. – С. 514–518 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynye-tehnologii-politizatsii-obschestva>
274. Джакупов Т. Центральная Азия во внешнеполитической концепции Турции // Постсоветские исследования. – 2018. – № 5.
275. Добаев И. П. Исламский радикализм: социально-философский анализ // Южнороссийское обозрение. – 2002. – № 7.

Список литературы

276. Добаев И. П. Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 2 (14).
277. Добаев И. П. Радикальный ваххабизм как идеология религиозно-политического экстремизма // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2003. – № 2.
278. Евсеев В. В. Концепция «Большой Ближний Восток» под углом национальной безопасности // Национальная безопасность. – 2013. – № 4 (27) // URL: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=25426
279. Егоров Е. Н. Движение «Таблиги джамаат»: идеология и специфика деятельности // Исламоведение. – 2016. – Т. 7. – № 3.
280. Завальнев В. И. Идеология религиозного экстремизма как угроза безопасности личности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – № 1 (9).
281. Иванов С. Г. Роль России и США в процессе формирования и трансформации промышленного сектора экономики Кыргызской Республики // Вестник НГУ. Сер.: Социально-экономические науки. – 2009. – № 4. – С. 191–204 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/...>
282. Ивановская О. В. Факторы десекуляризации и формы религиозности в культуре постмодерна // Идеи и идеалы. – 2012. – № 1(11). – Т. 2.
283. Игнатенко А. А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8).
284. Излученко Т. В. Богословие Саида Нурси как идеологическая основа российского исламизма // Философия права. – 2015. – № 4 (71).
285. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы (Окончание) / А. Вавилов, Ю. Зинин, А. Казанцев и др. / ИМИ МГИМО (У) МИД // Россия и мусульманский мир. – 2016. – №5 (287). – С. 120–156.
286. Косач Г. Политика Саудовской Аравии на постсоветском «мусульманском» юге: цели и итоги курса // Вестник Евразии. – 2005. – № 2.
287. Кудаяров К. А. Религиозное влияние Турции в Киргизии (Обзор) // Востоковедение и африканистика: Реферат. журн. – 2018. – № 4.

288. Кулиев Э. О будущем религии на центральном Кавказе: от развала СССР до новой кавказской политики... // Востковедение и африканистика: Рефератив. журн. – 2014. – № 1.
289. Курбанова Н. Исламское образование в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – № 1.
290. Линецкий А. В. Транзитология – место и роль в современной политической науке // Вестник СПбГУ. – 2010. – Сер. 6. – Вып. 2.
291. Мамасадыков Р. А. Радикальная религиозная идеология в исламе и ее влияние на деятельность террористических и экстремистских организаций // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 2 (65).
292. Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО. – 2016. – № 2.
293. Мирзаханов Д. Г. Понятия «глобализация» и «исламский ренессанс» в научном дискурсе: соотношение смыслов и причинно-следственных связей // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Социология. Политология. – 2016. – № 1.
294. Моисеев С. В. Особенности пропагандистской деятельности международной экстремистской религиозной организации «Нурджулар» в России и Центральной Азии // Востковедные исследования на Алтае. – Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2015. – № 9. – С. 36–40.
295. Мокеев А. Роль суфийских шейхов в распространении исламской религии в Кыргызстане // Journal of Turkic Civilization Studies. – Bishkek, 2006. – № 2 // URL: http://journals.manas.edu.kg/mjtc/oldarchives/2006/10_822-2105-1-PB.pdf
296. Мураталиева З. Т. Проект США по демократизации Центральной Азии: теория на практике // Вестник КРСУ. – 2015. – № 5.
297. Мурзахалилов К. Проблемы становления мусульманской общины в Кыргызстане (1991–2013 гг.) // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – № 2.
298. Муса кызы А. «Малая страна» Кыргызстан в глобальной стратегии США // Вестник КРСУ. – 2016. – № 10.
299. Надеин-Раевский В. А. Идеиная борьба и «Новая Турция» // Вестник МГИМО. – 2016. – № 2.
300. Насритдинов Э., Урманбетова З., Мурзахалилов К., Мырзабаев М. Уязвимость и устойчивость молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму // Central Asia Program. – 2019. – № 212.

Список литературы

301. Нуриманов И. А. Государственно-исламские отношения в СССР до, во время и после Великой Отечественной войны на примере возобновления хаджа и создания духовных управлений // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13. – № 1.
302. Нуруллаев А. А. Проблемы диалога религий в эпоху глобализации // Вестник РУДН. – 2001. – № 3.
303. Овсепян Л. Турецкая модель и обусловленность внешней политики Анкары в странах Центральной Азии стратегическими интересами Запада // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 2 (62).
304. Резван Е. Зеркало Корана // Звезда. – 2008. – №11 // URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2008/11/zerkalo-korana.html>
305. Садыхова А. А. Основные концепции и подходы к пониманию исламизации и реисламизации в зарубежной науке (Обзор интернет-ресурсов) // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11. – Вып. 3 (№ 50).
306. Салимов Р. Ш. Исторические предпосылки демократического развития Кыргызстана и его особенности // Инновационные технологии в науке и образовании. – 2015. – № 4.
307. Сафранчук И. А. Исламистская угроза для Центральной Азии: Афганистан и глобальный контекст // Индекс безопасности. – № 4 (111). – URL: <https://pircenter.org/media/content/files/13/14219249230.pdf>
308. Сейталиева Г. «Ренессанс» ислама в независимом Кыргызстане // Вестник Евразии. – 2005. – № 3.
309. Сикоев Р. Р. Эволюция понятия «исламский джихад»: от пути самосовершенствования к пути войны // Общественные науки и современность. – 2011. – № 3.
310. Скворцова В. О. Механизмы первичной социализации: социокультурный подход // Социологические науки. – 2014. – № 27 // URL: <https://novainfo.ru/article/2634>
311. Таткало Н. С. Деструктивные нетрадиционные религиозные течения как фактор разрушения национального самосознания народа Кыргызстана (на примере организаций христианского толка) // Вестник КРСУ. – 2016. – Т. 16. – № 8. – С. 124–127.
312. Таткало Н. С. Западный проект либерализации Кыргызстана: декларируемые цели и конечный результат // Вестник КРСУ. – 2017. – № 4 (17).

313. Тимонова А. Ю., Бутенко Н. А. О роли религии в современной геополитике // Общество и цивилизация в XXI веке: тенденции и перспективы развития. – 2014. – № 8.
314. Токсоналиева Р. М. Пути противодействия информационно-психологическим воздействиям // Вестник КРСУ. – 2017. – № 2.
315. Тофан А. В. Формирование политической системы Кыргызской Республики в контексте внешнего влияния // Вестник КРСУ. – 2017. – Т. 17. – № 6.
316. Троицкий Е. Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.) // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2009. – № 324.
317. Фетисов М. Политическая теология и секуляризация: о настоячивости одного понятия // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. – № 3.
318. Хасан Абу М. Н. Начало распространения ислама на территории Кыргызстана (середина VIII–X вв.) // Вестник КРСУ. – 2002. – № 4.
319. Ходов Л. Источники финансирования западных христианских церквей // Вопросы экономики. – 2002. – № 1.
320. Холигитова Н. Х. Эпоха мусульманского ренессанса IX–XII веков в Центральной Азии // Молодой ученый. – 2014. – № 9 // URL: <https://moluch.ru/archive/68/11714/>
321. Чистякова О. В. Общество и религия в постсекулярную эпоху: теоретические подходы и эмпирическое взаимодействие // Вестник РУДН. Сер.: Философия. – 2016. – № 2.
322. Шиков А. А. Отдельные вопросы противодействия оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы религиозным экстремистским организациям // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 2. – С. 181–187.
323. Шихов Ю. Н. Формирование подходов США к проблеме политического ислама в первой половине 1990-х годов: теория и практика // Вестник Московского университета. Сер.: Междунар. отношения и мировая политика. – 2013. – № 1.
324. Эрвье-Лежи Д. Социология религии во Франции: опыт социологии секуляризации до социологии современности // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 1999. – Т. II.
325. Эсенаманова Н. Исламские ориентиры Кыргызстана: роль зарубежных религиозных течений // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – Т. 18. – Вып. 3–4.

Электронные ресурсы

326. Асанов Б. Турецкий деятель Гюлен усиливает влияние на Кыргызстан (2014) // URL: <https://rus.azattyk.org/a/25232754.html>
327. Аскарров Т. Приняли Концепцию и успокоились... (23.11.2015) // URL: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/prinyali-kontseptsiyu-i-uspokoilis/10069>
328. Афганистан и Таджикистан: новости на границе // URL: <https://tj.sputniknews.ru/trend/afganistan-tajikistan-novosti-granica/>
329. Беженцы в Кыргызстане: откуда они и как живут // URL: https://kaktus.media/doc/358754_bejency_v_kyrgyzstane:_otkyda...html
330. Бейшенбек кызы Э. «Улуу Кыргызстан» – политическая партия с религиозным уклоном (29 сентября 2015) // URL: <https://rus.azattyk.org/a/27276484.html>
331. Бердибаева А. Зачем Кыргызстану развивать исламский банкинг? // URL: <https://reporting.cabar.asia/ru/zachem-kyrgyzstanu-razvivat-islamskij-banking>
332. Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2827486>
333. Боевики задержаны при попытке попасть в Кыргызстан – ГКНБ (27.05.2019) // URL: https://ru.sputnik.kg/incidents/2019_0527...html
334. В Бишкеке с 13,5 кг героина задержаны двое, один – сотрудник МВД // URL: <https://ru.sputnik.kg/incidents/20180418/1038735861/bishkek-heroin-zaderzhanie-muzhchiny-sbyt.html>
335. В Киргизии – бум строительства мечетей (14 марта 2016) // URL: <http://islam-today.ru/novosti/2016/03/14/v-kirgizii-bum-stroitelstva-mecetej/>
336. В КР самыми коррупционными сферами являются наркобизнес, таможня и банковский сектор, – аналитический отчет гражданских активистов // URL: <http://www.pr.kg/news/kg/2011/03/02/19350/>
337. В Таджикистане суд запретил Партию исламского возрождения // URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/29/pivt/>
338. В 2018 году мигранты перевели в Кыргызстан \$2,6 миллиарда (16.02.2019) // URL: https://24.kg/ekonomika/109379_v2018_godu_migranty_pereveli_vkyrgyzstan_26_milliarda/
339. В Бишкеке открылась новая центральная мечеть (02.09.2018) // URL: <https://rus.azattyk.org/a/29466519.html>

340. В Бишкеке открыт Исламский финансовый центр «Бакай Банк» // URL: https://www.vb.kg/doc/371442_v_bishkeke_otkryt_islamskiy_finansovyy_centr_bakay_banka.html
341. В боевых действиях на Ближнем Востоке принимают участие 430 кыргызстанцев // URL: https://24.kg/obschestvo/25421_v_boev_yih_deystviyah_na_blijnem_vostoке_primimayut_uchastie...
342. В Киргизии вновь отложили открытие отдельного тюремного блока для экстремистов (21.05.2019) // URL: <https://www.fergana.agency/news/107563/>
343. В лагерях в Сирии девушки с детьми содержатся в невыносимых условиях. Что рассказали их родственники из Кыргызстана? // URL: <https://www.turmush.kg/ru/news:1544521>
344. В МВД КР созданы шесть самостоятельных служб (4.08.2016) // URL: <http://www.kabarlar.org/news/92693-vmvd-kr-sozdany...html>
345. В Таджикистане заявили, что ИГ выделило \$70 млн на создание своих ячеек в Афганистане // URL: <http://www.rosbalt.ru/worId/2015/10/06/1448092.html>
346. В Туркменистане ведут учет резервистов до 50 лет. Насколько власти обеспокоены ситуацией на границе с Афганистаном? – The Diplomat // ИА СА-NEWS: Центральноазиатская новостная служба. – URL: <https://ca-news.org/news:1490809>
347. Валовой внутренний продукт (млн долларов США) // URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/2315/>
348. Вербовка мигрантов в ИГ, или Синдром жертвы // URL: <https://ru.sputnik.kg/analytics/20170428/1033132524/kto-gde-i-kak-verbuet-trudovyh-migrantov.html>
349. Героин взрывает мир // URL: <https://fergana.agency/articles/106174/?country=kg>
350. ГКНБ: Из 850 выехавших в Сирию кыргызстанцев погибли 150 // URL: https://kaktus.media/doc/376493_gknb:iz_850_vyehavshi_h_v_siriu_kyrgyzstancev_pogibli_150.html
351. Глава МИД Турции предупредил Кыргызстан о возможном перевороте // URL: <https://ru.sputnik.kg/politics/20160725/1028129866.html>
352. Гладченко Л. В. Тайны «чёрного интернационала» ИГИЛ (20.01.2017) // URL: <https://riss.ru/analytics/38349/>
353. Жаркынбаев К. Разыграть карту Кыргызстана не прочь и Турция (2012) // URL: <http://www.paruskg.info/2012/05/25/63409>

Список литературы

354. Жээнбеков выступил на открытии конференции «Ислам в современном светском государстве» (15.11.2018) // URL: <http://kabarkg/news>
355. Жээнбеков рассказал о сильном влиянии идеологии ИГ в Центральной Азии // URL: <https://ria.ru/20171226/1511779784.html>
356. За 16 лет более 9 тысяч иностранных беженцев получили гражданство КР // ИД «Вечерний Бишкек». – URL: https://www.vb.kg/doc/371612_zh_16_let_bolee_9_tysiach_inostrannyh_bejencev_poly_chili_grajdanstvo_kr.html
357. За 26 лет число мечетей в Кыргызстане выросло в 70 раз // URL: <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20161121/1030394466/zh-gody-ne-zavisimosti-kr-chislo-mechetej-vyroslo-v-70-raz-mvd.html>
358. Задержан террорист-кыргызстанец, прошедший подготовку в Сирии (07 мая 2019) // URL: https://24.kg/proisshestviya/116946_zh_derjan_terrorist-kyrgyzstanets_proshedshiy_podgotovku_vsirii/
359. ИБР выделит \$16,2 млн на энергоснабжение Баткенской области // URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20150531/1015791197.html>
360. ИБР намерен выделить \$15 млн на строительство канала Сарымсак // URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20150520/1015612412.html>
361. Как Владимир Путин объяснил, что идеологии либерализма не жить (28.06.2019) // URL: https://www.gazeta.ru/comments/2019/06/28_e_12459667.shtml?updated
362. Как кыргызстанцев вербуют в террористы // URL: <https://www.kp.kg/daily/26609.5/3626431/>
363. Как экстремисты вербуют кыргызстанцев в Сети // URL: <https://rus.azattyk.org/a/28134594.html>
364. Какова структура госдолга Кыргызстана в \$4,45 млрд? (24.05.2019) // URL: <https://eabr.org/press/news/kakova-struktura-gosdogo-lga-kyrgyzstana-v-4-45-mlrd/>
365. Камила Туратова: «Мой сын стал салафитом. А я не знаю, что это такое» // URL: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/24851-kamila-turatova-moy-syn-stal-salafitom-a-ya-ne-znyayu-chto-eto-takoe.html>
366. Кутманов К. «Таблиги джамаат» и ее деятельность в Кыргызстане: муфтий будет содержать экстремистов, искажая принципы ислама? // URL: <https://paruskg.info/glavnaya/56801-56801.html>
367. Кыргызстан готовится экспортировать халал-продукцию – Новиков // URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20180319/1038233299/halal-kyrgyzstan-novikov.html>

368. Кыргызстан попал в список передовых стран в рейтинге халал-туризма // URL: <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20160406/...html>
369. Кыргызстанец, вернувшись из Сирии, формировал террористическую группу // URL: https://kaktus.media/doc/358847_kyrgyzstanec_vernivshis_iz_sirii_formiroval_terroristicheskuyu_gruppy.html
370. Ларионов В. Идут ли исламские религиозные организации во власть? // URL: <http://www.center.kg/article/44>
371. Либо Турция, либо ФЕТО. Посол Турции в КР покинул ифтар ДУМК со скандалом (2019) // URL: https://24.kg/vlast/117303_libo_turtsiya_libo_feto_posol_turtsii_vkr_pokinul_iftar_dumk...
372. Медоборудование, переданное ИБР в рамках совместного проекта, предназначено для сельских больниц // URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20160206/1022176010.html>
373. МИД Узбекистана: Терроризм в ЦА финансируется за счет доходов от наркотиков // URL: <https://tj.sputniknews.ru/asia/201903/1028821256/uzbekistan-terrorizm-v-centralnaya-asia-finansiruetsya-dohody-narkotiki.html>
374. Моисеева С. Суд принял решение о ликвидации двух религиозных организаций (03.02.2014) // URL: https://www.vb.kg/doc/260545_syd_prinial_reshenie_o_likvidacii_dvyh_religioznyh...html
375. На деньги арабского шейха в Кыргызстане построили 20 школ (04.08.2017) // URL: <http://bilim.akipress.org/ru/news:1397890?f=cp>
376. Осмоналиев А. Кыргызстану нужны врачи и инженеры, а не муллы и имамы (28.12.2012) // URL: <https://parusk.info/...htm>
377. Официальный сайт ООН // URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/S/2019/50>
378. Первый исламский финансовый центр открылся в Кыргызстане // URL: <https://www.akchabar.kg/ru/news/islam-financial-center/>
379. Песков объяснил заявление Путина о либерализме (28 июня 2019) // URL: <https://riafan.ru/1191091-peskov-obyasnil-zayavlenie-putina-o-liberalizme>
380. Песков: Путин против агрессивного навязывания идей либерализма в мире (28.06.2019) // URL: http://www.aif.ru/politics/russia/peskov_putin_protiv_agressivnogo_navyazyvaniya_idey...
381. Петерс Р. Кровавые границы. Насколько лучше мог бы выглядеть Ближний Восток (28 февраля 2011) // URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/55860/>

Список литературы

382. Посол Турции Ж. Фырат рассказал об активности ФЕТО в Кыргызстане (2019) // URL: <https://www.for.kg/news-588750-ru.html>
383. Потребители часто жалуются – Минэкономики КР о халал-продукции // URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20180319/1038234003/potrebiteli-zhaloba-minekonomiki-halal-produkciya.html>
384. Президент Сооронбай Жээнбеков принял председателя ГКНБ КР (4.12.2017) // URL: http://www.president.kg/rusobytiya/novo_sti/5668
385. Президент Турции поднял вопрос «гуленистов» на встрече с президентом Кыргызстана (2018) // URL: <https://rus.azattyk.org/a/29155062.html>
386. Приймак А. Баяны киргизских исламистов всё громче звучат в России: Идеи «Таблиги джамаат» распространяются в нашей стране при попустительстве Бишкека (17.01.2018) // URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2018-01-17/14_435_bayan.html
387. Пропаганда через WhatsApp: кыргызстанка зовет подруг в Сирию, обещая счастливую семейную жизнь // URL: <https://knews.kg/2016/02/29/propaganda-cherez-whatsapp-kyrgyzstanka...>
388. Профильный комитет ЖК одобрил кредит в \$12 млн на трассу Север – Юг // URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20161018/1029814728/komitet-zhk-odobril-kredit-v-12-mln-na-trassu-sever-yug.html>
389. Путин заявил об угрозе России со стороны ИГИЛ // Московский Комсомолец. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2015/09/15/putin-zayavil-ob-ugroze-rossii-so-storony-igil.html>
390. Путин призвал противостоять политизации ислама (Из заявления В. В. Путина на встрече с муфтиями России 22 октября 2013 г.) // URL: <https://tass.ru/obschestvo/694063>
391. Радикальные верующие: Почему в Кыргызстане их становится всё больше // URL: <https://24.kg/obschestvo/93956...>
392. Риклтон К. Кыргызстан: Православие сдает позиции евангельскому христианству (20.01.2012) // URL: <http://russian.eurasianet.org/node/59121>
393. Риклтон К. Кыргызстан: Суд перепутал свидетелей Иеговы с исламскими радикалистами (8.06.2011) // URL: <http://russian.eurasianet.org/node/58709>
394. С участием президентов Кыргызстана и Турции в Бишкеке открылась Центральная мечеть (2018) // URL: <http://kabarlar.org/news/101391-s-uchastiem-prezidentov-kyrgyzstana-i-turcii...html>

395. «Своих не бросаем»: Кыргызстан намерен вернуть более 150 женщин и детей из Сирии и Ирака // URL: <http://www.stanradar.com/news/full/35606-svoih-ne-brosaem-kyrgyzstan...html>
396. Сергей Лавров объяснил контакты Москвы с «Талибаном» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3719754>
397. Сергей Лавров: Север Афганистана превращается в опорную базу международного терроризма // Офиц. сайт ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/01/1321891>
398. Сотрудниками службы по противодействию экстремизму и незаконной миграции проведены наступательного характера оперативно-розыскные и профилактические мероприятия (18.01.2018) // URL: <https://mvd.gov.kg/index.php/rus.Mass-media-all-news/item/6542-sotrudnikan>
399. «Социальная доктрина российских мусульман» призывает верующих приносить пользу обществу (27 мая 2015) // URL: <https://tass.ru/obschestvo/1999282>
400. Справочник предприятий и организаций // URL: http://www.inform.kg/ru/business_pages/12/
401. Стрельба в центре столицы // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2015/07/24/terakty.html>
402. Террористы ИГИЛ направляются в Афганистан из Сирии и Ирака с целью готовить атаки // URL: <https://zonakz.net/2019/05/03/terroristy-igil-napravlyayutsya-v-afganistan-iz-sirii-i-iraka-s-celyu...>
403. Тиленов Ж. Кыргызстан. Что такое НПО и из чьих рук они едят (19 сентября 2012) // URL: <https://kabarlar.org/news/people/2612-kyrgyzstan-что-такое-нпо-и-из-чх-рук-они-edyat.html>
404. Федорчук О. Посол Турции вел себя вызывающе и забыл, что находится в Кыргызстане, а не дома (2019) // URL: <https://vesti.kg/politika/item/61037-posol-turtsii-vel-sebya-vyzyvayushche...html>
405. ФСБ России пресекла деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар» (2002) // URL: <https://ria.ru/20021215/282282.html>
406. «Хизб ут-Тахрир» подрывает безопасность в Кыргызстане // URL: <http://counter-terror.kz/ru/article/view?id=208>
407. Чем занимаются НПО в Кыргызстане (29.04.2014) // URL: <https://knews.kg/2014/04/29/chem-zanimayutsya-npo-v-kyirgyiz-stane/>
408. Что такое стандарт «халяль»? // URL: <https://kaktakto.com/poznavatelno/chto-takoe-standart-xalyal>

Список литературы

409. Чубак ажы Жалилов призвал расстрелять чиновников, виновных в коррупции при модернизации ТЭЦ Бишкека // URL: <https://vesti.kg/politika/item/52172-eks-muftij-kyrgyzstana-predloz-hil-vernut-smertnuyu-kazn.html>
410. Ширин Эбади: Бросайте на ИГ не бомбы, а книги [Интервью] // URL: <https://ria.ru/20151208/1337677059.html>
411. Элкеева К. В парламенте обеспокоены влиянием движения «Таблиги джамаат» // URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-tabligi-jamaat/29758426.html>
412. Эрдоган лично прочитал в мечети Анкары утренний призыв к молитве (21.07.2016) // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3473446>

Литература на английском языке

413. Abramson D. Foreign Religious Education and the Central Asian Islamic Revival: Impact and Prospects for Stability // Silk Road Paper. The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. – 2010. – March.
414. Akiner S. The Contestation of Islam in Post-Soviet Central Asia. A Nascent Security Threat // The Middle East's Relations with Asia and Russia / Ed. Hannah Carter and Anoushiravan Ehteshami. – New-York: Routledge Curzon, 2004.
415. Alparslan Türkeş. Millî Doktrin Dokuz Işık, Genişletilmiş Birinci Baskı // URL: https://www.academia.edu/37620975/DOKUZ_I%C5...
416. Ayoob M. The Many Faces of Political Islam // Religion and Politics in the Muslim World. – The Univ. of Michigan Press, 2008.
417. Baer R. The Devil We Know: Dealing with the New Iranian Superpower. – Crown/Archetype, 2008. – P. 123 // URL: <https://books.google.kz/books?id=UPUUL2HgwoC>
418. Bahdat G. 'Saudi Arabia and the War on terrorism' // Arab Studies Quarterly. – 2004. – Vol. 26. – № 1, Winter.
419. Barthold V. A Short History of Turkestan // Four Studies on the History of Central Asia. – Leiden, 1956. – P. 20.
420. Biard A. Power, «Original» Islam, and the Reactivation of a Religious Utopia in Kara-Suu, Kyrgyzstan // Being Muslim in Central Asia. Practices, Politics, and Identities / Ed. Marlene Laruelle. – Leiden, Boston: Brill, 2018.

421. Bozkurt A. Turkey's Maarif Foundation: Erdoğan's Trojan horse (September 5, 2017) // URL: <https://stockholmcf.org/commentary-turkeys-maarif-foundation-erdogans-trojan-horse/>
422. Brigitte L. Nacos. *Terrorism and Counterterrorism*. – Routledge, 2016.
423. Calvert J. *Qutb and the Origins of Radical Islamism*. – New York, 2010.
424. Esenamanova N. *Kyrgyzstan's Islamic Reference Points: The Role of Foreign Religious Trends // Central Asia and the Caucasus*. – 2015. – Vol. 16. – № 3–4.
425. *Foreign Fighters. Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq // The Soufan Group*. – 2015. – December.
426. Friedman B. *Intervention in Libya and Syria Isn't Humanitarian or Liberal (05.04.2012)* // URL: <https://nationalinterest.org/blog/the-skeptics/intervention-libya-syria-isn%E2%80%99t-humanitarian...>
427. Galdini F. *Islam in Kyrgyzstan: growing in diversity (22.10.2015)* // URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/islam-in-kyrgyzs-tan-growing-in-diversity/>
428. Haynes J. *Religion and Foreign Policy // Routledge Handbook of Religion and Politics / Ed. J. Haynes*. – New York: Routledge, 2008.
429. Haynes J. *Religious Fundamentalists // Routledge Handbook of Religion and Politics / Ed. J. Haynes*. – New York: Routledge, 2008.
430. *How Saudi Arabia manipulates foreign media outlets (09.07.2015)* // URL: <https://rsf.org/en/news/how-saudi-arabia-manipulates...>
431. Huntington S. *Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – New York: Simon & Schuster, 1996.
432. Huntington S. *The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs*. –1993. – Vol. 72. – № 3, Summer.
433. Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. – Norman, 1991.
434. Khalid A. *Islam after Communism. Religion and Politics in Central Asia*. – Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 2007.
435. Landau Jacob M. *Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation*. – Indiana Univ. Press, 1995. – P. 9–11.
436. Massignon L. *La passion de Hallaj martyr mystique de L'Islam*. – T. 1. – Paris, 1975.
437. McBrien J. *From Belonging to Belief: Modern Secularism and the Construction of Religion in Kyrgyzstan*. – Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 2017.

Список литературы

438. McGlinchey E. Chaos, Violence, Dynasty: Politics and Islam in Central Asia. – Pittsburgh, 2011.
439. Miller G., Mekhennet S. Inside the surreal world of the Islamic State's propaganda machine (20.11.2015) // URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/inside-the-islamic-states-propaganda-machine/2015/11/20/051e997a-8ce6-11e5-acff-673ae92ddd2b_story...
440. Milton Friedman Speaks: Lecture 4. The Role of Government in a Free Society // URL: http://www.freetochoose.tv/program.php?id=mfs_...
441. Peyrouse S. Islamic Finance in Central Asia: A Religious or Political Influence? // Strategic Nodes and Regional Interactions in Southern Eurasia / Ed. M. Laruelle. – Washington, D.C.: The George Washington Univ., Central Asia Program, 2017.
442. Putz C. Kepel vs Roy: Arguing About Islam and Radicalization (14.07.2016) // URL: <https://thediplomat.com/2016/07/kepel-vs-roy-arguing-about-islam-and-radicalization/>
443. Roy O. Globalized Islam. The Search for a New Ummah. – New York: Columbia Univ. Press, 2004.
444. Syria Calling: Radicalisation in Central Asia / Международная кризисная группа // URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/syria-calling-radicalisation-central-asia>
445. «Tablighi Jamaat Qaeda Delhi cover» // URL: <http://archive.in dianex press.com/news/-tablighi-jamaat-qaeda-delhi-cover...>
446. The examples of Kazakhstan and Kyrgyzstan: Political extremism, terrorism, and media in Central Asia (August 2008) // URL: <https://www.mediasupport.org/wp-content/uploads/2012/11/ims...pdf>
447. The Gulenists fight back // URL: <https://www.economist.com/europe/2013/05/18/the-gulenists-fight-back>
448. Turkey's Erdoğanist Maarif Foundation has seized 76 overseas schools affiliated with Gülen movement (2018) (Перевод) // URL: <https://stockholmcf.org/turkeys-erdoganist-maarif-foundation-has...>
449. United States Commission on International Religious Freedom. Annual Report, 2014 // URL: <http://www.uscirf.gov/sites/default/files/USCIRF%202014%20Annual%20Report%20PDF.pdf>
450. Wright R. How 5 Countries Could Become 14 (28 сентября 2013) // URL: <http://www.nytimes.com/interactive/2013/09/29/sunday-review/how-5-countries-could-become-14.html?gwh=FA167...>

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
БЕЗОПАСНОСТИ КЫРГЫЗСТАНА
В СВЕТЕ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА МУСУЛЬМАНСКУЮ ОБЩИНУ СТРАНЫ**

Коллективная монография

Ответственный редактор
Салиев А. Л.

Технический редактор
Кузьмина Т. А.

Подписано в печать 20.02.2020 г.
Бумага офсетная. Формат 60x84¹/₁₆
Объем 29,25 п. л. Тираж 250 экз. Заказ № 128

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 2а